

Юрий Яньшин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Второй день на царствии

Юрий Витальевич Яньшин

Второй день на царствии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70286926

SelfPub; 2024

Аннотация

Наследство, доставшееся генералу Афанасьеву от прежних властей, оставляет желать лучшего: в казне денег нет, экономика буксует, на границах неспокойно, "пятая колонна" вот-вот перейдет в атаку... Но с чего-то же надо начинать. Поэтому, засучив рукава, хунта приступает к формированию команды специалистов по разрешению кризисных ситуаций.

Содержание

Вступление	6
Глава 12	8
I	8
II	28
III	52
Глава 13	70
I	70
II	95
III	99
Глава 14	114
I	114
II	131
III	146
Глава 15	160
I	160
II	185
III	207
Глава 16	230
I	230
II	245
III	262
Глава 17	288
I	288

II	312
III	326
Глава 18	336
I	336
II	358
III	398
Глава 19	436
I	436
II	454
III	478

Юрий Яньшин

Второй день на царствии

*Моему горячо любимому вдохновителю,
Соавтору, критику и первому читателю, моей маме
– Морозовой Тамаре Павловне
посвящается*

«Величие русского царя заключается не в войнах и победах, не в богатстве и славе. Оно заключалось в служении Христу и России. России не только сегодняшней, земной и материальной, но и России духовной, вселенской, России будущего века».
Слова, приписываемые императору Николаю II

Вступление

Было уже около 11 вечера. Хоть на календаре и стояла дата, означавшая всего-навсего конец июня, на улице было темновато. Набежавшие к вечеру тучи принесли с собой не только мелко накрапывающий дождик, но и существенно сгустили сумрак. Человек средних лет возвращался домой. Настроение у него было приподнятое, хотя еще с утра он чувствовал себя, как не в своей тарелке. Человек шел бодрой походкой, насвистывая себе под нос нечто бравурное. В нагрудном кармане приятно похрустывали две плотных пачки купюр с изображением здания в стиле модерн.¹ Этот хруст внушал оптимизм и уверенность в будущее. Он не был бедным человеком, вынужденным выживать и крутиться от зарплаты до зарплаты, но лишние деньги и ему никогда не мешали. Тем более таких заданий, как накануне ему приходилось выполнять нечасто. Сначала он испугался, когда ему предложили выполнить срочное поручение, связанное с риском для жизни. Он даже стал отказываться от него, но ему быстренько напомнили его же прошлое, в котором он неоднократно выполнял подобную работу и он, еще помявшись и поупиравшись для приличия, все же согласился. Тем более гонорар обещали очень и очень хороший по нынешним кризис-

---

¹ На купюре в 500 евро изображено здание в стиле «модерн».

ным временам. И не обманули. Выдали все и сразу. После выполнения задания он весь день колесил по Москве, замечая следы и проверяя, нет ли за ним «хвоста». Но все было тихо спокойно. Москве, впавшей в транс от совершенного утром грандиозного теракта, было абсолютно не до него. И хотя почти на всех перекрестках столицы стояли усиленные бронетехникой патрули, его никто не останавливал и документов не спрашивал. А чего их спрашивать? Они были в полном порядке. Машина, правда, была не его, а приятеля, но доверенность была грамотно оформлена, и придраться тут было решительно не к чему. Он уже не раз за день хвалил себя проявленную предусмотрительность, проявившуюся в том, что на задание он поехал не на своей машине. И теперь поставив ее на стоянку, топал домой, в предвкушении теплой ванны, махрового халата и бутылочки «кьянти». До дома оставалось пройти каких-нибудь пятьдесят метров, когда войдя в арку соседнего здания, его кто-то окликнул в спину:

– Эй, мужик! А ну погодь!

Он замедлил шаг и сделал попытку обернуться. Сильный удар чего-то тяжелого и тупого швырнул его на асфальт. Он еще успел почувствовать краем уплывающего сознания, как кости черепа на затылке вмялись в кору головного мозга, унося с собой не только мечты о заслуженном после такой работы отдыхе, но и саму жизнь.

Глава 12

I

**24 июня 2020 г., (возвращаясь во вчерашний день),
Российская Федерация, арх. Новая Земля, пос. Белу-
шья.**

В эту ночь в поселке, кажется, никто и не ложился спать, включая флегматичных чукотских лаек, благо, день и ночь не сильно то и отличались друг от друга. Те, кто был непосредственно занят в эксперименте и несли положенную вахту, лихорадочно заканчивали сбор материалов по результатам крайних (здесь не принято говорить «последних») испытаний самой установки и сопутствующей ей аппаратуры для отправки на Большую Землю. Гражданские и свободные от дежурства, как наскипидаренные бегали из дома в дом, делаясь последними новостями, полученными из скурых сводок телетрансляций, повторяемых и перемежаемых нескончаемыми концертами классической музыки, призванными подчеркнуть траурные настроения в стране.

Сначала ошарашенные внезапной гибелью всего руководства, люди по всей необъятной российской земле думали, что власть опять вернется к Ведмедеву – мутному и противоречивому клевету покойного президента. Ан, не тут-то

было! После весьма затянувшейся информационной паузы, которая вот-вот грозила обрушить не только индексы завтрасных биржевых торгов, но и вовсе погрузить население всей страны в панику и анархию, народ наконец-то догадались проинформировать о текущем положении вещей. Однако и тут ясности было – воробью на один поклев. Председателем траурного комитета был назначен никому доселе неизвестный и второразрядный эмчээсовец – Нечипоренко, а с обращением к народу выступил почему-то не спикер Думы – Володихин, к которому по закону должны были перейти все полномочия вследствие устранения первых лиц, ни Председатель верхней палаты – Матвейчева, а Начальник Генерального штаба – генерал армии Афанасьев. О «сладкой парочке», как в народе называли Володихина с Матвейчевой, не было ни слуху, ни духу, как не была известна судьба и самого главного претендента на «шапку Мономаха» – Ведмедева. В атмосфере еще до вчерашних событий витало протестное настроение. И причин для его возникновения было – хоть отбавляй. Тут и протест, связанный с долгим пребыванием у руля власти одних и тех же лиц, набивших оскомину пустой болтовней с обещаниями. Масла в разгорающийся огонь добавила и скандальная пенсионная реформа. И не прошли стороной непонятные карантинные меры, запрещавшие посещать людные места, но не запрещавшие приходить на пункты голосования по неизвестным и маловразумительным поправкам к Конституции. Да много чего еще поднако-

пила власть за двадцать лет управления. Страна была, что называется «беременна» революцией, а потому, готова была уже вот-вот взорваться. И хотя взрыв произошел, в прямом смысле слова, но не тот, который все ожидали, да и не такой. Он буквально в куски разметал объект ожидаемой революции, оставив народные массы в полном и молчаливом недоумении о своей дальнейшей судьбе. Все те, против кого намечался протест – разом сгинули в пламени взрыва. Объекта недовольства не стало. И тут на экранах телевизоров появляется «комодообразный» гражданин в военной форме и ведет та-а-кие задушевные беседы, что ох и ах! Тут было, отчего чесать в затылках. К тому же речь генерала, несмотря на свою революционность, была какая-то уж больно выверенная и к месту. И неудивительно, что в головах обывателей невольно начинали закрадываться мысли о генерале Франко, Пиночете и греческой хунте «черных полковников». Ну, еще бы!? Речь Афанасьева смутила и внесла еще большую сумятицу в и так не слишком крепкие мозги, как системной, так и маргинальной оппозиции. И, правда. Мыслимое ли это дело, чтобы человек, занесенный на вершину власти, сам признался в том, что не чист на руку?! Да, николи такого не случилось. Испокон веку повелось на Руси, что каждая вновь пришедшая власть начинала дела с того, что во всех нынешних бедах и неудачах винила своих предшественников. Этот же, ненормальный, мало того, что сам признается в грехах, так еще и обещает сподвигнуть к этому спорному, со всех сто-

рон, поступку, всех своих соратников. Куда мир катится?! Не к добру все это! Не к добру!

Так, или приблизительно так рассуждало большинство обывателей от Калининграда до Находки. Но те, кто имел счастье (или несчастье) проживать в поселке Белушья имели свою точку зрения на данный вопрос. Они, пожалуй, как никто другой, напрямую зависели от политического климата, царившего на вершинах государственной власти. Сложилась довольно парадоксальная ситуация. Чем напряженней была обстановка вокруг России, тем вольготнее чувствовали себя обитатели Белушья и все те, кто был связан с ней. А все потому, что 90 % ее жителей напрямую зависели от финансирования ВПК, а остальные имели зависимость опосредованную. И не удивительно, что те несколько часов между известием о московском теракте и выступлении по телевидению генерала Афанасьева прошли куда как более нервно, чем в каком либо другом уголке необъятной страны. Все опасались возвращения к власти пролиберальных, а значит откровенно компрадорских сил, в лице какого-нибудь Ведмедева или того хуже – Чайбуса со товарищи. Вот поэтому они и бежали из дома, в дом, делясь по большей части слухами, чем реальными новостями. Однако выступление генерала Афанасьева хоть и несколько успокоило обитателей поселка, но ясности в будущее страны и ее курсе не добавило. Какой дорогой пойдет Россия? Будут ли и дальше у власти оставаться военные или только на переходный период? Что будет с за-

явленными и разрекламированными поправками к Конституции? Каким видится общественный строй новым властям? И что на самом деле означают слова генерала о попытке второй раз войти в реку времени? Пищи для размышлений обывательскому разуму было хоть отбавляй. А вот информационных подсказчиков для формирования общественного настроения как раз и не было к вящей досаде большинства жителей. В связи с объявленным трауром, разом с телеэкранов страны пропали пропагандисты-аналитики вроде Воробьева, Шейкина, Коркина и прочих обладателей второго гражданства и заграничной недвижимости. Бежать – не представлялось возможным, ибо карантинные меры перекрыли все пути для отхода. А то, что новая власть в них не слишком-то и нуждается, они поняли сразу по окончании выступления главаря хунты, иначе бы, невзирая на траур, им разрешили бы петь свои старые песни, которые уже всем порядком поднадоели, мягко говоря. И хотя они нет-нет, да говорили правду, доверия им все равно не было, потому что вся страна знала, как и каким образом оплачиваются их услуги. Если бы у того же записного внесистемного оппозиционера Анального хватило бы денег для их перекупки, то без сомнения, они пели бы совсем иные песни. Поэтому они сидели тихо по домам и ждали, когда за ними придут: не то с наручниками, не то с чемоданом наличных. Никто ничего не мог толком разъяснить, поэтому все находились словно в подвешенном состоянии.

Когда Афанасьев начал зачитывать свое обращение к народу, генерал Иванов со всеми сопровождающими его из Москвы лицами в мрачном сосредоточении обедал в гарнизонной столовой, ожидая результатов экспертизы объекта, выловленного накануне из воды. Гарнизонная столовая, по потребности – ресторан, кафе и зал для проведения свадебных торжеств или ритуальных мероприятий, была гордостью Митрича. Хоть и одноэтажное, но очень просторное и светлое помещение, со всегда чисто прибранными столами, разнообразным меню и приветливыми официантками из числа вольнонаемных, радовало глаз, ранее непривыкших к комфорту местных обитателей. Главной ее отличительной особенностью от подобных заведений казенного общепита было отсутствие граненых стаканов, оставшихся еще с советских времен, гнутых алюминиевых вилок, да толстых и неопрятных теток, стоящих на раздаче и хамящих налево и направо. В такую столовую, в которой сейчас сидел и ковырялся в шницеле Иванов, не стыдно было бы пригласить и самого президента. Мрачности обеда добавлял, по чьей-то злой иронии и показ по каналу «Россия» уже традиционно для чрезвычайных ситуаций «Лебединого озера», трансляция которого осуществлялась из громадного плазменного экрана, подвешенного почти у самого потолка. На других каналах, включая и Первый, шли передачи, записанные накануне, а потому никак не добавляли информационности. Будто кто-то нарочно убрал из сетки вещания все передачи по-

литической направленности. Новостной блок, повторяемый ежечасно уже набил оскомину своими повторами утренней трагедии. Кто-то из доброхотов, пытался было переключиться с балета на что-то более содержательное, но генерал только тряс головой, решительно возражая, потому что он всем своим многоопытным седалищем чувствовал, что этого делать, никак не следует. Так бы и закончился обед под аккомпанемент финального крещендо, если бы балет внезапно не прервался текстовой заставкой, призывавшей прослушать «важное сообщение». Аппетита у Иванова и до этого не было, а сейчас он вообще забыл о том, что шницель с гарниром безнадежно остывают. На голубом глазу телеэкрана он с глухой обреченностью готов был увидеть кого угодно, вплоть до мэра Москвы Себейкина по кличке «Оленевод», влияние которого на внутреннюю обстановку в стране постоянно росло. Но то, что с обращением к народу выступит Начальник Генерального штаба – личность насколько было известно самому Иванову, крайне аполитичная, он и представить себе был не в силах. Все, кто в это время находился в зале столовой, начиная от московского генерала со всей своей немалой свитой и кончая посудомойками, высунувшимися из кухни, замерли, ловя каждое слово своего будущего, а в этом не было никаких сомнений, правителя. И если в начале выступления лица у присутствующих имели одинаковое выражение – смесь скорби и озадаченности, то уже к концу наметился явный разлад в выражениях лиц.

Меньшая часть присутствующих, среди которых превалировало число гражданских и вольнонаемных, так и застыла с недоумением и растерянностью, ибо плохо представляла себе свое существование в рамках «военного режима», а все говорило, как раз за данную форму правления. У большей же части людей, слушавших обращение, состоящей в основном из военных, наоборот выражение растерянности медленно, но верно уступало заинтересованности и проблескам робкой надежды. Эту группу, без сомнения возглавлял сам генерал Иванов. Он уже не ковырялся вяло в своей тарелке, а сидел, вольно откинувшись на спинку стула, сложив руки на груди, и его лицо, до сих пор носившее отпечаток угрюмой сосредоточенности, явно начинало оттаивать и принимать благообразные черты. И если оно еще не сияло от радости, как только что начищенный самовар, то уж во всяком случае, не собиралось предаваться растерянности и унынию. Он достаточно неплохо знал оратора. Ему довольно часто приходилось встречаться с ним на коллегиях, где по результатам военной экспертизы, которую он – Иванов нередко возглавлял, решалась судьба того или иного образца нового вооружения. По мнению военного эксперта, Афанасьев, хоть и принадлежал к славной плеяде танкистов, однако не слыл, как большинство из них, завзятым ретроградом и не чурался внедрению новшеств в боевое оснащение армии и флота. Это вселяло определенные надежды на то, что он и дальше не изменит своей проторенной колее, а значит, есть все основа-

ния считать, что и последнее изделие, которое они сейчас испытывают, найдет свою сферу применения. А судя по тому, что об этом оружии рассказывал Вострецов, оно вообще грозило перейти в область прорывных разработок, призванных в недалеком будущем реформатировать все мировое сообщество. Иванов, слушая Начальника Генштаба, мысленно примерял к должности Главы Высшего Военного Совета, о которой тот сообщил по ходу выступления, кого-нибудь еще из числа высшего состава генералитета, и раз за разом, к своему удивлению, приходил к выводу о правильности кем-то сделанного выбора в пользу именно кандидатуры Афанасьева. Он понимал, что с приходом к власти Афанасьева и тех, кто, безусловно, составит костяк его будущей команды, у Вострецова с Боголюбовым появится более чем реальный шанс не только на принятие со временем на вооружение данную установку, но и существенное продвижение в деле ее дальнейшей модернизации и адаптации к различным условиям применения. А значит, он – Иванов, был абсолютно прав, заявляя, что ему нужно, как можно быстрее, попасть в столицу и уже там – на месте продвигать идеи этих двух ученых, на всех уровнях власти. Потому что врагам, как, оказалось, надоело топтаться на одном месте, и они уже перешли к активным действиям в глобальном споре о том кому выжить, в конце концов, а кому кануть в небытие. А противостоять этому напору с набором добротного, но уже стремительно устаревающего вооружения уже не представляется возмож-

ным. Выступление Афанасьева закончилось, зато вокруг генерала закипели страсти среди членов его комиссии. Одни сомневались в способности генералов навести должный порядок в стране, другие же, напротив, уповали на «сильную армейскую руку», которая, по их мнению, единственная, кто действительно еще не растеряла вконец остатки своего авторитета в глазах народа. И те и другие апеллировали к мнению бывалого генерала, но тот только загадочно улыбался своим мыслям, казалось, не принимая во внимание мнение ни одной из спорящих сторон.

В этой позе и с этим джокондовским выражением на лице его и застал Митрич, ввалившийся прямо в обеденный зал в пальто и галошах на валенках (по причине лета), чего не позволял себе никогда, даже в состоянии полного «нестояния».

– Слыхали, Владимир Всеволодович!? – обратился он совсем не по-уставному к Иванову, кивая на экран, где опять показывали балет.

– Только что, – коротко кивнул генерал, не размыкая скрещенных на груди рук.

– Что скажете? Вы ведь там наверху знаете гораздо больше, чем мы здесь в своем медвежьем углу. Что за человек – Начальник Генштаба? Вы-то ведь наверняка общались с ним?! Что нам от него ждать? Я ить не из праздного любопытства спрашиваю. Нам здесь жить. А уж как жить, это вон от него и будет теперь зависеть.

Полковник Виттель, которого Иванов, по долгу службы,

знал уже не один десяток лет, был не тем человеком, перед которым хотелось надуваться спесью от своей мнимой значимости. Да и слухи о влиятельности полковника, несмотря на всю его дремучую внешность, ходили самые разнообразные. За обеденным столиком их было всего двое, никто не мог помешать их откровенной беседе. Поэтому Иванов не стал чиниться, а расцепив руки, просто сложил локти на чистую скатерть, отодвинув недоеденное, и оперев подбородок на сцепленные пальцы, начал вполголоса:

– Знаешь что, Михал Дмитрич? – тут он слегка призадумался, явно подбирая слова. – Я ведь, откровенно говоря, никак не думал, что власть в стране возглавит именно Афанасьев. По всем критериям он никак не подходил к этой должности. Я до этого его выступления все прикидывал, кто бы мог быть на этом посту. Ну не подходил он ни с какого бока, и все тут. Образован – не спорю, но безынициативен. Пунктуален и исполнительен, но нерешителен. Я помню, как на коллегии по вооружениям он не смог отстоять многие образцы, готовые к принятию на вооружение. И хотя он неплохо спланировал операцию по возврату Крыма, за которую, кстати, получил награду совсем другой, ныне уже покойный персонаж, не будем называть его фамилию, ибо о покойных или хорошо или – никак, но на этом месте гораздо лучше выглядел бы...

– Рудов! – воскликнул, перебивая его полковник.

– Да. Все говорило именно в его пользу, – согласился Ива-

нов, нисколько не удивившись сходству своих мыслей с полковничьими. – Образован, умен, находчив, горяч в суждениях и оценках, не спорю, но одновременно и дисциплинирован. Все помнят, что именно он принимал участие в разработке марш-броска 52-й армии через Рокский тоннель в 2008-м. Он же руководил непосредственно операцией по возврату Крыма. И именно под его руководством были разработаны оперативные планы по вводу войск в Сирию. Причем последние две операции были настолько хорошо спланированы и реализованы, относительно продуманности в логистике и отвлечению внимания вероятного противника, что тот и ахнуть не успел, а не то, что среагировать. Это благодаря ему, наши «друзья» из НАТО сейчас спешно переписывают учебники по тактике десантных операций.

– Но по неизвестной нам причине, наверху произошла рокировка. Видимо, именно с этим и связана задержка с обращением к народу, – задумчиво пожевав губами почти беззубого (что вы хотите от Севера?) рта, проговорил Михаил Дмитриевич.

– Вполне возможно, – покивал головой генерал и продолжил. – Тем не менее, что есть, то есть. Данность именно такова. Но после его выступления, я, пожалуй, изменю, свое первоначальное мнение о нем. Наиболее удачно его могла бы охарактеризовать фраза «с плеча не рубит, но и Америку не открывает». Хотя, может быть именно такой человек и нужен на этом беспокойном месте? Не знаю. То, что Рудов на

своём законном месте – месте будущего полководца, сомнений не вызывает. И как бы он показал себя со своим взрывным характером на месте президента – еще тот вопрос. А вот насчет Афанасьева, то я вам скажу так, он меня просто удивил. Даже не так, а с большой буквы – УДИВИЛ. А удивить, как вы знаете из поучений Суворова – значит победить.

Иванов, не торопясь, явно испытывая терпение бородатого полковника и смакуя вид его нетерпеливого ерзанья, взял стакан, с уже давно холодным чаем, мелкими глоточками отхлебнул изрядную порцию – по-русски, не вынимая лимона и чайной ложки, а затем продолжил еще более тихим голосом:

– Я внимательно наблюдал за лицами присутствующих в этом зале во время его выступления. Есть у меня такая привычка – вертеть головой в разные стороны, чтобы ориентироваться во мнениях. Уж извиняйте, ничего не поделаешь – карьерные соображения.

Виттель только крикнул и отмахнулся, как от ничего не значащего в данной ситуации.

– Да. Так вот, возвращаясь от отступления... Смотрю на них и вижу, что почти никто не понимает того, что на САМОМ ДЕЛЕ, – последние слова генерал особо выделил, – он говорил.

– Хм-м, – огладил озадаченно Митрич свою бородищу, – видимо я тоже отношусь к их числу. Ну, так потому и при-

шел к вам, а не к своему замполиту,² который мало того, что молокосос, так еще и дурак, прости Господи.

– Все акцентировали свое внимание, – меж тем продолжал полусшепотом Иванов, – на его угрозах в адрес террористов и их хозяев, на нудном перечислении тривиальных составляющих режима чрезвычайного положения, тоже с угрозами и карами за нарушение. Наконец, сенсационно прозвучало для обывателя и никем доселе непроезжимая покаянная речь, которая, без сомнений была призвана сплотить вокруг себя простых сограждан, и скорее всего это и проделала. И никто. Я могу вас уверить с полной ответственностью, НИКТО не понял основной подоплеку выступления...

– Ну-ну! – подстегнул его Митрич, когда тот сделал очередную паузу.

– А он открытым текстом, правда, петитом³ – шрифтом, используемым злыми банкирами для добавления в договор о банковском кредитовании дополнительных условий, сообщил о развороте государственной машины на 180°.

– Куда?! – вырвался невольно вопрос из уст ошарашенного полковника.

– Куда-куда, – несколько ворчливо передразнил его генерал, – к строительству коммунизма, конечно.

---

² Тут полковник употребил название уже давно упраздненной должности. В настоящее время, в Российской Армии эту функцию выполняет заместитель командира по воспитательной части личного состава.

³ Мелкий типографский шрифт, используемый для набора подрисуночных подписей, сносок, аннотаций, таблиц, формул.

– Слава тебе, Господи! Услыхал молитвы, нас, грешных! – просяив лицом, закрестился старик, не понимая, как противоречиво выглядит со стороны православная радость от ожидания коммунизма. – Да, неужто?!

– Представьте себе. Никак иначе фразу о втором шансе и проклятии преданных нами предков я трактовать не могу.

– Это же тогда совсем другой коленкор, дорогой мой Владимир Всеволодович! – чуть не бросился к нему в объятия потомок европейских королей.

– Оно, конечно, все так, – прокряхтел Иванов, вновь откидываясь на спинку стула и складывая пальцы в замок на объемном своем животике. – И я перед лицом своих сопровождающих, – шевельнул он бровями, в сторону сидевших за соседними столиками, – обязан всем своим видом выражать оптимизм. Да вот только прежнего президента ухлопали сегодня за куда менее радикальные поползновения. А ведь он не покушался на основы государства, просто хотел слегка его реформировать, угождая при этом, всем кто справа и слева.

– То есть, вы хотите сказать, что его ждет та же самая участь в недалеком будущем?! – с испугом спросил Митрич. Выражение испуга на лице заматеревшего в медвежьей берлоге полковника тоже бросалось в глаза своим противоречием.

– Боюсь, Михал Дмитрич, что участь эта теперь будет грозить не только ему, но и всем нам.

– Это вы про залужных супостатов изволили выразиться?

Ну, так мы уже как-то сжились с этой перманентной угрозой, – пренебрежительно хмыкнул Виттель, хоть и слышавший утром лекцию, произнесенную в бункере Вострецовым, но так до конца и не поверивший его предостережениям насчет методов устранения конкурентов западными спецслужбами. – К тому же, судя по отсутствию продолжения, которое могло бы вылиться в военный конфликт между сверхдержавами, это дело рук местной оппозиции.

– Не уверен. Это могла быть просто некая рассогласованность действий между внешними и внутренними силами, поэтому я бы не стал разделять ваш оптимизм на данный счет, – возразил Иванов. – С учетом успешности проведенных утром испытаний установки, которая в корне может изменить мировой расклад глобальных игроков, дело может принять совсем уж дурной для всех нас оборот. Мало того, что как изволил выразиться наш уважаемый академик, что-де нет таких средств и методов, которыми погнушались бы наши враги, дабы уничтожить нашу установку вместе с персоналом, так еще и речь нового правителя должна придать им дополнительный толчок к радикальному решению «русского вопроса».

– Я, конечно, со своей стороны, сразу же усилил охрану и призвал к повышенной бдительности, но вы всерьез полагаете, что они могут решиться на это безумие?!

– Я полагаю, что у них просто нет иного выхода, – с апломбом заявил генерал. – На их месте, я бы поторопился с устра-

нением всеми доступными методами любых реальных угроз своему существованию.

– Но ведь, это же – Третья Мировая война!

– С чего вы взяли?! – удивленно воззрился на него Иванов. – Нисколько не война, и уж тем более – никакая не Мировая. Просто локальная операция. Возможно с привлечением наемников для десантирования на местности и тотальной зачистки территории. Но скорее всего, это будет – тактический ядерный заряд, килотонн этак на 15–20. Так и скажут: «Летел самолет. Уронил. Случайно. Просим великодушно извинить. Готовы на любую разумную компенсацию. Тем более, господа русские, вы сами говорили, что у вас там ничего такого нет, и не предвидится» кроме РЛС.

– А сами вы, что скажете? – как-то сразу сник Митрич.

Иванов поерзал на стуле, кряхтя по-стариковски, а затем через минуту после глубокомысленного молчания выдал:

– Завтра с утра мы вылетаем на материк. Буду лбом таранить министерские двери на предмет ускорения принятия установки на вооружение, – пожал плечами генерал, а затем, пожевав губами, добавил, – Это, конечно не мое дело... И вы уж простите меня за то, что влезаю в вашу личную жизнь, но вы как-то говорили, что ваша супруга проживает здесь с вами, не так ли?

– Ну да, говорил, – вскинул кустистые седые брови Митрич.

– У меня имеется в салоне самолета несколько свободных

мест, – туманно заявил Иванов, глядя Митричу прямо в переносицу.

– И?! – окончательно обалдел Митрич.

– Я был бы рад видеть вашу супругу в числе своих попутчиков до столицы, – четко выговаривая слова, произнес генерал. – Извините еще раз, но больше я ничем, к сожалению, не могу вам помочь.

– Неужели все так фатально?!

– Увы, мой друг, но жизненный опыт подсказывает, что представленный мною сценарий дальнейшего развития обстановки, более чем вероятен, – не меняя позы, проговорил Иванов. – Мы с вами связаны присягой, но за что должны страдать наши родные и близкие?

– Да-да, Владимир Всеволодович, я вам чрезвычайно благодарен за заботу и откровенность, а потому обязательно переговорю сегодня с супругой на эту тему, – сказал, совсем уже нахохлившийся полковник. До него только сейчас стала доходить реальность угрозы уничтожения не только установки и его самого, как одну из ключевых фигур обслуживающего персонала, но и своей жены, в которой, чего уж греха таить, он души не чаял, особенно после ее возвращения. Мысль о том, что в предсказанном инциденте могут пострадать гражданские лица (к своей смерти он всегда был готов), казалась для его рыцарской души, совершенно уж несообразной и дикой.

– Что же касается непосредственно вас, Михал Дмитрич,

не в моих правилах заниматься поучениями, ибо умного учить – только портить, но пользуясь своим старшинством по званию, все же рискну посоветовать... – сделал он паузу в ожидании ответной реакции со стороны Виттеля.

– Да-да, я весь – внимание, Владимир Всеволодович! – нисколько не обиделся полковник.

– У меня нет абсолютно никаких оснований сомневаться в вашей компетенции, как начальника гарнизона и фактического главы населенного пункта. И я уверен, что в плане охраны, как самого объекта, так и всей прилегающей к нему территории, включая населенный пункт, вами приняты все полагающиеся меры. Но я взял бы на себя смелость рекомендовать вам организацию персональной охраны для носителя государственной тайны высшей категории.

– Вы имеете в виду...

– Да. Так как академик Вострецов завтра утром вылетает вместе со мной, то здесь остается его соратник – Боголюбов, а это величина никак не меньшая, чем сам академик, а по некоторым параметрам – даже бóльшая. Ведь по сути, то, что испытывалось сегодня, по своему значению, которое еще не все осознали, слава Богу, далеко превосходит даже запуск первого искусственного спутника Земли. К двум китам российской оборонной науки – Курчатову и Королеву, незаметно добавился и третий. Тандем – Вострецова и Боголюбова. По большому счету, их бы обоих следовало эвакуировать незамедлительно, но они сами меж собой догово-

рились о том кто останется доводить до ума установку и собирать второй – мобильный экземпляр, а кто поедет вместе со мной штурмовать бюрократические форты Управления военно-технического обеспечения Вооруженных Сил. Этот факт меня больше всего и беспокоит в данный отрезок времени.

– Я понимаю вас, Владимир Всеволодович, и со своей стороны, приложу все надлежащие усилия к обеспечению безопасности товарища Боголюбова, – кивнул он генералу. – А вы считаете, что у нас завелся «крот»?

– Ну, завелся он там или не завелся – не будем гадать. Лучше всего – исходить из позиции, что он имеется. На всякий случай.

– Хорошо, – поднялся полковник во весь свой немалый рост, который вкупе с его знаменитой бородищей делал его похожим на одного из былинных героев русского эпоса, – я приму все надлежащие меры, – сказал он, козырнув генералу, и вышел из зала на своих полутора ногах.

II

Выйдя из столовой, Митрич расстегнул форменное пальто (зимой-то не возбранялось в нарушение Устава носить полушубок). Припекало. По ощущениям его старого, хотя и все еще мощного тела, на улице было чуть выше нуля по Цельсию, что по местным меркам означало жару. Разговор с генералом Ивановым внес смятение в доселе безмятежную душу полковника. На свежем воздухе нужно было еще раз все, как следует обдумать. В это время года сильных ветров, как правило, не бывает, а свежий ветерок, дующий в сторону поселка со стороны залива, приятно щекотал ноздри своей чуть солоноватой свежестью. Крякнув и высморкавшись в остатки талого снега, он решил обойти расставленные им дополнительные посты и «секреты» усиленного состава по результатам объявленной утром тревоги. И хотя ожидания внезапного нападения не оправдались, бдительность терять не следовало, тем более Иванов (башка!) предупредил, что провокации не исключены, и даже более того, наиболее вероятны, причем, в ближайшее время. Это давало обширную пищу для старческих размышлений. На дворе уже двадцать лет как стоял XXI век и шагнувшие вперед технологии вполне себе позволяли осуществлять контроль над всей территорией бывшего ядерного полигона, а ныне опытной площадке по отработке новых методов ведения боевых действий, си-

дя в мягком и теплом кресле операторской. Но Митрич всегда слыл отчаянным ретроградом, а потому никогда до конца не доверял технике, со своей крестьянской хитринкой, выработанной десятилетиями, полагая, что хозяйский догляд за всем происходящим надежнее любой, даже самой «навороченной» аппаратуры.

Битой и траченной молью своей шкурой он осознавал правоту московского гостя и вместе с ней ожидал чего-то грозного и малопонятного, но в любом случае, ставящего жирную точку на его и так не сложившейся карьере. Годы были уже не те. Жизнь стремительно клонилась к своему естественному закату. Он это как-то сразу осознал для себя сегодня, после утреннего инцидента с этим недоноском из ведения Уржумцева. Как, бишь, его фамилия? А, впрочем, какая разница уж теперь? Случись это лет хотя бы с десятков назад, он просто размазал этого наглеца, и вся недолга. А теперь его запала всего то и хватило на то, чтобы надавать тому увесистых оплеух, после которых еще долго не мог унять дрожавших рук. Может все-таки послушать свою ненаглядную шестипудовую «половину», да и подать в отставку? Супруга, носящая кондовое имя – Серафима Фроловна, хоть и вернулась к нему после более чем десятилетней разлуки, нет-нет да заводила свои «старые песни о главном». А, как известно, нет ничего более действенного для убеждения законченного упряма, как «ночная кукушка», которая рано или поздно, но перекукует дневную – служебную. Нет, ну а

что? Цenz уже давным-давно выслужен. Дети возмужали без отцовского догляда, а теперь вот и внуки оканчивают школу, видя дедушку только в редкие его приезды в отпуск, а там, глядишь, и правнуки пойдут. Нехорошо-с. Кости по ночам ломит – спасу нет. Даже давно ампутированная нога и та болит, хоть и нет ее уже почти три десятка лет. А солнышко в летнее время, хоть и стоит высоко над горизонтом, но не греет. И чует он от того постоянную зябкость, чего не случилось с ним прежде. Нет. Пора, пора перебираться в среднюю полосу – к детям, внукам и Фима, безусловно, права, когда по вечерам начинает «клевать» его уже и без того обширную лысину. Хотя... С другой стороны... Пятьдесят с лишком лет в строю – не фунт изюма. Это, пожалуй, будет поболее, чем у графа Игнатьева.⁴ Вот так вот все взять и бросить? Пятьдесят лет службы, более сорока лет, из которых он провел здесь – среди диких скал и белого полярного безмолвия, часто прерываемого жестокими порывами ветра с румбов норд-оста. Да, карьера не сложилась. На заре юности мечтал о славе своих кумиров – Жукова, Рокоссовского и Конева, чьи фотографии висели в изголовье его узенькой курсантской кровати, застеленной куцым байковым одеяльцем. А вместо маршальских регалий – скромные полковничьи погоны без всяких дальнейших перспектив.

С другой стороны, он уже всей душой прикипел к этим су-

---

⁴ «Пятьдесят лет в строю» – автобиографическая книга написанная графом А.А. Игнатьевым – одним из авторов советского Устава Вооруженных Сил.

ровым местам, где ему были знакомы не то, что каждая тропка, но даже каждый камень в округе. Он пользуется реальным, а не мнимым авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Его уважают и прислушиваются ученые, с некоторых пор весьма существенно разбавившие собой военных. Да и начальство, в своих посланиях всегда с пиететом отзывается о его заслугах перед страной. И хотя в звании его регулярно обходят, но то материальное содержание, которое с некоторых пор превратилось в полноводную реку, весьма неплохо скрашивало его карьерную обиду. А это по нынешним кризисным временам стоило дорогого. Да и внуки, что те галчата, с постоянно открытыми ртами, требовали своей доли от материальных щедрот Министерства обороны. И любимый дедушка никогда не отказывал им ни в новых планшетах, ни в айфонах, набравших в последнее время необычайную популярность среди молодежи. А уйди он сейчас в отставку, хоть и с хорошим пенсионом, разве сможет он в прежнем объеме оказывать им помощь? Нет, конечно.

О том, что он – прямой наследник баварских королей, основная ветвь которых прервалась в первой трети XX века, находящийся в родстве почти со всеми аристократическими домами Европы и имеющий право смело претендовать сразу на семь корон европейских монархов, даже и думать не хотелось. В самом начале пресловутых 90-х, кое-кем почитаемых за «святые годы», мать их ети, была реальная возможность эмигрировать, или, по крайней мере, с комфор-

том обустроиться в новых политико-экономических реалиях. Неведомо, каким кружным путем ему сюда – в закрытый от всех глаз «медвежий угол» доставили письмо от черте знат какого-юродного брата, носящего титул наследного принца Пруссии и сочлененного, как гусеница имени – Георг Фридрих Фердинанд. В пространным письме, тот довольно прозрачно намекал, что он, негласный глава всех германцев, магнат, крупнейший акционер и постоянный член Совета Директоров многих немецких концернов, включая «Фарбен Индустри» «Рейнметалл» и «Даймлер-Бенц» с нескрываемой радостью готов видеть на посту законного представителя бизнес-интересов объединенной ныне Германии, в постперестроечной России, своего дорогого и многоуважаемого брата – Михаэля. А родовой замок Лёвенштайн, недавно отреставрированный, находящийся вроде бы под Мюнхеном, ждет не дождется своего наследного хозяина, застрявшего где-то на бескрайних просторах Сибири по непонятным для всех причинам. Откушав литровку «первача» собственной выгонки (с доставкой настоящей водки были проблемы), Митрич в ответном письме кузену, в достаточно недипломатичной форме указал на то, что он в отличие от своего германского родственничка свято блюдет заветы первого, из славного рода Виттельсбахов – рыцаря Гроба Господня, завещавшего своим потомкам служение с мечом в руках своей Родине и Христу, а не посредством манипуляций с ценными бумагами. На этом, начавшаяся было переписка,

и завершилась, к вящему неудовольствию супруги, находящейся к тому времени в Воронеже у детей и непонятно как узнавшей о письме немецкого родственника. Ей же он ответил, чуть ли не матом, что если она со своим не слишком-то арийским профилем, мечтает поместить свое обширное сидалище на троне королей Баварии и Пфальца, то он нисколько ей не препятствует в ее искреннем желании пополнить собой тевтонскую аристократию. Но тогда она – «выдра старая», пусть даже и не надеется на его денежное содержание, которое он ей высылает при каждой удобной okazji, по мере поступлений из казны, ибо он – русский офицер, а потому не намерен кормить за свой счет всяких там колбасников. К тому же он, в свою очередь, «мужчина еще видный и в самом соку» в любой момент не против того, чтобы привести в свою вынужденно холостяцкую берлогу, по выбору одну из местных жительниц, что и так беспрестанно атакуют его на предмет сожительства. И он не идет им навстречу, исключительно из чувства офицерской чести и супружеского долга, о котором она – «курица мокрая» уже основательно подзабыла. Всерьез напуганная таким возможным оборотом дела, «старая выдра», она же «мокрая курица» быстренько заткнулась, глубоко запрятав свои аристократические вожеления. И еще немного поворчав, для приличия, успокоилась, здраво рассудив, что синица в руке, в виде денежного аттестата мужа – предмет более реальный, нежели призрачный журавль в небе, осиянный королевскими регалиями.

Так, или примерно так рассуждал он, бодро ковыляя, при обходе, как тот Мороз-Красный Нос, своих владений. Хозяйство было обширным. Почти двадцать квадратных километров самого полигона, включая поселок с портовыми сооружениями и объекты военного назначения. И это только на поверхности. То, что пряталось от недоброжелательных глаз в выработках скальных пород и уходило глубоко под землю, прорастая как щупальцами галереями, на сотни метров расходящимися в стороны, было отдельным разговором. Уже с начала нулевых под его непосредственным командованием находился не тот жалкий усиленный взвод охраны, состоящий из недокормленных срочников, а почитай целый батальон внешней и внутренней охраны, оснащенный по последнему слову техники всем необходимым. К этому надо было прибавить еще отдельный саперный батальон майора Зуева, который тоже входил в его непосредственное подчинение. Сам-то майор уже давно получив звание подполковника ушел в отставку, но название «зуевский» за батальоном так и закрепилось. Плюс команда базового тральщика «Герман Угрюмов», хоть и имела своего командира из флотских, а все ж таки тоже подчинялась формально коменданту гарнизона, как команда судна охранного предназначения. А если к этому списку присовокупить еще и ребят из контрразведки, которые тоже в некоторой степени подчинялись и ему тоже, то выходило на поверку, что он – полковник Михаил Дмитриевич Виттель имеет в своем распоряжении почти что

целый полк. Ну а с учетом всех гражданских лиц – вообще получалась без малого целая дивизия с хорошо развитой инфраструктурой. Он уже второй раз за день устраивал этот обход, проверяя караулы и скрытые огневые точки, где были рассредоточены на случай внезапного нападения бойцы части гарнизона. Он подходил к ним. Кого-то, ободряя, кого-то строжа за нерадивость и отсутствие должной скрытности. Ему задавали вопросы по текущей обстановке. Он отвечал, стараясь быть честным в своих ответах. Как мог, старался объяснить непростое и тревожное положение в стране и опасения связанные с ним. Ему верили. Заходил в казематы и подземные переходы, соединяющие ДЗОТы.⁵ Ходил, обходил, не оставляя при этом своих тяжких дум.

Он уже заканчивал свой обход, когда за этими своими думами совсем потерял бдительность, а потому не сразу заметил, как тропинку, выющуюся меж скал и нагромождения каменных валунов, ему заступила громадная и матерая белая медведица с медвежонком, шустро перебирающим своими лапами позади матери, но, не отставая от нее. Еще совсем недавно выбравшаяся из берлоги, где она родила своего малыша в самом разгаре новоземельских морозов, а значит отощавшая за время многомесячного вынужденного поста, медведица выглядела, несмотря на свою худобу, очень устрашающе – свалывшаяся и висящая грязными сосульками когда-то белая, а теперь желтоватая обвисшая шкура, вы-

---

⁵ Долговременная замаскированная огневая точка.

глядела неопрятной и мерзкой. Митрич вот уже сорок лет наблюдал за медведями весенней порой, но таких безобразно худых, как эта, видел впервые. Весенние медведи, а по меркам средней полосы, конец июня в этих широтах вполне можно было отнести к марту, были крайне опасны. А медведицы с потомством – опасны во стократ, так как за время нахождения их в берлоге, родившиеся медвежата, кормящиеся исключительно материнским молоком, «выдаивали» мамашу почти досуха. У этой, к счастью, был только один малыш, но и он, как было видно невооруженным взглядом, постарался как можно основательнее лишить родительницу остатков жировых отложений. Зато сам он выглядел аккуратным и белым колобочком, вполне довольным жизнью, что положительно характеризовало его мать как ответственную и до крайности самоотверженную особу. Подтянутое почти до самых ребер брюхо с отставшей от голода шкурой, мощные, но худые лапы, так что видны были когти, маленькие, налитые кровью и одновременно гноящиеся глазки и нервно подергивающийся в поисках хоть чего-нибудь съестного нос, выглядели отталкивающе и жутко. Не спеша, она сама стала подходить к неосторожному человеку. Это была его старая знакомая. Он ее сразу узнал, не смотря на перемены в ее внешнем виде. Узнал, скорее по особой, чуть прихрамывающей походке, из-за которой она раскачивалась при ходьбе, как пьяный матрос по палубе корабля в штормовую погоду. Лет десять назад, когда она была еще молодой и неопытной

охотницей, ей не повезло нарваться на матерого моржа, который не только смог дать ей достойный отпор, но и сильно повредил своими клыками одну из ее задних лап. Эта хромота и роднила их – человека и зверя. Он тоже при ходьбе раскачивался и если был к тому же пьян, то и размахивал нелепо руками, для равновесия, как ему думалось. Они иногда встречались друг с другом и даже один на один. Правда, то были встречи на куда большем расстоянии друг от друга, и она никогда не подходила к нему так близко, да еще и с малышом. И во всех прежних их встречах она всегда ему уступала дорогу, хотя и с явной неохотой. Но то было раньше. Сейчас был совсем другой случай. Ей отступить не позволял голод и материнский инстинкт. А ему человеческая гордость, увечье и усталость от долгой и трудной жизни. Она остановилась в десяти шагах от него, поводя своим черным носом и слегка скалясь. Как на грех, по своей извечной привычке, он и на этот раз не взял с собой никакого оружия. Даже старенький, как и он сам «макарыч»⁶ покоился в верхнем ящике, запертом на ключ, письменного стола в здании комендатуры. Впрочем, ПМ против медведя, это все равно, что пригласительный билет на детский утренник для маньяка-педофила. Шкура у медведя толстая и многослойная, что тебе бронезилет из кевлара,⁷ а скошенная вперед морда, как

---

⁶ В просторечье 8-зарядный 9 мм. пистолет Макарова образца 1951 г.

⁷ Пара-арамидный материал, свойства которого делают его пригодным для изготовления средств индивидуальной бронезащиты.

бронеплита танка под углом к летящему снаряду. Мягкие пули того же «макарыча» просто срикошетят от нее. Чисто механически – из презрения к самой смерти, полковник сунул руки в карманы.

Оп-па!

В правом кармане нащупал универсальный складной нож – всегдашний атрибут разведчика в тылу врага и опытного туриста. Там тебе и лезвие, и штопор, и шило с двоезубой вилкой, и открывашка для пробок, и консервный нож. Лезвие-то, пожалуй, так себе – курам на смех, всего в ладонь длины. От перочинного ножа его отличали только более качественная сталь, да лезвие ножа, выглядевшее хоть и мало-ватым, но все же не таким смешным. Зато в левом кармане оказалась банка сгущенного молока, неизвестно, как и по каким причинам, попавшая в карман пальто, не иначе как по промыслу Божьему. Это было если и не спасение, то уж во всяком случае – неплохой шанс на него. Стараясь не делать резких движений, он одной рукой вытащил банку с бело-голубой этикеткой, а другой – универсальный нож. Все также – не спеша вскрыл жестянку, под которой оказалась густая желтоватая и чрезвычайно ароматная масса. Голодный, а от того и еще более чуткий нос медведицы сразу учуял этот новый манящий запах. Она с шумом втянула воздух трепещущими ноздрями. Глухо заворчав и пригнув голову, неуверенно заковыляла, слегка подволакивая левую заднюю ногу, навстречу дурманящему запаху. Она, может быть, и не реши-

лась подойти к нему, но от этого долговязого двуногого исходил уже знакомый ей не первый год запах, да и голод, буквально выворачивал ее желудок наизнанку. Несостоявшийся баварский король сделал неуклюжую попытку присесть на корточки, чтобы зверю было удобнее ловить запах, не поднимая высоко голову. Подойдя почти вплотную к Митричу, она оглянулась, ища глазами замешкавшегося где-то отпрыска. Найдя того, резво перебирающего лапами, слегка рыкнула предостерегающе, чтобы близко не подходил, потому что, как ей рассказывала в свое время мать, а со временем и она сама узнала, что нет на свете существа коварнее, чем это двуногое от которого всегда пахло железом и костром. Однако, сама она уже была не в силах справиться с соблазном, доносившемся из верхних лап двуногого. Последний раз с шумом втянув в себя воздух, она осторожно, то и дело косясь на Его Величество, опустила морду к самому краю банки и высунув фиолетовый язык, погрузило его в желтоватую массу. Уже через несколько секунд, она урчанием, как собака лакала сгущенку быстрыми и резкими движениями языка. Человек, сверху, что-то там приговаривал, явно ободряющее, но она не обращала на его слова никакого внимания. Медвежонок, тоже учуявший сладкий аромат, пытался вклиниться и даже встать на задние лапы, но мамаша довольно бесцеремонно отпихнула свое чадо, игнорируя его обиженные взвизги. Что одна маленькая баночка сгущенки для отощавшей от голода медведицы? Да нет ничего. Даже на один зуб, и то маловато

будет. Внимательно разглядывая зверя, в те немногие секунды, что тот досуха облизывал изнутри банку, он понял, почему медведица выглядела аномально истощенной. Нынешняя зима, не в пример предыдущим пришла гораздо раньше, чем ожидалось по прогнозам, поэтому медведице пришлось залечь в берлогу, не успев нагулять, как следует жировых отложений. И весна «подгадила» – пришла раньше, чем обычно. Любимое лакомство белых медведей – моржи, загодя почуяв скорый приход весеннего тепла, тоже постарались пораньше вывести свое потомство, поэтому обычно флегматичные они, к пробуждению медведицы сделались агрессивными в защите своего молодняка от ослабевшей от голода хищницы. Полутораметровые клыки матерых самцов яростно высекающих искры от их ударов о прибрежную гальку, недвусмысленно давали понять о безнадежности безнаказанного нападения на свой молодняк и кормящих самок. К тому же медведица опасалась и встречи со своими сородичами, которые, как и она кружили вокруг лежбищ моржей в надежде поживиться каким-нибудь молодым растяпой, еще не отрастившим клыков достаточного размера. А встреча с голодным и злым медведем, который и в прежние-то времена частенько занимался поеданием молодняка собственного вида, не сулила ослабевшей мамаше ничего хорошего. Митрич понял, что, в принципе, медведица обречена. Ей грозило либо пасть жертвой крупного самца, не исключено, что даже собственного мужа, либо просто умереть от голодной

смерти. Несмотря на всю свою кажущуюся воинственность и тридцать поколений королевских предков, Митрич обладал сентиментальностью русского «деда Мазая». Глядя в отчаянные и безнадежные глаза медведицы, ему почему-то показалось, что она – это и есть Россия. Вернее ее живое олицетворение – голодное и изможденное, оболганное купленными политологами, затравленное экспериментами над собой, уже никому и ничему не верящее, а потому обозленное на себя и на весь белый свет. А еще ему почуялось каким-то шестым чувством, что спаси он сейчас эту бедолагу с ребенком, то и Россия каким-то неведомым чудом тоже спасется, а значит теперь все дело в нем самом. И это ему, и только ему – Его Величеству, королю семи европейских королевств, а заодно уж и Царю природы нужно было принимать какое-то решение. Причем, нетривиальное.

Быстро покончив с содержимым жестяной банки, медведица подняла голову и уставилась на полковника своими маленькими злыми и слезящимися от гноя глазками. Решение созрело мгновенно. Выпустив из рук, тут же куда-то откатившуюся банку, Митрич спокойным, но уверенным голосом проговорил, нисколько не сомневаясь, что будет понят слушательницей:

– Вот что я тебе скажу, мать, – жестко резюмировал он положение, сложившееся вокруг нее. – Еще пара-тройка деньков и ты протянешь лапы. Это факт, не требующий лишних доказательств. Еще через день – умрет твой малыш.

Словно бы понимая, то о чем ей сейчас говорил этот странный двуногий, от которого веяло спокойствием и уверенностью, она огляделась, ища своего медвежонка, который рядом уже мял лапами пустую жестянку.

– Да-да, – подтвердил тот, правильно поняв ее беспокойство, а сам продолжил все тем же негромким, но, безусловно, командирским голосом, – поэтому у тебя есть только два выхода из сложившейся ситуации.

Медведица наклонила голову набок, как это обычно делают собаки, когда выражают удивление и заинтересованность.

– Первый, это как я уже говорил, означает для вас обоих смерть. А второй выход – довериться мне, строго и неукоснительно следуя руководящим указаниям. Ты хорошо меня поняла?

К его явному удивлению, медведица не бросилась на него, в порыве голодного отчаяния и даже не выдавала никаких признаков агрессии, а напротив, присела на задние лапы, всем своим видом выражая внимание к доводам говорившего человека. А тот продолжал, даже не говорить, а вещать, как Совинформбюро.

– В общем, так. Я предлагаю вам следовать за мной, гражданка Медведева. С ребенком, разумеется. Тут до поселка – метров триста, не больше. Вон, видите? – кивнул он назад, где виднелись крайние дома. – Предлагаю вам оформить контракт с Вооруженными Силами Российской Федерации в моем лице. Разносолов не обещаю, но и с голоду помереть не

дам. Вам, мамаша – усиленный паек вольнонаемного служащего, учитывая несовершеннолетнего иждивенца на ваших лапах и отсутствие супруга в качестве кормильца. Ребенку – безопасность и вполне приемлемое содержание. Это, что касается столования. За проживание, вам придется расплатиться со мной, как с собственником жилой площади, выполнением служебных обязанностей по охране моего личного подсобного хозяйства. Роль сторожевой собаки, за неимением у меня оной, я полагаю, вам может и придется не по нраву, но не в вашем положении выбирать и чваниться. Вакансия пока свободна, мадам, но в вашем положении тянуть с принятием окончательного решения, не стоит, – продолжал он нести откровенную и несусветную чушь. Да он и сам это прекрасно знал. Просто, тем самым, он давал ей привыкнуть к нему, его голосу, его запаху и его уверенности. С медведями иначе нельзя никак. Если неподдающийся никакой дрессуре дикий зверь, хоть на секунду усомнится в человеке или почувствует его неуверенность, то сразу и без всякого предупреждения бросится на него. Медведи, у которых напрочь отсутствует хоть какое-то подобие мимики на морде, тем и опасны, что о своем нападении заранее не предупреждают, в отличие от каких-нибудь кошачьих, например, которые перед тем как напасть – рычат, бьют хвостом и выгибают спину, подбирая лапы для броска. Медведица, казалось, слушает очень внимательно, то и дело, наклоняя голову и шумно вдыхая прохладный воздух.

– Итак, гражданка Медведева, я слушаю ваше решение, – все так же уверенно и безапелляционно произнес он, глядя ей прямо в глаза, что само по себе было крайне вызывающе, ибо дикие звери терпеть не могут прямого и пристального взгляда.

Медведица еще раз шумно вздохнула, встала, не без труда, опять на все четыре лапы, и вытянула морду в сторону поселка.

– Отлично, – подытожил бородач. – Тогда, прошу вас следовать за мной, соблюдая, положенную по нормам карантина, дистанцию в три шага. По пути следования и в районе расквартирования придерживаться дисциплины, встретившихся обывателей не пугать, собак – не задирать. Циркуляр понятен?

Она понятливо кивнула, соглашаясь с требованиями начальства.

– Тогда, шагом марш! – скомандовал он, и, не оглядываясь, бодро, руки в карманы, поковылял к населенному пункту.

Она неуверенными шагами последовала за ним, постоянно оглядываясь на семенящего рядом медвежонка. Он чувствовал это спинным мозгом, по которому, то и дело пробегал холодок, от медвежьего сопения за спиной и глухого урчания на нерасторопного отпрыска, но шаг не сбавлял и оглядываться не собирался. Со стороны было непонятно кто кого сопровождает и конвоирует, но как бы там ни было, они

вскоре добрались до Белушьей, никого, к счастью не встретив на своем пути. Это было тем более удивительно, что операторы, сидящие перед мониторами, передающими картинку с видеокамер, должны были фиксировать каждый их шаг еще задолго до того, как они вошли в поселок. Фроловны дома не было. Он это точно знал. Еще утром, она – фельдшер-акушер по специальности, умелась в амбулаторию, где сегодня должны были состояться роды у одной из офицерских жен, а потому ее помощь местному хирургу была как никогда, кстати, потому что акушерским отделением поселок пока не обзавелся, несмотря на настойчивые просьбы его коменданта. Когда вошли на двор, хотя понятие «двор», при полном отсутствии каких-либо оград и садово-дачных насаждений, имело довольно, относительный характер, он велел «гражданке Медведевой», как уже вовсю окрестил он свою питомицу, остановиться. Та послушно остановилась, отдуваясь от ходьбы. «Двор» Митрича состоял из небольшого, но теплого и уютного щитового трехкомнатного домика на сваях (здесь все было на сваях, как и положено в таких высоких широтах), да такого же щитового сарая, только стоящего на полозьях из кое-как сваренных труб и служащего одновременно погребом и складом для всякой всячины. Вот и все хозяйство. Нашарив в кармане ватных штанов ключи от сарая, который он всегда запирает, остерегаясь набегов местных, хоть и флегматичных, но нахальных собак, он отпер его и скрылся внутри. Через некоторое время, кряхтя от натуги,

вытащил на свет полть оленьей туши, которую он – любитель домашних котлет из оленины, выменял на прошлой неделе у одного якута за четверть медицинского спирта. Та же, досталась ему, в свою очередь, за оказание помощи в монтаже карантинного блока при больнице на случай пандемии, от местного главврача. Вытащив это мясное добро на свет, он жестом подозвал к себе вольнонаемную Медведеву, кивая подошедшей и делая ей последние наставления:

– Вот, Мария Потаповна, это вам, значить, в качестве аванса за будущее служение Отечеству, в Вооруженных Силах России. Милости просим, к столу-с.

Та, уже достаточно привыкнув к повелительным ноткам голоса двуногого, шустренько, несмотря на крайнюю степень истощения, подбежала к оленьей туше и, вцепившись в нее длинными своими когтями, принялась с остервенением рвать зубами мороженое мясо. Зрелище было, конечно, не слишком презентабельным, поэтому он отошел к крылечку дома и там уселся на ступеньку, чтобы не смущать своим видом обедавшую (как-никак) женщину. Глядя с крыльца, как рычит и чавкает медведица, и как тявкает и повизгивает по-собачьи, суetyающийся у нее меж задних лап медвежонок, он умом бывалого человека понимал, что поступает вопреки всем писаным и неписаным правилам обращения с дикими животными. И вполне осознавал, что белые медведи, в отличие от своих бурых собратьев, а тем более уже взрослые особи не поддаются дрессировке, хоть ты тресни. Знал, что

нельзя было приводить в жилой поселок дикого хищника и тем самым приваживать его к людям, что грозит в будущем огромными неприятностями обоим сторонам. Знал, но ничего не мог с собой поделаться. Медведица довольно шустро управилась с полтью оленины, и уже не отталкивала своего медвежонка, давая и ему, возможно впервые в жизни, попробовать на вкус что-то помимо своего молока. Дождавшись, когда от оленя останутся одни задние копыта, Митрич уже без всякой боязни сам подошел к ней. Увидев подходящего к ней человека, она опять уселась на задние лапы, явно готовясь опять выслушивать наставления. Он уже почему-то нисколько не сомневался в том, что она прекрасно понимает не только интонации его голоса, но даже и смысл произносимых им речей, а потому просто продолжил начатый давеча разговор, правда в менее повелительном тоне.

– Наелась? – спросил он ее, подойдя вплотную. Та, сунулась к нему мордой в руки, как бы благодаря за угощение, а, в общем-то, за спасение жизни. Да так и замерла, по-прежнему шумно вдыхая в себя его запах, уже не казавшийся ей таким пугающим и коварным. Он осторожно погладил ее морду своими заскорузлыми пальцами и со вздувшимися венами на старческих руках. Медвежонок ухватился передними лапами в его валенок и с интересом пробовал его на зуб. Ему очень хотелось подхватить его на руки и потискать, как ребенка, но он понимал, что делать этого никак не следует, потому что в этом случае реакцию мамыши, и без того нерв-

ной, будет довольно трудно предсказать. Наконец она подняла свою большую голову к его лицу.

– Ну, вот и хорошо, что наелась, – продолжил он уже мягким и домашним голосом не командира, а старого и убеленного сединами деда, слезшего с печи, дабы самому встретить дальних родственников, слегка нарушивших его покой. – В общем, так, уже дело к вечеру, пора определять вас на постой. К себе домой не зову. У самого дома такая же – вроде тебя, обретается. Неча двум бабам на одной кухне толкаться – грех один. Поэтому поживите пока вон в сараюшке, – мотнул он головой на открытую дверь сарая на полозьях. Медведица, словно поняв, о чем тот говорит, оглянулась в ту сторону, куда он указал.

С этими словами он подошел к сараю и сделал приглашающий жест. Медведица сделала несколько осторожных шагов в том же направлении, но у входа замешкалась. Заходить в человеческую постройку она явно опасалась. В ней боролись два чувства. С одной стороны, опыт многовекового жительства их медвежьего рода рядом с человеческим, запрещал ей доверять людям, от которых они – медведи, испокон не видали ничего хорошего для себя. А с другой стороны, этот странный с качающейся походкой двуногий, уже спас ее и малыша от лютой и голодной смерти. «Может и вправду, – думала она, – времена изменились и люди, наконец решили жить по законам природы и в ладу с ней». Оба они в этот момент чувствовали взаимную неловкость и нерешитель-

тельность. Митрич ее хорошо понимал. Он и сам, всю жизнь старался быть осторожным, никому не доверяющим, медведем, поэтому не торопил ее. Еще подумав несколько мгновений, она вздохнула горестно и протяжно, как та баба перед целым чаном грязного белья, которое ей предстояло выстирать в студеной проточной воде, и осторожно перебирая лапами, полезла в сарай. Малыш сунулся было вслед, но сарай слишком высоко для его роста стоял на полозьях, и ему никак не удавалось взобраться внутрь. Он скулил и повизгивал, но ничего поделать не мог, потому что передние лапки едва-едва дотягивались до порога, а силенок заскочить, опершись ими о край порога – не было. Его Величество, подставив ладони под мохнатую попку, слегка подтолкнул его и тот радостно перебирая передними и отталкиваясь задними от рук, наконец, смог преодолеть, притяжение Земли, кубарем ввалившись, матери под бочину. А мамаша уже, тем временем устроилась в просторном даже по ее меркам сарае, тут же подгребая к себе передней лапой своего отпрыска. Вещей в сарае было немного, да и те на полу не валялись, а висели по стенам на гвоздях и крючьях.

– На голом полу лежать оно, конечно, не то, что на перине, – рассуждал вслух Митрич, – а все ж таки и не на голом снегу. К тому же пол с деревянным настилом, опять же. Да и не поддувает с боков. Какое-никакое, а все же жильё. Зато без ипотеки, – ввернул он новомодное словечко, некстати вспомнив жалобы старшего внука на разорительные плате-

жи. – Ну да я каких ни-то тряпок поспрошаю у своей, авось не откажет, по-свойски.

Медведица удобно распласталась на полу, мордой ко входу, как и положено любому дикому зверю, широко раскинув передние и задние лапы, заполнив, таким образом, собой почти все свободное пространство. На ее морде можно было читать если и не полное удовлетворение от жизни, то, по крайней мере, покорная смиренность с дальнейшей своей участью.

– А теперь, вот что, – присел он возле ее морды на корточки, – слушай меня, мать, внимательно. Я двери закрывать не буду, но и у тебя все же сознательность должна быть. Тут тебе не тундра, а поселок, где проживают разные люди, не всегда и добрые, сама понимаешь, чай не маленькая уже. А потому, без особой нужды, вылезать отсюда не рекомендуется – враз подстрелят и поминай, как звали. По нужной надобности можешь сбегать недалеко, вон в ту распадинку, что за домом, – указал он рукой в сторону своего жилища. – Там и ручей летом протекает. Найдешь. Теперь, дальше слушай. Свежего мяса много не обещаю. Тут все больше тушенка в ходу, зато рыбы – хоть жопой ешь, в ассортименте. Кормить буду приходиться раз в день. Без особого повода не рычи, да старуху мою не пугай, а то она такой тарарам подымет, что не только тебя, но и меня со свету сживет. Все ли поняла, Потаповна?

Потаповна слегка приподняв голову, лизнула его руки, да-

вая понять, что согласна на все предложенные ей условия содержания.

– Вот и договорились, – удовлетворенно кивнул он головой, вставая в полный рост. – У меня сейчас по расписанию вечернее построение, а потом надо будет еще в одно место наведаться. Так что, зайду к вам попозже. Ладно, бывайте, – сказал он уже совсем будничным голосом и, не оборачиваясь, вышел из сараюшки.

III

На вечернем построении, опять призывая подчиненных сохранять особую бдительность и спокойствие при несении службы, не смог удержаться и рассказал о том, что временно приютил у себя медведицу с медвежонком. А посему, от военнослужащих свободных от несения службы требуется особая бдительность при нахождении неподалеку от комендантского дома, а так же ответственное осознание того факта, что белые медведи занесены, как в российскую, так и в международную Красную Книгу, и следовательно охота на них строго воспрещена. После команды «Разойтись!», все обступили полковника, наперебой предлагая помощь в содержании неожиданной постоялицы.

После окончания построения, полковник подозвал к себе командиров рот и о чем-то еще минут десять говорил с ними наставительным тоном, однако стараясь не привлекать к разговору излишнего внимания со стороны. Когда, в конце концов, толпа военнослужащих полностью рассосалась естественным образом, полковник, зыркнув глазом туда-сюда и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, скорой походкой направился в свой кабинет. Там, не раздеваясь, прошел к громадному несгораемому шкафу, и недолго повозившись с ключами, погрузился в его чрево, то и дело, высовываясь наружу и воровато оглядываясь. Наконец через непродол-

жительное время вылез из его недр, что-то старательно пряча под полую свою форменки. После всех этих таинственных действий, еще немного покряхтев, вышел из комендатуры и направился напрямиком к находящемуся неподалеку довольно просторному коттеджу, в окнах которого уже горел свет (хоть день и полярный, а все ж таки нечто подобное сумеркам имело место быть). Было ясно, что хозяева пребывали дома. Оббив у крылечка мокрый снег, налипший на калоши, полковник постучал в двери. В поселке, в отличие от материка, не принято было устраивать допросы входящим, типа «Кто там?» и домофонов отродясь не бывало. Хозяева не заставили себя долго ждать. Почти сразу двери открыл сам Алексей Сергеевич Боголюбов. Нисколько не удивившись позднему, на часах уже было далеко за 7 вечера, гостю, он улыбаясь своей «фирменной», чуть застенчивой улыбкой доброго но рассеянного человека, пропустил того внутрь дома.

– Здорово бывали еще раз! – весело поздоровалось Его Величество с хозяином и хозяйкой, выглядывавшей из-за головы мужа, так как она была намного выше и крупнее его.

– И я приветствую вас, Михал Дмитрич! – бодро щурясь из-под очков с толстыми линзами, поздоровался Боголюбов с полковником.

– Ой, дядя Миша, да проходите же! Чего встали на пороге, как не родной?! – засуетилась Наталья Константиновна – супруга ученого, радостно улыбаясь и кидаясь помочь

тому раздеться. Супруги Боголюбовы были женаты уже более тридцати лет и все это время никогда не расставались. И даже когда перед Алексеем встал вопрос о переезде на длительное время из Москвы сюда, в этот дикий и пустынный холодный край, Наталья, подобно женам «декабристов» не оставила его прозябать в одиночестве. Вместе с детьми она перебралась сюда, к мужу, пожертвовав карьерой кандидата искусствоведческих наук. Школы тогда еще не было. И поэтому супруги Боголюбовы сами взялись за школьную программу с детьми, которую с успехом и освоили, что подтвердили экзамены на аттестат, успешно сданные ими в Красино, где имелась средняя общеобразовательная школа полного цикла. А потом дети уехали поступать в московские вузы и супруги остались одни в просторном, но уже обделенном шумными детскими голосами, доме. Энергичная и деятельная натура Натальи Константиновны не давала ей спокойно наслаждаться жизнью домохозяйки, и желая найти свое место в обществе, она хлопотала об открытии в Белушьей филиала воркутинского музея Севера, экспозиция которого была бы посвящена истории создания ядерного полигона и поселка, связанного с этим полигоном. И надо отметить, что ее усилия не пропали даром. Медленно, но верно, местное министерство культуры при поддержке федерального, склонялось к реализации этой идеи.

Сняв пальто и калоши с валенками, а также бережно поставив в угол сверток, который принес с собой, Митрич про-

шел в просторную и светлую гостевую. Коттедж Боголюбова был гораздо просторнее комендантского домика, да и обставлен мебелью более приличествующей московским элитным квартирам, чем типовая и грубоватая мебель местных постоянных обывателей. Ну, да оно и неудивительно. В последнее время ученым, занимающимся в сфере обороны страны, власти всех уровней стали уделять куда больше внимания в плане создания им удобных бытовых условий, чем прежде. Митрич несколько не комплексовал по этому поводу. Он и сам мог позволить себе иметь не менее просторный и хорошо обставленный дом. Просто он смолоду был привычен к спартанской обстановке, да и смысла перед кем-то выпендриваться на старости лет не видел никакого. Как уже говорилось ранее, он поддерживал дружеские отношения с обоими соруководителями проекта, но с Боголюбовым его связывали более теплые отношения, чем с Вострецовым. Объяснялось это просто. Несмотря на то, что по возрасту они с Вострецовым казалось бы больше подходили друг другу (он был всего на четыре года младше академика), тем не менее в присутствии Игоря Николаевича он не чувствовал себя таким свободным, так как слегка робел перед его маститостью и научным авторитетом. Боголюбова же, несмотря на приличную разницу в возрасте (почти 20 лет) считал за своего брата – трудягу, который не только может с кафедры читать заумные лекции, но и в случае чего сам сможет заменить протекающий на кухне кран. Это то и сближало боль-

ше всего полковника, привыкшего все и всегда делать своими руками и из подручных материалов и доктора технических наук, которому не понаслышке знакомо обращение с разводным ключом. Поэтому полковник был довольно частым гостем у четы Боголюбовых. Пока неожиданный визитер, с удовольствием умащивался в просторное и мягкое кресло, предложенное хозяином, Наталья, живо метнувшись туда-сюда, накрывала на стол, первым делом выставляя бутылку «беленькой», на которую тот взирал, зажмурившись, будто кот на сметану. В углу, сияя плазмой качественного изображения, тихо транслировал какую-то оперную постановку телевизор. Наталья – женщина возрастом около пятидесяти, была почти во всем полной противоположностью мужа. В отличие от застенчивого, невысокого, круглого, как колобок с тихим голосом и плавными и неторопливыми движениями всех частей тела мужа, она была высокой, худощавой, громогласной и всегда улыбающейся с резкими и порывистыми телодвижениями женщиной. За это супруг частенько называл ее в кругу знакомых «моя ртуть». И, тем не менее, при всей ее порывистости, открытости и хлебосольстве, она отнюдь не была лишена чувства такта. Поэтому скоренько собрав на стол, она не стала напрашиваться в мужскую компанию, а еще раз улыбнувшись гостю, без лишних слов оставила мужчин, заявив, что если что понадобится, то она тут – в соседней комнате. Виттель, молча и с восхищением, подивился жене Боголюбова. Другая бы на ее месте, после утрен-

них событий, всколыхнувших всю страну, завалила бы расспросами и причитаниями, а эта, словно жена партизана на допросе. Тут было чему позавидовать. Уйти-то ушла, однако дверь за собой не прикрыла, оставив небольшую щель. «Ай да, молодец» – подумал про себя еще раз полковник.

– Прошу, вас, Михал Дмитрич, как говорится, чем Бог послал, откушать за наш сегодняшний общий успех, – с улыбкой пригласил Алексей Сергеевич полковника. Два раза Митрича звать не надо, тем более на столе в запотевшей с холода бутылке плескалась манящая жидкость, поэтому он быстренько переместился с кресла на стул – напротив гостеприимного хозяина. Однако же и тянуть с основной темой предстоящего серьезного разговора не стал.

– Слыхал, – мотнул он головой в сторону телевизора, – что у нас теперь за новые власти?

– Да. Еще днем в сборочном цеху, – кивнул тот в ответ.

– И что думаешь, по этому поводу, Сергеич? – спросил он у Боголюбова, откупоривая и разливая по рюмкам самарский «Родник».

– С точки зрения человека, связанного с ВПК, могу только приветствовать новый провозглашенный курс, – не стал увиливать ученый.

– *Omnis gens dignus est eius rectores*⁸ – так надо понимать? – спросил Митрич, любивший иногда щегольнуть в обществе скудными познаниями в латыни.

---

⁸ Каждый народ достоин тех правителей, кои им правят (перевод с латыни).

– Absolute ius,⁹ – согласился с ним Боголюбов.

– Значит, ты тоже понял, что курс поменялся на противоположный?! – удивился полковник.

– Ну, это трудно было не понять думающему человеку, – улыбнулся своей фирменной улыбкой Боголюбов и снял очки, намереваясь начать опять их протирать.

– А я спервоначалу-то и не понял, как следует. Думал, что «тех же щей, да пожиже влей», – признался Митрич. – Да спасибо умным людям. Растолковали. Ну, ин ладно. Давай тогда за упокой христианских и не только христианских душ – по маленькой и не чокаясь.

Выпили. Митрич привычно крякнул и, подцепив вилкой соленый огурец, с хрустом откусил от него едва не половину.

– Ты, Сергеич, сейчас сказал, что с точки зрения человека, связанного с ВПК приветствуешь новый курс.

– Да.

– А если с точки зрения не связанного с ним обывателя? – взялся допытываться полковник.

– С точки зрения простого обывателя, – как вы сказали Михал Дмитрич (несмотря на близость и доверительность отношений, Боголюбов никогда не переходил на «ты» в разговорах с Виттелем), – я предвижу очень большие сложности с возвратом нашего паровоза на старую колею.

– Ты имеешь в виду экономические сложности, о которых предупреждал в свое время Ленин в своем небезызвестном

---

⁹ Абсолютно верно (перевод с латыни).

очерке «Карл Маркс»?

– Не только, – вздохнул Боголюбов, разливая по второй, и тут же добавил, – вернее даже не столько экономические трудности, сколько социально-психологические. С момента распада социалистического уклада хозяйствования прошло почти тридцать пять лет. А это – почти два поколения людей, которым идеи провозглашенные сто лет назад – абсолютно чужды и непонятны.

– Э-э, нет, Сергеич! Тут я с тобой вынужден не согласиться, хоть и уважаю тебя, как ученого человека. Идеи социальной справедливости вкупе с жадной «социального лифта» отнюдь не являются отличительной особенностью уходящих со сцены поколений. Они будут присутствовать всегда. И переход будет не столь болезненным, как ты мне сейчас напророчествовал.

– Это почему же? – удивился ученый.

– Да потому... Ты вот думаешь, почему с таким трудом шел переход сознания людей от капиталистической оценки мира к социалистической в двадцатых годах прошлого века? – задал он вопрос Боголюбову и сам же на него ответил. – А все потому, что не было опыта. Никто не знал, включая и самих большевиков, чем это обернется и чем это пахнет. Шли на ощупь. От того и перегибы были как наверху, так и на местах. И сравнивать было не с чем. Социализм – новое и неизвестное направление. Капитализм же, хоть и дурно пах, но все же был укоренившимся укладом в сознании

масс. Нынче все по-иному. Под носом современной молодежи, находится в лице их родителей, живой пример того, что можно жить не по волчьим законам рынка. А родительская пропаганда, несмотря ни на что, гораздо действеннее той, что льется из зомбоящика. Морально-этическая закалка нашего, да и вашего поколения настолько была велика, что ее хватило на передачу детям и внукам. Рассказы своих родителей об обыденных, с их точки зрения, вещах их прошлой повседневной жизни, воспринимаются поколением next, как прекрасная история и в то же время сказка. Реальная сказка – парадокс!

– Ладно, сдаюсь! – шутливо поднял руки вверх Боголюбов, не любивший философские споры. – Уели, вы меня, Михал Дмитрич! Как есть, уели! Однако я не могу понять, что кроется за вашими речами? – хитро улыбаясь из-под очков, поинтересовался он.

– Раз налито, то давай сначала тяпнем. Речи после продолжим, – предложило Его Величество, поднимая вверх рюмку.

– За что пьем?

– За то, чтобы все получилось!

– Согласен!

Они, чокнувшись, залпом выпили, побряхтывая и шумно выдыхая.

– Вы, салатик, салатик отведайте, Михал Дмитрич! Это фирменный салат моей жены! Пальчики оближете! – зачистил Боголюбов.

– Да. Так вот, – продолжил прерванную мысль Митрич, – с этой стороны, то бишь изнутри, я не наблюдаю какой-либо опасности, за исключением злого шипенья по углам от олигархов. Да и от них я ничего страшного не ожидаю, по большому счету. Те из них, кто будет поумнее, сумеют понять и приспособиться к новой обстановке, тем более, как я понял, в этом плане, новые власти не собираются рубить с плеча.

– А откуда тогда, по-вашему, грозит опасность?

– Как и во все века – извне, – констатировал Виттель, налегая на «фирменное» блюдо Натальи Константиновны.

– Вы всерьез опасаетесь интервенции, как в восемнадцатом?! – не понял Алексей Сергеевич.

– Интервенция – слишком сильно сказано, – поморщился комендант. – Скорее всего, лишь локальная операция, возможно даже м-м-м под чужим флагом. Утренний теракт – наглядное тому подтверждение.

– Я смею полагать, что новые власти учтут печальный опыт и предпримут все необходимые контрмеры по обеспечению собственной безопасности.

– Безусловно, – согласился полковник. – Но многим людям со светлыми от лысин головами кажется, и я с ними вполне солидарен в этом, что следующий удар может быть нанесен совсем в другом месте, – с загадочным придыханием сообщил Виттель Боголюбову, заглядывая ему прямо в зрачки.

– И где же он намечается, по-вашему, если не секрет?! –

с интересом уставился Боголюбов сияющими линзами своих очков в немигающий взгляд Виттеля.

– А вы как думаете, любезный Алексей Сергеевич?! – продолжил тот сверлить совершенно трезвыми глазами ученого.

– Да не может быть! – сразу поняв, куда клонит полковник, воскликнул Боголюбов.

– Я тоже сперва так думал. Но умные люди, нечета мне сирому и убогому, – начал не к месту прибедняться комендант, – в достаточной мере аргументировали свою позицию. И у меня не нашлось слов, чтобы им возразить. Ну, да вы сами слышали, что говорил в операторской наш академик по этому поводу. Просто, видимо, не восприняли всерьез его слова.

– Но...

– Никаких «но», дражайший Алексей Сергеевич. По всем признакам выходит так, что именно ваша персона будет в центре предполагаемых дальнейших событий, – уже без всяких околечностей бухнул полковник правду-матку.

– И что мне прикажете делать? – спросил Боголюбов, трезвея прямо на глазах.

– Тебе, Сергеич, – опять перешел на «ты» комендант, – почти ничего, за исключением проявления осторожности, заключающейся в нежелательности нахождения одному в малолюдных и незнакомых местах. Остальное – не твоя забота. Я сейчас переговорил с командирами рот. Твой дом и тебя персонально с завтрашнего утра возьмут под особую

охрану мои молодцы. А для окончательного спокойствия моей души я тут кое-что принес с собой.

Митрич встал, и, пройдя в прихожую, вынес оттуда длинный и на вид тяжеловатый сверток. Бережно водрузив на стол, отодвинув посторонь закуски, развернув брезент и промасленную бумагу, Митрич явил белому свету автомат. Правда, автомат какого-то странного вида, каких Боголюбову еще не приходилось встречать. С магазинным рожком, отнесенным чуть ли не к самому прикладу по схеме булл-пап, с толстым и коротким стволом, он смотрелся в этих стенах как пришелец из фантастических боевиков.

– Вот, – с какой-то затаенной любовью и гордостью сообщил полковник, – представляю вниманию широкой публике – ШАК-12, он же штурмовой 12,7-мм автомат Калашникова. Имеет сменный ствол, рожок на 20 патронов и планку Пикатини. Гордость отечественного ВПК.

– Откуда сие чудо чудное? – спросил Боголюбов, поправляя съехавшие на запотевший нос очки.

– Дык, о прошлом годе, приезжали тут вояки, все испытывали арктическое снаряжение, технику и новые образцы. Две недели, почитай бегали по скалам, да среди торосов. Вот я и выпросил у них парочку таких для дальнейшей проверки в экстремальных условиях. Покривились, конечно, но дали с условием, что я оформлю по итогам годичной эксплуатации свое экспертное заключение.

– Да-а, – протянул Боголюбов, любящий технику в любой

ее ипостаси, – знатная должно быть вещица.

– А то! – согласился с ним полковник, прицокивая языком – Не перевелись еще на Руси «левши». Держи, Сергеич! Управиться сможешь?!

– Да я даже и не знаю, – растерялся Боголюбов. – Я ведь и простой 74-й «калаш» последний раз держал в руках лет десять назад – на сборах.

– Ну и ничего страшного. Принципиальных отличий от базового АК-74М нет. Просто улучшены все прежние характеристики за счет более качественного исполнения, да дополнительного «обвеса» в виде все той же планки Пикатини и тактического фонарика. Даже проблема большого калибра, который по идее должен своей отдачей валить с ног и задирать ствол кверху сводя на нет кучность попадания, решена в нем достаточно оригинально, – со знанием дела говорил комендант, прямо на весу разбирая автомат на части и складывая их прямо на скатерть стола, – хоть и не без откровенного заимствования идеи у АЕК-971.¹⁰

– Судя по калибру и мощному дульному тормозу, убойная сила должна быть весьма велика, – предположил Алексей Сергеевич, не отрываясь от ловко манипулирующего частями автомата полковника.

– Верно, говоришь, Сергеич! Бронебойный 12,7×55 патрон с закаленным сердечником с расстояния 50 метров за-

---

¹⁰ АЕК-971 (Автомат единый Кокшарова 971) – автомат, разработанный в 1978 году на заводе им. Дегтярёва в Коврове.

просто крошит кирпичную кладку. Сам пробовал. Результат ошеломительный. Магазин уже снаряжен. Я еще с собой в пачке принес штук тридцать патронов, да еще несколько – россыпью. Там в прихожей в узелочке оставил. Бери и владей, – сказал полковник, протягивая Боголюбову уже собранный автомат.

– А вы, Михал Дмитрич, точно уверены, что дела обстоят настолько серьезно, что мне придется его использовать по назначению? – спросил он, однако принимая подарок в руки.

– Сейчас ни в чем нельзя быть уверенным, но как говорит пословица «береженого Бог оберегает, а небереженого – «томагавк» настигает». Но и это еще не все...

– А что еще? – недоуменно спросил Боголюбов, прижимая автомат к груди и не зная, куда его положить.

– Да ты положи его, куда ни то, – видя трудноту ученого, подсказал комендант, – а сам садись. Думу будем думать.

– Да-да, – засуетился с автоматом Боголюбов, предчувствуя, что основной разговор начнется только сейчас.

– Прибери его куда-нибудь в шкаф, а лучше в сейф – под замок. А я пока остальное разолью, что осталось.

Пока хозяин дома относил в кабинет и запирали в сейф подарок коменданта, тот крякнув с сожалением от того, что бутылка рано показала свое дно, разлил остатнее по рюмкам. Когда Боголюбов вернулся, Виттель уже держал свою рюмку для заключительного на сегодня тоста:

– Остатнюю поднять хочу за женок наших, что десятиле-

тиями делят с нами все трудности и невзгоды нашей житухи. Иной раз думаю, а есть ли в мире, что-либо сильнее духом и крепостью наших жен? И прихожу к однозначному выводу: нет. О них и пойдет разговор далее. А сейчас – выпьем.

Чокнулись. Выпили. Уже не шибко разбираясь в салатах и прочем, полковник наспех собрал вилкой с нескольких тарелок сразу, засунул в рот. К разварной картошке, что уже давно исходила паром в чугунке, поставленном на стол, даже не притронулись оба, налегая на холодные закуски. Наконец, прожевав, он продолжил:

– Давеча в обед, разговаривал я с Ивановым, – без лишних предисловий начал он. – Иванов прямым текстом заявил мне, что супостаты на этом не останутся. И раз уж ты с большой вероятностью можешь оказаться в эпицентре предстоящих в ближайшем будущем событий, то и вместе с тобой в нем могут оказаться и те, кто находится непосредственно рядом.

– Вы полагаете, – с испугом начал этот, в общем-то, далеко не робкого десятка человек, но Виттель его тут же перебил.

– Я могу полагать, все что угодно, *volens-nolens*, другое дело, чем могут располагать они, и чем будут руководствоваться, – жестковато ответил он. – Исходя из того, что они демонстрировали до сих пор, та же самая «Дельта» или «Морские Котики» с «черной водой»,¹¹ ничего нельзя исключать,

---

¹¹ Дельта, Морские Котики и «black water» – спецподразделения, находящиеся на службе США и применяющие методы далеко выходящие за рамки конвенци-

даже самого наилучшего. Эти нелюди не станут разбираться кто комбатант,¹² а кто нет – покروشат в сечку всех, кто им попадется.

– Но что вы предлагаете, Михал Дмитрич? – все еще не понимая, куда тот клонит, спросил Боголюбов.

– Наталья! – крикнул Виттель в чуть приоткрытую дверь соседней комнаты. – Ты там подслушиваешь?!

– А как же?! Конечно, Михаил Дмитриевич! – донеслось оттуда.

– Тады, подь сюды! Об тебе разговор вести будем, – улыбаясь каким-то своим мыслям, зычным голосом командира позвал он.

Наталья Константиновна не замедлила со своим появлением пред залитыми спиртным очами мужа и гостя. Тот же продолжал, как ни в чем, ни бывало:

– Я-то понятное дело – присягу давал, ты вон тоже Сергеевич, весь, как есть, опутан тоже всякими расписками о «неразглашении» и «соблюдении». Оба мы знаем, чем занимаемся, и чем это нам грозит в случае чего. Но почему и за что должны страдать наши близкие, которым и так несладко живется рядом с нами?!

– А куда деваться-то, Михаил Дмитриевич!? Доля наша женская такова. Тут уж ничего не попишешь. Куда нитка, ту-

---

ональности.

¹² Комбатант (сражающийся) – лицо, входящее в состав вооруженных сил одной из сторон международного вооруженного конфликта.

да и иголка за ней, – спокойно восприняла полученную информацию супруга Боголюбова.

– Куда деваться, куда деваться! – прокаркал полковник, явно передразнивая ее. – А я скажу, куда деваться! Генерал Иванов конфиденциально сообщил мне, что в салоне самолета, на котором он завтра отбывает в Москву, есть свободные места, и он согласен принять на борт некоторое число гражданских пассажиров.

– А что, Наташ, Михал Дмитрич, пожалуй, правду говорит. Может тебе стоит прислушаться к его совету? – слегка щурясь после выпитого, попробовал уговорить Боголюбов свою благоверную.

– Да что ты такое говоришь, Лешенька?! – замахала на него руками Наталья. – Тридцать с лишним лет прожили бок о бок. Я и в прежние-то времена даже помыслить не могла о том, чтобы оставить тебя одного дольше, чем на сутки двое, а теперь-то, при нынешних обстоятельствах и подавно не оставлю.

Боголюбову было бесконечно приятно слышать такое от жены, но он все же сделал последнюю попытку отвести от любимой женщины грядущую опасность совместного проживания:

– Мы с Игорем Николаевичем еще днем уговорились, что через два месяца, как только закончим монтировать мобильный образец установки, я вместе с ним присоединюсь к нему. Так что долго в разлуке мы не пребудем с тобой.

– Ну вот, – подхватила мяч на лету Наталья Константиновна, – вместе и отбудем. И кончим на этом. Никаких разговоров на данную тему я вести больше не буду. Где ты, Кай, там и я – твоя Кая.¹³ Что написано на роду, то пускай и будет. Вон, дали тебе автомат, им и защитишь меня в случае надобности.

Виттель и Боголюбов слишком хорошо знали эту упорную и принципиальную женщину, чтобы продолжать велеречивые уговоры. Посидев, ради светского приличия еще минут пятнадцать, Его Величество, обув валенки с калошами, побрело до дому, где его ожидал, он чувствовал это своей дубленой шкурой, еще один подобный разговор.

---

¹³ Эту фразу всегда произносили в храме Юпитера, вступающие в брак римские патрицианки.

Глава 13

I

Там же

Уже подходя к дому, заметил толпу людей – военных и штатских. Сразу екнуло сердце, и он поспешил присоединиться к ней, чтобы узнать о случившемся. К счастью ничего страшного не произошло. Просто в маленьком поселке слухи распространяются с околосветовой скоростью. И сведения, сообщенные им на построении, моментально облетели весь населенный пункт, включая еще пару соседних галактик. Всем было одновременно любопытно и в то же время немного боязно от неожиданного соседства. Встречи с белыми медведями не были редкостью в этом заполярном краю. Более того, бывали случаи, когда хищные хозяева этих мест забредали в поселок в поисках халявного пропитания. Но все эти случаи носили спорадический характер, являя собой отпечаток чего-то чрезвычайного. А тут, на, тебе. Мало того, что хищник забрел в поселок, так оказалось еще, что к этому причастен сам комендант. Поэтому люди хоть и толпились, возле комендантского дома, однако к сараю изнутри которого то и дело доносилось басовитое порывивание растревоженной людским вниманием постоялицы, близко подходить

не решались. Растолкав плечом зевак, Митрич кинув мимо-
летный взгляд на свой дом, где в окнах горел свет (Фролова-
на, значить, была уже дома), протиснулся вперед – ближе к
сараяю. Заглянув внутрь и убедившись, что там тоже все в по-
рядке, за исключением нервно вздрагивающей и прижимаю-
щей к себе передней лапой малыша медведицы, Митрич по-
вернулся к толпящейся массе людей.

– Ну и чего вы тут устроили столпотворение, будто цирк
лилипотов к вам пожаловал на гастроли – проездом из Фри-
ско в Сызрань?¹⁴ – ворчливым голосом обратился он к со-
бравшимся. – Или живого медведя никогда не видели?

Из толпы раздался смех и задорные выкрики, предлагав-
ших свою помощь в организации первого и единственного в
этих широтах зоопарка. Было видно, что настроение людей,
упавшее было после утренних событий, заметно поднялось
после выступления по телевидению главы новоиспеченной
хунты. Не обращая внимания на выкрики и подначивания
острых на язык новоземельцев, полковник продолжил, хоть
и громко, но без надрыва, а так, чтобы слышали без напряжения
из задних рядов, да не пугалась еще больше новая жиличка:

– Я, конечно, понимаю всю меру ответственности, взятую
на себя в силу некоторых обстоятельств. Случай, разумеет-
ся, выходящий за рамки общепринятого. Оно так. Да и то
сказать, – продолжал рассуждать вслух пьяненькое Величе-
ство, – сами понимать должны, что не мог я оставить в таком

---

¹⁴ Жаргонное название Сан-Франциско.

плачевном положении, хоть и о четырех лапах, а все ж таки женщину с дитем малым. Раненая, голодная, потерявшая не только силу, но и веру в светлое будущее. Совсем как наша страна – затравленная со всех сторон и от того обозленная на весь белый свет.

Толпа еще больше притихла. Виттель не поднимая головы, сосредоточив взгляд на своих калошах, будто никого не замечая, прохаживался вдоль сгрудившихся посельчан. Коегде послышалось хлюпанье сердобольных женских носов. Но его слушали внимательно и не перебивали. Виттель пользовался неподдельным авторитетом у посельчан и военнослужащих. А он продолжал говорить, ни к кому явно не обращаясь, погруженный в свои думы:

– По закону, оно вроде и не положено. Как-никак, а все ж дикий зверь, да еще хищник к тому. И я, как воинский начальник, всю жизнь придерживавшийся Устава и дисциплины, как никто другой обязан это понимать и принимать. Но с другой-то стороны, как прикажете быть? Бросить? Пройти мимо, не обращая внимания? Как же! Человек – царь природы! Ему ли обращать свое высочайшее внимание на проблемы братьев наших меньших?! А вот, пройди раз мимо чьей-то беды, а затем вдругорядь и сам не заметишь, как сердце начинает покрываться шерстью. Сегодня ты прошел мимо сироты, отведя глаза, чтобы, значит душу свою не терзать, а завтра, глядь и уже не сироту, а мать родную, старую и немощную в дом престарелых налаживаешь, не забыв при-

брать к рукам ее скудные метры жилплощади. А ведь она тебя ростила, лелеяла, ночами не спала и последний кус хлеба тебе отдавала, сама порой не доедая.

Мужчины, слушая откровения своего коменданта, который вообще-то говоря, был скуповат на такие излияния, молчали, стискивали челюсти, играя желваками на скулах. Каждому было что вспомнить. Сразу припоминались случаи из жизни, за которые было стыдно даже перед собственной памятью. Женщины же, как существа более ранимые уже несколько не стеснялись своих слез стоящих в глазах и то и дело сморкались в концы своих платков. Хитрющий, как еврейский банкир, Митрич шестым своим чувством понимал, что толпа собравшихся уже достаточно подготовлена для того чтобы впасть в массовую истерику, поэтому продолжал накручивать:

– Все это было вчера, сегодня и будет завтра. А что будет послезавтра? Не знаете? А я вам скажу. Как там, в письме протопопа Аввакума к Симеону? «И сказал Господь наш чадам своим – Како вы со мной, тако и я с вами». Вот так и я вам скажу. Завтра некоторые из вас сдадут престарелых родителей в богодельню, а послезавтра ваши дети уже сдадут вас самих. А медведица, что ж? Она и так едва не при последнем издыхании, как та мать, уже махнула на себя рукой, лишь бы уберечь свое чадо родимое. Уже ни на что, не надеясь для себя, пришла к вам. И вам судить: жить ей и ее чаду на этом свете или нет. А вы как римские патриции вольны

поднять большой палец кверху, либо опустить его.

Толпа зашевелилась, засопела. Из нее слышались нестройные выкрики самых нетерпеливых:

– Митрич, итить твою в кочерыжку!

– Не наматывай душу на кулак!

– Бабы вон, обрыдались уже, нервотреп ты этакий!

– И так от твоих слов тошнехонько! Ты лучше говори, что делать?! Чем подсобить?!

– Чем подсобить говорите? – делая вид, что призадумался, проговорил полковник, почесывая переносицу, хотя сам, втайне, уже всюю ликовал.

– Да! Да! Будку ей, какую ни то сладить!

– Аль съестным, каким снабдить требуется?! – загомонили со всех сторон разом, как полярные гагары.

– Ну, ин, ладно-кось! – крякнуло Его непомазанное Величество и, огладив вздыбившуюся бороду, перешло к сугубой конкретике. – Будку не надо. У меня сарай почти пустой стоит – как-нибудь перекантуются. От вас же, дорогие сограждане, прежде всего, требуется ответственное понимание текущего момента. А для сего попрошу вас, во-первых, соблюдать технику личной безопасности. А именно – не толпиться и не подходить близко к сараю, потому как обилие посторонних запахов исходящих от вас пугают дикого зверя, а она мало того, что дикая и голодная, да к тому же еще и нервная до крайности, как собственно говоря, и каждая мать. Поэтому не давайте ей повода проявлять свою нервозность. К тому

же не надо давать ей привыкнуть к людям, а то потом греха не оберешься. Ее дом – тундра. Оттуда она пришла, туда же она и вернуться должна.

Люди это и сами понимали без наставительных речей полковника, поэтому не возражали, а кивали, соглашаясь. Однако, говоря все это, Виттель в душе ясно осознавал, что врет, причем безбожно, ибо прекрасно знал, что прикормленный единожды белый медведь уже никогда не уйдет от человека по доброй воле. Привыкнув к дармовой пище, медведица уже никогда не сможет выйти на настоящую охоту. И это сулило поселку массу всяческих проблем в будущем. И тут возможны были только два выхода: договариваться через некоторое время с каким либо зоопарком, либо ждать трагического ЧП с печальным исходом для кого-то из местных жителей, которое положит конец и ее существованию. Но об этом сейчас не хотелось даже и думать. Ему, на данный момент, хотелось просто сохранить ей и ее ребенку жизнь, а там... как Бог укажет.

– Во-вторых, – загнул он второй палец, – постарайтесь все это как можно доходчивее объяснить детям и... собакам. Не подпускайте к зверю близко ни тех, ни особенно этих, потому как зрение у медведей не слишком хорошее, зато нюх отменный. А для них, что собака, что песец – все одинаково, любимое лакомство. Да. Так вот. Что же касается до благотворительных взносов в виде продуктов питания, то они не возбраняются. Это завсегда – пожалуйста. Рыбки там, ту-

шенки, а паче того – сгущенного молока. Уж больно медведи до него охочи. Единственная просьба с моей стороны – не делать это стихийно и самостоятельно. Желательно чтобы вы прежде договорились между собой о том кто, когда и чего сможет внести в фонд охраны животного мира. Ну и что, вполне, само собой, разумеется, делать взносы настоятельно рекомендуется исключительно через меня. Сегодня я их уже покормил. А завтра, после вечернего развода, прошу ко мне, мы не гордые, от подношений сознательных граждан никогда не отказываемся. А сегодня попрошу вас разойтись и не создавать ненужного ажиотажа вокруг банального спасения несчастной животины.

После этих произнесенных слов, наиболее сознательные элементы из числа военных и гражданских, потянулись во свояси, на ходу договариваясь о том, чем и когда смогут пополнить рацион нежданной гостью. Вслед за ними, немного погодя, двинулась и женская часть, горестно вздыхая и сочувствуя кормящей матери, попавшей в трудные условия. Проводив взглядом последних из доброхотов, Митрич еще раз проверил, как себя чувствует Мария Потаповна и, убедившись, что она уже начала успокаиваться, стал подниматься на свое невысокое крылечко. Стучать не стал. Пошарив по карманам, достал ключ на брелке в виде патрона и отпер дверь. В прихожей, предполагая, что жена сегодня будет не в духе от его выходки, стараясь не производить лишнего шума, разулся и разделся. Пытаясь придать своему виду немного

благообразия, перед зеркалом прилизал на обе стороны редкие и клочковатые свои седины и вошел бочком на кухню, где за столом восседала хмурая Серафима Фроловна.

– А, Фимушка?! – делая удивленное лицо, козлом проблеял он. – Пришла уже?! Ну, вот и славненько! Как роды прошли? Ксения-то благополучно ли от бремени разрешилась?

– Благополучно, – буркнула супруга, не желая вдаваться в подробности, и привычно повела носом в сторону благоверного. Учувяв знакомый запах, привычно скривила недовольную гримасу. Его Величество опасалось, что верноподданная Фимушка (как ласково называл он ее в минуты хорошего настроения) прямо с порога начнет орать на своего монарха, по привычке уперев руки в крутые бока, но вот же странное дело, ничего такого не происходило.

– Садись есть, – хмуро предложила она, вставая с табуретки и направляясь к электроплите, на которой стояла кастрюля с борщом.

– Это хорошая идея! – обрадовано воскликнул он, хотя на его душе кошки уже не то что скреблись, а вовсю царапались. «Это что же это, значить, намечается? – недоумевал он про себя. – Если она с порога не кинулась, то, стало быть, злости еще не накопила в достаточном количестве, что ли? Охти ж, мне, несчастному». Он уже стал прилаживаться к столу, но жена, не оборачиваясь от плиты, повелительным тоном оборвала его намерения:

– Кво вазис, инфекция (что в переводе с божественной

латыни должно было означать: куда прешь, зараза)? Иди руки хоть сначала вымой! Учишь, тебя учишь всю жизнь, а все без толку. Телевизор вон, с утра до ночи талдычит, чтобы мыли руки после улицы, да маски носили. Где твоя маска?

– Да иду я, иду, не шуми, – не стал артачиться он, направляясь к рукомойнику. – А на счет маски, ты мать зря говоришь. В наших широтах никакой вирус-шмирус не приживается.

Поплескавшись больше для порядку, чем для мнимой гигиены, он опять уселся за стол, где его уже поджидала большая тарелка до краев наполненная исходящим ароматом свеклы и сметаны борщом. Жмурясь от вкусного запаха, Митрич придвинул к себе еще одну тарелку, на которой лежали крупно порезанные, как он всегда любил, ломти ржаного хлеба, который супруга всегда пекла сама, игнорируя хлебобулочные изделия местной мини-пекарни. Круто посолив, выбранную горбушку (хоть зубов и порядком недоставало, но он с детства любил горбушки и ничего не мог с этим поделаться), поднес, уже было, ее ко рту, но спохватился:

– А ты что же, мать, сама-то не ешь? Чай оголодала весь день в больнице-то?

– Да я в амбулаторской столовой перехватила на скорую руку между ее схватками, – отмахнулась Фроловна, польщенная, тем не менее, мужниной заботой.

– Ну и как там оно? Как Ксюха мальцом-то разродилась?

– Да все, слава Богу. Роды, правда, тяжелые были. Никак

не хотел головкой вперед идти. Они обычно к этому моменту уже сами принимают нужное положение, а энтот, то ли запутался, то ли просто заупрямился.

– Ну-ну, – сделал заинтересованное лицо полковник, на мгновенье даже переставший хлебать наваристый борщ.

– Пришлось соваться туда, да за левую пяточку его проворачивать, – улыбнулась супруга, вспоминая дневные перипетии.

– Ишь, ты, за левую! Да как там определишь-то, какая у него левая пятка, а какая правая? – покачал он головой, усмехаясь в бороду, с застрявшими в ней хлебными крошками.

– Так на то меня и позвали, что я специалист, а потому и должна разбираться в таких тонкостях, – не без гордости парировала она сомнения мужа.

– Да, кто сомневался то?! – вскинулся Митрич.

– Ты мне, старый, зубы-то не заговаривай. Я ведь все твои увертки за полвека вдоль и поперек изучила, – невесело покачала она головой. – Ты лучше скажи, что там у вас в верхах говорят про сегодняшнее? Наверняка ведь по вашим каналам что-то уже известно. А то, я как услышала про это дело, утром еще, так у меня будто оборвалось все внутри.

«Слава Богу, кажется, пронесло над головой» – с облегчением подумал комендант, бодро работая ложкой в тарелке. Однако, принял серьезный вид, решив разом убить двух зайцев – отвести угрозу скандала из-за медведицы и уговорить

жену хотя бы на временную эвакуацию.

– Ну, – начал он нарочито хмуря брови, – телевизор то наверное и сама смотрела, значит видела, что там и как.

– Да уж насмотрелась по всем каналам. Весь день показывают, – закивала Фроловна, соглашаясь. – А все ж таки может среди вас-то военных известно больше чем нам, раз генерала поставили начальником?

– С чего это ты взяла? У меня прямого телефона с Генштабом нет.

Но жена не обращая внимания на его реплику, продолжала изливать в пространство свои страхи:

– Нам от – людям простым чего ожидать от новых властей? Я ведь не за себя волнуюсь, мне уж семь десятков, я за детей да за внуков с правнуками переживаю. С бабами давеча в амбулатории разговаривала, так все бают, кто во что горазд. Одни говорят, что-де раз военные пришли к власти, то значит, порядок навести должны. Другие иное думают. Вроде того, что раз военные при власти, то и сама война недалече. Вот я вся в сомнениях и сижу тут одна, пока ты со своими медведями дружбу водишь, дурень старый.

– Насчет того, что война недалече, так она и так ходит вокруг нас, да около. Что оттуда, что отсюда, все равно все ракеты через нас полетят. География у нас такая, – проворчал он, раздумывая попросить еще добавки или воздержаться, перейдя к чаю, что остывал в огромной фарфоровой кружке, присланной в подарок внучкой на его семидесятилетие.

– Так делать-то нам что?! – требовательно воззрилась она на своего старика. – Зачем мне бежать? За сахаром или за мукой?

– За умом, дурында! – встопорщился он неожиданно. – Ты еще те пятнадцать килограмм гречки не слопала, что по весне хапанула! Ни што, мыши помогут!

Серафима Фроловна уже совсем было ринулась в контратаку на Его плешивое Величество, но неожиданно для себя самой сдулась прямо на взлете. Хитрым своим бабьим умом смекнув, что в смутные и от того опасные времена негоже ссориться с человеком в родне у которого стоит, почитай, все НАТО, да и привыкла она за уже пять десятков лет к его храпу на соседней подушке. Обиженное выражение на лице, однако, все же изобразила, присовокупив к нему, как мелкое подрагивание губ, так и трепет ноздрей, что говорило о ее готовности разрыдаться от несправедливых попреков в любую минуту. Это всегда было ее оружием и козырным аргументом в любых семейных спорах. И оно зачастую срабатывало, чем Фроловна пользовалась беззастенчиво уже на протяжении более полувека. Митрич, который, несмотря ни на что, сохранил в себе сентиментальность германских бюргеров, был внутренне человеком мягким и добрым, а потому не любил семейных скандалов, ни в каком виде, считая их чем-то чужеродным в семейной жизни. И видя, в каком пограничном состоянии, находится, все еще любимая им женщина, решил сбавить обороты, считая, что с последней фра-

зой, слегка дал лишку. Как привести дражайшую супругу в благодушное расположение, не затратив слишком много усилий, он тоже за полвека совместной жизни вполне научился и на этот раз не задержался с применением верного рецепта:

– А хорош, однако, борщ, ты мать сварганила! Ничего не скажешь – молодец! Мастерница! Так бы вместе с тарелкой и съел!

– Да зачем же с тарелкой?! – зарделась польщенная похвалой хозяйка, живо вскакивая с табуретки для того, чтобы верноподданнейше подать мужу из кастрюли добавки. – Вон целую кастрюлю наварила!

Его Величественно, довольно оглаживая бороду, мило-стиво, кивком головы, разрешило ей налить в тарелку еще одну порцию, что и было моментально исполнено. Отметив про себя, что муженек опять вернулся к состоянию благодушия, граничащего с нирваной, она все ж таки не утерпела и решила зайти с другого бока. Подперев рукой, несмотря на прожитые годы, все еще пухлую и упругую щеку и с теплотой, но, все же по-хозяйски оглядывая своего, знакомого до последней кровиночки старика, завела льстивым голосочком Лисы Патрикеевны:

– Говорят сегодняшние испытания установки прошли в штатном режиме и без замечаний.

Комендант кивнул, не отрываясь от наваристого борща. Затем решив, что кивка, пожалуй, будет маловато, добавил:

– Да. Все прошло на редкость удачно. Москвичи из ко-

миссии были довольны.

– Вот-вот, – подхватила Фроловна, – а то мы уж испереживались все. С предыдущих-то испытаний фокусировку-то отладили, чай нет? Да и со вторым контуром по герметичности были проблемы, опять же.

Митрич от неожиданности аж поперхнулся, зайдясь в долгом старческом кашле. Заботливая супруга постучала кулачком по его спине.

– Да ты в своем ли уме, старая?! Ведешь такие речи! Это же военная тайна с тремя нулями!¹⁵ – продолжая кашлять, возмущался полковник. – И откуда ты, находка для шпиёна, нахвталась такой информации?!

– Да, что же я чурка безглазая, да глухая, что ли?! – сразу набычилась супружница. – Бабы с утра в магазине, да амбулатории только о том и говорят – о теракте, да об испытаниях. У всех ведь мужья, так или иначе, с этим связаны. Вот дома с женами и делятся под одеялом.

– Боже мой! – схватился Виттель за реденькие височки. – И как тут прикажете соблюдать режим секретности, если каждая баба, стоя в магазине, обсуждает тонкости и детали военных экспериментов?! Да врагам и шпионов на объект засылать не надо и предателей вербовать. Проще договориться с продавщицей из сельпо.

---

¹⁵ Правилами еще советского документооборота предписывалось присваивать номер каждого секретного документа начиная с нуля по степени важности и секретности. С 0 начинались номера секретных документов, с 00 – совершенно секретных, с 000 – особой важности.

– Да, ладно тебе, старый! Разбушевался, тут, как холодный самовар! Все же кругом свои. Сколько лет тут уже вместех обретаемся. Кого чужого уж давно бы выявили. Сами. Без вас.

– Всё! Ухожу в отставку! По причине профнепригодности! – деланно взрыднул он, яростно раздавливая ложечкой лимон, плавающий в чае.

– Как же! Ты подашь, жди! Я уже все жданки съела! – проворчала она.

Подождав, пока не на шутку расстроенный утечкой информации муж успокоится и придет в себя, она, нисколько не смущаясь, решила продолжить уже начатое ей дело по подрыву престижа и обороноспособности страны:

– Однако ж, бабы говорят, уж больно страшное оружие выдумали Николаич с Сергеичем. Вроде как оно все живое и неживое изничтожает на большом расстоянии. Правда, ай нет? – глядя в глаза, вкрадчиво спросила она мужа.

– Гмм, – глубокомысленно промычал полковник, а затем махнув рукой на все подписки и расписки, данные им в свое время, тем более, что ранее никаких таких бесед на данную тему он себе с Фроловной не позволял, приблизил к ней близко-близко свое, заросшее бородой лицо и делая страшные глаза, начал тихо, едва не шепча:

– Ну, раз уж ты и так почти все знаешь, мать, то скажу напрямки и по чести, хоть и не сносить мне головы опосля, если ты меня выдашь по своей женской дурости...

– Да, что ж ты батюшка такое говоришь-то? – закудаhtала она. – Да когда это я тебя выдавала?!

– Клянись, что никому, ни единой душе не скажешь об этом, – смастерив донельзя печальное и серьезное лицо прошептал он, с трудом сдерживаясь, чтобы самому не расхохотаться.

– Вот как Бог свят! – истово перекрестилась она на кактус, стоящий на подоконнике, за неимением иконы.

– Чтой-то ты крестишься?! – ехидно заметил он ей. – Комсомолкой ведь была.

– Была, была, батюшка! – охотно закивала она, снедаемая любопытством. – А ить комсомол от был-был, да и сплыл, а Боженька-то при своей должности, так и остался. Вот и меркуй, что почем – резонно заметила она мужу в ответ на его сомнения.

– Ну, ладно, – не стал он с ней спорить. – Слушай тогда сюда. Аппарат, созданный ими, действительно может стать самым грозным оружием, когда-либо придуманным человеком. Это факт, – поднял он указующий перст кверху для вящей убедительности. – Это типа лазера, что выжигает на своем пути все, что ни попади. И против него у супостата нет и никогда не будет ничего, чтобы противопоставить ему. Это тоже факт.

– Да, ну! – в восхищении воскликнула половина баварского Величества.

– Вот, тебе и ну! – передразнил он ее. – Однако же и тут

есть своя закавыка, – сделал он многозначительную паузу и строго поглядел на нее, еще пуще нагоняя страху и восхищения.

– Какая!?

– Но все это при одном условии – если мы первые закончим испытания и примем его на вооружение. И это тоже, к сожалению, факт.

– Почему к сожалению?!

– Потому что враги тоже об этом знают. А значит, постараются изо всех сил не допустить этого, – уже на полном серьезе сообщил он.

– Как это не допустить?! – изумилась еще больше Фролова. Ей как-то и в голову не могла прийти мысль о том, что такие вопросы могут решаться сверхдержавами быстрым и радикальным способом.

– А вот так! Зная, что у нас вот-вот на подходе такое оружие, которое может не просто поставить Америку на колени, а и вовсе уничтожить ее за пару-тройку минут, причем без последствий в виде радиации или еще чего-либо, они, пользуясь тем, что у нас временная неразбериха во власти, могут просто разбомбить нас. Именно сейчас. Потому что, как только мы примем аппарат этот на вооружение, нас уже ни с какого боку укусить будет нельзя. А это люфт, примерно в год-полтора.

– Да как же это так?! – вновь закудаhtала она, округляя в изумлении глаза. – Вот так, запросто и безнаказанно раз-

бомбить?!

– Конечно. Пока там, наверху делят портфели, никто не решится, не только ответить, но и попытаться остановить выпущенные по нам ракеты.

– А как же генерал-то, который выступал днем? Как бишь его? А, Афанасьев! – не сразу припомнила она. – Его же вроде как поставили командовать? – не переставала удивляться и в то же время засыпать вопросами жена.

– Поставить-то поставили, да ведь власть от такая штукаенция, мать ее ети... – почесал он за ухом. – Её мало объявить. Надо чтобы с этим еще и все согласились. Мы тут сидим и не знаем, что там в столицах-то творится. Кто признал, кто не признал. Да и на международном уровне.

Митрич еще немного посопел, задумчиво оглаживая бороду, а затем добавил, как бы про себя:

– Да и то сказать, по закону, вишь, не в свой черед он за царский венец ухватился, вот беда. Могут ведь и вовсе не признать. Так что, смутно сейчас на Руси-матушке. И боюсь, что этим постараются воспользоваться наши недруги.

– Охти ж, страсти Господни! – мелко закрестилась бывший комсорг медучилища.

– Вот и я к тому. Днем разговаривал с Ивановым...

– Это который военпред из Москвы с комиссией по приемке прилетел? – перебила мужа всезнающая жена. – Он там, в генерал-лейтенантах бегают.

– Ну, ты, мать, и скажешь, – хохотнул он. – Слово то, какое

придумала: «бегает»! Да не сбивай меня с толку. Так вот. Он настоятельно рекомендует тебе завтра лететь с ним на материк.

С этими словами он посмотрел на свою «половину» долгим и слегка печальным взглядом, как бы уже не прощаясь. Она, перехватив этот взгляд, только широко разинула рот в полном и неподдельном изумлении, как будто он сморозил какую несусветную глупость, на которую-то и ответить сразу не мочно. Наконец, через некоторое время, придя в себя, выдала на гора:

– Вот смотрю я на тебя, старый, и все больше убеждаюсь: чем старей – тем дурней ты становишься. Да неужели ты хоть на миг мог подумать, что я тебя оставлю тут одного, а сама уеду, как ни в чем не бывало?!

– Уезжала же... – не преминул он вставить ей шпильку.

– Да. Уезжала. Не спорю. Но по другим причинам, а не из страха. Детей надо было устраивать, да и здесь ничего не было. Все позакрывалось. И тебе тогда ничего кроме твоих пьянок ежедневных не угрожало. Так что ты кислое с пресным не смешивай.

– Не поедешь, значит? – пряча в бороду теплую улыбку, строго спросил он.

– И-и, не думай даже об этом! – замахала она на него руками.

– А ежели ракеты полетят на нас? – хитро прищурился он, втайне гордясь своей супружницей.

– Ну, так что ж? Полетят и полетят, – спокойно и без лишних эмоций согласилась Фроловна, а затем принахмутив брови, соображая что-то про себя, выдала. – Баллистические – вряд ли. Чай там тоже не дураки сидят, в америках этих. Знают, поди, что обратка завсегда будет. Не нынче, так опосля. А крылатые? – тут она опять немного задумалась, но быстро нашлась. – У «томагавков»¹⁶ от энтих, я слышала, в последней модификации дальность от менее 2000 километров. Да и то производство мелкосерийное только началось. Сыроватая, вишь, модель. Так что вряд ли их задействуют. С Востока – далеко, не дотянутся, да и «Клевер» на Котельном¹⁷, в случае чего прикроет. С Западу – не пройти, тамотко на Кольском стоит едва не дивизия С-400, уж не пропустят, да и флот – того, всегда спит вполглаза. Остается – Север. «Лансеров»¹⁸, у американцев в этом районе, нет и не предвидится, да и мало их, на запчасти все растащили уж. «Спириты»¹⁹ – не катят, потому, как не приспособлены для войны в широтах высоких, покрытие у них малозаметное уж больно сильно обледеневаает, а значит и проку от него никакого нетути, да и могут нести токмо бонбы, брюхо у них, вишь, под ракеты не приспособлено. Остаются тока «пять-

---

¹⁶ Имеется в виду «Томагавк» AGM-86C CALCM.

¹⁷ «Клевер» – военная база на о. Котельный в Восточно-Сибирском море. Комплекс зданий в своей конфигурации напоминает цветок клевера.

¹⁸ Стратегический бомбардировщик-ракетоносец В-1В «Лансер».

¹⁹ Стратегический бомбардировщик В-2 «Спирит».

десять вторые», которые мне ровесниками будут. С этими – смех и грех. Ну да их и видать за тыщу километров, как муху на стекле. Ежели наш «трилистник»²⁰ не проспит, то отобьемся. Скоростенка-то у «топоров» не ахти будет. Дозвуковая. Не чета «Кинжалам»²¹ будут. Наши летуны, что на «МиГах»²² у нас тут околачиваются, если допрежь того не вылакают весь спирт²³, то завсегда успеют перехватить все ихние ракеты. Так что, батюшка, я так по-старушечьи прикидываю, с воздуха нам не грозит ничего. А за море – не скажу. Не знаю. «Подсолнух»²⁴ то еще тока-тока смонтировали, а в деле не проверяли. Или проверяли, да я не усмотрела?

Митрич как открыл рот в начале монолога супруги, так и сидел с ним, выпучив глаза и делая судорожные движения челюстями, чтобы его хоть как-то захлопнуть. Всякого мог он ожидать от своей «половины» за полвека «мирного сосуществования», как иногда в шутку называл он их брак, но

---

²⁰ «Арктический Трилистник» – военная база на острове Земля Александры в архипелаге Земля Франца-Иосифа. Основная задача базы – обеспечение противовоздушной обороны.

²¹ 9-А-7660 «Кинжал», он же Х-47М2 – гиперзвуковой авиационный ракетный комплекс.

²² Имеются в виду МиГ-31 – стратегический перехватчик, предназначенный для поражения крылатых ракет.

²³ МиГ-31 в качестве одного из компонентов топлива использует чистый спирт.

²⁴ Подсолнух – загоризонтная коротковолновая радиолокационная станция ближнего действия. Служит для обнаружения надводных и воздушных целей на расстоянии до 450 км. Применяется в береговых системах контроля надводной и воздушной обстановки.

так-о-ого! Сидел, чувствуя себя дурак дураком, и никак не мог понять, кто сидит напротив него, подперев в задумчивости щеку рукой – фельдшер-акушер или Начальник Главного оперативного управления, умело скрывающийся под личной простоватой на вид и в речах пожилой женщины. Он, в свое время, окончивший академию, и то с трудом мог оперировать подобными сведениями и тактико-техническими характеристиками вооружений. Она – баба абсолютно безграмотная в воинском деле, не отличающая танк от бэтээра, дала полный стратегический расклад всего Северного ТВД.²⁵ Наконец, сделав над собой невероятное усилие, он кое-как, при помощи руки сумел вправить отпавшую челюсть и с нескрываемым опасением, рискнул поинтересоваться у глубоко законспирированного сотрудника КГБ, в этом он уже почти не сомневался, которого ему подсунули пятьдесят лет назад:

– Ты, это, мать, где же успела нахвататься таких секретных сведений?

– Дык, – ухмыльнулась та, – чай не в пустыни живем. Люди-то кругом военные шарахаются. А в магазине-то пока стоишь в очереди, чего только не слушаешься. Не от самих мужиков, так от женок ихних.

– Вот так вот живешь-живешь с человеком и не знаешь, что он и не человек вовсе, а ходячий «сборник индексов

---

²⁵ Театр военных действий.

ГРАУ»²⁶ – покачал он головой, не переставая, однако, удивляться аналитическому складу ума этой кочки, что сидит напротив него.

– Так что, никуда я не полечу. А тем более сейчас не оставлю тебя один на один с этой страшилищей, старый ты греховодник! – кивнула она в окно, где виднелся край сарая. – Всюю то жизнь, норовишь мне какую ни то свинью подложить, аспид проклятый, и вот на тебе. Дождалась. При живой-то жене в дом медведицу приволок. Срам, да и только! Что люди-то скажут?!

– Пустое, мать, баешь, – пристрожил он начавшую было заходиться несправедливым гневом супругу. – Никаких таких срамных мыслей на ее счет у меня не имеется. Просто пожалел, пропадет ведь сама и дите ее с нею. И народ ничего не скажет. Проинструментировал уже. Люди с понятием, в отличие от некоторых несознательных элементов.

Все же желая как-то смягчить вновь чуть было не вспыхнувшую перепалку и желая потрафить своей Фроловне, Митрич опять хитренько пряча улыбку в бороду спросил:

– И как это ты, Фимушка, не испугалась-то ее? Я ведь сарай-то закрывать не стал, думал, что раньше тебя до дому вернусь.

– Как не испугалась? Испугалась, конечно, спервоначалу.

---

²⁶ Индекс (Главного Ракетно-Артиллерийского Управления МО РФ) условное цифро-буквенное обозначение образца вооружения и военной техники, присваиваемое одним из Заказывающих Управлений Министерства обороны

К дому подхожу, ан глядь, на талом-то снегу во-о-т такенные лапищи медвежьи, – развела она руки в стороны. – Пригляделась и вижу, что они, следы энти, вровень с твоими идут. Ага, думаю, значит рядом шли. Следы ровные, да размеренные, значит шли не торопясь, вроде как на прогулке. А там уж и маленькие углядела, – принялась она охотно пояснять. – Еще ближе подошла, смотрю, вроде как кровь на снегу, будто драли кого. Опять испугалась. Пригляделась. Думаю, если бы моего сожрали, то протез от навверняка бы остался валяться, да и калоши, а тут только копыта и видать. Вспомнила я про полть оленины в сараюшке. Да и след твой усмотрела, к крылечку ведет. Ну, думаю, живой значит окаянец. А из сараюшки, слышу, ворчанье, да сопенье. Думаю про себя «раз старика моего не тронул, то и мной может побрезгует». Заглянула. Смотрю, она там забилась внутри, скалится, а передней лапой к себе медвежонка прижимает, вроде как сама опасается. Я ее не стала дразнить, конечно, духом своим, развернулась, да и пошла до дому. Потому как женщина женщину, какая бы она не была, а завсегда понять сможет, и войти в ее положение. А там, немного погодя, и народ стал собираться, в курсе видать. И агитацию твою слушала опосля. Ажно чуть не прослезилась сама. Вот, – закончила она свое повествование, чинно сложив руки на коленях.

– Купер²⁷ ты наш Фениморушка! – засмеялся старик, вста-

---

²⁷ Джеймс Фенимор Купер – американский писатель, известный своими романами из жизни коренных жителей Северной Америки.

вая и обнимая за плечи свою ненаглядную бабуку. Та, в ответ зашмыгала носом, накладывая на его узловатые руки свои пухлые ладошки.

II

Выпроводив из кабинета этого «гаденыша», как успел про себя окрестить старлея Уржумцев, он не стряпая набрал номер амбулатории. К трубке долго никто не подходил. Андрей Семенович уже хотел было ее положить, как на том конце явно запыхавшийся голос терапевта просипел:

– Терапевтическое, слушаю.

– Здорово, Григорич! – обрадовано поздоровался Уржумцев, узнавая голос заведующего терапией. – Ты как будто стометровку с барьером пробежал.

– Семеныч, ты что ли?! – отозвалось в ответ. – Еле признал тебя. Ты там еще не весь на сопли изошел в карантине?

– Да нет, не весь еще. Кое-что осталось, – хохотнул майор.

– Чего там у тебя такое, что ты меня от телевизора оторвал?! – возбужденно спросил врач.

– А что, – майор кинул взгляд на часы, – оторвал тебя от лицезрения парада?!

– Да какого, черт возьми, парада?! Ты в своем уме?! – чуть не взорвалась трубка в руке Уржумцева.

– А что случилось-то? – уже с беспокойством спросил майор.

– Телевизор включи, дурень!

– Да нет у меня в кабинете телевизора, ты же сам знаешь. Ты толком скажи, что стряслось? – уже не на шутку взвол-

новался старший дозиметрист.

– Тогда радио включи! Теракт в Москве. Прямо на параде! Бомбу взорвали! Прямо на трибуне! Все правительство наше поубивало разом! – выдавал информацию доктор, буд-то телеграфировал короткие сообщения.

– Да ты что?!

– Вот тебе, и что!

– Ладно. Сейчас включу, – упавшим сразу голосом сказал майор.

– Включай, – разрешил Григорьевич. – А звонил-то ты за-чем?

– Да я тут, – сразу начал мямлить Уржумцев, понимая всю незначительность своей просьбы.

– Ну, говори, говори, – поощрил его терапевт.

– Да, вот хотел сказать, что направил к тебе старшего лейтенанта Шептицкого...

– Что с ним? – перебил его доктор.

– Собственно, ничего такого. Просто хотел, чтобы ты дал заключение о его состоянии здоровья, препятствующем несению службы, – совсем уже поникшим голосом поведал Уржумцев, впрочем, не вдаваясь в подробности.

– Это который Шептицкий? Из «паркетных»?

– Ну да. Он самый. Я как-то рассказывал тебе о нем. Преприятный типчик.

– Ой, Андрюха, ну ты прям наивный нанайский парень, как я погляжу.

– А что не так-то?

– Да все не так. Я не даю никаких заключений. Единственное, что я могу, так это на основании выявленных симптомов направить его на комиссию. А уж там, хирург, травматолог, ЛОР, невропатолог, уролог, маммолог, проктолог, гинеколог и патологоанатом, пусть дают заключения, каждый по своему профилю.

– А гинеколог-то зачем? – обалдел майор.

– Шутка, – коротко бросил Григорьевич.

– Ну, ты его примешь, если что? – с надеждой спросил приятеля Уржумцев. – И пожалуйста, постарайся найти у него что-нибудь этакое, да позакovyристей.

– Ладно, постараюсь, – добродушно пророкотала трубка и запикала короткими гудками.

Майор осторожно положил трубку и вспомнив о чем шел разговор до этого, метнулся к приемнику, стоящему на верху шкафа с хранящимися агитационными плакатами. Включил. Как раз шел репортаж с места трагических событий. Там же, стоя у шкафа, прослушал ленту новостей связанную с последними событиями на Красной площади, и глубоко призадумался. В связи с последними событиями, грозящими явной смутой, еще неизвестно чья сторона одержит верх в будущем конфликте за власть. А конфликт непременно будет, майор в этом нисколько не сомневался. Сам-то летёха, так себе, гугно на палочке, а не человек, но вот в каком стане окажется его папаша, пребывающий сейчас в немалых чи-

нах, это был вопрос из животрепещущих. До сей поры, папаша явно чего-то опасался, если скрыл в такой глуши своего единственного и от того наверняка любимого отпрыска, никак не способствуя взлету его карьеры. А что будет сейчас, после этих событий? Останется ли он на месте, воспарит ли в поднебесье или камнем рухнет вниз? Это будет зависеть от того, к какой партии он сумеет примкнуть – к победившей или проигравшей. И на этом фоне история со злополучным рапортом может оказаться куда более опасной для карьеры самого Уржумцева, чаявшего не сегодня, так завтра получить вожделенные погоны подполковника, да и смотреть отсюда, пока последние зубы не растерял от цинги. В сложившейся ситуации, рапорт, лежащий в верхнем ящике письменного стола, был совсем некстати.

III

Окрыленный советом майора, Шептицкий ринулся было в амбулаторию, но потом вспомнил, что давненько не менял своего исподнего белья, а щеголять перед врачом в несвежих трусах и еще более несвежих, да еще и с дыркой носках, было для него, как говорится, не комильфо. Поэтому он, прежде чем идти к врачу, решил срочно принять хотя бы душ, а заодно и сменить одежду. Круто развернувшись, он скорым шагом направился к длинному одноэтажному зданию, где находилось общежитие для не обремененных семейными узами офицеров. Комнаты для офицеров располагались по обе стороны длинного как чулок коридора. Его комната под номером 36 располагалась в самом конце коридора. В общежитии было пустынно в это время, как в Сахаре. Часть офицеров несла дежурство, часть отсыпалась, а еще часть проводила время в общественных местах – клубе, спортивном комплексе или столовой. По неписаному правилу офицерского братства, двери в комнаты закрывались только на защелку, и поэтому войти в любую из них можно было без труда – всего лишь отжав дверную ручку. Арнольду было крайне непонятно это обобществление, и он в нарушение традиций, в свою дверь велел врезать замок. Подойдя к своей двери, он вытащил ключ и вставил в замочную скважину. «Хмм, – подумал он, проворачивая ключ, – я ведь

точно помню, что закрывал дверь на два оборота, а получается, что только на один. Интересно». Открыв дверь, он не стал сразу заходить внутрь, а осторожно, не переступая порога, заглянул в комнату. Осмотр ничего подозрительного не выявил. Следов пребывания кого-то постороннего не было. Немного потоптавшись, он перешагнул порог и очутился в небольшой, но уютной комнате, где располагались кровать, диван, платяной шкаф, письменный стол и тумбочка с телевизором. Ничего особенного – обычный набор «трехзвездочной» гостиницы в какой-нибудь Сызрани. Сразу открыл дверь в санузел – никого. Вдохнул с облегчением. «Может я и сам все-таки всего на один оборот закрыл?» – подумал он, поуспокоившись немного. Но не тут-то было. Окидывая внимательным взглядом комнатенку, вдруг неожиданно обнаружил на письменном столе конверт. Обычный, почтовый конверт, как и сотни тысяч его собратьев, разве что без адреса получателя и отправителя. Сердце Шептицкого бухнуло, как молот по наковальне. Раз, еще раз. Дрожащими руками, будто кур воровал, взял его со стола. Конверт был не запечатан. На ощупь чувствовалось, что он не пустой. Сунув пальцы внутрь, нащупал листок бумаги. Вытащил. Раскрыл, сложенный пополам тетрадный листок в клеточку. Ровные и крупные буквы письма не оставляли сомнений в отправителе. Почерк отца он узнал бы среди тысяч иных. Быстрым взглядом пробежал глазами по строчкам. «Здравствуй, Арни! Пишу тебе с подвернувшейся okazji. Почему редко

звонишь? Я уж не говорю о том, что практически не пишешь. Мы все тут беспокоимся о твоём самочувствии, особенно мама. Все-таки Север – самое полезное для здоровья место, но в твоём случае спасительное. Думаю, что ты понимаешь, о чём я говорю. Тучи над твоей головой, кажется, понемногу начинают рассеиваться, но нужно ещё некоторое время, чтобы все успокоилось. Я работаю в этом направлении. Когда в следующий раз захочешь позаимствовать у меня денег, не забудь вернуть их купюрами того же самого достоинства, что и брал. Кстати, твоя знакомая И. шлет тебе привет и присоединяется к нашим с мамой пожеланием тебе доброго здоровья. Это письмо, как ты верно уже заметил, я посылаю не через почту, а через хорошо знакомого и доверенного человека. По его прочтении, верни ему назад. Слушай и исполняй все, что он тебе скажет, как если бы это исходило от самого меня. Надеюсь, что ты не разочаруешь нас с мамой». Письмо было туманным и одновременно достаточно красноречивым. По всему выходило так, что отец был не просто в курсе «проделок» любимого сыночка, но и в какой-то мере его сообщником, если не сказать тайным руководителем. Раздумывая над письмом отца он не заметил, как входная дверь тихо отворилась и за его спиной появилась человеческая фигура одетая не в привычную для этих мест форму, а в столичный «прикид» одного из многочисленных военпредов прибывших с генералом Ивановым для оценки проводимого сегодня эксперимента. Кто это был, понять оказалось

совершенно невозможным, потому что на голове гостя была надета черная «балаклава», полностью скрывающая черты лица. Знаков воинского отличия тоже разглядеть не было никакой возможности. Они были тщательно скрыты под накинутым башлыком. Он неслышно положил руку на плечо Шептицкого. Тот вздрогнул от неожиданности и повернулся всем телом к вошедшему.

– В-вы, к-кто?! – взвизгнул он от неожиданности фальцетом.

– Не шумите, Шептицкий. Это не в ваших интересах, – спокойно произнес неизвестный в прорезь маски. – Я тот, кто указан в письме вашего батюшки.

– Как вы сюда вошли?! – чуть сбавив тон, но, все еще дрожа телом, спросил Арнольд.

– Хватит лепетать глупости! – прошипел «почтальон». – Я, честно говоря, думал, что вы будете поумнее. По крайней мере, со слов вашего отца.

– Вы знаете моего отца?

– Говорят, что на детях природа отдыхает. На вас она основательно потопталась.

– Что вы имеете в виду? – уже обиделся Шептицкий.

– Отдайте мне письмо, как было велено, и садитесь, – повелительным тоном сказал гость и буквально вырвал письмо из рук старлея, самого толкая к креслу. Повелительный тон, с каким он разговаривал с хозяином вкупе с властными манерами, наводили на мысль о немалых чинах визитера.

Всегда привыкший уступать грубой силе, Арнольд и на этот раз подчинился, наконец, уразумев, что этот хам, в принципе не должен ничего плохого ему сделать. Арнольд буквально упал, как подкошенный в кресло возле стола, и прижухался там, зажав руки коленями. Пришелец вольготно разместился на диване. К чести Шептицкого, следует отметить, что он довольно быстро пришел в себя и уже через несколько мгновений с интересом поглядывал на визитера, ожидая от него следующих шагов по налаживанию контакта. А тот, в свою очередь не спешил с вручением «верительных грамот», внимательно оглядывая хозяина с ног до головы, словно прицениваясь. Первым нарушил молчание генеральский сын:

– Я так полагаю, что вопросы типа с кем имею честь, не имеют практического смысла?

– Верно. Для вашей безопасности будет лучше, если я останусь «мистером Икс».

– Ладно. Не буду настаивать, хоть и неприятно вести тайные беседы неизвестно с кем.

– Почему сразу тайные? – удивился собеседник.

– Ну не светские же разговоры вести под маской и с конспирологическими ухищрениями, упомянутыми в письме отца? – в свою очередь выдал порцию удивления Арнольд уже окончательно пришедший в себя.

– Ну, вот теперь я действительно вижу перед собой сына Стефана Станиславовича.

– Степана Станиславовича, – поправил его старлей.

– Не суть, – отмахнулся тот. – Однако, не гоже отказываться от истинных имен своих предков, павших в священной борьбе за рідну Краину и благородные кости которых лежат по закарпатским схранам.

Арнольд поморщился от пафосных речей незнакомца, затронувшего тщательно оберегаемые семейные тайны семьи Шептицких. Однако, оброненная собеседником фраза сразу раскрыла перед ним лагерь из которого к нему заявился незванный посланник. Неверно истолковав гримасу на лице Шептицкого, гость поспешил его успокоить:

– Не волнуйтесь. Я проверил вашу комнату. Никаких «жучков» в ней нет. Можете говорить, совершенно открыто.

– Что вы имеете мне сообщить? – попытался взять быка за рога дозиметрист.

– Прежде всего, мы хотим поблагодарить вас за оказанные нам в прошлом, хоть и небескорыстно, услуги, которые помогли нам несколько скорректировать наши научные изыскания в деле усовершенствования средств химической обороны стран альянса.

– Т-а-а-к, – протянул Шептицкий, до которого стала доходить мысль о некоей связи своего отца и его опрометчивого, о котором-то он не слишком и жалел, поступка, совершенного в порыве страсти к роковой красотке Ингрид, – выходит мой отец, как минимум, в курсе всех моих контактов с вашими представителями?

– Беру свои слова обратно. Вы на редкость сообразительный, для своих лет, молодой человек! – хохотнул гость из-под маски. – Скажу даже больше. Именно фигура вашего отца и является центральной во всей этой кутерьме, которая сложилась вокруг вас. И я даже уверен, что именно он, а ни кто иной, подвел к вам эту не безызвестную Ингрид. И операцией по вашей вербовке руководил он сам. Так что, позвольте поздравить вас с продолжением дела династии борцов с москальским режимом.

– Ага, – не нашелся, что ответить Шептицкий.

– Ладно, – сжалился над ним гость, – это все лирика, не имеющая отношения к нашему разговору. У меня, действительно, не так уж много времени, чтобы засиживаться тут с вами, ведя речи на патриотическую тему. Из письма отца вы видимо уяснили, что все исходящее из моих уст должно быть вами принято к безусловному исполнению, так?

– Да, – коротко кивнул старлей, уже начиная догадываться какое задание ему сейчас дадут.

– Ну, так вот, – продолжил посланник, – эксперимент, успешно проведенный сегодня утром на вашей базе, крайне заинтересовал и даже встревожил наших друзей из-за океана. По имеющимся у них сведениям, в случае дальнейшего успеха в продвижении этого типа оружия, основанного на новых физических принципах, может в корне изменить сложившийся десятилетиями баланс между основными соперниками.

– Да, – согласился Шептицкий, – основные принципы воздействия аппарата на материальные объекты мне, более-менее, известны. И они довольно впечатляющи.

– Вот именно! – поднял кверху указательный палец визитер. – А вы представляете, что будет с нами, с вами, да и всем цивилизованным миром, попади оно в руки ваших оголтелых вояк, если они, каким-то чудом, дорвутся до власти?

– Президент Бутин, мне кажется, не относится к числу мажорков, жаждущих пролития рек крови, – попробовал возразить Арнольд.

– Какой Бутин?! Вы что, с Луны свалились и не знаете, что происходит у вас в стране?!

– А что происходит?! – округлив глаза, спросил Шептицкий, привставая с кресла.

– Час назад, во время военного парада на него самого и на почти всех членов его правительства было совершено покушение смелыми до отчаяния заговорщиками из числа правильно ориентированных граждан. Была взорвана мощная бомба, прямо под трибунами со зрителями. В общем, никто не уцелел.

– Шутить изволите?! – не поверил ему Арнольд.

– Да уж, какие тут шутки? – хмыкнул гость. – Включите телевизор. Убедитесь сами. Только ненадолго залипайте к нему. Мне нельзя у вас долго оставаться.

Шептицкий протянул руку и нажал на кнопку включения телевизора. Тот быстро засветился экраном. Как раз показы-

вали последние события с места происшествия. Минут пять из телевизора доносилась бойкая дробь репортеров, комментирующих происшествие на фоне повторяющегося взрыва.

– Убедились? – спросил пришелец, которому быстро надоело лицезрение хоть и приятного, но уже приевшегося зрелища.

– Да, – ответил Шептицкий, еле ворочая языком, от удивленного.

– Вот видите, народ восстал, наконец, против тирании олигархов и коррупционеров, – слегка усталым голосом, проговорил он, как будто уже в сотый раз, повторяя нерадивому ученику домашнее задание. – И вы думаете, что этим единичным актом все и закончится!? Отнюдь! Власть так просто не отдают. За нее сейчас развернется самая жестокая борьба среди кланов и группировок. И самое страшное, что среди этих группировок есть такие, которые мечтают о реванше за якобы разваленный извне Советский Союз. Они, в своей слепоте, не понимают, что мир уже далеко шагнул от всего этого и возврата в прошлое уже не потерпит. Все имеющиеся пустоты былого влияния сверхдержавы уже заполнены иными игроками и ни за что не откажутся от своих приобретений.

– К чему вы мне тут устраиваете политпросвещение? – вяло перебил говорящего, Арнольд. – Я и без ваших нравоучений знаю, что такое революционная ситуация в разгаре наложившихся друг на друга кризисов.

– А к тому, – продолжил нисколько не смутившийся визитер, – чтобы вы ясно осознавали наши с вами общие цели и задачи.

– И каковы же наши общие цели? – усмехнулся Шептицкий одними уголками губ.

– Наши общие цели заключаются в сохранении сложившегося после распада СССР равновесия.

– А оно, по-вашему, все еще существует?

– Пока, да. Мы, я имею в виду западную цивилизацию, за эти годы в значительной мере сократили общее количество вооруженных сил, но значительно усилили высокотехнологичную их составляющую. Россия, при сокращении армии, модернизировала свою ядерную компоненту. Таким образом, на данный момент времени, сложилось, хоть и шаткое, но все же равновесие. И малейшие колебания в ту или иную сторону, грозят его нарушить.

– Иными словами, вы хотите сказать, что сегодняшние испытания являются угрозой для сохранения равновесия?

– Вот именно. Будь Россия нормальным цивилизованным государством с подлинно рыночной экономикой, сменяемой и демократической властью, соблюдающим и гарантирующим все свободы для своих граждан, не вмешивающимся в дела соседних стран, этот технологический рывок не был бы таким страшным. Находясь под пристальным международным контролем, он бы послужил всему человечеству, ну хотя бы в борьбе с какой-нибудь астероидной опасностью. Но

нынешняя Россия, вместо того, чтобы занять подобающее ей место в международной системе разделения труда, хочет воспользоваться своим, так нежданно свалившимся на нее, военным преимуществом, чтобы диктовать миру свои условия сосуществования. Мы, как передовая часть западной цивилизации, конечно, постараемся в ближайшие сроки нивелировать этот процесс. И у меня нет никаких сомнений в том, что это нам удастся. Но на все нужны деньги, а главное – время. И вы могли бы существенно сократить для нас эти расходы, разумеется, не без выгоды для себя.

При последних словах, произнесенных незнакомцем, у Шептицкого на мгновение вспыхнули затаенным пламенем зрачки глаз, что не могло укрыться от того.

– Хорошо. И какова, по-вашему, моя роль в обуздании русских appetitov? – перешел к конкретике Арнольд.

– Мне импонирует ваша деловая хватка, – кивнул представитель цивилизации. С этими словами он полез в свой нагрудный карман и достал оттуда простой прозрачный целлофановый пакетик, размером примерно в ладонь. Краем глаза, Арнольд уловил какое-то непонятное содержимое.

– Это набор сверхминиатюрных GPS-маячков, – пояснил представитель, перехватывая заинтересованный взгляд старлея. – Я надеюсь, что вам, известно их основное предназначение.

– Слежка за перемещением?

– Совершенно верно, Арнольд Стефанович, совершенно

верно. Здесь, – указал он глазами на пакетик, – восемь таких устройств. Сейчас они деактивированы. Руководство по их активации находится в этом же пакете. На четырех объектах вашей базы, надо будет разместить по два устройства. Это на всякий случай. Или, если это сложно будет сделать на самом объекте, то хотя бы в его расположении, но не далее десяти метров от него.

– И на каких объектах я должен буду разместить эти маяки? – уныло поинтересовался Шептицкий. По своей непреходимой наивности он думал, что ему придется всего лишь поделиться информацией по объекту, непосредственно касающейся его профессиональной деятельности дозиметриста, а тут ему предлагают действовать в роли некоего Джеймса Бонда, на лавры которого он и не рассчитывал покушаться.

– Запоминайте: сборочный цех, испытательный стенд с действующим прототипом аппарата, командно-наблюдательный пункт и РЛС «Подсолнух». Причем, последний, из названных объектов – в приоритетном порядке. Удивлены?

– Признаться, да.

– Я тоже. Но приказ исходит не от меня, а от тех, кому положено. А им виднее, почему так, а не иначе.

– Ясно. Значит, ракеты полетят на цели, подсвеченные мной.

– Не думайте об этом. Сосредоточьтесь на выполнении своего задания. Остальное – не вашего ума дело, – назидательно произнес посланник. Арнольд не стал спорить.

– Ну, насчет РЛС – не проблема. У меня к ней свободный доступ. Наше подразделение обслуживает его работу. А вот по поводу других объектов, а в особенности КНП, будет довольно затруднительно.

– Придется постараться, – безапелляционно заявил собеседник. – Я не тороплю, но надеюсь, что в месячный срок вам удастся это сделать. И заметьте, работа будет очень хорошо оплачена. В десятикратном размере против того, что вы получили в прошлом году.

– Не худо бы и аванс, какой-никакой получить, – закинул было удочку Арнольд.

– Эх, все-таки я, кажется, переоценил ваши умственные способности молодой человек. Где вы их тут будете тратить? И как повезете домой? Аванс мы передадим вашему батюшке. Так будет гораздо надежнее, да и денежки целее будут, уж он-то не профукает их по казино, – прозрачно намекнула маска на былые приключения Шептицкого.

– Оно, конечно, вы правы, – поскучнел сразу Арнольд. – Но у меня появились свои планы на ближайший месяц.

– Какие?

– Я собрался срочно эвакуироваться из этого злосчастливого урочища.

– Ну-ка, ну-ка, просветите обстановку и спешку с перебазированием. Что-то натворили уже?

– Да, нет. Ничего особенного, – пожал тот плечами. – Просто повздорил с вышестоящим начальством.

– Выкладывайте все как на духу, – в приказном тоне велел гость.

Ничего не поделаешь. Арнольду пришлось, сопя и уставив глаза в пол от стыда признаться в сути утреннего конфликта с комендантом. Выслушав внимательно откровения Шептицкого, пришелец ненадолго призадумался, потом тряхнул головой, принимая для себя важное решение.

– В общем, так, – начал он свой циркуляр. – О поданном рапорте – забудьте. О походах по врачебным кабинетам – тоже.

– А как же майор?! Он же даст тогда рапорту ход, если я не получу направления на медицинское переосвидетельствование?

– Не даст. Ему самому это невыгодно, просто он воспользовался вашей наивностью и решил запугать. А вы и повелись на этот нехитрый трюк.

– Ну, ладно. А с полковником-то что делать?

– А на этот счет не беспокойтесь, – зло блеснули глаза в прорезях маски. – Его ликвидацию мы возьмем на себя.

– Это было бы весьма кстати, – запотирал ладошки, в вождении грядущей мести, Шептицкий.

Гость уже поднялся с дивана, намереваясь проститься с хозяином, когда старлей спохватился:

– Как мне уведомить вас о том, что задание выполнено?

– Верно. Я ведь и забыл об этом, – почесал он в затылке. – Жалко, конечно, что у вас тут нет сотовой связи, и планшеты

для личного пользования запрещены. Ну да ладно. Сделаем так. Как у вас все будет готово, вы закажете на местной почте телефонные переговоры с отцом. Это и будет сигналом, что можно начинать операцию.

– А как я узнаю, когда вы начнете операцию? Мне же ведь надо будет где-то укрыться на время ее проведения, – не без резона заметил Шептицкий.

– Не беспокойтесь. У нас здесь кроме вас имеется еще один человек. Он вам и сообщит точное время начала операции. Связь у него с нами односторонняя. Он может работать только на прием сжатых пакетом сообщений. Ему строго-настрого будет запрещен контакт с вами до определенного момента. А именно до установки вами всей необходимой аппаратуры. Как только у вас все будет готово, он передаст вам дальнейшие инструкции. Да, и еще... – гость немного запнулся, но потом продолжил, – постарайтесь за это время ни в какие конфликты не влезать и вести себя, как можно тише и неприметнее. Поверьте, это в ваших собственных интересах.

– Постараюсь, – уныло промямлил он, уже закрывая дверь за уходящим куратором.

Глава 14

I

25 июня 2020 года, Россия, г. Москва, Фрунзенская набережная 22, бункер Национального центра управления обороной РФ и улицы столицы.

В нарушение многолетней традиции, сегодня на службу Афанасьева собирала не супруга, а младшая из дочерей – Анастасия. Чуть свет, когда он забылся в тревожном старческом сне, супруга покинула их совместное ложе и ушла в комнату Юлии, где они, запершись, о чем-то долго шептались. За сорок с лишним лет их семейной жизни, он, вот так вот – в открытую, столкнулся с явной внутренней оппозицией со стороны части своих домашних. Было горько и обидно, а главное – страшно, что его не поняли даже близкие ему люди. Что уж тогда говорить за весь народ? В связи с тем, что завтрак был под категорическим запретом, исходящим от спецслужб, то сборы обещали быть недолгими. С самого раннего утра, Настя вычистила китель и сменила рубашку и погладила брюки. Из чувства солидарности она тоже не стала даже пить чай. Жена так и не вышла из Юлиной комнаты, чтобы проводить мужа на его новую работу. Устраивать с утра разборки со строптивыми домочадцами не хо-

телось. Да он и сам как-то вдруг почувствовал, что внутри него оборвалась вчера, пожалуй, последняя струна, соединявшая его с женой и старшей дочерью. Отныне незримая стена пролегла между ними. Стена росла ввысь и ширилась с каждым часом. Валерий Васильевич, чисто физически осознавал, что это далеко не последняя плата за «царский венец», который грозил превратиться для него в терновый. Голодные спазмы больного желудка, также не добавляли хорошего настроения. Провожая отца, дочь перекрестила его в спину, шепча одну из известных ей охранительных молитв. От вынужденного суточного поста сильно разболелся желудок, и слегка кружилась голова. Все-таки такие физические встряски в его возрасте – дело отнюдь не рядовое. Уже стоя в дверях, он неожиданно обернулся и, почесывая в задумчивости лоб проговорил:

– Я думаю, зря мы стали пороть горячку с этим вашим переселением сюда. Вряд ли сейчас вам что угрожает. Ты, доча, вот что... – запнулся он на секунду, но затем справился с собой и продолжил, – я тут пока буду проходить процедуры, то да се, потом на обратной дороге заеду в банк. А ты пока езжай к себе, собери с Костей вещи, которые можно упаковать, договорись с транспортом, грузчиками на вечер. В общем, перебирайтесь к нам – на казенную квартиру, что на Ефремова. Вот тебе ключи.

С этими словами он достал из внутреннего отделения барсетки, оставленной им вчера в прихожей на табуретке, очеч-

ник, в котором, помимо очков, хранился еще и ключ от служебной квартиры.

– Ну, кто же ключи держит в одном месте с очками? – всплеснула Настя руками. – Стекла же поцарапаются!

– Да, ладно – незаботливо махнул он рукой. – Если с грузчиками договориться не удастся, то позвони мне. Я поговорю с Кондратьичем и Михайловым, авось впятером перетаскаем нехитрые твои пожитки.

– Хорошо. Ты только мобильный не выключай больше, как вчера.

– Ладно-ладно. И да, вот еще что, – опять запнулся Афанасьев, не зная как продолжить начатую фразу, – ты это, матери скажи, чтобы тоже не мешкала с перебазированием из Одинцово в том же направлении. Жуковку, наверное, все-таки мне оставят, ведь я в свое время отказался от ведомственной дачи в Завидово, но с Одинцово это не прокатит. Придется сдать. У меня там вещей-то не так чтобы много было – пара мундиров, да из нижнего белья чего-то, а вот библиотека, которую я собирал много лет, требует, пожалуй, пары грузовиков. Ладно. Сегодня-завтра решим и этот вопрос. Ну, я пойду, а то там уже наверняка Кондратьич копытом землю роет. С этими словами он подхватил барсетку в руки и, провернув клинкет, вышел в коридор.

– Давай, папа. С Богом! – напутствовала его дочь, закрывая за ним массивную дверь.

В коридоре его уже ожидал новый – третий по счету но-

ситель «ядерного чемоданчика». В отличие от предыдущего этого он знал уже не первый год. Невысокий, как и сам Афанасьев, но крепкий и плотно сбитый моряк с погонами капитана второго ранга был одним из старших в группе «носителей», за исключением еще одного, очередь которого придет вечером. Навскидку, ему было где-то под сороковник. Такой же строгий и не улыбочивый, как Завьялов, он все время старался быть по левую руку от генерала, явно смущаясь продемонстрировать тому длинный и неприятно зарубцевавшийся шрам, расположенный на его правой щеке. Шрам был им получен много лет назад в одной из десантных операций Российской Армии, о которых не принято говорить во всеуслышание. И хотя он – носитель не только чемодана, но и довольно вкусной фамилии уже несколько лет молчаливой тенью сопровождал своего босса, стеснительность его никуда не делась.

– Здравствуй, Андрей Ильич! – первым поздоровался Афанасьев со своей «тенью», не дожидаясь, когда тот вскинет руку к козырьку фуражки.

– Здравия желаю, товарищ Верховный главнокомандующий! – слегка удивленно, но, тем не менее, бодро отрапортовал тот, явно не привыкший к тому, что с ним здороваются словами, а не как обычно – кивком головы.

– Как прошла пересмена?! – поинтересовался на ходу Афанасьев у кавторанга.

– В штатном режиме, – все еще немного удивляясь сло-

воохотливости начальства, доложил тот, не останавливаясь и не замедляя шага.

– Я, почему интересуюсь? – задал генерал, как бы самому себе вопрос и тут же пояснил. – Чемоданчик-то теперь остался в единственном экземпляре.

– Да. Мне, как одному из старших, об этом доложили еще вчера. А сегодня я уже связался с самим Игнатием Олеговичем по этому поводу.

– Вот как?! В такую-то рань? И он не послал вас в долгий эротический поход пешком!? – притормозил Афанасьев свои шаги, всматриваясь в Коржика.

– Ну, что вы, товарищ Командующий?! – с удивлением и укоризной вымолвил тот, чуть не врезавшись на ходу во внезапно остановившегося шефа. – Игнатий Олегович милейший и интеллигентнейший человек, имеющий в своей родословной не одно поколение высоко просвещенных дворян. К тому же там, кажется, никто сегодня и не ложился спать. Мы хорошо и плодотворно пообщались. Он меня заверил, что к вечеру недостающие экземпляры будут готовы к эксплуатации.

Произнося эти фразы, Андрей Ильич Коржик поймал себя на мысли о том, что за вот уже почти пять лет как он перешел в это ведомство после тяжелого ранения, это был, пожалуй, самый продолжительный его диалог с непосредственным начальством.

– Ну-ну, – неопределенно хмыкнул Верховный, знавший

о «милейшем и интеллигентнейшем» немного больше чем подчиненный.

– Эй, постойте! – услышали они неожиданный оклик за спиной и тут же обернулись. По длинному коридору бункера к ним спешил, косолапя, «пруссак».

– А-а, Сергей Иваныч! Приветствую! – дожидаясь, когда тот подойдет, протянул руку для пожатия Афанасьев.

– Позвольте и мне с вами!?! – пожимая руку Афанасьеву и кивая кавторангу, проговорил Рудов, запыхавшись от быстроты передвижения. – Я сегодня безлошадный. Водителя своего отпустил – у него вчера была свадьба сына, так что, какой из него сегодня водитель, с бодуна? А в гараже все людские резервы выскребли на усиление патрульной службы. К тому же обстановка в войсках не требует пока моего постоянного присутствия на командном пункте, поэтому у меня сейчас там пока один из замов управляется.

– Милости просим. Места всем хватит, – ответил Валерий Васильевич, с интересом оглядывая папку, что держал в руках Начальник оперативного управления. Перехватив внимательный взгляд Афанасьева, Рудов, кивая на невысказанный вопрос, ответил сам:

– Да-да, полночи вспоминал и вписывал. Было бы времени побольше... – начал, было, он.

– У нас вчера вечером было слишком шумно? – перебил его откровения Верховный, не стесняясь присутствия «те-ни».

– Не знаю! – махнул тот рукой. – У самого было не тихо!

Неудобную, для обоих, тему, продолжать не стали. Тем более, что уже подходили к КПП бункера, где уже маячила фигура Михайлова.

– Здравия желаю, товарищ Глава Высшего Военного Совета! – бодро отбарабанил он, как и положено «поедая начальство глазами» и выпячивая молодцевато грудь.

– И тебе не хворать, Борис Борисыч, – коротко козырнул в ответ Афанасьев. – Ну, докладывай, что у нас плохого случилось, пока мое Главство почивать изволило? – с ноткой ехидства и фривольности в голосе поинтересовался диктатор.

– Все плохое, что могло случиться – случилось еще вчера, – не принимая игры, ответил подполковник.

– Хорошо. Тогда идемте, и по дороге расскажете обо всем, – сказал Афанасьев, поняв, что адъютант не расположен к игривости тона.

Они зашагали к шахте лифта мимо козырнувшего дежурного, а Михайлов меж тем продолжал, как и велено, докладывать на ходу:

– Докладываю по мере очередности поступления сообщений. Временный глава МЧС Нечипоренко отчитался в том, что основные работы по разбору завалов и извлечению тел погибших и их фрагментов закончены. Тела руководства страны и почетных гостей худо-бедно собрали и, уложив в гробы выставили для прощания в Колонном Зале Дома Со-

юзов, что расположен в Охотном Ряду. К восьми часам утра его откроют для всех желающих проститься. Первый заместитель Министра иностранных дел Сергей Алексеевич Рябцов уже разослал телеграммы-соболезнования от имени МИДа всем пострадавшим сторонам.

Афанасьев чуть покривился от такой новости:

– Торопится Сергей Алексеевич застолбить участочек. Нью-нью... Борис Борисыч, – обратился он к адъютанту, – ты мне напомни после возвращения, чтобы я связался с МИДом, а то негоже оставлять такой орган без присмотра.

– Есть, напомнить, – отозвался Михайлов.

Поднялись наверх. Тем временем Михайлов, набрав побольше воздуха в грудь, выдал следующую порцию новостей:

– Еще Вениамин Андреевич сообщает, что при разборке завалов спасатели вышли к эпицентру взрыва. Взрыв произошел в подземном туннеле, на глубине около трех метров от поверхности...

– Это было известно еще вчера, – встрял Рудов.

– Да, но разобрав завал, образовавшийся вследствие взрыва, они прошли по этому проходу несколько метров и обнаружили там тела четырех неизвестных людей, одетых в форму сотрудников ФСО в стадии трупного окоченения, но без внешних признаков насильственной смерти. Тела были направлены в специализированный морг, находящийся при специальной клинике ФСБ. Там они были опознаны как сотрудники московского отделения ФСО, пропавшие накану-

не.

– Кто бы сомневался, – буркнул Глава. – Свидетелей всегда принято устранять, а уж сообщников-то и подавно.

В вестибюле по случаю раннего утра было пусто и тихо. До пересмены дежурных операторов Центра Национальной Обороны оставалось еще более получаса. Начальник караула, при виде первых персон государства, замер козыряя. Вышли. Машина Афанасьева, свежeweымытая и от того сверкающая на рано взoшедшем Солнце всеми своими хромированными частями уже ждала у подъезда. Возле машины стоял свежeweыбритый, благоухающий во все стороны «шипром» и в новой кожаной куртке – Аверьян Кондратьевич. Рядом, в состоянии подогрева уже стояли два БМД-4²⁸ и несколько крытых КАМАЗов с надписями на лобовых стеклах «люди».

– Эка, ты вырядился, Кондратьич?! Словно на именины! А уж надушился-то?! У-у! – удивился Афанасьев виду своего персонального водителя, ранее никак не замеченного в особенной презентабельности.

– Так и есть, Василич! Именины не именины, а рождение новой власти, как-никак. Сам понимать должен. Ты теперь – первое лицо государства, ну, а я при тебе, тоже, стало быть, на виду. Значить, и мне марку держать надoбно, – осклабилcя тот, подбоченившись. – Какой маршрут, начальство?! – В Ясенево, – коротко бросил Афанасьев Кондратьевичу и подошедшему для уточнения маршрута офицеру из головной

---

²⁸ Боевая машина десанта.

машины сопровождения. Расселись. Коржик впереди – с водителем, а Рудов с Афанасьевым на задних сиденьях. Михайлов, сев к ним лицом, приготовился докладывать полученные известия, не торопясь и обстоятельно.

Несмотря на понедельник, машин на дороге, как это ни странно, было до чрезвычайности мало. Лишь военные патрули на перекрестках, усиленные бронетехникой указывали на то, что Москва вымерла еще не до конца. То ли это было следствием объявленного комендантского часа, то ли карантинные меры, наконец, начали свое воздействие на, всегда спешащих куда-то, москвичей – неизвестно. Понятно было только одно – столица, как вздыбившийся конь на краю пропасти замерла в своем разбеге, ожидая чего-то непонятного и от того пугающего. Ехать было недалеко. А по причине отсутствия, как встречного, так и сопутствующего транспорта, поездка вообще обещала превратиться в приятную прогулку «с ветерком».

– Получены соболезнования от глав ряда второстепенных государств... – начал Михайлов.

– Не актуально, – скривился Верховный. Адьютант понятиливо кивнул и продолжил:

– Уже поздно вечером пришло сообщение с полигона в Белушьей, – вопросительно глянул подполковник на генералов.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался сразу Рудов, а Афанасьев, сначала, даже не понял о чем речь. Последние собы-

тия, напрочь выветрили из его головы, распоряжение, данное им накануне о том, чтобы его держали в курсе по поводу испытаний изделия академика Вострецова. И только рапорт подчиненного напомнил ему о досадной забывчивости. «Так незаметно начинается склероз» – подумал он про себя, признавая первое поражение от старости и давая себе одновременно зарок завести напоминальник в виде блокнота, а не полагаться во всем на мнемонические способности помощников.

– Представитель Министерства обороны – генерал-лейтенант Иванов в шифровке доложил, что испытания прошли штатно и все заявленные цели достигнуты. Сам он вылетел только что с подробными материалами по итогам испытаний.

– Как прибудет, пусть немедленно придет с докладом. Как я понял, в прошлый раз из объяснений прозвучавших на коллегии, эта установка может в корне изменить военно-политическую ситуацию в стратегическом масштабе, – жмурясь от нечаянно доставленного и никак не ожидаемого удовольствия, проговорил Афанасьев. – Что-нибудь еще?

– Да! – почти светясь от радости, подтвердил адъютант. – Сотрудники ФСБ, нагрянувшие на виллу Песошникова, что на Рублевке, не обнаружили там ни хозяина, ни его сожительницы, ни дочери, что проживала с ними. По утверждению сотрудников, у них сложилось впечатление, что хозяева в спешке покинули жилище, прихватив с собой все более-менее ценное. Ими также зафиксирована пропажа из га-

ража личных авто пресс-секретаря президента и его пассии, запомнил ее фамилию, – потер лоб Михайлов.

– Кафка, – вставил Рудов, хищно улыбаясь.

– Нет, – возразил Афанасьев, – Франц Кафка это великий писатель-сатирик прошлого века, а она просто шлюшка из кордебалета.

Рудов и Михайлов уважительно уставились на просвещенного в литературе шефа, в котором они раньше и не подозревали матерого библиофила.

– Крысы покидают тонущий корабль, – резюмировал Рудов. – В любом случае, чую, принесут они нам еще кучу неприятностей. План перехвата объявили?

– Да. Как только обнаружили их отсутствие, то сразу объявили план перехвата, как генерала ФСО Вдовенко, так и Песошникова со своей шмарой.

– Когда тонущий корабль поймет, что все крысы, обитавшие в нем, покинули трюм, то он, пожалуй, передумает тонуть на радостях. Не знаю, как там насчет Вдовенко, а эту «сладкую парочку» надо искать в районе посольства Великобритании, – хмуро буркнул Афанасьев.

– Почему?! – вырвалось сразу у Рудова и Михайлова.

– Вы, что, думаете, по простоте душевной он отправил свою старшую дочь еще несколько лет назад на Оловянные острова?²⁹ Цель была одна – подготовить почву для будущей эвакуации. Я не питаю никаких радужных иллюзий по пово-

---

²⁹ Старинное название Британского архипелага.

ду данного обстоятельства, поэтому считаю, что мы опоздали, и они уже находятся на территории посольства.

– Ничего! Выкурим как-нибудь и оттуда, – зловеще хрустнул костяшками пальцев Рудов.

– Ну-ну, Аника-воин, – успокаивающе тронул его за коленку Афанасьев, – побереги свой пыл на куда более грозных неприятелей, чем это лобковая вошь. И уже опять обращаясь к Михайлову, – Есть еще что-нибудь из актуального и животрепещущего?

– Имеется, товарищ Верховный. По информации распространяемой БелТА,³⁰ президент Белоруссии Александр Лукашенко сразу по прилету дал прямо у трапа самолета интервью местным теле и радиоканалам, в котором сообщил, что, вот, цитирую, – Михайлов раскрыл папку, которую все это время держал в руках, – «произошедший теракт в Москве был направлен именно на него и лишь благодаря его природному чутью, еще ни разу не обманывавшему его на протяжении двадцати пяти лет спасся не только он сам, но и в его лице, вся Беларусь. И это еще раз подчеркивает, что Бог, тем самым, оберегает не только его самого, но и весь белорусский народ и указывает на правильность выбранного им курса. В связи с этим президент Белоруссии призвал экзархат Белорусской Православной церкви обратить на это свое сугубое внимание».

– Послал же Бог союзничка, – прокряхтел сидящий рядом

---

³⁰ Белорусское телеграфное агентство

Начальник Главного оперативного управления и негласный заместитель диктатора.

– Да, – согласился с ним узурпатор. – С такими друзьями и врагов не надо. – Аверьян Кондратьич, ты как представитель народа, скажи, что там говорят о вчерашних событиях?

Кондратьич вскинул глаза к зеркалу заднего обзора и встретился взглядом с Афанасьевым. Немного помолчал, собираясь с мыслями, а затем как бы ни к селу не к городу молвил:

– Вот хорошо, что я еще с вечера догадался у дежурного генерала Центра Управления бумагу пропуск выправить на перемещение по городу во время комендантского часа, а то сейчас бы ты ловил такси по городу или на армейском грузовике тряся.

– Прости, Кондратьич, закрутился, – виновато развел руками Афанасьев.

– Вот, то-то. Всегда оно так. За большим и малое не разглядишь. А уж с твоих-то нынешних высот, то и подавно, – ворчливо заметил водитель. – А про то, что люди говорят... Не знаю. На людях-то редко когда бываю. А только вот, возвращался я вчера домой с работы. Хоть и поздновато уже было, а все ж таки светло еще. Живу-то на седьмом этаже. Лифт в доме опять сломался, едрит, твою, налево. Решил перекурить перед тем, как подняться. Там на лавке сидят, как водится, живые камеры наблюдения пенсионного возраста. Ну и я присел к ним на пару минут. Они по своему женско-

му обычаю галдят, как крачки на птичьем базаре, а тут сидят прижухались, ровно мыши под веником. Ну, я им весело так говорю, чтобы значит расшевелить их: «Привет, все-российскому профсоюзу пенсионеров от русской недвижимости! Поздравляю вас со сменой власти в стране!» Они на меня вроде как даже и не смотрят. Только вздыхают этак горестно. Наконец, одна, как бы про между прочим, и говорит, опять же не глядя на меня, будто я место пустое, али морок какой: «А чему это ты батюшка возрадовался-то так?!» «Как же, – говорю ей, – новая власть – новая жизнь! Глядишь, и жить веселее будет при новой-то власти!» А она, пригорюнившись, пуще прежнего, и отвечает: «Да где это видано, чтобы простому люду при смене в верхах жить доводилось лучше прежнего? Отродясь такого не бывало». «А не вы ли, старые вороны, – отвечаю я ей, – все каркали с утра до вечера, что де и власть плохая и коррупция везде, да воровство!?» «Каркали. Вестимо, – не стала спорить со мной ее товарка, – а только уж больно плохая примета у новой-то власти». Спрашиваю у ней: «Это какая же?» А она мне и отвечает: «Народу вишь простого сколько полегло. Ни за что, ни про что. При последнем императоре тоже вон, с Ходынки³¹ все началось и гражданской войной закончилось. Так вот. О хорошем уже и не мечтаем, как бы хуже не стало». Я ей тоже отвечаю в свой черед: «Ты бабка не мели чего не

---

³¹ Массовая давка, произошедшая на Ходынском поле в дни торжеств по случаю коронации императора Николая II.

надо, да мозги не пудри. Мы ить тоже не за печкой уродились, понимаем что почем. Там, сначала император на трон уселся, а потом ходынское побоище учинилось, а тут наоборот все. Сначала люди погибли, стало быть, еще при старой власти, а уж потом и новая появилась на свет. Соображать должна о причинах и следствиях, швабра старая». Вот и поговорили, а ты спрашиваешь, как там народ?

– Что, так прямо и сказал ей «старая швабрара»?! – спросил, не веря своим ушам Михайлов, не оборачиваясь к водителю. Тот только покрутил головой:

– Вечно ты Борька лезешь со своим мнением, когда взрослые гуторят. Ведь наверняка ты родился недоношенным, – сокрушенно сказал Кондратьич.

– От чего это вы так решили?! – засопел Михайлов, старательно изображая обиду на лице.

– А от того, – охотно пояснил Кондратьич, – что не хватило у тебя терпезу досидеть там до положенного срока.

– Скажете, то же, – фыркнул адъютант, но уже без симуляции обиды, ибо такие перепалки между ними случались частенько.

Так за разговорами и доехали до знаменитого «Аквариума»,³² высящегося за шлагбаумом КПП и отсвечивающего зеркальными гранями в лучах утреннего Солнца. Пройдя все положенные формальности, связанные с идентификаци-

---

³² В обиходе «Аквариумом» называют старое здание 2-го Главного управления Генерального штаба, то есть Главного разведывательного управления.

ей личностей, сидевших в авто (сопровождающие остались за шлагбаумом ждать снаружи), машина плавно подкатила к главному входу, возле которого уже было тесновато от черных лимузинов, что немало удивило Афанасьева, рассчитывавшего на свою первоочередность в этом не совсем приятном деле.

II

25 июня 2020 года, г. Москва, р-н. Ясенево, здание 2-го Главного Управления Генерального штаба ВС РФ.

В просторном вестибюле уже толпилась кучка генералов, что были записаны в первую партию. И хотя время процедур у каждого было строго индивидуально, пришла вся партия, видимо из неискоренимого чувства природного любопытства русского человека. Вторая партия в это же самое время должна была собраться на Лубянке для прохождения аналогичной процедуры. У многих из них в руках были папки. «Ага, – подумал Афанасьев, – не иначе, как декларации». Среди генералов Афанасьев сразу углядел фигуру, неловко топтавшегося в сторонке, а потому, чувствовавшего себя парией, Булдакова. Поздоровавшись со всеми за руку, Верховный не обошел рукопожатием и его, чем вызвал немалое удивление в глазах Начальника Тыла. Но то, как судорожно он ответил на рукопожатие Афанасьева, говорило о его крайней степени растроганности. По нетерпеливым взглядам Афанасьев сразу понял, что все ждали именно его приезда. Вперед выступил сам Николай Павлович Тучков, сходу заявивший:

– Прошу вас, Валерий Василич, не удивляться тому обстоятельству, что встречу я вам и всем остальным назначил именно здесь – в ведомстве Игоря Олеговича, а не у себя на

Лубянке. Просто я посчитал для себя неприличным проводить подобные операции в своих стенах, раз уж я оказался инициатором всей этой затеи. Так скажем, для чистоты эксперимента.

– Да, ладно вам, Николай Палыч, я все прекрасно понимаю, и поверьте, высоко оцениваю ваш такт, – рассыпался в комплиментах Глава Высшего Военного Совета. – Куда прикажете идти?

– Игорь Олегыч! – позвал эфэсбэшник Костюченкова, потерявшегося в толпе генералов. – Первая партия лабораторных мышей для дальнейшей сепарации представлена в полном составе, а именно в количестве десяти особей. Ведите в свою разделочную.

По толпе прошелестел нервный смешок. Всем было не очень комфортно в этих хоть и прозрачных, но холодных стенах. Костюченков, одетый сегодня в гражданское, застенчиво улыбаясь, приблизился к Афанасьеву. Затем встав рядом, обернулся к стоящим и уже притихшим генералам:

– Товарищи! Сейчас мы все поднимемся на второй этаж, пройдем по коридору направо до следующего холла, а оттуда через стеклянную дверь проследуем в наблюдательную комнату, где и будем, в качестве свидетелей следить за опросом своих коллег. Целлофановые пакеты и пузырьки с нашатырем нам выдадут на месте.

– А зачем это нам нашатырь и пакеты? – с испугом спросил кто-то неестественно тонким от волнения голоском.

– Пригодится, – веско произнес моряк в штатском, а затем добавил, – на всякий случай.

– Ну, что ж, как говорил Данте: «Веди нас, Вергилий!»³³, – не стал тянуть резину Афанасьев и первым двинулся к лестничному пролету.

Широко шагая по лестнице вверх, Афанасьев краем глаза заметил, как его соратники, чуть замешкавшись поначалу, гуськом потянулись за своим шефом. В холле второго этажа их уже поджидала женщина средних лет в белом халате, что говорило о некоей ее причастности к медицине. Женщина не вызвала никаких эмоций у окружающих, так как халат ее был слишком длинен, а под ним виднелись джинсы, да и половину ее лица скрывали очки с громадными дымчатыми стеклами в пол лица, что делали ее похожей на большую стрекозу. Комната наблюдения, куда их привели, была на редкость скудно обставлена мебелью. Кроме пары десятков обычных офисных стульев в ней ничего более не наблюдалось. Зато был громадный черный экран, почти во всю стену, назначение которого Афанасьев тут же угадал:

– Одностороннее окно в соседнее помещение? – спросил он у Костюченкова, кивая в сторону блестящей черной поверхности экрана.

– Совершенно верно, – согласился тот. – Отсюда мы сможем наблюдать за всеми перипетиями, происходящими на том конце, не привлекая к себе внимания. При этом он что-

---

³³ Слова из поэмы Д. Алигьери «Божественная комедия».

то шепнул женщине-медику и та, подойдя к экрану, что-то там нажала, и он осветился, показывая соседнее помещение. С «полиграфом» Афанасьев был знаком не понаслышке, так как сам проходил через него, еще, когда только-только перевелся в Генштаб. Там все было по-простому: к запястью и к виску цепляли датчики на присоске, а человек в штатском долго и заунывно задавал вопросы из совершенно разных областей, на которые всего-навсего надо было давать односложные ответы в стиле «да» или «нет». Здесь же все было по-другому. Помещение больше всего походило на стоматологический кабинет, «навороченный» всяческой малопонятной постороннему глазу аппаратурой. В центре находилось нечто среднее между зубоврачебным и гинекологическим креслом. Гмм... Вокруг кресла суетились двое рослых и мускулистых мужчин в белых халатах, но с засученными рукавами, что невольно наводило на мысли об их мастерстве в области «заплечных дел». Сверху на кресло падали какие-то провода и яркий круг направленного на него света, оттенявший все вокруг. В углу стоял пульт, усеянный всевозможными кнопками и тумблерами. За пультом тоже сидели двое в цивильном одеянии, но лиц их было не разглядеть. Завершало убранство «пыточной камеры», как про себя окрестил Афанасьев эту комнату, странного вида люстра с разноцветными плафонами на шарнирах, какие бывают обычно на молодежных дискотеках. Генералы, с опаской косясь на увиденное в окошке «кресло» робко расселись на стулья, нерв-

но подрагивая коленями. Врачиха, сопровождавшая их сюда, из-за своих очков, напоминая стрекозу, вышла вперед, заслоняя собой экран.

– Ну, – тоном строгого учителя, спрашивающего у нерадивых учеников о выполненном домашнем задании, – кто у нас тут самый храбрый? Давайте-ка по-быстрому, мальчишки-зайчики, у нас всего один кабинет, а вас целая уйма. Боюсь, что и в два дня не уложимся. Так что, поторапливайтесь.

– Я готов, как и договаривались, быть вашим первым пациентом, – громко произнес Тучков. – Ведите.

– Хорошо, – согласилась дама не шевелясь, – выйдите отсюда и зайдите в соседнее помещение.

Афанасьев машинально отметил начало процедуры, глянув на циферблат своих часов. Время было ровно 7.00 утра. Тучков, молча, повиновался указанию «стрекозы» и уже через несколько секунд оказался на экране. А дальше началось то, от чего у Афанасьева, да и, кажется, у большинства из присутствующих поползли мурашки по спине размером со средней величины таракана. С замиранием сердца все увидели, как тот, в полной тишине, сначала передает в руки одного из сидящих за пультом свою папку, с которой он до сего момента не расставался, затем начинает зачем-то раздеваться до трусов, и неловко, явно непривычно, вскарабкивается в «кресло». Афанасьева передернуло от одной только мысли, что через некоторое время и его голое, белое, как у дохлой рыбы брюхо, тело с вислым животиком и волосатыми

коленями станет предметом всеобщего обозрения. «Срочно надо заняться гимнастикой, хотя бы по утрам» – мелькнула некстати мысль. А экран продолжал показывать, как один из дюжих молодцов протягивает Тучкову мензурку с какой-то явно неприятной на вкус жидкостью, судя по выражению лица испытуемого. Потом началось вообще нечто ужасное. Кое-как умастившего свое атлетическое тело в «прокрустово ложе» кресла пыточных дел мастера живо зафиксировали в нем длинными эластичными ремнями, полностью лишая того какой либо свободы телодвижения, что наводило Афанасьева на грустные мысли о не такой уж и безобидной предстоящей процедуре, как давеча говорил сам врио ФСБ. «Стрекоза» подошла к экрану, покрутила и пощелкала там какими-то приспособлениями, и звук из соседней комнаты полился в уши наблюдателей, судорожно прижимавшими к себе свои «покаянные листы» в папках. Молодцы тем временем, не спеша и перекидываясь даже не словами, а какими-то междометиями, продолжали свое дело. Из-за спинки кресла достали некое подобие шапочки с множеством разноцветных проводов тянущихся от нее куда-то вдаль. Шапочку аккуратно натянули на голову, зафиксировав ремешком на подбородке. Затем, все также не спеша, перешли к другим частям тела. Куча датчиков на присосках буквально опутали тело несчастного, теперь Валерий Васильевич уже в этом не сомневался, Николая Павловича, с ног до головы, не оставляя на нем ни сантиметра свободного пространства. Верхов-

ный впился глазами в лицо Тучкова, пытаясь отыскать на нем следы какого-нибудь дискомфорта, но лицо эфэсбэшника было хотя и спокойным, но не выдавало признаков неудовольствия. Напротив, оно постепенно разглаживалось и расслаблялось, приобретая черты умиротворенности и снисходительности к поступкам всех без исключения жителей Земли (видимо препарат из мензурки начинал свое действие). Закончив паучью деятельность по опутыванию своей жертвы проводами с датчиками, наследники Малюты Скуратова достали из карманов своих белых халатов и водрузили на свои лица темные очки с плотно прилегающими наглазниками. «А вот это уж совсем что-то новенькое» – поежился Верховный. Сидящие рядом с ним генералы, многие из которых прошли горнило не одной из необъявленных войн последнего десятилетия, кажется, даже забыли, как дышать, настолько тихо было в комнате. А тем временем люстра с разноцветными плафонами немного опустилась вниз и включила свои огни. Огни были красными, желтыми, зелеными и синими. Веселенькое разноцветье этих огоньков делало обстановку в комнате неестественно карнавальной. Огоньки в плафонах вяло перемигивались, так что это стало наводить дремотное состояние на всех, кто наблюдал за происходящим. Откуда-то послышались тихие звуки органной музыки. Это был, без всякого сомненья Бах, великий мастер органной музыки. Музыка тихо звучала, и медленно моргали огоньки в люстре. Афанасьев с детства был лишен музыкального слуха, но

даже он уловил, что огни в плафонах гаснут и вновь зажигаются в такт органным звукам. Дикое сходство происходящего с дискотекой становилось все явственней. Казалось, что время и пространство сначала поменялись местами, а затем незаметно растворились друг в друге. Валерий Васильевич и сам не заметил, как потерял всякую связь с окружающим его миром. В себя его привел звук упавшей на пол папки одного из внезапно уснувших соседей. А музыка, меж тем, начинала звучать громче и огни в плафонах замелькали гораздо шустрее. Дождавшись, когда тело подопытного окончательно расслабится и впадет в некое подобие нирваны, с застывшей на размякшем лице глуповатой улыбочкой и только что не пускающим слюни, специалисты, сидящие за пультом, приступили к следующей фазе допроса. Основываясь видимо на том материале, что Тучков передал им вместе папкой, они довольно толково начали задавать вопросы по теме, касающейся возможной незаконной экономической и политической деятельности «пациента», на которые, впрочем, тот охотно давал исчерпывающие ответы, не убирая с лица идиотской улыбки, так раздражавшей Афанасьева в эти минуты. Время от времени, кто-то из молодцов в халатах покидал допрашиваемого и подходил к операторскому пульту. О чем-то шушукаясь с сидящими, он затем возвращался, что-то там подправлял в амуниции «подопытного кролика» и после этого вопросы стали носить все более конкретный и въедливый характер. К вопросам и ответам Афанасьев мало прислуши-

вался. Его не интересовали вопросы «крышевания» бизнеса, финансовые пирамиды и сомнительного свойства сделки, проворачиваемые Тучковым. В конце концов, результаты допроса будут, как они вчера договорились на Совете, в открытом доступе для всех его членов, и он в любое время может ознакомиться с ними. Сейчас же его больше всего интересовало физическое и интеллектуальное состояние своего будущего коллеги. Он впился глазами в экран, пытаясь найти на лице Николая отпечатки физиологических и душевных страданий. Поглощенный этим нелюбезным созерцанием он и не заметил, как сменилось музыкальное сопровождение допроса. Теперь это был уже не благородный Бах, а усиленный динамиками звук метронома, бьющий по вискам. Разноцветные огни при этом замелькали с неистовой скоростью, создавая почти непреодолимую рябь в глазах и сильнейшее головокружение. Вместе с изменением музыкального и цветового сопровождения сменилось и поведение людей в белых халатах. Афанасьев никак не ожидал подобного поворота событий. Это были уже не люди, неспешно и размеренно делающие свою привычную, казалось бы, работу, это были какие-то изверги, потерявшие вмиг всякое подобие человечности. Мало того, что они деятельно стали вмешиваться в процесс допроса, так они вообще стали вести себя похамски. Они поочередно буквально выкрикивали вопросы в лицо бедного генерал-полковника, обвиняя его чуть ли не во всех смертных грехах. Вопросы сыпались как из Рога изоби-

лия, причем один нелепее другого. И все это на полном серьезе. Его обвиняли в связях со всеми спецслужбами мира, в продаже государственных тайн и сдачи наших агентов за рубежом, о тайных личных счетах в иностранных банках и еще Бог знает о чем. Они уже не столько спрашивали, сколько безапелляционно утверждали, что их «пациент» продан сразу всем разведкам мира. Войдя в раж, один из молодчиков ухватил Тучкова за ухо, торчащее из под шапочки, и выворачивая его, как у провинившегося в чем либо мальчишки, начал орать ему в ухо прямые угрозы и оскорбления. Лицо пытаемого покрылось обильной испариной, он даже не всегда успевал отвечать на задаваемые вопросы, не то, что на оскорбления, а тело при этом яростно выгибалось в пароксизме не то невыносимой боли, не то наслаждения. «Господи! Неужели они ток пустили?! Это уже не наследники Малюты, а какие-то внуки доктора Менгеле³⁴» – с ужасом подумал Верховный. В голову начинали закрадываться мысли о том, что если они так по-палачески относятся к врию директора всесильного ФСБ, то что же они сделают с ним? Тут, или придется брать на себя все вины Мира, или пасть смертью храбрых от сердечного приступа. Тело Тучкова продолжало биться и выворачиваться в диких конвульсиях, но молодцев это только раззадорило сильнее прежнего. Дело дошло до откровенного рукоприкладства. То один, то другой,

---

³⁴ Й. Менгеле – немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны.

то и дело отвешивали Николаю Павловичу увесистые затрепанные. И тут Афанасьев, который сам был уже почти на грани обморока, услышал шум и какой-то посторонний и непривычный звук у себя за спиной. Он тут же обернулся. Среди оцепеневших от изумления генералов, лежал, видимо только что упавший со стула танкист Бибииков. Его обильно рвало. Проигнорировавший вчерашнее предупреждение Тучкова о крайней нежелательности набивать чрево съестным накануне процедуры он теперь бурно извергал из своего желудка остатки не переваренной до конца пищи. На помощь ему никто из зрителей не спешил. Те и сами находились в трансе, от увиденного на экране, проклиная в душе все и вся. Афанасьев уже сам хотел было броситься на помощь товарищу по несчастью, но тут двери распахнулись и в комнату вошли двое здоровенных амбала, ростом под потолок и, повинуясь повелительному жесту «стрекозы», бесцеремонно подхватили бравого танкиста под руки, уводя куда-то. Вслед за ними, словно она уже ждала у двери, в комнату вошла пожилая женщина-уборщица с ведром, наполненным какой-то ароматизированной жидкостью и шваброй. Бормоча себе под нос, какие-то неллицеприятные высказывания в адрес всех мужчин и Бибиикова в частности, она быстро замыла место нечаянного «преступления» и убралась восвояси. С момента начала экзекуции, а иного эпитета Афанасьев никак не мог подобрать, как ни старался, прошло всего-навсего около часа. Верховный окинул взглядом сидящих. Многие выглядели не

лучше танкиста, о чем свидетельствовал цвет их лиц. Некоторые так и вообще находились на грани обморока. Бодрячками выглядели только трое: хозяин всего этого торжества – Костюченков, спецназовец Лютиков, да десантник Сердолов. Ну да оно и понятно. Эти трое и не такое еще видали на своем веку, и с методами «экспресс-допроса» они были знакомы не понаслышке. Издевательства над главой ФСБ продолжались еще порядка двадцати минут. Афанасьев уже думал, что этот ужас не кончится никогда, и он сам сойдет с ума раньше несчастного «жандарма». Но неожиданно звук метронома, в последней стадии перешедший почти в барабанную дробь, вдруг прервался, будто с размаху врезавшись в стену. Вслед за ним перестали мелькать огни во вращающихся плафонах. Вспыхнул обычный свет. Добрые молодцы в белых халатах из палачей сразу переквалифицировались в спокойных и даже в какой-то мере заботливых санитаров обычного сумасшедшего дома. Выпростав Тучкова из паутины проводов, они бережно, под локотки, подвели его на подгибающихся ногах к неприметной кушетке, примостившейся где-то в дальнем углу помещения для того, чтобы тот смог немного прийти в себя и попытаться самостоятельно одеться. Афанасьев понял, что пришел и его черед испить из этой чаши. Он встал со своего стула, и не глядя никому в глаза, не выпуская барсетку из рук, боясь оставить ее без присмотра, шаркающей стариковской походкой направился к выходу, чтобы через пару мгновений очутиться на экране

и испытать на себе все прелести бытия диктаторской жизни. «Хосподи Иисусе! – мысленно осенив себя крестным знаменем, начал он молиться, с трудом подбирая нужные слова, – спаси и сохрани, мя, грешного!»

С Тучковым он встретился, когда тот все еще не до конца придя в себя, сидел на кушетке, вяло и слепо, шаря вокруг себя, в поисках своей одежды. Его все еще потряхивало. Афанасьев не стал интересоваться его самочувствием. Тут и так все было видно и понятно.

Следующие полтора часа были для Афанасьева самыми кошмарными в его жизни. Пыточных дел мастера вывернули его наизнанку, как старый чулок, из которого посыпался весь мусор, собранный за шестьдесят пять лет. Чего там только не было?! Там было всё. Нет, не так. Там было ВСЁ! Кроме уже заявленных им публично, незаконных финансовых операциях и «откатах» от коммерческих структур и протекционизма, с использованием служебного положения, там были и такие вещи, о которых он уже и забыл давным-давно. Медбратья не постеснялись вытащить на свет даже такие эпизоды его подростковой жизни, как подглядывание в женскую раздевалку, на уроках физкультуры в школе. Всё, все чего он стыдился и старательно прятал в закоулках памяти, наивно надеясь, что это никогда не станет достояние общественности, было вытряхнуто и выставлено напоказ. А он, как страдающий диареей не смог удержать это в себе, и захлеб рассказывал, рассказывал, рассказывал. Он был в

полном сознании, поэтому с крайним удивлением воспринял тот факт, что его мозг сумел сохранить в себе такие подробности как номера и даты фиктивных договоров, названия банков и даже счетов с невероятным количеством цифр. Разумеется, как он и предполагал ранее, не обошлось и без рукоприкладства. «Добрые» санитары выворачивали ему мочки ушей, брызгая слюнями в лицо, и горланя нелепые обвинения, безжалостно били по щекам, всячески оскорбляли и чуть не плевались, что было особенно обидно и неприятно. Затуманенным сознанием он только сумел мысленно поблагодарить своего предшественника, сидевшего недавно в этом «прокрустовом ложе» за предупреждение о нежелательности приема пищи перед этой репетицией казни. Если бы он не послушался Тучкова, как самонадеянный Бибииков, его уже раз пять бы вытошнило. Однако, голодный желудок выдавал только болезненные спазмы и судорожные позывы к рвоте. Особой боли от издевательств не было. Была просто горькая обида на то, что с ним, прожившим на свете уже немало лет, кто-то может вот так просто и без решения суда обращаться как с закоренелым преступником. После окончания этого кошмара, все те же «санитары» (мать их, ети!) тут же переквалифицировались в заботливых и любящих наследников у ложа тяжелобольного дедушки-миллионера. Чуть ли не на руках отнесли его на кушетку, где даже попытались помочь одеться, так как в первые минуты, после окончания процедуры, он пребывал в полнейшей прострации, мало осознавая

где и зачем находится. Немного отдышавшись и придя в себя, он кое-как надел на себя брюки и даже без посторонней помощи застегнул пуговицы на рубашке, что в его состоянии было почти подвигом. Туфли надевать не стал, не желая, чтобы обитатели этого узилища видели, как он корячится. Да и лишние минуты, проведенные им в этих застенках, были сейчас для него сродни дополнительным пыткам.

III

Пошатываясь на плохо гнущихся ногах, одной рукой держась за стенку, а другой, держа туфли, он самостоятельно, часто хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, выбрался в коридор. В коридоре его уже поджидали, готовый к пыткам Рудов и Костюченков – хозяин этого милого заведеньица.

– Как ты, Валера?! – участливо бросился к нему Сергей Иванович.

– Как я вел себя? – игнорируя вопрос друга, выдавил он из себя через силу.

– На уровне. Мне бы так, – с ноткой зависти ответил «пруссак».

– Ща и тебе представится такой случай, – решил пошутить Афанасьев уже более твердым голосом.

– Да это я уже понял еще вчера, – в тон ему ответил Рудов. – Ты, это Валер, ты уж как-нибудь дождись меня? Ладно? Мне как-то спокойней будет.

– Ладно, – кивнул тот ему уже в спину, скрывающуюся за двойными стеклянными дверьми.

– Я, со своей стороны, тоже могу подтвердить, что держались вы молодцом. Причем, даже не имея специальной подготовки, – подольстился Костюченков, когда за Рудовым уже закрылись двери.

– А что, разве к этому безобразию можно еще даже как-то подготовиться?! – удивился Афанасьев.

– Готовиться можно ко всему. Выдержать все – уже вопрос, – назидательно резюмировал моряк.

– Скажите, Игорь Олегович, – уже начиная полностью приходить в себя, спросил Афанасьев, – а так ли уж необходим был весь этот балаган с оскорблениями и откровенным мордобитием?

– Без этого никак, – развел руками адмирал.

– Но какова подоплека всему этому?

– Все элементарно, – пародируя хриплые интонации голоса известного актера, взялся пояснять он Верховному. – Тут все завязано на психологии. Оскорбления и нелепейшие обвинения нужны для того чтобы заведомо вызвать чувство обиды за несправедливость, которое, по сути, должно во-первых, вытеснить все другие посторонние чувства. Во-вторых, рассеять внимание, дезориентируя в направлении истинных целей задаваемых вопросов. В-третьих, не дать времени на придумывание ложной версии ответа. Ну и еще там, уже по мелочи.

– Ага. А битье по лицу тоже из этой серии?

– Да. Но не только и даже не столько для этого. Дело в том, что тот препарат, который вы перед этим употребили, изготовлен с применением компонентов из линейки пентатала натрия и производит релаксирующее воздействие на весь организм, включая мышечные функции и функционал всего

состава высшей нервной деятельности. Препарат весьма специфичен по своему содержанию. В качестве одного из трех компонентов его употребляют в Соединенных Штатах для подавления высшей нервной деятельности при исполнении казней путем инъекций. Так что, нанося вам удары, не спорю, довольно чувствительные, наши сотрудники, скажем так, спасали вам жизнь, не давая уснуть. Ибо этот сон мог быть для вас дорожкой в одну сторону.

– Это что же, значит, мне еще нужно и поблагодарить их за это!? – хмыкнул Афанасьев.

– Ну, по крайней мере – не держать обиды за проявление профессионализма.

– Кстати, – отвлекся от темы Афанасьев, – где у вас тут можно перекусить пришлому человеку? Или у вас тут кормят только своих? А то я со вчерашнего дня хожу голодный. Того и гляди, что еще немного и упаду в голодный обморок.

– Столовая на первом этаже. Как спуститесь, так сразу налево по коридору и до конца.

– Спасибо. Да, вот еще что. Совсем забыл. Передайте Николаю Павловичу и Дмитрию Аркадьевичу, что к 16.00 собираемся в «малом» кабинете Министерства, будем беседовать с Юрьевым.

– Хорошо. Сейчас передам. Оба, где-то здесь обретаются.

– А вы когда пойдете?

– Я иду следующим – за Сергеем Ивановичем, где-то через полтора часа примерно, так не желаете ли лицезреть мои от-

кровения в качестве моральной компенсации?

– Да ну вас к бесу, Игорь Олегович, – отмахнулся от него Афанасьев, намереваясь пойти и срочно заткнуть глотку, вопящему от голода желудку, хоть чем-нибудь.

– Туфли! – крикнул ему вдогон Костюченков.

– Что?! – не понял Афанасьев, оборачиваясь к адмиралу.

– Я, говорю, туфли оденьте. Они у вас в руке.

– А-а-а, туфли! – неловко улыбаясь своей рассеянностью, проговорил Верховный, ища глазами ближайшее креслице с откидным сиденьем, что стояли в коридоре. На первом этаже, куда он спустился, маячила фигура Коржика, хмурого от того, что надолго потерял из виду единственного гаранта ответно-встречного удара. Видя в каком состоянии пребывает шеф, он кинулся было к нему, но тот только отмахнулся и спросил:

– Андрей Ильич, поснидаешь со мной?

– Недавно завтракал, товарищ Верховный. Ступайте, я вас тут подожду.

В большой и светлой столовой, которую он без труда отыскал, народу почти не было. Поэтому отыскать свободный столик не составляло труда. Очереди на раздачу тоже не было. Привычно взяв поднос из стопки, сложенной на одном из столов, он подошел к окошку в стене. Возле окошка висело меню, написанное от руки и приклеенное скотчем. Слегка шурясь (в глазах еще немного двоилось), вчитался в написанное.

– У вас тут как, бесплатно кормят или по талонам, а то я что-то кассы не приметил? – спросил он у рослой блондинистой девицы предбальзаковского возраста, стоящей на раздаче.

– Да что мы, нехристи, что ли какие, что своему президенту тарелки супа не нальем за счет заведения?! – нисколько не смущаясь, ответила она, подбоченившись и сверкнув при этом своими крупными глазами. Обычная девица. Ничего особенного. Не уродина и не красавица, но вполне фигуристая. Такие обычно нравятся мужчинам предпенсионного возраста, когда с молоденькими уже страшновато, а с ровесницами еще рановато.

– Ой, как хорошо! – обрадовался Афанасьев, а то у меня и денег-то с собой нет.

– Ну, если уж даже у вас нет денег, то видать, действительно в стране худо идут дела, – опять смело проговорила девица, как будто ей было не привыкать вести беседы с первыми лицами государства. – Что брать будете?

– Суп молочный, если можно, то две порции. И котлеты с картошкой, тоже две. Хлеба еще и кофе.

Девица оценивающе оглядела его с ног до головы, словно просветила насквозь рентгеном. От ее взгляда он обеспокоился, и тоже начал оглядывать себя, думая, что забыл что-нибудь застегнуть ниже пояса. Да нет, вроде все в порядке.

– Не женаты, или уже в разводе? – бесцеремонно поинтересовалась она, уставляя просунутый им поднос тарелками.

– С чего это вы взяли? – обиженно поджимая губы, ответил он вопросом на вопрос.

– Дык, как же?! С утра, а уже голодный, значит, дома не кормили. А раз не кормили, значит некому, – вывела та логическую цепочку. – У меня глаз наметанный, я ухоженного мужика завсегда отличу от брошенного.

– Ничего я не брошенный, – уже начиная всерьез обижаться, пробормотал он, – просто супруга за городом, на даче отдыхает, – соврал он и покраснел, что не укрылось от ее внимательных глаз.

– Ну, да, конечно, – то ли поверила, то ли не поверила она. – А кофе не берите. Дрянь кофе – «ребуста». Лучше возьмите какао. Натэ, вот, – поставила она сама стакан на его поднос.

– Спасибо, – снова буркнул он и поспешил восвояси с полным и тяжелым подносом. Выбрав свободный столик, начал лихорадочно сгружать на него содержимое подноса. Молочный суп и паровые котлеты это как раз то, что и было нужно сейчас его больному желудку, который от запаха еды уже лез на стену. В пять минут, обжигая рот и жмурясь от удовольствия, он опорожнил двойную порцию супа и уже примеривался к котлетам, алчно сглатывая невольную слюну, когда напротив него приземлился на манер Карлсона, то есть, не спрашивая разрешения на посадку, откуда ни возьмись, Тучков. Он уже успел привести себя в порядок и ведь не скажешь, что каких-то полтора часа назад он был похож на па-

циента психушки. По лицу Афанасьева было видно, что это соседство его несколько не обрадовало, но Николаю Павловичу, судя по всему, на это было глубоко наплевать. Положив локти на стол, он начал без предисловий:

– Нашли Вдовенко.

– И где? – поинтересовался Афанасьев, не поднимая голову от тарелки.

– В морге.

– Застрелился что ли? – спросил Верховный с безразличием в голосе.

– Да нет.

– О-о-о! – отвлекся от котлеты, поднимая голову на собеседника Верховный – Это уже любопытно.

– Нашли его еще вчера утром в аэропорту Шереметьево-2, в «зеленой зоне». Хоть воздушное сообщение в связи с вирусной опасностью и ограничено, чартерные рейсы кое-куда, все еще летали. Поэтому народу было не шибко много. Все государства сейчас спешат эвакуировать своих граждан на родину, вот и он видимо хотел выскользнуть под этой маркой. В кармане у него нашли дипломатический паспорт с визой на имя гражданина Ирландии – Найджела Шорта. Он еще не успел пройти регистрацию, когда была объявлена «Гроза», поэтому сидел в зале в ожидании прояснения обстановки. Опоздай вы с «Грозой» хотя бы на полчаса и он благополучно бы смылся. Внимания то сразу на него не обратили. Ну, сидит себе человек и сидит. Час сидит в одной

позе, второй час сидит. Кто-то, из ожидающих своего рейса, взволнованный донельзя закрытием воздушного пространства возьми, да обратись к нему с каким-то вопросом. Он, естественно не ответил. Его за плечо тронули, он и повалился на бок. Администрация Шереметьево, как это и положено в подобных случаях, вызвала местную «скорую» и полицию, которые совместным актом засвидетельствовали смерть, направила тело в морг, и уведомило МИД, посольство Ирландии и нас, естественно.

– А что, разве морги и по воскресеньям работают? – удивился Валерий Васильевич, приканчивая первую из котлет с гарниром.

– Да. Все столичные морги вчера работали. Причем в авральном порядке. Именно по этой причине очередь на вскрытие до него дошла только к вечеру. Когда приступили, наконец, к вскрытию, то обнаружилось, что покойный был мастером по части перевоплощения, что немало удивило патологоанатомов, о чем они и поведали прибывшему сотруднику МИДа. Тут и завертелось. У сотрудника МИДа была с собой фотография настоящего Шорта, действительно работающего в посольстве Ирландии. И на первый взгляд отличить покойного от изображения на фото было весьма затруднительно. Но это было только до тех пор, пока грим не стали убирать с лица покойного. Вызвали районных криминалистов и сотрудников «убойного отдела», потому как дело приобретало скандальный оборот. А тут, как раз, и ориенти-

ровка на Вдовенко подоспела. Стало уже совсем весело.

– Что показало вскрытие? – спросил Афанасьев, отдуваясь, однако, с сожалением смотря на уже пустую тарелку.

– Ничего особенного. Сердечный спазм. Однако «убойщиков» не удовлетворил подобный диагноз и они тут же связались с нами.

– И?

– Наши специалисты забрали тело в морг специальной клиники ФСБ для дальнейшего анализа. Да, и, кстати, у тех четверых, что нашли в тоннеле в форме фэсэошников, предварительный диагноз тот же самый. Как говорит наш любимый телеведущий: «Совпадение? Сомневаюсь!»

– А что говорят ирландцы?

– Они сначала громко возмущались проявленной с нашей стороны шпиономанией, но когда при них были сняты остатки грима с лжеШорта, то сразу заткнулись. А уж когда наш сотрудник МИДа не без ехидства поинтересовался у них, что, если на столе в морге, как они утверждали до этого лежит действительно их соотечественник, то, как они поступят с его живой, пока еще, копией, быстренько и не прощаясь умелись.

– Что думаете предпринять в связи с этим делом? – спросил Афанасьев, размешивая чайной ложечкой оседающее на дно стакана какао.

– Проведем тщательный и сравнительный анализ всех трупов на предмет отравления высоколетучим соединением.

Снимем показания видеокамер в «зеленой зоне». Киллер, убивший Вдовенко, возможно уже сам сейчас кормит рыб где-нибудь в Москве-реке с ногами в тазике.

– Вполне вероятно, – согласился Верховный, прихлебывая, уже порядком остывший, напиток. – Хозяева избавляются от ненужных уже слуг. Вы куда сейчас?

– Сейчас поеду допрашивать своих бывших шефов и кураторов, а что?

– Как закончится эта бодяга с нашими признаниями, видео можете оставить себе в архиве, а для членов Высшего Военного Совета оформите в текстовом виде на специальном электронном носителе, для запуска по закрытой сети Генштаба, чтобы все члены Совета могли ознакомиться не только со своим досье, но и с досье соратников.

– Так ли уж это надо?

– Надо, – с нажимом проговорил Афанасьев. – Между членами Совета не должно быть никаких тайн. Нельзя начинать новое дело не доверяя друг другу.

– Кто-то из Совета может не удержаться и тогда информация может выплыть наружу.

– Это не так страшно, как может показаться вначале. Зато у шантажистов не будет инструментов воздействия ни на кого из нас. Да и еще...

– Я слушаю, – подался вперед Тучков.

– Дайте задание вашим аналитикам, на основе полученных показаний подготовить к публикации в СМИ истинных

деклараций членов Совета без упоминания источников получения незаконно приобретенного. Будем жестко требовать со всех возврата в казну всего «непосильно нажитого».

– Хорошо. Но вот только решит ли это общую ситуацию с коррупцией во всей стране?

– А кто вам сказал, что мы собираемся на этом останавливаться?! Нет уж, дудки! Через вашу «головомойку» я намерен пропустить весь высший чиновничий корпус, включая губернаторов. Хватит выжимать из народа все соки на пенсионную реформу, пора начать наполнять бюджет из куда более полноводного источника, нежели карманы простых граждан.

– Возможны брожения. Особенно в национальных окраинах.

– А это уж твоя забота. Да и вот еще что. Не в обиду будь сказано, а тебе ведь тоже не грех потрясти свои кадры, а то уж больно часто сотрудники вашего ведомства стали мелькать в уголовных хрониках. Не хорошо как-то.

– Не спорю. Много проходимцев затесалось к нам за эти три десятка лет. Пустили уже корни, – тяжело вздохнул Николай Павлович.

– Вот и надо их под корень срезать. А насчет брожения, я думаю, ты преувеличиваешь чуток. Когда народ воочию увидит, какими богатствами владеет эта кучка и что на них тоже есть управа, а изъятое в свое время у народа к нему же и возвращается в виде школ, больниц, детских садов и

пенсий, а не рассовывается вновь по карманам, то и бурлить смысла не будет. Главное – правильно вести информационную политику в этом направлении. И до тех, кто не до конца зажрался донести мысль, что занимаемый пост это тяжкая обязанность, а не средство к обогащению. И я очень рассчитываю на то, что в твоём ведомстве еще остались те кому «за державу обидно».

– Хорошо. Мы немедленно займемся этим. А только не худо бы для придания авторитета вернуть нам наше прежнее название, а то аббревиатуру «ФСБ» уже никто всерьез не рассматривает настолько все изгадили и извратили засланцы всех мастей.

– Не хочешь быть директором, а хочешь стать председателем?

– Ага, – по-простецки ответил потомок славных предков.

– ладно. Вынесем этот вопрос на Совет. Я так думаю, что на сегодня и завтра придется отменить заседание Совета. Какие из них советчики после ваших застенков? Надо им дать прийти в себя, да и не имеет смысла заседать пока не проявлен вопрос о лояльности всех членов будущего Совета. Но Президиума это не касается. Так что к 16.00 в «малом» кабинете Министерства обороны и в том же составе.

– Понятно. Разрешите идти?

– Ступай, Николай Палыч. Ступай, голубчик.

Тучков не стал злоупотреблять вниманием Верховного. Поэтому отодвинувшись встал со стула и не козыряя (был

в штатском по своей обычной привычке) вышел из столовой. Афанасьев тоже решил не засиживаться, так как хотел успеть встретить из «головомойки» Сергея Ивановича. Официантов в столовой он не заметил, следовательно, придется убирать со стола самому. Не спеша встал, собрал на поднос пустую посуду и направился опять к раздаточному окошку, в котором уже виднелась та самая девица. Высунувшись в окошко, она, подперев щеки обеими руками, внимательно наблюдала за телодвижениями диктатора. Судя по всему, она уже изрядное время наблюдала за ним. «И чего она на меня уставилась своими глазищами?» – ежась под ее немигающим взглядом, подумал он в раздражении, подходя к ней.

– Спасибо. Все было очень вкусно, – выдавил он из себя дежурную фразу благодарности, намереваясь поскорее покинуть столовую.

– Бабу вам надо, товарищ президент, теплую и душевную, – негромко проговорила она, принимая поднос и в то же время, не отводя от него своих крупных серых глаз, – а то ходите будто потерянный, а это неправильно в вашем-то возрасте.

– Вы с ума сошли?! Я женат! У меня дети и внуки! – негромко, но твердо и слегка возмущенно ответил он ей. Но та решила не обращать никакого внимания на его слова.

– Я работаю – сутки через трое, – все также негромко сказала она ему, когда тот уже начал отходить. Он, не оборачиваясь, покрутил пальцем у виска. Затем отойдя еще немно-

го, словно запнулся и остановился. Потом обернулся к ней, чтобы высказать какую-нибудь колкость в ее адрес по поводу неуместной приставучести. Она, улыбаясь, неотрывно смотрела на него. И в ее улыбке была какая-то застенчивость и теплота. Все прежние мысли, будто ветром выдуло из его головы, и вместо этого он просто спросил:

– Звать-то тебя как, глазастая?!

– Вероника, – ответила она тихо, явно смутившись, так как ничего хорошего не ожидала в свой адрес от него получить.

– Ага. Стало быть Вера В Победу. Ну-ну, – хмыкнул он и поспешил к выходу, спиной чувствуя ее провожающий и недоуменный взгляд.

Глава 15

I

25 июня 2020 года, г. Москва, улицы столицы.

От сытости и осознания того, что страшные мучения уже позади, он вполне бодро вскарабкался снова на второй этаж. Уверенным шагом, пройдя по коридору в холл, он вошел в «смотровую», где в состоянии полной прострации сидела первая партия проверяемых. Его появление внесло некоторое оживление в среде «приговоренных». Видя, как еще час назад он еле выкарабкивался из пыточного кресла, держась за стену, а теперь вполне резво вышагивает тут перед ними, многие начали невольно бодриться, понимая, что все не так уж и фатально, нежели им представлялось доселе. Раз Верховный жив и здоров, значит и с ними ничего страшного не случиться не должно.

– Ну, что там наш Сергей Иваныч? – спросил Афанасьев, ни к кому конкретно не обращаясь и не прислушиваясь к доносящимся крикам с экрана.

– Еще мучают бедолагу, изверги, – простонал кто-то из наименее стойких.

– Товарищи, – обратился он к сидящим с видом, как будто их приговорили к расстрелу, – у меня, как у прошедшего че-

рез горнило испытаний, появилось предложение о переносе Общего Собрания Высшего Военного Совета. Все-таки нашему организму, далеко немолодых людей, уже трудновато переносить подобные мероприятия без последующего отдыха. Меня вон до сих пор потряхивает. Как вы на это смотрите?

Генералы загудели, соглашаясь с такой постановкой вопроса.

– Хорошо. Тогда я отдам распоряжение секретариату военной коллегии оповестить всех заинтересованных лиц о переносе первого планового заседания на четверг, примерно на восемь утра.

Наблюдать, как истязают «пруссак» «комод» не стал, предпочитая дожидаться того в коридоре.

И действительно, ждать того долго не пришлось. Уже где-то через пятнадцать минут, тот выполз из «пыточной», чуть ли не четвереньках. Афанасьев вместе с подоспевшим к месту Костюченковым, которому пришел черед идти на экзекуцию, как могли, усадили безвольное тело соратника на одно из креслиц, где тот долго и со всхлипом вдыхал в себя воздух, пока его взор не приобрел более-менее осмысленный вид. Убедившись, что с Рудовым все в порядке, адмирал скрылся за дверями зловещей комнаты.

– Поесть не хочешь? – участливо спросил он друга, когда тот наконец-то отдышался.

– Не-не! – яростно затряс он коротко стриженной головой

с проседью. – Ни минуты не останусь в этом гестапо! Если ты меня не подвезешь – пешком уйду отсюда.

– Ну, тогда тебе придется покататься со мной. Согласен?

– Конечно. Мне сейчас надо малость развеяться, отвести душу, пристрелить кого-нибудь, – не то всерьез, не то пошутил он. – Не слышал, чего я там наговорил, а то у меня что-то с памятью? Как отшибло.

– Не слышал. Я в столовой был. Но думаю, что оба мы с тобой наговорили немало. По старому, еще советскому Уголовному Кодексу, дай Бог памяти, если в соответствие с 92-й статьей, так, до пятнашки с поражением в правах. Ладно. Отдышался? Встать можешь?

Тот кивнул и кое-как встал. Ноги слегка подкашивались, поэтому бережно поддерживаемый Афанасьевым он неспешно побрел к лестнице. На первом этаже их встречал уже опять невозмутимый Коржик. Выйдя на свежий воздух, он глубоко вздохнул, вбирая в себя ароматы лесной чащи, окружавшей «аквариум» и даже попытался расправить плечи. Втроем подошли к машине с распахнутой со стороны водителя дверцей. Михайлова видно не было, в отличие от водителя. Тот же был на месте и как видно время даром не терял. Разложив на коленях бутерброды, он со вкусом уписывал съестное, заботливо приготовленное супругой, и запивал все это, судя по запаху из открытого термоса, натуральнейшим кофе. Увидев подходивших к нему начальников, он не спеша завернул недоеденное в бумагу, и быстро допив кофе,

закрыл термос. Уже подойдя ближе, они увидели прикорнувшего на заднем сидении адъютанта. Видимо того разморило долгое ожидание шефа и он решил немного вздремнуть, чувствуя, что и эту ночь придется спать в режиме боеготовности.

– А?! Что?! – вскинулся тот, когда машина стала заполняться пассажирами.

– Спи-спи, Борисыч, – прогудел Афанасьев, проявляя несвойственную ему доселе теплоту в обращении с подчиненными.

– Простите, товарищ Верховный Главкомандующий! Разморило на солнышке, – начал оправдываться Михайлов, растирая лицо и оправляя на себе форму. Расселись в том же порядке, что и прежде.

– Новости поступали? – для проформы поинтересовался Афанасьев.

– Никак нет. К одиннадцати жду утреннюю сводку.

– Не бойсь, Василич, – встрял Аверьян Кондратьевич, – было бы чего спешное, так уж давно бы доложили. – Куда путь держим? А то вон уже подходит сопровождающий, маршрут уточнять.

– Надо бы мне в Банк «Столичный». Кондратьич, посмотри там по навигатору, где ближайшее отделение?

– Что-то я про такой банк и не слыхивал, – проворчал водитель, неумело набирая корявым пальцем название в системе навигации.

– Да тут же есть голосовое меню! – не утерпел Михайлов. На этот раз водитель не стал спорить с Михайловым, а просто проигнорировал того.

– Банк «Столичный», несоизмеримо уступая Сбергательному в количестве отделений, тем не менее по капитализации не так уж далеко от него отстоит. На всю Москву у него вряд ли найдется больше десятка офисов, но зато там обслуживаются vip-клиенты. Вот поэтому, нигде не афишируя себя, он, как паук находится в самом центре наиболее крупных финансовых потоков. Простому человеку туда даже и мечтать нельзя зайти, – со знанием дела начал доводить информацию до окружающих Афанасьев.

– Ага! Нашел! Ближайшее отделение находится в Раменках, на проспекте Ломоносова, – воскликнул Аверьян Кондратьевич. И пока он согласовывал предстоящий маршрут через открытое окно с офицером сопровождения, в салоне машины продолжился диалог.

– Решил разделаться с долгами, как и обещал? – спросил тихо Рудов.

– А чего тянуть? Это как в анекдоте: раз назвался Клизмой, так полезай-полезай.

– Как говорит мой сын: «респект и уважуха», – подняв большой палец кверху, прокомментировал сообщение Рудов. – Я тоже на днях поеду. Скорее всего, в субботу. Тебе проще. У тебя только в одном банке вклад, а мне еще придется помотаться по городу. Я ведь, страсть какой осторож-

ный – никогда все яйца в одну корзину не складываю.

– Вот поэтому ты и Начальник главного оперативного управления, – поддержал его Афанасьев. – Ну да, ладно. У нас еще есть время, пока доедем до Раменок, поэтому, чтобы его не терять, Борис Борисыч, – обратился он к Михайлову, – поищи-ка ты мне личный номер телефона твоего тезки – Бориса Иваныча.

– Юрьева?

– Да.

Михайлов выудил из внутреннего кармана пухлый блокнот, и быстро пролистав страницы, нашел нужный номер. Затем снял массивную эбонитовую трубку спутниковой связи, укрепленную в специальном ложементе между креслами и оборудованной защитой на основе квантового шифрования.

– Набрать?

Афанасьев кивнул, не тратя даром слова, на которые всегда был скуповат. После нескольких продолжительных гудков послышался спокойный и уверенный голос Юрьева:

– Слушаю.

– Здравствуйте, Борис Иваныч!

– Здравия желаю, товарищ Глава Высшего Военного Совета! – сразу узнал его голос Юрьев.

– Я уже смирился с мыслью о том, что мне не суждено разбогатеть, – невесело пошутил Афанасьев.

– Просто вы пока не ставили перед собой эту цель, – возразил ему Юрьев.

– Возможно. Борис Юрьевич, вы ведь знаете, что из меня никудышный дипломат. И я не поддерживаю Талейрана³⁵ в его суждениях о том, что язык дипломату дан для сокрытия его истинных мыслей, поэтому начну без околичностей, – перевел дух и сглотнул слюну Верховный, готовясь приступить к главной мысли, но Юрьев тоже не придерживался этой теории, поэтому сам закончил начатую Афанасьевым мысль:

– Хотите предложить мне пост Министра обороны в новом правительстве?

– Ну что у нас за генералитет такой?! Ни у кого вода в заднем проходе не держится, – раздосадованным голосом произнес он в трубку. – Супостатам и на шпионов тратиться не надо, успевай только брать интервью у наших бравых генералов.

На том конце послышался негромкий и соответствующий приличиям смешок:

– Не вините напрасно своих соратников, Валерий Васильевич. Просто они привыкли видеть во мне своего человека, хоть я и больше гражданский, чем военный. Признаюсь честно, что я и сам ждал от вас звонка с предложением нечто подобного. Правда, должность министра обороны я к себе не примерял.

– А какую примеряли?

– Что-то связанное с прежней моей тематикой – закупка

---

³⁵ Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754–1838), французский политик и дипломат при Наполеоне I, по совместительству русский шпион.

и внедрение новых образцов вооружения.

– Пост министра даст вам в этом плане куда больше возможностей, чем прежде.

– А вас не смущает, что я хоть и носил мундир генерал-полковника, но, в сущности оставался прежним «пиджаком»?³⁶ Я ведь никогда не командовал не то что дивизией, но даже и батальоном.

– Дивизиями и батальонами будут командовать те, кому это положено. К тому же в этом деле вы будете отнюдь не первопроходец. Последние наши три министра имели к армии более чем опосредованное отношение, хоть двое из них и носили погоны с большими просветами. А третий-то и вообще был, стыд сказать – «мебельщиком».

– Ну, что ж, этими словами вы вселяете в меня некое подобие уверенности...

– Следует ли мне расценивать ваши последние слова, как прямое согласие на несделанное предложение?

– Да. Именно так и расценивать. Засиделся я что-то в этом болоте. Еще немного и волосы из ушей начнут расти.

– Волосы?! – не сразу сообразил, о чем идет речь Афанасьев.

– Братя Стругацкие «Понедельник начинается в субботу», – опять усмехнулась трубка.

– А-а-а?! Да-да! Теперь и я понимаю аналогию, – заки-

---

³⁶ «Пиджаками» в армии принято называть офицеров запаса, не имеющих опыта военной службы, но прошедших в свое время военную кафедру.

вал Верховный невидимому собеседнику, припоминая сюжет знаменитой повести. – Ну, вот и хорошо. Вот и договорились.

– Однако, прежде чем давать окончательное согласие, мне хотелось бы обговорить с вами сразу круг моей компетенции и детали наших с вами взаимоотношений, потому как, хоть мы и давно с вами знаем друг друга, но оба пребываем в новом для нас обоих качестве, – сразу оговорил Юрьев степень дистанции между ними.

– Да. Вы, Борис Иванович, безусловно, правы. Чтобы не возникало ненужных коллизий и недопонимания, необходимо сразу оговорить детали нашего сотрудничества. Правда, сейчас это сделать не совсем удобно. Я сейчас нахожусь в машине, да и по телефону такие вопросы не решаются. Давайте мы с вами поступим так: у нас на 16.00 назначено первое заседание Президиума Высшего Военного Совета, если вы подойдете к нам в Министерство к этому времени, то было бы замечательно. Там все и обсудим. В «малом» кабинете.

– Хорошо, Валерий Васильевич, – ответил он, нисколько не чинясь. – Только отдайте распоряжение, чтобы мне выписали, хотя бы временный пропуск в здание, а то мой прежний аннулирован.

– Да-да, разумеется. Я отдам все нужные распоряжения. Всего доброго.

– Всего доброго, – эхом отозвался Юрьев.

– Люблю таких, – проговорил Афанасьев, обращаясь к Ру-

дову, после того, как пристроил трубку на место. – Кремень, и цену себе знает и в то же время не из зазнаек.

– Да, – согласился «пруссак», – хоть и шпак, но есть в нем какая-то военная жилка. Нечто вроде стержня. Побольше бы нам таких управленцев, а не всяких там черт-те знает, откуда набранных по знакомству. Но человек непростой. Трудно будет с ним.

– И в то же время – легко. Потому как понимающий глубину и специфику вопросов касающихся его компетенции. А насчет того, что не прост... Так все кто прост, все по палатам лежат. В дурке. С простыми и незатейливыми мыслями.

Михайлову хватило ума не вмешиваться в разговор «больших дяденек», поэтому он надев гарнитуру переговаривался с различными службами, собирая очередную порцию информации об обстановке в стране и за рубежом. Коржик, по своему обыкновению сосредоточенно молчал, а Кондратьичу тоже было не до разговоров, так как движение ближе к центру столицы становилось все оживленнее и это требовало особой концентрации со стороны водителя.

– Борисыч, – обратился к нему Афанасьев, – свяжись с КПП и распорядись от моего имени выписать пропуск для Юрьева, а то в нынешней нервной обстановке, как бы ему на входе руки не заломили.

– Ладно. Не спорю, – поднял обе руки вверх Рудов, как бы сдаваясь. – С этим делом, кажется, решили. Осталось разобраться с инженерами и тогда Совет будет в целом сформирован.

рован.

– А вот здесь я хотел бы попросить твоей помощи, Сергей Иванович, – сказал Афанасьев, положив руку на колено Рудова. – Ты бы помог мне, а то не знаю, за что вперед и хвататься.

– Говори, что надо сделать? – повернул к нему голову Рудов.

– Ты бы сходил в Инженерный институт. Пообщался бы там с кем надо. Прощупал бы их. Определился бы с кандидатом на пост. Да и вообще, разобрался бы с этим делом. А то там какая-то непонятная чехарда затевается то со слиянием с Общевоисковой Академией, то с размежеванием. Я, честно говоря, так и не понял в чем там суть и казус. «Бурят» в свое время чего-то там намутил, а нам теперь предстоит расхлебывать эту жижу.

– Хорошо, Валерий Васильевич (при посторонних он не стал панибратствовать, называя Верховного по имени, но от «тыканья» все же не отказался), я завтра же с утра займусь этим делом. Но не кажется ли тебе, что у нас есть более насущные дела, требующие скорейшего рассмотрения?

– Что ты имеешь в виду?

– Как учил нас великий Ленин, при захвате власти первым делом, на что нужно обратить внимание, так это...

– Почта, телеграф, телефон...

– И Банки! – закончил он за Афанасьева.

– Да, – потер лоб Верховный. – Ты прав, впрочем, как все-

гда. С Полуяновым пусть Юрьев разбирается. У него с ним давно уже «терки» идут, и тут я Антоше не завидую, а вот Центробанк к Кабмину не имеет никакого отношения и с госпожой Наibuлиной нужно срочно что-то делать.

– Неоспоримым фактом является только то, что она не наш человек. Она ставленник МВФ, а значит Штатов. К тому же, как недавно дошла до меня информация ее дети получили гражданство Норвегии. Это, сам понимаешь, не допустимо, тем более в наших осадных условиях, – поведал Рудов качающему головой в знак согласия Афанасьеву.

– У нас почти весь депутатский корпус состоит из граждан иностранных государств и подавляющее большинство в правительстве и аппарате президента, – угрюмо дополнил тот Сергея Ивановича.

– «Резать! Резать, не дожидаясь перитонита!» – воскликнул Рудов знаменитой фразой из фильма «Покровские ворота». Это даже хорошо, что везде карантин объявлен, а значит не улететь, не уплыть, не уехать они не смогут. Вот мы их тут, тепленьких, за жабры и возьмем!

– Что это ты вдруг так раздухарился, Сергей Иваныч?! – хитренько щурясь на друга, спросил Афанасьев.

– А что, нам одним, что ли раскошеливаться за них за всех прикажешь?! – набычился «пруссак».

– Ну, мы-то с тобой еще, положим, не раскошелились.

– Так, едем же! – парировал Рудов. – Согласно вашим обещаниям. Все чин по чину.

– Кстати, ты мне так и не сказал, сколько задекларировал.

– В отчете прочитаешь. Небось, уже договорился с Тучковым, чтобы копии всех показаний были положены тебе на стол?

– Верно. Отчасти. Но с условием, что данная информация будет общедоступна всем членам Высшего Совета. Так, все-таки, темнила ты этакий, сколько?

– Десять, – буркнул Рудов, шмыгнув носом и отворачиваясь в окно.

– Не понял! – вытаращился на него Верховный.

– Да, чего тут не понять-то?! Русским же языком сказано тебе, – впервые за все это время обратился к нему с нотками неприкрытого раздражения Рудов, – что десять миллионов баксов.

– А-а-а! – понятливо протянул Афанасьев и тут же прикинул, – По нынешним временам шестьсот пятьдесят «деревянных». Куркуль, ты, однако, Иваныч!

– Ясен пень. Проехали? – и, дождавшись утвердительного кивка продолжил. – И с другими назначениями надо поторапливаться.

– Надо. Не спору, что срочно надо решать вопрос с премьером и министром иностранных дел. А то нехорошо, когда за всех отдувается Нечипоренко, на которого насаждают со всех сторон, а Рябцов тут уже заявления распространяет, даже не проконсультировавшись.

– Я думал, откровенно говоря, что ты замкнешь на себя

всю исполнительную власть. И должность премьера тогда будет ни к чему, ибо зачем она нужна при и так сильной исполнительной власти? Лишняя же ступень!

Афанасьев на это только покачал головой:

– Тут ты Сергей Иванович не прав. Я и так совмещаю должности Начальника Генштаба и Главы Совета, а ты мне еще хочешь подкинуть этот подарочек в виде каблиновского серпентария?

– Но ты же сам сказал, что через два месяца подашь в отставку? – удивился Рудов.

– Так и сделаю. Не сомневайся. Но на посту премьера должен быть человек, как минимум, разбирающийся в этой кухне и знающий хорошо работу аппарата правительства изнутри. К тому же не такой узколобый специалист как я или ты, например.

– Тогда надо крепенько подумать над этим вопросом. Такого человека запросто найти будет, пожалуй, трудновато. Вряд ли те, чьи фамилии на слуху у обывателя захотят связываться с хунтой, а кабинетного червя тоже не хотелось бы иметь на такой ответственной должности. Был уже прецедент, со всякими там типа Гайдара да Явлинского.

– Ты прав. Надо срочно искать того, на кого можно будет сбросить основную рутину.

– А какую же роль тогда ты отводишь себе?!

– Роль пугала.

– ???

– Да-да. Ты не ослышался. Я возьму на себя роль вселенского пугала. То есть буду страшать, кричать, «ташшить и не пушшать», беря на себя роль громоотвода, чтобы остальным в моей тени спокойнее работалось. Ты, конечно, для этой роли, подходишь более меня, но извини, ты сам отказался от этого перед Посланником.

– Ташшить и не пушшать – это к Тучкову, – усмехнулся Иваныч.

– Его тоже иногда надо одергивать.

– А устоишь под градом камней? – усомнился Рудов, потирая подбородок.

– А куда деваться? Да и ты ведь обещал меня не бросить.

– Ну да, ну да, – закивал головой Иваныч.

– Вот и давай, советуй, кого назначить на пост министра странных дел.

– Иностранных, – поправил его Рудов.

– В последнее время, при Калантарове, упокой Господи его душу, они были скорее странными, чем иностранными.

– Даже не знаю, что и посоветовать, – пожал он плечами. – Все или почти все из его замов, так или иначе, уже прикормлены кем-то из великих держав. Взять того же Рябцова. Это, до какого же цинизма надо дойти, чтобы во всеуслышание заявить, что высшим приоритетом для российской дипломатии на Ближнем Востоке является обеспечение безопасности Израиля. Во, как! Даже не нашего контингента в Сирии, а Израиля! Картина называется: «приплыли»!

– Да. Помню. У меня после его слов было несколько неприятных разговоров с коллегами из арабских государств и Ирана, – поморщился от неприятных воспоминаний Афанасьев.

Помолчали несколько минут, погружаясь каждый в свои думы. И вдруг Афанасьев хлопнул себя по лбу, чему-то радостно улыбаясь, так, что даже обернулся на него невозмутимый Коржик, а у Михайлова из уха вылетела гарнитура. Рудов с любопытством воззрился на него.

– Слушай, Сергей Иваныч, а не назначить ли нам на пост Министра иностранных дел Машу?

– Какую такую Машу? – разинул рот, в полном недоумении Рудов.

– Да, какую-какую?! Одна у нас Маша. Это Хазарова.

– Бабу?! – едва не выпучивая глаза, проговорил «пруссак».

– Э-э-э, брат! Это не баба! Это конь с яйцами, причем, стальными! Не то, что наша мямля Конюшевский. Тьфу, прости Господи, – делая вид, будто отплеывается, воскликнул Афанасьев.

– Она, конечно, женщина видная и все при ней, – делая жест руками, как бы обозначая грудь и фигуру претендента на пост министра, с сомнением произнес Иваныч, – а только пост-то уж больно ответственный, чтобы сажать на него женщину, да еще такую казовитую. Как говорится, «хороша Маша, да не наша».

– Ничего-ничего! Только ты не показывай на себе, а то тоже такие вырастут! – со смехом и входя в азарт, парировал Афанасьев. – Зато видел бы ты, как ее боятся и ненавидят все иностранные атташе?! Это ли не отличная характеристика для будущего министра?! Да и феминистки малость попритихнут, а то и так уже говорят, что у нас засилье мужчин везде во власти.

– Ага! Феминисты, мать их ети... Только как бы чего не вышло от этого?

– Чего именно? – уточнил Верховный.

– Сначала бабу в министерство иностранных дел пусти, а потом будет как в Германии или того хуже... в Испании.

– Ну, про Германию с ее бабой-повитухой, которая развалила Бундесвер, а теперь разваливает ЕС, я знаю. А вот насчет Испании, что-то запамятовал. Там тоже без юбки не обошлось в министерстве обороны?

– Хуже! Гораздо хуже, Валерий Василич! Там, гордые идальго в золоченых эполетах вынуждены были тянуться в струнку не просто перед бабой, а перед беременной бабой, да еще вдобавок без труселей под полупрозрачным платьем!

Михайлов, не сдерживаясь, как конь стоялый заржал, а спереди чертыхнулся Кондратыч, слышавший весь диалог.

– Ну, это ихние там Урсулы с Хуанитами, а у нас Маша, которая при случае и Медведя в бараний рог согнет. Чай видал, уже сотая серия вышла. Не смотришь? Зря. Мне нравится. А если серьезно, то не надо бояться экспериментиро-

вать. Все классические схемы мы уже применяли, и что это дало? Да, ничего не дало. Значит надо идти по совершенно новому пути. Как говорил наш любимый Александр Васильевич, граф Рымникский, князь Италийский: «Удивить – значит победить!» Вот мы и попробуем удивить наших оппонентов.

Рудов хмыкнул что-то неразборчивое типа «пожует – увидим», передернул плечами, но дальше спорить не стал.

– Борисыч, – обратился Верховный к Михайлову, – соединись-ка с МИДом, да попробуй отыскать Марию Владимировну Хазарову.

Тот, не медля, бросился выполнять приказ, шаря у себя в кармане на предмет отыскания телефонной записной книги. Звонить пришлось несколько раз, видимо там перенаправляли от одного к другому, пока не послышался, хорошо известный всей стране голос:

– Хазарова у аппарата, – усталым и слегка раздраженным голосом представилась она.

– Приветствую вас, Мария Владимировна! Это вас беспокоит Афанасьев.

– А-а-а! Новая власть, стало быть? И что вас заставило обратить внимание на мою скромную персону? – как-то уж совсем без энтузиазма спросила она у Верховного.

– Ну, зачем же так уничижительно о себе, Мария Владимировна, голубушка? – проворковал медоточивым голосом Афанасьев и у всех в машине, слушавших их диалог, поне-

воле сложилось впечатление о своем шефе, как об опытном обольстителе, несмотря на топорную внешность. – Вы не из тех женщин, у которых из природных украшений имеется только скромность. Не так ли?

– Пожалуй, да, – ответила трубка после секундного замешательства. – И все же, чем обязана я вашему пристальному вниманию? – вернула она мяч на его сторону.

– Ничего необычного я в этом не вижу, – продолжал источать мед человек, десять минут назад обещавший быть все-ленским пугалом, – просто вчерашние трагические события, в которых, кстати, погибло ваше непосредственное руководство, настраивают нас поиск контактов, так внезапно разорванных в едином государственном механизме. А кто, как не вы специалист по этим контактам? Да и после покойного Калантарова, вы остались единственной узнаваемой фигурой в вашем министерстве.

– Да?! Вы, наконец, сообразили, что пришло время для поиска контактов?! – внезапно обозлилась она неизвестно на что. – А где вы были весь день вчера? И почему эта светлая мысль пришла в ваш генеральский лоб только сегодня, на вторые сутки?!

– Простите, но я, честно говоря, не понимаю источника вашего негодования?! – опешил и слегка даже обиделся за свою лобную кость генерал армии. – Да. Я, как и все мои соратники являемся представителями генералитета. А то, что мы вчера, всем Генштабом, не пали вам в ноги с мольбой о

помощи и желанием припасть к вашему дипломатическому красноречию, в порыве оргазма, так извините, нас, убогих, мы ждали и готовились к продолжению трагических событий в виде Третьей Мировой войны, – осадил он Хазарову, чем заслужил явное одобрение со стороны сидящих в машине людей. Даже статуеобразный Коржик крикнул от удовольствия.

– Ага! Кто бы сомневался?! И еще делили портфели! – фыркнула любительница всегда оставлять последнее слово за собой.

– Да! Представьте себе! И это тоже! – решил не сдаваться Афанасьев. – Не мне вам объяснять, что такая страна как наша не может позволить себе находиться в режиме безвластия хоть какое-то время.

– Хорошо. Я поняла вас, – сдала она несколько назад, чувствуя, что не стоит дальше зарываться.

– Это хорошо, что поняли. И все-таки, поясните мне причину вашего неудовольствия? Ведь не на ровном же месте оно образовалось?

– Охотно! – вновь вскочила она на своего боевого коня. – По какой-то нелепой и полагаю досадной случайности, возможно сами того не желая, и уж во всяком случае не предвидя последствий, вы поручили общение с представителями ближнего и дальнего зарубежья гражданину Нечипоренко.

– Да. Было такое. Не спорю, – не стал отпираться Верховный. – Он первый, кто прибыл со своими спасателями на ме-

сто происшествия, а что?!

– А то! То же, мне, дипломат еще тот. Мало того, что он погибших при взрыве представителей государств, где ислам является государственной религией, велел положить в гробы, а не на специальные носилки, так он еще умудрился отдать распоряжение о выставлении останков в Колонном зале для прощания.

– А что?! – не понял Афанасьев. – Надо же с ними попрощаться, отдать дань, так сказать, уважения.

– Да какого, к черту, уважения?! – опять вспыхнула она. – Этот недоумок разве не знает, что каждый уважаемый правоверный должен быть, если этому ничего не препятствует, захоронен в тот же день до заката Солнца.

Афанасьев с Рудовым недоуменно переглянулись, явно оконфуженные.

– Я что-то такое слышал, – неуверенно пробормотал Рудов.

– Я тоже где-то об этом вроде читал или слышал. Не помню точно, – нехотя признался Верховный.

– Но и это еще не все! – продолжала свое наступление по всем флангам Хазарова. – Проясняя зарубежным представителям обстановку, складывающуюся вокруг этой трагедии и объясняя появление на улицах военных частей на спецтехнике, этот с позволения сказать доброхот, не нашел ничего лучшего, как посоветовать дипломатам укрыться в своих посольствах. Думаете, почему? Да потому, что по его

видению не исключены провокации уже в отношении самих представителей дипломатических ведомств со стороны дезориентированных в обстановке граждан! Последнее предложение можете взять в кавычки, потому что я его просто процитировала. Ну, не дурак ли?!

– Гмм... – промычал неопределенно Афанасьев, но все же сделал робкую попытку заступиться за глупого, но усердного врио министра МЧС, – я понимаю ваше раздражение, Мария Владимировна. С точки зрения дипломатической этики и знания законов шариата, Нечипоренко, безусловно, дал маху. Однако, с точки зрения эмчеэсника, желающего предотвратить ненужные эксцессы с новыми людскими жертвами, он действовал вполне оправданно, ведь никто не гарантировал, что уязвленные москвичи столь дерзким терактом не пойдут бить окна в американском, скажем, посольстве, как это было в 99-м при нападении на Сербию.

– Да?! А мне что прикажете в этом случае делать, когда иностранные дипломаты обрывают мой телефон с требованием официального разъяснения ситуации? Мне что дезавуировать его слова?! На каком основании?! Ведь мы даже не в курсе новой политики руководства! Вторые сутки министерство пребывает в подвешенном состоянии...

– Вот поэтому я сейчас и звоню вам, дражайшая Мария Владимировна, чтобы договориться с вами об очной встрече для расстановки всех точек над і.

– А почему именно со мной, ведь у Сергея Викторовича

имеется куча замов? Я всего лишь спикер дипломатического ведомства, – озадаченно поинтересовалась она, явно напрашиваясь на комплимент.

– Да, но в ранге заместителя Министра и Чрезвычайного и полномочного посла! Насколько я помню в подобных чинах первой и последней такой женщиной была Александра Коллонтай,³⁷ – разжигая тщеславие женщины, проворковал «комод». – К тому же – комсомолка, спортсменка и просто красавица!

– Ну, насчет спортсменки и красавицы я с вами спорить не буду, вам мужчинам виднее, – не стала та излишне скромничать. – Однако из комсомольского возраста, увы, уже вышла, – притворно горестно вздохнула Хазарова.

И тут Афанасьев решил слегка вернуть ее с небес на землю:

– Впрочем, если вы имеете что-то против нашей встречи, то я могу обратиться, например, к Тутову, Твердомолотову или на худой конец к Рябцову, – брякнул он первые из попавших ему на ум замов Калантарова.

– Нет-нет! – тут же вспыхнула Хазарова, быстро смекая, чем может для нее обернуться отказ от встречи. – Только не они! Я согласна. Когда и где?

– Сегодня. У нас на Фрунзенской, в «малом» кабинете, скажем так, часиков... в пять, – сказал Афанасьев, увидев

---

³⁷ А.М. Коллонта́й (1872 – 1952) советская государственная деятельница, дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции.

растопыренные пальцы рудовской пятерни. – Пропуск я вам закажу, и вас проводят.

– А пораньше никак нельзя?! А то боюсь, что к этому времени, меня просто порвут на части послы и журналисты.

– Я и сам боюсь, что со мной к тому времени может приключиться та же история, – вздохнул он, разбивая женское сердце в материнской жалости.

– Хорошо-хорошо. Как скажете. В пять часов я буду у вас, – поспешила она успокоить диктатора.

– Вот и отлично! – разом повеселел тот. – Тогда до встречи!

– До свидания, – тоже на мажорной волне попрощалась та.

– Уф-ф! – произнес, отдуваясь и вытирая пот со лба Афанасьев. – Штучка, я вам скажу, еще та! Поговорил десять минут, а как будто вагон антрацита выгрузил.

– Да уж! – согласился Рудов. – Баба – кремень. А знаешь, Валерий Василич, чем-то она меня зацепила. Не скажу, что стал полностью согласен с твоим предложением по ее кандидатуре, но что-то в ней определенное есть. Какая-то перчинка присутствует.

– Ну да, и я о том же! Однако же, Сергей Иванович, я тебя опять нагружу маленько. Ты там поднапряги нашего жандарма, пусть он соберет все, что сможет по ней. До пяти часов вечера, – ко времени нашей встречи с ней. Мы не имеем права рисковать с таким важным направлением, как иностранные дела. Кондратьич, а ты то, что думаешь о ней, как пред-

ставитель народа? – весело обратился он уже к водителю.

– Дык, что тут говорить, Василич?! – побряхтел он. – Не знаю уж, какой из нее будет министр, а вот только не дай Бог, такая вот, как она, станет тещей моему внуку. Ведь сожрет и даже не подавится. Баба-Яга в расцвете сил.

Дружный хохот со всех сторон, включая Коржика, был ему в качестве знака мужской солидарности.

II

Через пару минут подъехали к указанному навигатором высотному зданию, где на первом этаже располагался один из офисов банка «Столичный». Конвой или эскорт, Афанасьев еще сам до конца не разобрался, дружно повыпрыгивал из кунгов и бронетранспортеров, оцепив вход в отделение банка.

– Я постараюсь недолго, – бросил Афанасьев своим спутникам, давая понять, что в лишнем сопровождении не нуждается и выкарабкался наружу, одергивая на ходу китель. Все кроме Коржика послушались Верховного, а тот упрямо последовал за ним.

Плотная кучка спецназовцев тут же окружила его плотным кольцом, уставив тупые рыла стволов по сторонам. Так и вошли в вестибюль банка, оцетинившимся ежиком. Если внутренняя охрана банка и была удивлена таким экзотическим сопровождением одного из своих клиентов, то на ее поведении это никак не сказалось. Охранники как стояли смирно, так продолжили стоять, не делая резких движений, дабы не спровоцировать нежданных посетителей. Войдя внутрь помещения спецназовцы, повинувшись привитой привычке, рассыпались по вестибюлю, беря под прицел каждый метр просторного помещения. Немного смущаясь поведения своих сопровождающих, Валерий Васильевич обра-

тился к молодой и миловидной девушке, сидящей на рецепшине и замершей от неожиданности от вторжения, на подобие, Лотовой жены.

– Простите, девушка, к кому я могу обратиться по поводу операции со своим счетом?

Девушка с усилием сглотнула подступивший к горлу комок и изобразив на лице нечто вроде доброжелательной улыбки пропищала неестественно тонким голосом:

– Здравствуйте, Валерий Васильевич! По поводу операций со счетом вы можете обратиться в секцию номер два. Если хотите, я вас туда провожу?

– О! Я весьма польщен тем, что вы меня узнали! И был бы вам крайне признателен, если вы меня туда проводите! – улыбаясь в свою очередь, проговорил Верховный.

Девушка тут же соскочила со своего высокого стула, оказавшаяся разом какой-то кукольно-миниатюрной и засеменяла в дальний конец большого зала. Он поспешил за ней, широко расставляя ноги, чтобы не отстать от шустрой пигалицы. Коржику он велел оставаться в зале. Охранники диктатора, последовали за ними – не отставая, но и не обгоняя. Секция номер два представляла собой небольшой, но уютный закуток с большими кожаными креслами и диванчиком для посетителей. За большим столом сидела, словно сошедшая с обложки глянцевого журнала для сексуально озабоченных мужчин, пышноволосяя и пышногрудая блондинка, с приклеенной намертво к лицу голливудской улыбкой при-

правленной дорогостоящей металлокерамикой и с марлевой маской под подбородком. На ее груди, не меньше четвертого размера, Афанасьев с трудом разглядел бэйджик с надписью «Иоланта». У бойцов спецназа, неотступно следовавших за ним по пятам, хватило ума и такта не соваться в закуток. Они лишь мельком заглянули туда и вернулись на исходные позиции на подступах к секции. Афанасьев присел в кожаное кресло, чинно положив барсетку на колени. Игнорируя имя, указанное в бэйджике, он обратился к ней доброжелательно-нейтрально:

– Девушка, я в 2011 году открыл в вашем банке счет. Не могли бы вы мне сообщить о его состоянии на сегодняшний день и помочь мне произвести кое-какие операции с ним?

– С удовольствием помогу вам, Валерий Васильевич, – улыбаясь, проговорила она голосом, которым, наверное, разговаривают только ангелы, населяющие райские кущи и операторы службы «секс по телефону». – Уточните, пожалуйста, вашу фамилию!

– Э-э-э, – растерялся генерал армии, доктор военных наук, начальник Генерального штаба и Глава Высшего Военного Совета Российской Федерации, усиленно соображая, кто из них двоих больший идиот. Наконец, после некоторого замешательства, решив, что все же идиотом является он сам, назвал, впрочем, не отказывая себе в праве немного пошутить, – с утра был Афанасьевым.

– Спасибо! – дежурно улыбнулась красотка, никак не реа-

гируя на слова, не относящиеся к делу. – Я сейчас посмотрю по базе данных. После чего резво начала барабанить на маникюрными пальцами по клавишам «навороченного» моноблока. «Как же она подтирается с такими ногтищами?!» – следя за порханием ее пальцев, невольно подумал он и тут же покраснел от этой скабресной мысли.

– В каком году и месяце открыли счет, не припомните? – продолжала она свой допрос, забыв, что он уже сообщил ей о годе открытия с самого начала.

– Гмм! – на несколько секунд задумался он, припоминая. «В конце декабря десятого меня перевели из командующих Московским военным округом, где я уже успел поднабрать деньжат, в заместители начальника Генштаба, а где-то в январе или феврале 2011-го, по совету тогдашнего своего шефа – Камарова Николая Егоровича, открыл счет, куда и положил, заработанное непосильным трудом» – внутренне усмехнулся он последней фразе. – Если мне не изменяет память, то в январе-феврале 2011-го.

– Отлично! Можно ваш паспорт?

– Да-да, конечно, – забормотал он, раскрывая свою барсетку и роясь в ней. – Вот! Пожалуйста, – протянул он ей свой паспорт. Девушка сунула на миг раскрытый паспорт в какую-то щель и тут же вынула обратно, отдавая владельцу.

– Да. Действительно. Счет вами открыт в феврале 2011-го под 8,2 % годовых, сроком на пять лет, без пополнений и снятий, затем в 2016-м пролонгирован еще на пять лет, на

тех же условиях, под 9,8 % и пополнен до двухсот миллионов, – затараторила она, считывая информацию с экрана. – Верно?

– Не знаю. Наверное, так, – пожал он плечами. – Сколько там сейчас у меня набежало?

– С учетом пополнения и «плавающей» ставки по вкладу, на сегодняшний день, вы являетесь законным обладателем двухсот восьмидесяти девяти миллионов шестисот шестидесяти семи тысяч восьмисот двадцати трех рублей и шестнадцати копеек, – отбарабанила она умопомрачительную с точки зрения Афанасьева цифру, на которую он явно не рассчитывал, а потому был более чем приятно удивлен, полученной информацией.

– Ой, девушка, – повеселевшим голосом обратился он к ней, – не могли бы вы мне написать на бумажке, а то я, постариковски, на слух плохо цифирь воспринимаю.

Та согласно кивнула и, выхватив из стопки приготовленную четвертушку бумаги, живо нацарапала просимую сумму и протянула ее счастливому обладателю несметных капиталов.

– Но это еще не все, – продолжил он, цепляя на нос очки. – У меня к вам будет еще одна просьба. Нет. Даже две просьбы.

– Всегда рада помочь! – улыбаясь во весь рот, заявила оператор.

– Не могли бы вы с этой суммы сделать два перевода на корсчета Минфина?

– Да, разумеется, – подтвердила она. – Назовите суммы и назначения платежей.

– Значит, так, – усталился он в свою бумажку и продолжил, – двести миллионов отправьте в Минфин с сопровождающей надписью «возврат незаконно приобретенных сумм с использованием служебного положения».

– Что?! – состроила она свои аккуратно выщипанные бровки домиком. – Так прямо и писать?!

– Да-да, так и пишите, – закивал он, глядя на нее поверх очков и улыбаясь своим мыслям.

– Записала, – придушенным голосом проговорила она, с испугом глядя на сумасшедшего главу государства. – Дальше.

– Значит, оставшуюся сумму в восемьдесят девять миллионов шестьсот шестьдесят семь тысяч восемьсот двадцать три рубля и шестнадцать копеек отправьте туда же, но с другой надписью.

– Какой?! – спросила она уже на автомате, с трудом ощущая, где сама находится, и как ее зовут.

– Частичное покрытие взноса за приобретенную на незаконно полученные доходы, жилую площадь на имя Юлии Валерьевны Афанасьевой, расположенную по адресу: город Москва, улица Тверская 19, квартира 11. Записали?

– Да, – пискнула фотомодель, – и опять принялась выстукивать на клавиатуре дробь.

– Вот и чудненько. В связи с этим у меня к вам будет еще

одна м-а-аленькая просьбишка. Вы как завершите оформление банковского перевода, то дайте мне, пожалуйста, полную выписку движения средств с моего счета за весь период и банковскую справку о последних двух операциях. Я вас этим не слишком сильно напрягу?

– Н-нет, – пролепетала девица, засовывая лист формата А4 в принтер.

– Замечательно!

Дождавшись, когда принтер выплюнет листок испещренный цифрами, она нажала какую-то кнопку, затем сняла трубку телефона и произнесла в нее:

– Юлий Эдуардович, подойдите, пожалуйста, здесь требуется ваша подпись на справке.

Не прошло и минуты, как за углом послышалась возня в сопровождении чьего-то тихого возмущения. Пришлось встать и выглянуть за угол. Там спецназовцы ловко обыскивали мужчину в костюме от «брионии», расставив ему ноги на ширину плеч, на что тот возмутился, но не очень громко, потому что уже знал, кто к ним пожаловал с визитом.

– Пропустите гражданина, – скомандовал он негромко своим бойцам. Те сразу повиновались. Одергивая на себе пиджак Юлий Эдуардович скроил подобающее случаю радушное лицо и поспешил в закуток.

– Рад! Очень рад вашему визиту дорогой Валерий Васильевич! – тряся обеими руками руку Верховного, которую тот и не думал ему подавать. И тут же кинулся к оператору. –

Какие проблемы, Иолочка?!

– Никаких, просто господин... – запнулась она, еще не зная как правильно назвать должность Афанасьева, – Валерий Васильевич хочет получить справку о совершенных сейчас операциях. Нужна ваша подпись. И еще я так поняла, он желает закрыть счет.

– Как закрыть?! – ужаснулся банковский начальник. – Валерий Васильевич, это правда?!

– В общем-то, да, – ответил Афанасьев. – Вот рассчитаюсь с государством, сколь возможно, и закрою депозит.

– Я, конечно же сейчас все оформлю и подпишу, но милейший Валерий Васильевич, – рассыпался тот мелким бесом, – оставьте на счету хотя бы рубль!

– Зачем? – удивился Верховный.

– Ах, Валерий Васильевич, сейчас такие тяжелые и непредсказуемые времена, а нам так не хватает стабильности и уверенности в завтрашнем дне, – подпустил он лживую слезу. – Если вы не закроете счет, а оставите на нем хотя бы чисто символическую сумму, то мы с полным правом сможем заявить кому надо, что вы по-прежнему являетесь нашим клиентом. А уж мы-то не останемся неблагодарными, – заговорщически подмигнул он Афанасьеву.

– Я так понимаю, что словосочетание «кому надо» относится к регулятору, то бишь к Центробанку? А мое имя в этом случае будет в качестве индульгенции на случай грехопадения?

Банкир только всплеснул ручками, театрально закатывая бесстыжие глаза.

– А если я все же не послушаю вас и закрою счет? Что будет? – спросил Верховный, впиваясь своим взглядом в современного шейлока.³⁸

– Нам станет еще труднее поддерживать высокий процент по вкладам наших vip-клиентов, так как мы зачастую проводим весьма рискованные операции на рынках ценных бумаг. Центробанк внесет нас в «черный список», наши акции покатятся вниз, а что будет дальше, то даже и говорить не хочется, – махнул обреченно рукой разоткровенничавшийся Юлий Эдуардович.

– А что в том плохого, если с рынка уберут рискованного игрока с чужими средствами на доверии? – Верховному уже начинал нравиться этот разговор, из которого он надеялся почерпнуть для себя важные моменты.

– Да, помилуйте! А что же в том хорошего, что клиенты уйдут от нас, и скорее всего в иностранные банки типа «Райффайзена» или «Кредит Суис»? Или паче того – в оффшоры, чтобы переждать в тихой гавани смутные времена, да так и остаться там. Вы вот, небось, по своему незнанию, что вполне понятно, думаете, наша тетя Эльвира заботится о чистоте банковского мундира, регулярно объявляя о санации то одного, то другого банка? А вот ничего подобного! Про-

---

³⁸ Шейлок – один из главных персонажей пьесы У. Шекспира «Венецианский купец», еврей-ростовщик.

сто она расчищает поляну для создания супербанка, ну, вы наверняка догадываетесь какого?!

– Конечно, – кивнул Афанасьев, слабо разбиравшийся в дебрях финансовых структур, – государственного – «Сберегательного Банка».

– Ой вэй! Святая простота! – приложил руки Юлий Эдуардович к тому месту, где у обычных людей располагается сердце. – Да затребуйте реестр акционеров и убедитесь в своем диком заблуждении.

– Непременно затребую, – сказал Афанасьев, поглубже устраиваясь в кресле, и делая приглашающий жест банкиру последовать его примеру, то есть сесть в кресло напротив, что тот незамедлительно и сделал. – А пока вы мне объясните на словах ошибочность моего суждения. Хотя нет, погодите. Можно я еще приглашу на нашу с вами беседу одного человека?

– Да ради Бога!

Афанасьев достал из брючного кармана коммуникатор и набрал короткий номер.

– Иваныч, ты там часом не уснул? Нет?! Ну, хорошо. Подгребай-ка сюда ко мне. Тут, я думаю, тебе будет очень интересно.

Через минуту Рудов уже сидел в сторонке, на диване и приготовился выслушать информацию, обещанную Афанасьевым.

– Мы вас внимательно слушаем, – обратился он к банки-

ру, забыв тому представить Рудова. – Продолжайте, Юлий Эдуардович!

– Охотно! – не стал артачиться тот. – На первый взгляд, все предельно просто и прозрачно. 52 % активов «Сберегательного банка» принадлежат Центральному Банку Российской Федерации, а 48 % соответственно другим акционерам. Вроде все нормально. Но, как известно, дьявол кроется в мелочах...

– Ну-ка, ну-ка, – подбодрил его Афанасьев, заинтригованный до крайней степени.

– Да. Так, вот, – продолжил словоохотливый, что крайне редко встречается в их среде, банкир, – вас не должны успокаивать эти цифири, ибо 52 % якобы принадлежащие государству в лице Центробанка моментально испаряются, если поглядеть на то кому принадлежит сам Центробанк.

– Неужели не государству?! – выпучил глаза Верховный.

– С этим делом, вообще складывается хитрая история. В Законе о Центробанке вопрос о его принадлежности завуалирован до невозможности. Там сказано только то, что в своей деятельности он неподотчетен Правительству России, зато обязан в своей деятельности руководствоваться указаниями Международного Валютного Фонда, международного законодательства в сфере банковских услуг и решениями своих акционеров. И тут мы подходим к еще одной интересной информации. Что вам, Валерий Васильевич известно про блокирующий пакет акций?

– Ну-у, это некоторое количество акций, позволяющее их владельцу блокировать любое решение общего собрания акционеров, – морща лоб и тщательно подбирая слова, выговорил он, как на экзамене по политэкономии.

– Феноменально! Браво! Вы меня просто удивили глубиной своих познаний! – вскричал Юлий Эдуардович, смущенному Афанасьеву. – А теперь не припомните ли минимальный процент для блокировки решений?

– Твердо не скажу, но что-то вроде 30 % плюс одна акция, так?

– Не совсем. По российскому законодательству, квалифицированное большинство для принятия ключевых решений должно быть не меньше 75 %. Следовательно, чтобы преодолеть его, надо всего лишь иметь 25 % плюс одна м-а-аленькая акция! – весело возразил банкир, но глаза его были отнюдь не веселыми.

– И как это относится к нашему случаю? – спросил Афанасьев.

– Напрямую! В составе этих 48 % доля иностранных нерезидентов составляет примерно 45,6 %. Согласитесь, что это гораздо больше того, что необходимо для полного паралича банка. Скажу даже больше – около 40 % от этой доли принадлежит никому иному, как небезызвестному «Franklin Templeton». А он, как известно, в свою очередь является крупнейшим в США инвестиционным фондом, вкладывающим свои средства в военно-промышленный комплекс Шта-

тов. Вот и судите сами после этого кого содержат наши пенсионеры, несущие последние копейки в якобы государственный банк России.

Афанасьев строго поджал губы, а лицо Рудова, и так белое после «головомойки» стало еще белее.

– Это что же, выходит, когда говорят, что Россия богатеет день ото дня, скупая золото у производителей через Центробанк, это не наше золото?! – спросил Верховный, уже заранее зная приблизительный ответ.

– Моя покойная бабушка – еврейка из Одессы, да смилостивится над ней Яхве, утверждала, что деньги могут считаться твоими только тогда, когда ты держишь их в руках.

– Т-а-а-к! – угрожающе проскрежетал из угла, сверкая глазами на белом лице Рудов, – Стало быть, все эти валютные накопления о которых нам взхлеб вещали с экранов телевизоров, принадлежат кому угодно, но только не России?!

Банкир неопределенно пожал плечами:

– Теперь вы понимаете, для кого госпожа Наibuлина расчищает площадку, делая инвестиции в отечественную промышленность и науку высоко рисковыми мероприятиями. Сначала она, якобы заботясь о простых россиянах, обвиняет такие банки в безответственности по отношению к своим вкладчикам, а затем присылает им «черные метки» лишая их лицензии. А мы же сделали ставку на отечественного производителя. И не прогадали, что позволяет нам сохранять высокие ставки по вкладам. Но чтобы не мозолить лишний раз

глаза госпоже Наibuлиной, вот уж наградил Господь наиболее точной фамилией, стараемся как можно меньше светиться на публике, опасаясь несправедливых репрессий.

– Теперь я понимаю, почему Грех, ссылаясь на санкции, отказывается открывать филиалы в Крыму, – скрипнул зубами Рудов.

– Хозяева не разрешают, – кивнул Афанасьев, соглашаясь с другом.

– Юлий Эдуардович, – обратился он уже к нему, – не могли бы вы мне представить для ознакомления, документы, отражающие вашу инвестиционную политику в отношении российской промышленности?

– Да. Могу. Причем немедленно, если вы немного подождете, но прошу вас при этом учесть, что предоставляемые мной данные относятся к коммерческой тайне. К тому же у нас имеются только сведения по нашему филиалу. Сводный баланс находится в головном офисе – на Волхонке.

– Учтем, не беспокойтесь, – хмуро кивнул Афанасьев.

– Июла, деточка, – обратился банкир к притихшей как мышь под веником оператору, – соединись с отделом кредитования и скажи Зинаиде Алексеевне, чтобы она принесла сюда сводную таблицу выданных за последний год кредитов юридическим лицам.

Пока ждали заведующую кредитным отделом, в закутке повисла гробовая тишина, которая длилась недолго. Минуты через две все услышали бодрый цокот женских каблуков, на-

правляющийся в их сторону. Афанасьев забеспокоился, что его охрана начнет обыскивать и ее, но у той хватило ума этого не делать. Высокая женщина средних лет, в строгом костюме и роговых очках принесла папку с запрашиваемыми данными. Юлий Эдуардович, молча, указал глазами кому ее передать. Передав папку, та немедленно удалилась. Получив папку в руки, диктатор углубился в ее изучение. Рудов решил за Афанасьева продолжить интересный диалог.

– И что же вы нам посоветуете предпринять в этом плане? – сумрачно сверкнул глазами из своего угла Сергей Иванович.

– Нет-нет! – повернувшись к нему, замахал руками Юлий Эдуардович. – Не в моих правилах раздавать советы сильным мира сего. А только я вам так скажу, любезные генералы, от лица немногочисленного, но патриотически настроенного финансового олигархата, коли вы уж взяли власть в свои руки, то делайте это по полной программе, а не отделывайтесь полумерами, как покойный президент, метавшийся из стороны в сторону, подобно рыбацкой шаланде в штормовую погоду. Как бы мы не относились к товарищу Сталину, а тот дураком не был и не дал втянуть СССР в ловушку Бреттон-Вудского³⁹ соглашения, запретив Верховному Совету СССР его ратифицировать.

– Э-э-э, – замешкался Рудов, «плававший» в вопросах

---

³⁹ Международная система организации денежных отношений и торговых расчётов, установленная в результате Бреттон-Вудской конференции.

макроэкономики, также, как и его шеф, – не просветите ли вкратце об его сути?

– Все просто. Пользуясь тем, что из Второй Мировой войны Штаты вышли промышленно-финансовым гегемоном, в отличие от разрушенных Европы и СССР, они навязали всем игрокам свою валюту в качестве основного платежного средства в международных расчетах, привязав, в свою очередь доллар к золоту (35 долларов за тройскую унцию). А когда окончательно окрепли, то отказались и от привязки к золоту. Европейцы, в лице де Голля, порыпались-порыпались, а поздно. К концу шестидесятых они уже все были «на крючке» у дяди Сэма, кроме, естественно Советского Союза. А в 90-е и его сломали через колено.

– И как соотносятся понятия единой валюты международных платежей и финансовой зависимости России от нее?

– Говоря простым языком, мы, состоя в этих структурах, подписали документы о том, что не имеем права на самостоятельную эмиссию денежных знаков. Иными словами, сколько долларов вы в этом году заработали, ровно столько и рублей имеете права напечатать, и ни копейки больше. Одним словом, удавка, не дающая отечественным банкам из-за надзора регулятора в лице Центробанка, финансировать наши проекты на территории России.

– Так все-таки, каков же выход из сложившейся ситуации? – не унимался настырный генерал.

– Я же, кажется, и так уже открытым текстом говорю, что,

если вы берете власть, то берите ее целиком. То есть устанавливайте контроль над Центробанком, пока они не вывезли «подушку безопасности» и устанавливайте контроль над печатным станком! – воскликнул он.

– Но не грозят ли такие радикальные меры финансовой войной против России со стороны коллективного Запада? Я что-то слышал про SWIFT⁴⁰ и прочие инструменты принуждения?

– Вы про золото?

– Да. А финансовая война против России никогда и не прекращалась! Ну и что они нам могут сделать? Отключить от этого SWIFT?! Да, ради Бога – нам комиссию не платить! Взамен его у нас уже четыре года существует СПФС,⁴¹ так нелюбимой нашим Центробанком, что всячески им тормозится в деле внедрения и к которой охотно присоединятся Китай с Индия, а также все евразийское пространство, которому надоел диктат наглосаксов. Объявят бойкот основной статье нашего экспорта – углеводородам? Не смешите мои тапочки! Там, тоже умеют пока еще считать деньги.

– Так я не понял, вы хотите, чтобы мы объявили войну Западу? – опять вскинулся Рудов.

– Ни-ни-ни! – яростно замотал банкир головой из стороны в сторону. – Нет уж! Пусть они сами, устами своей сухопарой

---

⁴⁰ Система межбанковских переводов, функционал которой определен правилами и стандартами, одинаковыми для всех ее участников.

⁴¹ Система передачи финансовых сообщений.

Кристины Лагард⁴² объявят нас нарушителями конвенции. А мы посмотрим у кого кишка тоньше.

– Вы всерьез полагаете, что Россия сможет одержать победу в этом противоборстве?

– Во всяком случае, как минимум, она не проиграет, обретя финансовую независимость.

– А как максимум? – прищурился генерал.

– А как максимум, мы станем той соломинкой, что сломаёт хребет всей экономики Запада, которая рухнет в одночасье.

– Почему вы так думаете?

– Потому что нашему примеру незамедлительно последуют все игроки, недовольные прежней системой. Им просто не хватает духу начать первыми. А уж присоединиться, так это завсегда пожалуйста. Как там у Высоцкого? «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков».

– Да, но мы настолько интегрированы с ними, что вместе с ними и рухнем! – возразил упрямый Рудов.

– Ничего подобного! – живо парировал собеседник, сам увлекшийся этим неожиданным спором. – Структура политико-экономического строя Запада уже давно сместилась от промышленно-финансовой экономической формации к услуге-финансовой, где первая является доминирующей составной в доле второй. То есть экономика Запада больше виртуальна, чем осязаема физически. Вы меня извините, но

---

⁴² К. Лагард – директор-распорядитель Международного Валютного Фонда.

Гугл, Фейсбук и Ютуб на хлеб не намажешь и шубу из них не сошьешь. Они рухнут первыми, так как за ними нет никакого материального обеспечения, а сами они закредитованы и перекредитованы по сто раз и по самые помидоры. Мыльные пузыри, в общем-то, которые никто просто еще не пробовал прокалывать. А реальный сектор экономики, с полезными ископаемыми, заводами и фабриками остался у нас, да еще в юго-восточной Азии.

Тем временем Афанасьев уже закончил просматривать кредитные портфели за прошлый год, а потому решил присоединиться к спорящим.

– Ну, что же, я просмотрел ваши бумаги. Действительно вы активно вкладывались и в ОАК,⁴³ и ОДК,⁴⁴ и в КМЗ.⁴⁵ И что, неужели все расходы оправдались?

– Представьте себе! Я сам вначале в это слабо верил. Но факты. Как говорится, на лицо! – с жаром обычно не присущим людям подобной профессии, воскликнул банкир.

– И с чем вы это связываете? – хитро улыбнулся Афанасьев.

– С двумя факторами. Во-первых, с недооценкой потенциала производителя, а во-вторых, с привычкой вкладывать деньги в спекулятивный капитал, а отнюдь не в реальное производство. У нас всегда боялись нового и неизведанного.

---

⁴³ Объединенная Авиастроительная Корпорация.

⁴⁴ Объединенная двигателестроительная Корпорация

⁴⁵ Курганский машиностроительный завод.

– А скажите-ка, милейший Юлий Эдуардович, вот вы критикуете Сбербанк, а сами-то в какой степени можете считать себя блюстителем государственных интересов, помимо инвестирования некоторых проектов? Я имею в виду кто ваш изначальный владелец? – в лоб спросил Афанасьев заведующего филиалом.

– Это не секрет, – живо отозвался тот на прямой вопрос. – Блокирующий пакет акций нашего банка, а именно 25 % плюс одна акция, принадлежит областной администрации. Знаете, под конец перестройки очень популярным было доверять местным администрациям областного уровня, создавать под себя банковские структуры. Тогда очень были популярны идеи регионального хозрасчета. А крупнейшими держателями наших акций являются крупные предприятия и корпорации, такие как НПО имени Лавочкина, НПО «Астрофизика», Министерство транспорта, госкорпорация «Роскосмос» и из частных, таких как МНТК «Микрохирургия глаза» имени С. Федорова и АО «Полимер». В совокупности эти акционеры имеют порядка 49 % акций. Остальное принадлежит частным лицам, со списком которых вы можете ознакомиться по первому требованию.

– Ясно. Вы меня убедили не закрывать счет в вашем банке. И я оставлю минимально необходимую для этого сумму. Скажу даже больше. Я распоряжусь, чтобы наш финансовый отдел перевел всех военнослужащих Генштаба на получение жалованья через ваш банк. Есть ли у вас возможность в ко-

роткое время изготовить достаточное количество дебетовых карт?

– Конечно же, есть! – просиял Юлий Эдуардович, подписывая справку, подsunутую ему заботливой рукой Иоланты.

– Попозже, я, пожалуй, и кредит оформлю у вас.

– На какую сумму? – подобрался, как для прыжка банкир.

– Около десяти миллионов рублей?

– И только-то?! А почему не сейчас? – слегка разочаровался тот.

– Справки еще не все собрал, – рассмеялся Афанасьев.

– Хозяин – барин! – развел руками Юлий Эдуардович.

– Ладно, – подвел итог Афанасьев, бережно складывая вчетверо справку. – Мне было приятно и интересно с вами пообщаться, Юлий Эдуардович. Я много нового узнал о банковском секторе экономики. И я полагаю, что мы с вами вскорости еще побеседуем на эту тему. Работайте спокойно. Вас никто не тронет. А сейчас, давайте-ка, я запишу ваш сотовый номер телефона, потому что он мне действительно скоро понадобится ваша консультация. Будете одним из моих внештатных экономических консультантов.

Юлий Эдуардович бодро продиктовал свой сотовый номер телефона и свою должность управляющего филиалом, а вот с фамилией своей как-то слегка замялся, произнося ее быстро и невнятно.

– Как-как, говорите ваша фамилия, а то я не расслышал? – переспросил Верховный.

– Живоглот, – тихо, но четко выговорил он, краснея при этом, как девица на выданье.

– Что??

– Живоглот, – еще раз повторил он, потупив взор.

Генералы только покачали головами, еле сдерживая смех. Видя, как генералы еле сдерживаются, чтобы не расхохотаться, лицо директора филиала пошло крупными пятнами.

– Ладно. Вы уж нас простите за эмоциональную невоспитанность, – решил сгладить ситуацию Афанасьев, – зато ваша фамилия послужит вам мощной гарантией, что мы о вас еще вспомним, и вскорости.

С этим и вышли.

– Не в бровь, а в глаз Бог наградил банкиров такими фамилиями – Наibuлина, Грех и Живоглот, – смеялись они уже в голос, выходя на улицу.

III

Уже подходя к машине втроем, включая Коржика, почували что-то неладное, по тому, как выскочил к ним с озабоченным лицом Михайлов.

– Что?! – не сговариваясь, выпалили оба генерала, глядя в испуганную физиономию адъютанта.

– Прошла срочная новость. По всей стране закрылись разом все отделения «Сбербанка», банкоматы не выдают и не принимают деньги, мобильный онлайн-сервис также не работает. Полный паралич. Люди возмущены. Недовольство вот-вот может вылиться в массовые беспорядки. Уже кое-где начинают собираться кучки деклассированных элементов. А с мест приходят известия о призывах к погромам и забастовкам, – короткими очередями выпалил Михайлов.

– Т-а-а-к! Начинается... – скрежетнул зубами Афанасьев.

– А чего ты ждал?! – пожал плечами Рудов. – Это должно было произойти в любом случае – рано или поздно. Бунт компрадоров.

– Кондратьич! – сунулся в открытое окошко водителя Верховный. – Посмотри по навигатору, где ближайшее отделение «Сбербанка»?

– Щас, погодь! – метнулся водитель.

Офицер охраны подошел и встал рядом, ожидая сообщения о новом маршруте передвижения.

– Нашел! – высунулся в окно Кондратьевич. – На Михалеви́ча 39.

– Слышали? – обратился Афанасьев к офицеру. Тот кивнул. – Тогда, по коням.

Быстро расселись на прежние места и, дождавшись, когда тронутся передние машины сопровождения, пристроились к ним. Ближайшее отделение Сбербанка находилось буквально в соседнем квартале. Указанный навигатором адрес было видно еще до подъезда к нему. Его выдавала довольно большая толпа граждан растерянно стоявших у закрытых дверей финансового учреждения. Подъехали ближе. Люди в толпе, завидев военных подобрались и сжались в колючий комок, ожидая, что вояки вот-вот начнут разгон толпящихся, да к тому же еще и без масок, людей. Однако, выпрыгнувшие из грузовиков и бэтээров военные не проявляя, свойственной в таких случаях агрессии всего-навсего лишь слегка потеснили приготовившихся к избиению граждан. К образовавшемуся проходу подъехал ЗиЛ нового и самопровозглашенного главы государства. Несмотря на солидную комплекцию, Афанасьев теннисным мячиком выскочил из задней двери. За ним последовали Рудов и Михайлов. Люди, до этого момента, угрюмо и молчаливо взиравшие на вновь прибывших военных, узнали своего нового главу и разом загомонили, как на базаре. Нет, откровенных оскорблений в адрес Верховного слышно не было. Зато всю раздавались недоуменно-возмущенные выкрики общего недовольства сложившей-

ся ситуации.

– Это что же такое получается?!

– Президента убили и сразу порядку не стало!

– Саботаж!

– Где это видано, чтоб так издевались над людьми?!

– Куда новые-то власти смотрят?!

– Портфели делают! Им не до нас!

– Безобразие! А говорили, что военные порядок наведут!

Ну и где он?!

Афанасьев смело шагнул в узкий проход, организованный охраной. Рудов с Михайловым предпочли не отставать. Толпа еще больше придвинулась, но сильно напирать не стала, все же опасаясь ответных действий спецназовцев.

– Граждане! Товарищи! – обратился он к стоящим.

– Тамбовский волк тебе товарищ! – откуда-то сзади послышался злобный возглас. Но на него тут же зашикали и он благо разумно заткнулся.

– Я пришел разговаривать с людьми, а не с волками! – сразу окрысился Афанасьев. – И пока вы не перешли грань морали и человечности, вы для меня товарищи, – рубанул он.

В толпе послышались одобрительные, но немногочисленные возгласы. Воспользовавшись относительной тишиной, он продолжил:

– Я вас очень прошу, не кричите. Криками еще никогда ничего не решалось, а я как вижу, здесь появилась пробле-

ма, которую надо решить и как можно скорее. Давайте, кто-нибудь из вас сейчас подойдет и внятно объяснит что случилось, как случилось и насколько давно случилось. Вот, вы, – мотнул он головой в сторону пожилого мужчины в роговых очках и с авоськой, – подойдите сюда, пожалуйста. Охрана, пропустите гражданина.

Двое охранников на несколько секунд расступились, давая пройти названному делегату, и вновь сомкнулась сталью бронжилетов высшего класса защиты.

– Я – Афанасьев Валерий Васильевич, представился он первым и протянул руку для пожатия. Тот, которому он протянул руку, неловко пожал ее, слегка смущаясь, но быстро приходя в себя.

– Жохов – я, Виктор Михайлович, – представился он в свою очередь и добавил, – пенсионер.

– Я слушаю вас, Виктор Михайлович, проясните мне, пожалуйста, обстановку.

– Я тут неподалеку живу – на Гурьева, – начал он с обстоятельностью выкладывать факты своих утренних злоключений. – Жена послала за хлебом и молоком. Денег в кошельке – кот наплакал, даже на буханку не хватит. Ну, думаю, ладно, карточка есть, да и банкомат, если что, прямо в магазине стоит. Захожу в магазин, покупаю что надо, а потом подхожу к банкомату (надо же и в кошельке что-то иметь), а мне продавцы от прилавков кричат де, он не работает, так как с утра не приезжали и не заряжали его. Я пожал плечами.

Ладно. Дай думаю до банка дойду, уж там то наверняка все работает. Пошел. Банк тоже недалеча – тоже на Гурьева, тока в первом доме. Подхожу. Там уже народ толпится у закрытых дверей. Волнуются, стало быть. Может, думаю про себя, тырнет опять у них завис. С ним такое частенько бывает. Спрашиваю, что мол, граждане случилось, но никто ничего не знает. На двери табличка висит «закрыто». А за дверьми стеклянными, только видно как охрана маячит, а к дверям, чтобы народу объяснить что почем, даже и подходить не хочет. Вот ведь как зажрались, ту их мать... Я потоптался там сколько ни то, потом вот сюда добрел, а тут, понимаешь такая же петрушка! Вот мы тут собралися вместиах и соображаем, где же власти и куда смотрют они?!

– Так, понятно. Здесь, значит тоже открывать не хотят, и не дают объяснений? – спросил Афанасьев, уже и без того зная приблизительный ответ.

В ответ толпа согласно загудела, но уже без всякой враждебности.

– Ребята, кто-нибудь там, кто поближе к дверям, постучите-ка прикладом, но осторожно, – обратился он к спецназовцам.

В спецназ, как известно, не берут тугоухих и с плохой реакцией, а значит дублировать команду не пришлось. Тут же несколько прикладов застучали в пуленепробиваемые двери банковского офиса. На решительный стук автоматных прикладов к дверям подошли два охранника с надписями

«охрана» над грудными кармашками. Однако двери открывать не стали, решительно мотая головами в знак отрицания и неповиновения. Афанасьев, тяжелым линкором направился на подмогу бойцам. Подойдя к дверям, стал делать решительные знаки руками, чтобы те отворили двери. Те, видимо узнали его по вчерашнему выступлению, поэтому как-то разом сникли, но открывать двери по-прежнему не желали, а потом и вовсе скрылись из поля зрения.

– Наверно побежали к начальству, докладывать, – предположил стоявший рядом Сергей Иванович.

– Ладно. Подождем, – ответил ему Афанасьев.

Толпа в немом любопытстве замерла, наблюдая за перипетиями, лишь изредка комментируя действия противоборствующих сторон. Прошло уже пять томительных минут, но ничего не менялось. Двери не желали открываться. Валерий Васильевич всей кожей своего тела ощущал, что сейчас на кону стоит весь его авторитет, как главы государства. Если он сейчас проявит всегдашнюю свою мягкотелость, стремление к компромиссу и отступит, пожимая плечами в немом бессилии, то он навсегда потеряет свое значение и среди коллег и в народе, потому что о происходящем сейчас Москва будет передавать из уст в уста все подробности этого дела. Видимо, тоже самое, почувствовал и Рудов, шепнув почти в самое ухо:

– Валера, не тупи. Действуй, мать твою за ногу.

Афанасьеву до жути не хотелось переходить к решитель-

ным действиям, поэтому он, повернувшись к Михайлову попросил:

– Борис Борисыч, срочно ищи номер головного офиса банка и соедини меня с этим, как его, – тут же вылетела из головы фамилия управляющего, – Грехом. Вот. Да живет там.

– Есть! – полез опять в свой талмуд Михайлов, держа и листая его на весу. – Ага! Вот! Нашел!

Афанасьев передал ему свой коммуникатор:

– Набери и включи громкую связь.

Тот моментально повиновался и, набрав нужный номер, протянул коммуникатор шефу. Над замершей и боявшейся даже дыхнуть толпой раздались протяжные гудки. Трубку долго никто не брал. Наконец, когда терпение почти иссякло, на том конце прозвучал ленивый и протяжный женский голос:

– Личная приемная управляющего ПАО Сбербанк. Слушаю вас.

– Здравствуйте, девушка, – вполне любезно начал он, хоть скулы у него и сводило от ярости. – Будьте любезны, скажите, Герман Оскарович у себя?

– А кто вы, что интересуетесь этим? – спросила она с ленцой сытой кошки.

– Я – Афанасьев Валерий Васильевич, – бархатным голосом назвалса он ей, – и добавил на всякий случай, – со вчерашнего дня Глава Высшего Военного Совета Российской Федерации.

– Мне все равно глава чего вы там, – с убийственным высокомерием ответили на том конце. – Герман Оскарович у себя, но он занят. Оставьте сообщение, и если оно его заинтересует, то он вас вызовет сам.

– То есть, как это «оставить сообщение»?! Что значит, «вызовет сам»?! – растерялся от такого неприкрытого хамства генерал армии.

В толпе прокатилась волна едких усмешек, суть которых сводилась к констатации бессилия военных перед рублем.

– Послушайте, как вас там, – уже дойдя до точки кипения, прорычал Афанасьев, – соедините меня немедленно! Слышите, немедленно, с вашим управляющим! А не то я не знаю, что с вами сделаю!

– Вы сначала придумайте, что со мной сделаете, а потом уже угрожайте! – услышал он и все окружающие нагловатые слова секретарши. – Я же вам сказала, что Герман Оскарович занят. У него совещание. А насчет угроз вы не туда попали. Наше акционерное общество является транснациональной финансовой компанией публичного характера, входящей в структуру международного межбанковского объединения и вашим местечковым прихотям не подчиняется, поэтому вы либо записывайтесь на прием, как это принято в цивилизованном мире, либо ступайте на плац и там командуйте своими ватниками и совками.

Пока Афанасьев по своему тугоумию соображал, какую бы гадость сказать в ответ слетевшей с катушек от своей без-

наказанности секлетутке, Рудов выхватил у него из рук коммуникатор и буквально прошипел от душившейся его ярости:

– Я запомнил твой голос, подстилка! Ты у меня этот плац языком будешь вылизывать, шлюха!

На том конце положили трубку. На Верховного страшно было смотреть. Его всего трясло – с головы до ног. Выпучив глаза, и наливаясь кровью, он сипел не в силах сказать хоть слово. Его авторитет Начальника Генштаба и Главы Высшего Военного Совета летел в тартарары, столкнувшись всего лишь с тривиальной хамкой, возомнившей о себе Бог весть что. Угрюмые лица тех, кто окружал его стали еще угрюмее и даже несколько обреченнее, чем еще минуту назад. Рудов же глядя в лицо товарищу, не на шутку перепугался, резонно думая, что Афанасьева сейчас разовьет insult прямо здесь – у закрытых дверей банка, и что тогда делать? Как это ни странно, но в себя его привел звонок входящего вызова на коммуникаторе. Рудов, не глядя кто звонит, сунул трубку в непослушную руку Валерия Васильевича. Тот, чисто рефлекторно ее ухватил, поднося к уху.

– Слушаю, – механически-отстраненным голосом проговорил он, тоже не поглядев, кто звонит.

Звонила Настя.

– Але, пап, ты меня слышишь? Можешь говорить?

– Да, Настя, – встрепенулся он, будто сбрызнутый живой водой, – говори, – произнес он и по какому-то наитию вновь включил громкую связь.

– В общем, так, докладываю кратко и по порядку. С транспортом и грузчиками я договорилась. Заплатила им аванс – десятку. Приедут после четырех. Я посчитала – одной машины хватит за глаза. Вещей крупных не много – шкаф платяной, мой диван, Костина кровать и письменный стол. Ну, может быть еще стиральную машину – она почти новая. Остальное – по мелочи. Зайду на обратной дороге в соседний магазин. Там коробок пустых всегда полно валяется. Попрошу. С Костей к их приезду все уложим. Взяла документы на квартиру и с ними ходила в Федеральное агентство по Управлению Государственным Имуществом, чтобы написать отказ от квартиры в пользу государства. На меня там смотрели, когда я писала заявление, как на сумасшедшую. Заявление приняли, только сказали, что еще надо подвезти справку из Росреестра, как будто сами не в силах запросить. Странные люди. Справку эту можно получить в районном МФЦ.⁴⁶ Так что, когда сам поедешь сдавать квартиру, сначала возьми справку из реестра, чтобы дважды не мотаться. Пап, ты что молчишь? Ты меня слышишь?

– Слышу, дочка, слышу.

– Пап, – уже не таким бодрым голосом продолжила она, – а мама ушла от нас.

– Как ушла? – не понял он слова дочери. – Куда?

– Ну, так. Собрала свои вещи и ушла. Они вместе с Юлькой ушли. Велела передать, что зла на тебя не держит и в

---

⁴⁶ Многофункциональный центр.

свою очередь просит ее простить. Я ее уговаривала, но ты же ее знаешь. Чем сильнее уговариваешь, тем она непреклонней. Говорит, что устала. Как думаешь, она вернется?

– Не знаю, доча, не знаю, – неуверенным, но теплым голосом ответил он Насте.

– Ладно, пап. Ты прости меня, что сейчас тебе все это рассказываю. Отвлекаю. Я ведь понимаю, что у тебя и без нас голова идет кругом. Тут вся страна... а я в общем со своими проблемами... Ты, если сможешь – позвони, чтобы я не волновалась. Ладно? – спросила она почти с мольбой в голосе, перемешанной с надеждой.

– Хорошо, Настюша, я постараюсь, – сказал он негромко и нажал на кнопку отключения.

– Вот. Дочка звонила. Волнуется, – ни к кому не обращаясь, произнес он.

В толпе кто-то шумно вздохнул – не каждый раз удается присутствовать при крушении чужой семьи, ибо это дело почти интимное, а тут рушилась на глазах семья первого человека в государственной иерархии. Поэтому толпа опять притихла, сочувствуя этому уже пожилому человеку, решившему взвалить на себя такую неподъемную ношу и пожертвовавшему ради этого своим семейным благополучием. Афанасьев обвел невидящим взглядом толпу, а затем вздрогнул всем телом, будто очнувшись от спячки. По его лицу пробежали какие-то неясные тени и глаза его вновь запылали пламенем неистового огня.

– Борисыч! – гаркнул он во всю мощь легких, хотя мог этого и не делать, так как тот и без того стоял рядом и переминался с ноги на ногу от осознания неловкости ситуации.

– Слушаюсь! – подпрыгнул от неожиданности.

– Срочно! Номер личного телефона министра МВД.

– Есть! – ринулся лихорадочно листать тот страницы записной книги.

Быстро отыскав нужную фамилию, он протянул книгу Афанасьеву, пальцем указывая нужное место на странице, но тот отстранил руку, сунув ему самому телефон со словами:

– Я без очков. Соедини. И включи громкую связь.

– Есть! – опять отозвался адъютант, быстренько набирая нужный номер и протягивая телефон назад.

– Слушаю, – раздался в трубке слегка усталый голос после нескольких гудков.

– Владимир Александрович, это Афанасьев.

– Слушаю, товарищ Глава Высшего Военного Совета! – отчеканил министр уже сравнительно бодрым голосом.

– Владимир Александрович, вы в курсе, что творится на улицах столицы, да теперь, пожалуй, и на всех улицах страны?! – задал тот сакраментальный вопрос.

– Что вы имеете в виду? – осторожно спросил врио министра.

– Я имею в виду ситуацию, сложившуюся вокруг Сбербанка.

– А-а-а, да. Я в курсе, – сразу поскуучнел Околоков. – Мы, к сожалению никак не можем повлиять на поведение финансовых воротил. А пока мы уговариваем людей разойтись и не нагнетать обстановку, обещая разобраться в ситуации в кратчайшие сроки.

– Почему вы мне сразу не доложили о саботаже руководства банка? – с явным раздражением спросил Афанасьев.

– Я пробовал связаться с руководством, но мне сказали, что у него идет совещание. Вот я и подумал, что совещание как раз и посвящено делу разрешения непростой ситуации. Решил еще немного обождать.

– Да ничего они там не решают! – взвился Верховный. – Все они уже решили вчера, с вечера, а с утра объявили повсеместный локдаун!⁴⁷

Околоков на это только глубоко и горестно вздохнул:

– У меня, к сожалению, нет таких полномочий, чтобы бороться с такими монстрами, как Сбербанк.

– Ну, так я вам их даю, эти полномочия! Или вы забыли, как с «бадаевских» складов⁴⁸ в феврале 17-го началась революция?! Так что, слушайте мой приказ, – прорычал в трубку Афанасьев. – Берите все что там у вас есть под руками – ОМОН, СОБР и прочих и берите штурмом их главный

---

⁴⁷ Массовое принудительное закрытие всех учреждений, включая государственные из-за эпидемии или иного стихийного бедствия.

⁴⁸ Как известно, Февральская революция 1917 года в Петрограде началась с массовых демонстраций возле закрытых бадаевских продовольственных складов под лозунгами «Хлеба, хлеба!»

офис. А Греха к нам на Фрунзенскую в наручниках! Нет! В кандалах! Срочно! Если вам нужен письменный приказ, то я выдам его задним числом, как только его приволокнут к нам. Но если вы по каким-то причинам не сможете это сделать, то мне придется обращаться к другим профессионалам, но вашей фигуры в этой шахматной партии уже не будет. Вы меня хорошо поняли?!

– Да, товарищ Глава Высшего Военного Совета, мы делаем все, что от нас зависит.

– Я не сомневаюсь в вас, Владимир Александрович. Как спеленаете этого уroda, так сразу же сообщите мне на этот номер. И вот еще что... – запнулся он, потирая лоб, словно вспоминая еще что-то важное. – Чуть не забыл. Пошлите срочно наряд полиции в офис Сбербанка, что на Михалевича 39.

– И пусть сучку его из приемной, что сидит на телефоне притащат вместе с ним! – проорал Рудов, чуть не выхватывая телефон из рук Верховного, пока тот не успел отключиться.

Толпа, слушая этот диалог, радостно загомонила, уже искренне начиная верить в силу новой власти. Рудов нагнулся к уху Афанасьева и прошептал, едва шевеля губами, чтобы кто ненароком его не расслышал:

– Это ты хорошо придумал – обратиться к Околокову. Одним выстрелом и сразу двух зайцев шмальнул.

– Каких?

– Решил проверить его на лояльность, а заодно и повязать с нами, если и не кровью, то активным пособничеством.

– Спасибо, – тронул Афанасьев друга незаметно за руку.

– За что?

– За приписываемую гениальность. Однако, с людьми все равно что-то надо делать. Мы не можем сейчас просто развернуться и уехать, обещая во всем разобраться. Вопрос требует разрешения на месте, – тоже чуть слышно проговорил он Рудову.

Рудов кивнул, соглашаясь, и жестом подозвал офицера – руководителя эскорта спецназа. Тот быстро подошел к генералам, напряженный и готовый к любому развороту событий.

– Э-э-э, голубчик, – обратился «пруссак» к спецназовцу, внимательно осматривая и не находя на том знаков отличия, – имеются ли у вас под рукой спецсредства для проникновения в закрытые и защищенные помещения?

– Так точно! Имеются. Пластид и его аналоги, – живо ответил тот.

– Сергей, ты с ума сошел, – зашипел на него Афанасьев. – Тут же люди кругом. В конце концов, это противоправно.

– Когда нас будут судить за захват власти, – все так же тихо возразил ему генерал-полковник, ты с чистой совестью можешь заявить, что всячески сопротивлялся моему самоуправству. А сейчас подвинься и не мешай командовать.

– Ты, Сергей, порядочная свинья! За кого ты меня дер-

жишь?! – буря лицом, шептал Верховный.

– За чистоплюя, боящегося запачкать манжеты. Добро должно быть с кулаками. С большими кулаками – невозможно парировал он слова Верховного.

– С кулаками, а не с кастетами, – процедил сквозь зубы Верховный.

Офицер спецназовец переводил свой взгляд с одного генерала на другого, с показным равнодушием наблюдая за их тихой перепалкой. Наконец ему это дело поднадоело и он решил подхлестнуть события:

– Какие будут приказания? – обратился он сразу к обоим руководителям, не могущим найти общий язык в такой простой, с его точки зрения, обстановке.

– В общем, так, – откашлявшись, начал громко, чтобы люди, стоящие рядом его хорошо услышали, Афанасьев, – берите своих молодцев, цепляйте к дверям, что там у вас есть из штурмовых средств и обеспечьте проникновение ваших людей на объект с целью выявления и ареста виновных в саботаже лиц. Но, – строго предупредил он его, – при штурме я вам разрешаю использовать только боеприпасы останавливающего действия, а никак не боевые! Все-таки, они еще пока наши граждане, и в основной своей массе, просто выполняющие приказ своего руководства, хоть и преступный. Вы меня хорошо поняли?

– Так точно! – козырнул спецназовец и быстро метнулся к одному из кунгов.

Тут подъехала машина полиции с проблесковыми маячками на крыше (видимо стояли где-то неподалеку). Из машины вылезли двое – молодой сержант и пожилого вида старший лейтенант, наверняка из участковых, призванный для усиления к пэпээсникам. У сержанта на ремне болтался АКСУ, пошарпанного вида. Пожилой, издали еще узнал Афанасьева, а потому начал усиленно козырять даже не за три шага, как положено по Уставу, а за метров двадцать – не меньше.

– Участковый инспектор по делам несовершеннолетних, старший лейтенант Горохов, – представился он генералам.

– Товарищ Горохов, – обратился к нему Рудов, – на лицо имеются все признаки саботажа в обстановке объявленного чрезвычайного положения, – он глазами указал на закрытые двери офиса. – Лица, запершиеся в здании, препятствуют нормальной работе учреждений города, вызывая своими противоправными действиями ажиотаж и недовольство граждан. Прошу немедленно разобраться в ситуации и пресечь противоправные действия сотрудников данного учреждения.

Горохов, козырнув еще раз, побрел, но уже неуверенной походкой в сопровождении сержанта по образовавшемуся проходу к дверям банка. Робко начал стучать в толстые стеклянные двери. На стук, разумеется, никто не ответил. Лейтенант еще пару минут, явно для приличия, еще подолбился в двери, а затем, разводя руки в стороны, как бы признавая свое бессилие, пошел обратно.

– Заперлись. Не хотят открывать. Но внутри, я заметил, имеет место перемещение персонала, – рублеными фразами доложил он представителям хунты.

Беда, как известно, не приходит одна. Вот и на этот раз компанию ей составили откуда ни возьмись репортеры всех мастей и засверкали вспышками фотокамер, попутно тараторя комментарии и пытаясь взять интервью у главных действующих лиц или хотя бы очевидцев. Однако военнослужащие не дали им пробиться к месту основного действия.

– Черт, принес нелегкую! – зло сплюнул из-за спины Рудов.

– А, по-моему это даже нам на руку, – не согласился с ним Афанасьев.

– Каким образом?!

– Не надо будет опять ехать в студию и объяснять что и к чему. Наверняка репортаж пойдет в прямом эфире, – пояснил он ему.

Между тем старший спецназовец с двумя своими помощниками, скорее всего специалистами по взрывотехнике, уже маячил сзади и подавал знаки о том, что он готов к решительным действиям.

– Ясно, – проговорил Афанасьев, выслушав доклад участкового. – Ну, по крайней мере, у нас есть сознание, что все методы, предусмотренные законом, мы применили и исчерпали. Не так ли, Сергей Иванович?

– Так точно, Валерий Василич! – поддержал его Рудов. –

Действуйте! – обратился он с приказом к спецназовцам. Двое из них тут же ринулись к злополучным дверям в пещеру Али-Бабы, доставая на ходу из нагрудных карманов «сим-сим» в виде пластилиновых колбасок сероватого цвета, а их начальник в это время обратился к людям, количество которых за эти полчаса, заметно прибавилось:

– Товарищи! Сейчас будут произведены взрывные работы для штурма здания, поэтому у меня к вам убедительная просьба. Во избежание контузии и ранений от разбитых стекол, отойдите от эпицентра взрыва, хотя бы метров на пятнадцать-двадцать!

Люди, после событий 2012-го года привыкшие серьезно относиться к словам, закованных в броню военных, послушно и без суеты подались назад.

Передовой отряд штурмующих, на низком старте, приготовился ринуться в проход, образуемый взрывом. Взрывники, прилепив куда надо, кусочки пластида, так, чтобы взрывом вынесло дверь целиком, а не разбило на острые осколки стекла, тоже отошли на несколько метров. Замерли на несколько секунд. Грохнуло! Не очень сильно. Бойцы рванулись внутрь здания, как наскипидаренные. Изнутри сразу послышались частые хлопки выстрелов, крики и мат. Затем, как-то все разом стихло. Прошло еще что-то около минуты, и в провале дверей появился один из бойцов, толкающий впереди себя хорошо одетого мужчину на полусогнутых ногах и с заломленными назад руками.

– Вот! – взялся пояснять он присутствующим ситуацию. – Заведующий отделением. Говорит, что закрылись по распоряжению из центрального офиса.

– Жертв нет?! – спросил Афанасьев у него.

– Никак нет! Охрану разоружили, а стреляли вверх и то не боевыми, – доложил боец, гудя из под сферического шлема с балаклавой.

– Эй, ты! – обратился уже Афанасьев к согнутому в три погибели лощеному представителю тупиковой ветви человечества под названием «хомо менеджментикус». – Все работники отделения на месте?

– Да-а-а! – простонал тот, явно взятый на болевой.

– Необходимые средства для проведения банковских операций имеются?

Тот промолчал, то ли не желая отвечать, то ли не зная что отвечать, чтобы потом не получить неприятностей по служебной линии.

– А ну отвечай, скотина, когда с тобой товарищ Верховный говорит! – проорал на него спецназовец, как следует, встряхивая задержанного, причиняя тому дополнительную боль в заломленных руках.

– А-а-а! – завопил тот истошно. – Дяденька, только не бейте!

– Тогда отвечай, племянничек! – приободрил его боец.

– Ну?! Живо! – вступил уже Рудов.

– Д-да, – с трудом выдавил тот, – все на месте. Запас на-

личных средств позволяет совершать все предусмотренные операции.

– Вот и хорошо, – без тени эмоций произнес Афанасьев. Затем обратился к полицейскому сержанту. – Везите его в РОВД и оформите, как саботажника и нарушителя закона о чрезвычайном положении.

– Есть, принять! – козырнул тот, подхватывая переданного ему «клиента» и надевая на него наручники, чтобы увести к полицейской машине.

– Товарищи! – обратился тем временем Афанасьев к людям и репортерам, выставившим свои микрофоны на длинных палках. – Сейчас мы силами бойцов специального назначения пресекли противоправные действия наймитов международного мафиозного капитала всего лишь на одном участке. А по нашим сведениям таких участков по стране очень много. Причем, прошу вас заметить, что это происходит исключительно с отделениями Сбербанка, что наводит на определенные мысли по поводу его руководства. Все остальные банки работают в штатном режиме. Поэтому я еще раз прошу граждан не поддаваться паническим настроениям и не вестись на призывы к погромам. С руководством Сбербанка мы в ближайшие часы разберемся и решим возникшую проблему. Я обращаюсь к сознательности граждан столицы и всей России. Если вы стали свидетелями подобного безобразия со стороны работников банка, то не устраивайте, пожалуйста, в свою очередь противоправных акций,

а вызывайте полицию для составления протокола о нарушении Закона «О чрезвычайном положении» и ареста правонарушителей. А теперь к вам, сотрудники Сбербанка! Если вы немедленно не прекратите акцию саботажа, то знайте, вас всех ждут не просто дела об административном правонарушении, а как минимум уголовные, с большим сроком и конфискацией. Как максимум – расстрел на месте за злостное неповиновение властям. Я все сказал.

Затем повернулся к стоявшему рядом Горохову и опять громким голосом возвестил:

– Товарищ Горохов, оставайтесь на месте и организуйте нормальное обслуживание клиентов данного отделения до разрешения конфликта. Если сотрудники банка после нашего отъезда вновь попытаются нарушить порядок и спокойствие своими действиями или бездействием, то я разрешаю вам применение табельного оружия на поражение без предупреждений. Я оставляю с вами часть бойцов и одну из машин. Офицер, – обратился он уже к начальнику охраны, – распорядитесь об оставлении на месте наряда.

– Есть, распорядиться! – ответил спецназовец без всякого удовольствия. Он не любил, когда его бойцов, вот так вот, раздергивают, но деваться было некуда.

– Есть! Разрешите выполнять приказ?! – в свою очередь браво отозвался пожилой участковый, выпячивая грудь от осознания своей значимости. Приняв разрешение от самого Верховного, тот расправив плечи, направился к разгромлен-

ному входу, чтобы там начать планомерный запуск клиентов
внутри здания.

Глава 16

I

25 июня 2020 года, Россия, г. Москва, Фрунзенская набережная 22, здание МО РФ.

На этот раз от маршрута никуда не отклонялись. Верховный трезво рассудил, что поход в Росимущество в данных обстоятельствах не слишком актуален и может спокойно пережить еще сутки. Пока ехали через парк Горького, пока пересекали мост через Москву-реку, добираясь из Раменок на Фрунзенскую набережную, Афанасьев хранил полное молчание, наподобие египетского сфинкса, давая выговориться своему негласному вице-диктатору и правой руке. Тот же всю оставшуюся часть дороги почти не умолкал, костеря направо и налево всех банкиров, олигархов, чиновников и бестолковый народец, позволивший однажды прорости этим сорнякам. Валерий Васильевич не мешал другу, вполне осознавая, что тому просто необходимо «выпустить пар» после похода в «головомойку». Лишь однажды проронил, дождав-шись, когда Рудов остынет в своем праведном возмущении:

– Борисыч, больше ничего супернеприятного не случилось?

– Никак нет. Пока спокойно. Даже несистемная оппози-

ция еще с мыслями не собралась. Пришло сообщение от Марии Хазаровой. Стали съезжаться иностранные делегации, чьи представители пострадали, для организации траурных мероприятий и транспортировке тел на родину. Но они хотели бы встретиться с вами в негласной обстановке.

– Да, – кивнул Афанасьев, – встретиться надо. Да и отдать дань памяти тоже необходимо сегодня же. Как только встретимся и утрясем дела с самой Машей, так сразу займемся этим скорбным делом. Так и отпиши ей со своего планшета в ее Твиттер. Тут неожиданно затренькал коммуникатор Афанасьева. Он не стал всматриваться в экран, а сразу нажал на соединение. Звонил Околоков.

– Валерий Васильевич, – сумрачным голосом обратился он к Верховному, – ваш приказ по задержанию председателя правления Сбербанка – Германа Греха выполнено.

– Хорошо, Владимир Александрович, теперь я точно знаю, что не ошибся в вас. Но от чего у вас такой похоронный голос? – чуя, неладное, поинтересовался он у врио Министра Внутренних Дел.

– К сожалению, не обошлось без эксцессов. Внутренняя охрана оказала сопротивление. Какая-то частная охранная фирма. Сейчас разбираемся с вопросом, каким образом вместо травмата у них на вооружении были «мини-Узи» израильского производства.

– Жертвы?! – перебил его Афанасьев разом покрываясь холодной испариной.

– Да, товарищ Верховный. Мы никак не ожидали такого, да еще в Москве, да еще и в таком уважаемом учреждении.

– Ну же! Не тяните!

– Наших полегло семеро, включая следователя предъявившего постановление о принудительном приводе для дачи показаний. Одиннадцать ранено. Естественно, что ребята разозлились.

– И?!

– Охранников положили почти всех – тридцать девять человек. И что характерно, все они иностранные граждане. В основном – американцы. Оставили только их командира, едва живого. Под конец вошли в раж и потеряли самого клиента. Слегка. Видимо у кого-то из ребят оказалась непогашенная ипотека.

– Это хорошо, что у вас осталось чувство юмора даже в такой ситуации, – хмуро похвалил его Афанасьев. – Ребят вот только не вернуть. Это плохо, конечно. Ну, тут и моя вина. Я тоже никак не мог предположить, что такое может случиться, иначе бы привлек к этому делу специалистов иного уровня подготовки, а не ваших из полицейского СОБРа. Ладно. Окажите семьям погибших материальную помощь и представьте мне список для утверждения посмертных наградных листов.

– Есть, оказать помощь и представить списки, – все тем же унылым голосом ответила трубка коммуникатора.

– Когда доставите задержанного на Фрунзенскую?

– Задержанных, – поправил Околоков Верховного. – Мы задержали всех членов правления. На всякий случай.

– А сучку-секретаршу тоже задержали?! – встрял Рудов, которому не терпелось посчитаться с наглой бабой.

– И ее подгрести тоже. Как вы и просили, Сергей Иванович, – услышав голос генерала, отозвался Околоков.

– Хорошо, Владимир Александрович, через сколько, примерно, вас ждать с уловом?

– Приблизительно минут через двадцать.

– Хорошо, – еще раз повторил Афанасьев, – мы будем вас ждать прямо внизу – в центральном холле первого этажа.

– Скажи, Сергей Иванович, – хитро прищурился Афанасьев на Рудова, когда закончил разговор с Околоковым, – а на что тебе эта глупая баба сдалась?! Я вроде бы за тобой никаких таких наклонностей ранее не замечал? Или захотелось попасть на молодой травке, вспоминая молодые годы?

– Пустое говоришь, Валерий Василич, – строго поджал он губы, – просто хочу поучить на примере этой гниды, других, таких же, что мнят о себе слишком много.

– И как же?

– Был я в прошлом году, если ты помнишь, с покойным Тургэном в Анадыре⁴⁹ с инспекцией на предмет возможности реанимации старой заброшенной ракетной базы, выруб-

---

⁴⁹ Город на крайнем северо-востоке России, административный центр Чукотского автономного округа.

ленной в скальном массиве.

– Как же, как же, помню отлично. Тогда прорабатывался вопрос размещения там ракет средней дальности типа «Курьер»⁵⁰, похеренный в 90-х, а ныне стараниями академика Соломонова, вновь возрождаемый.

– Да. На случай выхода Штатов из ДРСМД, – поддакнул Рудов. Так вот, были мы у главы местной администрации, и он все сокрушался по поводу того, что вот де мол, уйдет сейчас его уже четвертая секретарша в декретный отпуск и все дела встанут у бедняги. А желающих заместить эту вакантную должность, среди местных девок нет – сколько им денег не предлагай. Вот я и подумал...

– Ну, ты и жесток, как я погляжу! – рассмеялся Верховный. – Кстати, насколько я помню, по итогам той поездки, решение по этой базе было принято положительное.

– Да. Работы по восстановлению начались, но ни шатко, ни валко из-за ограниченности финансирования.

– Да, – поморщился Афанасьев, – Полуянов тогда сильно подрезал нам бюджет.

За разговорами и не заметили, как уже подъехали к месту. Отпустив водителя до вечера, и предупредив наружную охрану о том, что сейчас подвезут еще одних арестованных, сами подниматься наверх не стали, ожидая с минуты на минуту Околокова с теплой компанией. В холле уже был Туч-

---

⁵⁰ Подвижный грунтовой ракетный комплекс с малогабаритной твердотопливной межконтинентальной баллистической ракетой с дальностью до 5000 км.

ков. Держа обшарпанный портфель в руке, он о чем-то интенсивно беседовал с директором департамента финансового обеспечения МО Поклонским.

– А-а-а! Вот вы мне как раз и нужны, Евгений Геннадьевич, – с ходу обратился к собеседнику «жандарма» Афанасьев. – Насколько я знаю, все наши сотрудники центрального аппарата министерства обслуживаются в Сбербанке, не так ли?!

– Так точно, товарищ Глава Высшего Военного Совета! – без запинки пробарабанил Поклонский еще пока непривычное на слух официальное обращение. – Согласно приказа от...

– Верю-верю, – перебил его диктатор, – что вы назубок знаете все постановления и распоряжение по ведомству. Но я сейчас не о феномене вашей памяти. Подготовьте и дайте мне в кратчайший срок на подпись распоряжение Президиума Высшего Военного Совета о переводе всех финансовых операций Центрального Аппарата Министерства Обороны и Генерального Штаба и расчетов с физическими лицами, проживающими в пределах города Москвы из Сбербанка в банк «Столичный».

– Но зачем?! – округлил глаза главный военный бухгалтер, представляя себе предстоящий объем работ.

– А затем, – подпустив жесткости в голос, ответил ему Афанасьев, – я не желаю, чтобы все финансовые операции Министерства, а так же личные данные сотрудников, по

крайней мере Центрального аппарата, находились под пристальным вниманием заграничных спецслужб.

– А я давно говорил уже всем, что там окапались иностранные спецслужбы, – вставил свои пять копеек жандарм.

– Да, но мы и так уже перешли на карточки «Мир», – вновь попробовал возразить военный финансист, не замечая реплики Николая Павловича. – Куда уж больше-то? И то, спросите меня, чего нам это стоило?

– Скажу даже больше. Начинайте готовиться к полному запрету на пользование военными служащими услугами этого банка, – а про себя добавил «до тех пор, пока мы его не национализируем».

– У вас имеется какая-то инсайдерская информация о дальнейшей судьбе этого банка? – с дрожью в голосе пролепетал Поклонский.

– Евгений Геннадьевич, у вас в роду иудеев не было? – любопытно спросил Верховный, ласково глядя на собеседника.

– Н-нет. А что?

– Да вы только и делаете, что спорите со мной и отвечаете вопросом на вопрос. А это, знаете ли, характерная черта представителей этого этноса. А насчет инсайдерской информации, так вон она, – кивнул он на входящих омоновцев, втаскивающих разношерстную группку людей, – сама, собственной, так сказать, персоной явилась.

Пестрая по своему составу группка людей представляла собой довольно жалкое зрелище. Все были изрядно помяты,

а кое у кого светились на лице свежие кровоподтеки. Изрядно поотстав от задержанных, шел, тяжело ступая и вытирая пот со лба Околоков.

– Ба-а! – вскинув руки и улыбаясь, обрадовался как любимому родственнику Тучков при виде одного из них. – Как долго я мечтал о нашей встрече!

– Встретили знакомого? – спросил Афанасьев, заметив хищный блеск в глазах, пока еще эфэсбэшника.

– Прошу любить и жаловать – господин Хосис Лев Ааронович! – представил он своим собеседникам одного из представителей правления банка с характерными чертами лица, почти висящего на руках дюжих молодцев. – Вот, рекомендую вам Льва Аароновича – куратора и координатора международных операций Сбербанка. А по совместительству штатного сотрудника кампании «Vanguard Group» – негласной хозяйки АНБ и ЦРУ и состоящей, в основном, из бывших и настоящих церэушников и аэнбэшников.

Тот, кого только что представил Тучков, сделал абсолютно индифферентное лицо и демонстративно отвернулся от любопытных генеральских взоров.

– Валерий Васильевич, я таки вами горжусь неимоверно, – перешел Тучков на пародию местечкового говора. – Как это вам удастся каждый день вытаскивать их омота таких крупных рыбин?!

– Да это я гляючи на вас с Костюченковым и Барышевым Николай Палыч, – в тон ему ответил Афанасьев. – Вы вчера

подали нам с Сергеем Ивановичем отличный пример своевременного реагирования.

– Я надеюсь, что вы, Валерий Васильевич, отдадите мне этого субъекта для доверительной беседы с применением спецсредств? – попросил Тучков, умоляюще приложив обе руки к груди, включая и ту, что держала портфель.

– Забирайте хоть всех, кроме вон того, – указал пальцем на Греха диктатор и узурпатор.

– Ой, спасибочки! – пуще прежнего обрадовался «жандарм». – Я как знал, что и сегодня будем не без улова, поэтому не отпускал автозак. И достав из кармана коммуникатор, бросил в него кому-то на том конце, – Андреич, подгоняй машину к центральному входу и готовься к приему.

– И кроме вон той, – указал кивком головы Рудов на молодую и чрезмерно намалеванную девицу, сразу сообразив, что к правлению она не имеет никакого отношения, а круг ее обязанностей носит исключительно горизонтальный характер.

Афанасьев жестом подозвал начкара к себе:

– Вот, выделите трех человек из числа охраны, примите у товарищей омовцев и сопроводите мужчину и женщину в приемную моего кабинета. А ребят из ОМОНа проводите в нашу столовую и накормите, как следует, у них сегодня был очень тяжелый день.

У Афанасьева был кабинет в здании Министерства Обороны, хоть он и пользовался им крайне редко, предпочитая

родной, расположенный на Знаменке. Тучков упорхнул, едва не приплясывая на ходу, вслед за задержанными, а к Афанасьеву, отдуваясь, приблизился тучный Околоков. Тучным его делал старомодный бронежилет, надетый поверх генеральского мундира. Дождавшись от своего высокого начальства утвердительного кивка, омоновцы с нескрываемым удовольствием последовали за сопровождающим, выделенным им начкаром, дабы вкусить от щедрот Министерства Обороны.

– Владимир Александрович, – обратился он уже к врио министра, протягивая руку для крепкого мужского рукопожатия, – позвольте еще раз поблагодарить вас за лично вами проявленное мужество при принятии этого нелегкого решения и за высокий профессионализм ваших подчиненных.

– Да чего уж там, – смутился Околоков, принимая рукопожатие, – только вот никогда я еще не подписывал похоронки в таком количестве. Сам-то я, как вы знаете, из угрозиска. У нас – у сыщиков перестрелки редко когда случаются. А тут такое... – махнул он рукой и скривился как от боли.

– Я понимаю вас, Владимир Александрович. Сам за сорок с лишним лет все никак не привыкну. И, к сожалению, мне вас обрадовать в этом плане нечем. Год обещает быть крайне беспокойным. Да, что я вам говорю?! Сами вчера убедились. Они ведь не успокоятся.

– Думаете, надо готовиться к худшему?! – затравленным взглядом глядя на Афанасьева, спросил Околоков.

– Наихудшему, – поправил его Верховный. – Год активно-го Солнца. С этого года начинается глобальный передел власти над всей Землей. И как покойный президент не старался оттянуть вступление России в эту свару, по иронии судьбы, первый удар был нанесен именно по нему самому. Мы искренне надеялись, что начнется хотя бы не с нас, но, увы, как видите, наши аналитики просчитались. От всех нас, и от вас в частности, потребуется, как никогда проявить стойкость и мужество.

– Все-таки решили утвердить меня в этой должности? – как-то излишне кривовато улыбаясь, спросил Околоков.

– Я с удовольствием буду рекомендовать Высшему Военному Совету вашу кандидатуру, но... – и тут Афанасьев несколько тормознул, не зная, как бы поделикатней объяснить этому седому волку, что условием получения портфеля министра может служить только прохождение проверки на лояльность. Но сам Околоков пришел на выручку Афанасьеву, все также криво ухмыляясь, уточнив:

– Но для этого необходимо, чтобы меня основательно порастрясли костоломы Пасечника?

– Тучкова. Уже теперь Тучкова. Они сейчас всю занимают самим Пасечником, – пояснил Афанасьев.

– Я почему-то, сперва, так и подумал, когда телефон Пасечника замолчал, а самого Тучкова увидел в вашем окружении вчера по видеосвязи. Значит слова «да минет меня чаша сия» произносить бесполезно? Я правильно понимаю?

Пользуясь тем, что Михайлов и Коржик стояли от них на достаточно почтительном расстоянии и тоже были заняты беседой друг с другом, все равно Афанасьев начал говорить совсем уж тихо:

– Скажу честно, процедура, мягко скажем, малоприятная, и где-то даже весьма унижительная. Я сам утром прошел через нее и у меня до сих пор остались омерзительные ощущения. Впрочем, – сделал театральную паузу Верховный, – если вы чувствуете, что ваши прежние дела тянут на «вышку» или на часть 2 статьи 105⁵¹ или вообще не дай Бог 275-ю,⁵² то конечно, лучше сразу откажитесь, но тогда, сами понимаете – в лучшем случае отставка и ожидание стука в дверь.

– Вышку, говорите? – почесал в задумчивости седой бобр-рик волос Околоков. – А по какому кодексу? Старому или новому? В новом-то «вышка» не предусмотрена.

– Новому-новому, самому новому, – взялся успокаивать того Афанасьев. – А позвольте полюбопытствовать, по старому кодексу за какую статью беспокойство ощущаете?

– За 88-ю, – уныло ответил главный полицейский страны.

– Валютные махинации?! – просиял Валерий Васильевич.

– Они самые, – кивнул Околоков и поежился, добавляя, – в особо крупных размерах.

– Уф-ф! Ну, вы меня, право слово, напугали! Я уж думал Бог весть что. Если ничего более серьезного не припомина-

---

⁵¹ Статья УК РФ, карающая за убийство

⁵² Статья УК РФ, карающая за измену Родине.

ете, то вам останется только постараться вернуть все. Ну и, разумеется, опубликовать свое истинное материальное положение.

– Расстаться с материальным благополучием... – проговорил потенциальный министр, как бы размышляя вслух.

– Да. Но зато, во-первых, остаться в живых, а во-вторых, остаться в истории, а не с историей. Чуете разницу? К тому же не забывайте, что шумным арестом Греха и компании, вы сами себе отрезали все пути к отступлению. А мировое закулисье таких вольностей не прощает, – голосом змея-искусителя, почти прошипел Верховный.

– Это я понял еще там, когда мы штурмовали их офис. Так что, вы сильно ошиблись, если думаете будто меня этим можно испугать. Ладно. Можно мне подумать немного?

– Думайте, но только скорее. Послезавтра я уже должен подать на утверждение Совету список министров-силови-ков. И если надумаете, то не позднее завтрашнего утра свяжитесь с Николаем Павловичем и договоритесь о прохождении проверки.

– Хорошо. Разрешите идти?

– Идите. Но мне кажется, мы с вами сработаемся, сказал Афанасьев, пожимая Околокову руку на прощанье.

Проводив взглядом, уходящего медвежистой походкой, чуть косолапящего Околокова диктатор крутанулся на месте и быстро зашагал к лифту. Подниматься всего лишь на второй этаж по лестнице было лень, что выдавало в нем первые

признаки приближающейся старости. За ним, как по команде ринулись Михайлов и Коржик. Уже выходя из лифта, нос к носу встретились с двумя прапорщиками, тащившими под руки плачущую навзрыд секретаршу Греха. За ними, чуть ли не строевым шагом топал Рудов.

– Что вы с ней сделали?! – изумленно воскликнул Афанасьев.

– А-а-а, Валерий Василич?! А мы уж вас потеряли. Вот иду вас искать. Там к вам уже очередь собралась. Жаждают лицезреть. А с этой «доздрапермой» ничего не случилось, просто культурологический шок, когда узнала, как в ее услугах нуждается анадырская горадминистрация.

– И куда ее сейчас волокут?

– Сначала домой – за вещами. Потом на Кубинский аэродром, а там, на ближайший транспортник, благо они часто туда летают, и «здравствуй, Берингово море!», – не слушая вопли длинноногой девицы, зло ощерился генерал-полковник.

– А законно ли это? – усомнился Валерий Васильевич. – Не перегибаем ли мы палку?

– Положения статьи седьмой Закона о «Военном положении» полностью укладываются в мои действия. На память не жалуясь, могу процитировать, – обиженным тоном заявил Рудов, – «Часть вторая статьи седьмой. На основании указов Президента Российской Федерации на территории, на которой введено военное положение, применяются сле-

дующие меры: пункт шестой, привлечение граждан в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, к выполнению работ для нужд обороны» и пункт восьмой «запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства».

– Так это про военное положение, а не чрезвычайное, – опять засомневался Афанасьев.

– Не-не-не! – замотал головой Рудов. – Ты меня на противоречиях не лови! Сам же только вчера на всю страну заявил, что, мол, мы де находимся в состоянии необъявленной войны. А основанием для ввода режима военного положения является в том числе на основании пункта 6 ст.3 того же закона засылка наемников, осуществляющих акты применения вооруженной силы против Российской Федерации равносильных актам агрессии. А актами агрессии, по той же статье, могут признаваться акты применения вооруженной силы против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности страны или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН.

– Ну, все-все, – замахал на него руками Афанасьев, – уел ты меня, пунктик, уел. Кто там, кроме задержанного, меня ожидает?

– Пойдем, сам посмотришь.

II

В небольшой приемной, кроме помятого и всклокоченного, но все еще хорохорящегося Греха сидели двое: пожилой генерал-лейтенант бравого вида и еще более пожилой гражданский – сухой и прямой как палка, с ехидным выражением на испещренном морщинами лице. Генерала Афанасьев узнал сразу. Это был Иванов из группы инспекторов при Министерстве Обороны. Обычно его посылали возглавлять ту или иную комиссию по принимаемым на вооружение новым образцам. Афанасьев сразу вспомнил, что велел тому явиться на прием, как только прибудет с полигонных испытаний «вундервафли», сотворенной на холодных и скалистых берегах Новой Земли. Второй старик был ему не знаком. Хотя он его определенно где-то уже видел. Уж больно характерная была у того улыбочка. «Ах, да! Это кажется какой-то там профессор, один из изобретателей чуда-оружия. Наверняка прибыл для того, чтобы выбить под свой проект дополнительное финансирование» – недовольно подумал он. При его появлении оба встали. Но по-разному. Иванов – как мячик, несмотря на свой возраст и комплекцию, а профессор – с достоинством и солидностью – будто милость оказывал.

– Знаю-знаю, товарищи, – скороговоркой начал Афанасьев и, махая рукой прерывая начавшего было докладывать о прибытии Иванова, – но вы уж простите меня. Тут у нас де-

ла завелись срочные и неприятные, а разговор с вами требует большей обстоятельности и вдумчивости. Так что, не взыщите, товарищи, и обождите еще какое-то время. Сходите пока в буфет. Он тут недалеко. Все равно раньше чем через полчаса я не освобожусь, – озаботился он их желудочным состоянием. – Ведите задержанного в кабинет, – обратился он уже к охранникам и проследовал за ними. Рудов тоже захотел поучаствовать в предстоящей беседе. Михайлов и Коржик остались в приемной. Борисыч занял место секретаря за пустующим столом, где и расположился с относительным комфортом, а Коржик. Как всегда скромно присел на рядом стоящий стул.

Войдя в кабинет, Афанасьев бросил опять коротко охране:

– Снимите с него, – кивнул на банкира, – наручники, авось не сбежит.

Сел во главе стола. Рудов присел на диванчик возле окна, закидывая ногу на ногу и щурясь, как деревенский кот на солнышко. Как и все представители «ЛГБТ-меньшинства», Грех имел изнеженные повадки холеного тела, поэтому долго массировал опухшие от «браслетов» ручки. Афанасьев не мешал, молча наблюдая, как медленно приходит в себя существо, причисляющее свою персону к высшим слоям мирового сообщества. Наконец ему надоело ожидание, когда банкир заговорит первым.

– Ну и что вы мне скажете – дитя греха и порока?! – ска-

ламбурил Афанасьев, а Рудов с дивана гыгыкнул, понимая истинную подоплеку грубоватой шутки.

– Ничего я тебе не скажу, убийца, узурпатор и вообще – унтер Пришибеев,⁵³ – криво усмехаясь и при этом, пытаюсь вальяжно развалиться на стуле, ответил Грех, уже окончательно оправившийся от первоначального шока.

– Приятно иметь дело с человеком когда-то читавшим Чехова, – ни один мускул не дрогнул на лице Верховного, – вот только я во-первых, не припомню, когда это мы с вами водили дружбу, чтобы мне тыкать, а во-вторых, отвечу тебе словами одного из русских монархов, так вами нелюбимого «захочешь лаять для забавы, – тебе во честь или во славу, а нам бесчестие...»⁵⁴ Поэтому я не стану опускаться до вашего лексикона и платить вам той же монетой. Мне глубоко безразлично ваше отношение к моей персоне. Передо мной, как перед главой государства стоят лишь два вопроса: откуда и от кого пришел к вам приказ о начале саботажа, и каким образом и в какие кратчайшие сроки можно ликвидировать это безобразие?

– Не я зачинщик этого, как ты выразился «безобразия», а тот, кто, взобравшись на престол власти, по неостывшим телам президента и его соратников, а так же заточивший в

---

⁵³ Герой одного из рассказов А.П. Чехова, ставший нарицательным образом характеризующим людей, во всё вмешивающихся, желающих навести повсюду самочинный порядок.

⁵⁴ Слова из письма Ивана IV шведскому королю Юхану III/

казематы представителей всех ветвей власти, поправ все законы, включая этические и моральные, – с вызовом отозвался тот.

– Это, какие же законы я нарушил? Просветите-ка меня, недалекого? – съерничал, начинающий уже не на шутку сердиться Афанасьев.

– Да хотя бы и Конституцию, – брезгливо скривив губы, уточнил прегрешения диктатора банкир.

Тут уже не выдержал и взорвался Рудов, подскочивший со своего места и ухвативший за лацканы пиджака задержанного:

– Ты кто такой, чтобы вообще вякать о Конституции?! В Конституции ясно написано, что Крым – наш, а ты, пес шелудивый, признал это вместе со своим гребаным правлением?!

– Не прикасайтесь ко мне своими грязными лапами! – заверещал Грех, пытаясь отодрать от себя вцепившегося мертвой хваткой Начальника Оперативного Управления.

– Да мне после тебя педрило, руки в хлорке надо будет два дня отмачивать! – проорал, брызгая слюнями в холеное лицо банкира генерал.

– А, действительно, чем вы оправдаете явное нарушение норм Конституции с вашей стороны? – хитренько улыбнулся Афанасьев, спокойно наблюдая за потасовкой. Рудов уже бросил трепать пиджак Греха, демонстративно вытирая руки о свои штанины.

– Чем-чем?! А ничем! Мы транснациональная кампания и в своих решениях опираемся, прежде всего, на мировое, а не местное законодательство. А мировое законодательство Крым российским не признало! Вот! – фальцетом и на повышенных тонах ответил Грех Афанасьеву.

– Да мне плевать на хоть трижды мировое законодательство! Вы и ваше правление, являясь гражданами России, нарушили ее Основной Закон, не признавая его действия и прямо противореча ему в своих поступках! А знаете, что за такое бывает тем, кто совершает такие преступления?! Да еще теперь занимаетесь подрывом основ социально-экономической деятельности государства.

– К тому же в условиях военного времени, – процедил сквозь зубы из своего угла, уже почти успокоившийся Рудов.

– Можно подумать, вы сами ее соблюдаете, нарушая основные права и свободы граждан, не имея от них на то никакого мандата? – окрылся Герман Оскарович, но уже более спокойным голосом.

– Мы – нет! Не нарушаем. В конституционном Законе «О чрезвычайном положении» присутствуют обстоятельства, временно ограничивающие права и свободы в угрожаемый для государства период, – опять подал голос Рудов.

– Ишь ты, какой оказывается у нас тут радетель о правах граждан выискался?! – разыгрывая истинное недоумение, съехидничал Афанасьев.

– Да! – подхватил тут же Грех. – Мы заботимся о своих ак-

ционерях, к коим относится и Российская Федерация, между прочим, и о простых вкладчиках, доверивших нам свои средства. Ибо, признай мы опрометчиво Крым и тогда санкционный вал обрушился бы на простых и не замешанных в ваших политических играх людей. Но вам на них и их чаяния – наплевать, потому что свои капиталы, нажитые путем коррупции и откровенного воровства, вы держите на тайных счетах в частных банках!

– Ба! Я сейчас расплачусь от умиления при лицезрении народного заступника! – воскликнул Афанасьев, всплескивая руками.

– Кто-то же должен в этой стране заботиться о ее гражданах, если этим не хочет заниматься государство! – не понял сарказма генерала Грех.

– Сергей Иванович, – обратился Афанасьев к Рудову, – ты только посмотри на радетеля о простых людях! На того, кто начал думать о них еще с 98-го года, когда будучи председателем Санкт-Петербургского КУГИ, за продажу «Сенного» рынка получил взятку в 600 тысяч зеленых. Даже «дело» на него завели тогда с его признательными показаниями, как по этому делу, так и по делу о приватизации дома князя Горчакова.

– Это неправда! – взвизгнул банкир. – Дело было закрыто по причине пропажи ключевых улик!

– Ты наивный немецкий парень, если после того, как прожил в России всю жизнь, продолжаешь считать, что «дела»

у нас «пропадают». Нет, голубок, никогда и никуда они не пропадают, а просто переходят в другие руки, – спустил его с небес на землю усмехающийся диктатор. – Продолжать?

Грех угрюмо молчал, сверля его ненавидящим взглядом исподлобья.

– Молчание – знак согласия! – правильно истолковал Афанасьев ненависть в глазах сидящего на стуле «дельца». – А вы на меня Герман Оскарович такими глазками не смотрите! Я на своем веку таких взглядов, ой, как много перевидал. Итак, продолжим, конференс! Незаконная приватизация АО «Комбинат цветной печати» тоже кладем в ту же копилку. Сколько вы тогда положили себе в карман? Не так уж и много, правда?! Ведь вам пришлось отстегнуть немалую сумму за увольнение, а затем и убийство заместителя прокурора Ленинградской области.

– Я не убивал его, – процедил Грех сквозь намертво стиснутые зубы.

– Верю! Просто заказали это сделать! Убийство Михаила Маневича тоже из этой серии? Ладно. Поедем дальше. Исчезновение господина Коркорана – владельца фирмы «Интероксидентал» и пропажа полутора миллионов долларов тоже не в счет? А ведь он исчез прямо из вашего кабинета. Зашел, стало быть, и не вышел. В камине, что ли сожгли?

– Будьте вы все прокляты! Как я вас ненавижу быдло совковое!

– Опа! А десять минут назад вы так заботились о гражда-

нах «совка»! – продолжал насмешничать Афанасьев. – После того, как известное всем лицо, вытащило вас из хмурого Петрограда в первопрестольную, на пост министра экономического развития, вы ведь не прекратили своей преступной деятельности? Ведь именно тогда, если не ошибаюсь, вы снюхались с представителями зарубежных разведок. Еще предстоит подсчитать, какой урон экономике страны принесло ваше руководство этим министерством.

– Пусть этот радетель вспомнит о «замороженных» вкладах 91-го года. Почему он не компенсирует их?! – опять встрял Рудов.

– Да, кстати, почему?! – согласился с ним Верховный.

– Собрание акционеров приняло решение отложить этот вопрос, – проямлил Грех, глядя в пол.

– А знаете, господин Грех, меня уже как-то не слишком-то и волнует вопрос о том, кто отдал вам приказ о саботаже, – продолжил наседать на него Афанасьев, почувствовав себя в роли Знаменского, Томина и Кибрит⁵⁵ одновременно, в своем лице. – Я и так, примерно, догадываюсь, кто бы это мог быть. Сейчас, ребята Николая Палыча, уже наверняка потрошат господина Хосиса – смотрящего за вами со стороны «Вангарда» и «Франклин Тэмполтон». И еще до конца дня мы узнаем много интересного от него. Мне было бы очень приятно опередить тучковских спецов. Поэтому не скрою, что тот из вас кто первым начнет говорить, тем самым ку-

---

⁵⁵ Герои сериала «Следствие ведут знатоки».

пит себе жизнь еще на какое-то время. Не свободу, а только жизнь, – тут же уточнил он.

Грех хранил непроницаемое молчание, но по его напряженному виду было понятно, что он просчитывает варианты своего спасения.

– Итак, господин Грех, я еще раз призываю в добровольном порядке начать сотрудничать с властями, а началом этого должно послужить ваше распоряжение о прекращении саботажа всеми вашими филиалами и отделениями. Вот телефон, – кивнул Верховный на аппарат, стоящий с края его стола, – звоните и приказывайте. Или мне позвать специалистов по причинению «бо-бо», чтобы вам помогли принять правильное решение?

– Для этого надо принять решение на правлении за подписью всех членов, – пробубнил он невнятно под нос, желая хоть как-то оттянуть неизбежное и ежась, представляя, как ему втыкают иголки под ногти.

– Не болтайте ерундой, как говорят в Одессе! Тут перед вами не мальчики сидят. А то мы не знаем, что решения подобного рода никогда не оформляются в письменном виде. Ибо это письменный приговор самим себе. Так что, звоните кому там надо и не испытывайте моего диктаторско-узурпаторского терпения. Вам, так или иначе, придется набирать нужный номер, но только либо целыми пальцами, либо поломанными. Ну же! Не тяните! И без шуточек с кодовыми словами, а то знаю я вас! – подвинул плотную к банкиру

Афанасьев телефон.

– Прикажите мне вернуть мой телефон. Я должен звонить только с него. Иначе там не поверят.

Афанасьев нажал кнопку под столешницей, вызывая охрану. Охрана ввалилась в кабинет еще до того как он убрал палец с кнопки.

– При задержанном был телефон?

– Так точно. Омоновцы передали нам его вместе с ним. Вот он, – достал из кармана своей «разгрузки» телефон один из военных. Афанасьев мотнул головой в сторону понурившегося банкира, чтобы тот передал ему конфискованный телефон.

Грех, как сомнамбула взял трубку и неспешно начал набирать одному ему известный номер.

– Алло. Это Первый говорит, – сумрачным голосом начал он, как только на том конце взяли трубку. – Приказываю по всем подразделениям прекратить акцию.

Неизвестно, что ответили ему с той стороны, только голос его стал тверже и на миг перед генералами предстал прежний – холеный и самоуверенный тип, не терпящий возражений в свой адрес.

– Решение принято на самом высоком уровне. Консенсус достигнут. Примите к немедленному исполнению, – сказал он твердым голосом и, нажав на «отключение» собрался сунуть телефон себе нагрудный карман, но Афанасьев не потерял бдительности, перехватив на лету руку банкира.

– Нет уж, голубчик, – обратился он к нему, быстро перегнувшись через стол и буквально выцарапывая мобильник из пальцев любителя йоги и феншуя, – аппаратик уж оставьте нам, в качестве сувенира от такого важного господина. На добрую память.

Рудов напрягся в готовности помочь шефу, но тут же расслабился, видя, что тот в помощи не нуждается. «Есть еще порох в пороховнице» – подумал он.

– Как скоро мы можем ожидать выполнения, отданного вами приказа? – спросил, отдуваясь Верховный. Все же схватка не прошла для него даром.

– В течение пяти минут, – ответил Грех, морщась и разминая пальцы.

– В течение пяти минут.

– Так скоро!?! – не поверил Афанасьев.

– А как вы хотели-с? – скорчив пренебрежительное выражение лица, ответил тот и пояснил. – Инновации. Автоматическое оповещение.

– Ну, так уж заодно и прикажите открыть филиалы в Крыму в офисах «Ощадбанка». А то, что они там стоят без дела, закрытые? – не преминул вставить свои пять копеек Рудов, скорый на принятие таких решений.

– Вы с ума сошли! – обернулся к нему Грех. – Тогда-то уж точно не миновать санкций со всех сторон, а это уже грозит полным параличом деятельности банка. И это уже будет не моим решением, а людей гораздо выше стоящих.

– О каком это параличе вы нам тут воркуете, голубь? – сделав непонимающее лицо, спросил Афанасьев.

– А о таком, что международный финансовый регулятор запретит Сбербанку осуществлять все международные платежи и закроет все корреспондентские счета банка, во всех мировых структурах с какими банк сотрудничает, – со знанием дела заявил Грех.

– Да уж, – почесал за ухом Верховный, – а я ведь признаться, был, куда большего мнения о ваших интеллектуальных способностях, Герман вы наш Оскарович. Или, может быть, вы так умело притворяетесь умственно недоразвитым? Напомните-ка мне о доле иностранных акционеров в банке, который вы по ошибке считаете своим? Ну-ка...

– Сорок целых и две десятых процента, – напыжился тот от осознания своей значимости. – Мы – транснациональная финансовая компания, в которую инвесторы с удовольствием вкладываются, потому что мы стоим на острие всех инновационных процессов в мире...

– Слышали-слышали мы про это уже, – отмахнулся Афанасьев. – То есть, фактически и юридически, почти наполовину, эта компания принадлежит им? А теперь ответьте нам, где вы видели таких дураков, которые бы объявляли санкции самим себе? Впрочем, одного такого осла я сейчас вижу перед собой. Он объявил санкции собственному банку, добровольно отказавшись от полутора миллионов только частных вкладчиков, как минимум. Я уж не говорю о расчетных сче-

тах юриц. Но и это еще не все. Этот осел, вложил в докапитализацию своей «дочки» на Украине в позапрошлом году 500 миллионов долларов, которые благодарные ему украинцы тут же конфисковали. Вот, Сергей Иванович, – обратился он к Рудову, – учись, как надо объявлять санкции собственному банку и вкладчикам. Держу пари, что до такого маразма ты бы никогда не дошел!

– Это было решение правления, основанное на рекомендациях самого Президента, – сразу поскущел Грех.

– Кстати, Сергей Иванович, – снова обратился Верховный к своей «правой руке», – запиши там где-нибудь себе, вынести на ближайшее заседание Высшего Совета вопрос об ограничении в 25 % количества голосующих акций в совокупной собственности иностранных нерезидентов. А также о принудительной продаже государству излишков этих акций, если в предприятии имеется доля государственных органов.

– А если каждый из иностранных держателей акций не имеет 25 %, то, что тогда? – уточнил Рудов, чиркая что-то у себя в блокноте.

– Тогда в равных долях срезать у каждого из них. И еще, – добавил, почесав нос в задумчивости, – отметь там же, чтобы запретить принимать решения на общих собраниях акционеров, которые бы шли в разрез с интересами народного хозяйства. А то знаю я этих хитрованов, они ведь запросто могут совершить фиктивную продажу своих долей прикормленным ими нашим акционерам, и те рады будут стараться

выполнять забугорные приказы.

– Вы сумасшедшие люди! – воскликнул Грех. – Это против всяких правил!

– Форма должна соответствовать содержанию, – менторским тоном возразил ему Афанасьев. – Сумасшедшей страной должны управлять исключительно сумасшедшие люди!

Последние слова диктатора словно сбрызнули живой водой, поникшего было Греха. Он опять попытался развалиться на небольшом стуле.

– Знаете, что я вам скажу, господа генералы?! Своими необдуманными действиями вы навлекли на бедную Рашку целый водопад гнева таких могущественных сил, что даже и выговорить страшно. И этот водопад, в скором времени, просто смоеет вас в канализацию исторических казусов. Напрасно вы меня и моих товарищей заключили в застенки. Вам этого не простят. У вас был шанс, через меня, путем некоторых уступок, наладить конструктивный диалог с мировой цивилизацией, которую я олицетворяю на данной территории, но вы его бездарно упустили. Смерть прилетит к вам на безжалостных крыльях «томагавков». Но если вы меня сейчас отпустите, то я так и быть, по простоте душевной, попрошу, чтобы вам дали пожизненное где-нибудь в штате Нью-Мексико.

– Вы закончили? – спокойно спросил его Афанасьев, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

– В общем и целом, – промурлыкал Грех.

– Тогда так. Во-первых, – Афанасьев опять удивительно легко для своей комплекции перегнулся через стол и ловко вlepил банкиру хлесткую пощечину, от которой он, не ожидая ничего подобного, кубарем и с воплем покатился со стула на пол, – это тебе, гнида, за Рашку! Во-вторых, нашел, чем меня пугать?! Да по планам Стратегического командования Вооруженными Силами США только на мое личное уничтожение выделено три ядерных боеголовки по 350 килотонн каждой. Сейчас уже наверняка больше. В-третьих, я невысокого мнения о мировой цивилизации, избравшей тебя – такого дурака, своим представителем. Видимо кризис интеллектуального развития проник и в мировое закулисье. И в-четвертых, перестань визжать, как поросенок, а то вон люди смотрят, – кивнул он в сторону двери, где столпились охранники и Михайлов, сбжавшиеся на крики, – вставай и ступай описывать свои художества за последние 13 лет. И помни, дрыщ, если я твою писульку получу позже, чем признательные показания Хосиса, для тебя это будет означать только одно. Смерть. Я словами не разбрасываюсь, тем более на людях. Охрана!

Охранники тут же бросились, к, все еще лежащему и уже рыдающему как малое дитя, Греху и, подхватив его под мышки попробовали поставить на дрожащие и подгибающиеся ноги.

– Сергей Иванович, – задумчиво спросил Афанасьев Рудова, – а ты не помнишь, как поступили с предателем Родины

Пеньковским?⁵⁶

– А как же! – ощерился тот по акульки. – Прекрасно помню. Его заживо сожгли, сунув в топку какой-то кочегарки.⁵⁷

– Замечательная идея! Не правда ли?! – просветлел ликом Афанасьев.

Услышав эти восторженные слова, банкир окончательно обвис в руках охранников. От него стало вдруг нехорошо пахнуть. Поводив носом, Рудов скорчил недовольную гримасу:

– Ну вот! А говорили, что деньги не пахнут! И теперь я знаю, чем они пахнут на самом деле, – изрек он глубокомысленно.

– Вот что, ребятки, – обратился к охранникам, брезгливо держащим обгадившегося банкира, Афанасьев, – волоките его в соседний кабинет, обгаженного, как есть, и не давайте ему скинуть исподнее, пока он не напишет все что надо. А как настроит, то вот вам номерок, – протянул он кусок оторванного листа из ежедневника с нацарапанным номером, – позвоните и за ним приедут, кому положено.

Охранники, с матюгами и пинками, выдворила Греха в коридор. Руки у Афанасьева тряслись, как у завязатого алкоголика. Первая половина дня, в этом плане не прошла для него

---

⁵⁶ О.В. Пеньковский – полковник ГРУ. В 1963 г. обвинён в шпионаже и измене Родине, казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

⁵⁷ Ходят слухи, что О.В. Пеньковского сожгли заживо в топке Кунцевского крематория, а видео этой казни демонстрируют будущим разведчикам, в назидание.

без последствий. Находиться столько времени в состоянии постоянного стресса его организму уже становилось сложно-вато. Годы брали свое. Ему сейчас решительно не хватало положительных эмоций.

III

Нажал на кнопку селекторной связи:

– Борис Борисыч, там, в приемной меня должны ждать двое товарищей. Если они на месте, то попроси их зайти.

– Есть, зайти!

Через несколько мгновений в кабинет вошли Иванов и старик, похожий на ехидного сверчка.

Афанасьев не поленился и, встав из-за стола, подошел к ним, протягивая руку для пожатия. Вслед за ним потянулся и Рудов, представляясь старику, так как его спутника знал уже много лет и довольно неплохо.

– Прошу вас еще раз меня извинить за то, что пришлось ждать. С товарищем Ивановым мы уже давно знакомы, а вас, – пожимая сухую и жилистую руку Вострецова, сказал он, – я где-то видел. Правда мельком и не упомяну уже где: то ли в стенах РФПИ,⁵⁸ то ли форуме «Армия-2019». Чертов склероз. Напомните мне, пожалуйста, как вас величать?

– Вострецов – я, Игорь Николаевич. А видеться мы с вами могли на совещании у куратора по вопросам организации военно-технического обеспечения Вооруженных Сил – Криворукова Алексея Юрьевича, – напомнил ему старец.

– Точно! – обрадовался Верховный. – Вы тогда сцепились с начальником нашего финансового отдела по поводу недо-

---

⁵⁸ Российский фонд перспективных исследований.

финансирования одного из, я, так полагаю, ваших проектов.

– Да. И должен вам заметить, что ваш финансист – порядочный плут и выжига! – начал было старик, но Иванов незаметно дернул его за рукав, прерывая на самом взлете.

– Помилуйте, все интенданты таковы. Увы, со времен Суворова ничего не изменилось. Присаживайтесь, товарищи, где вам удобнее, – сделал Верховный приглашающий жест.

– А скажите, пожалуйста, – полюбопытствовал Вострецов, чувствуя себя раскованным в любой обстановке, – сейчас из кабинета уволакивали под руки, случайно, не Греха ли?! Уж больно похож он на главу Сбербанка!

– Он самый и есть, – усмехнулся Афанасьев.

– Слава тебе, Господи! – осенил себя крестным знаменем Вострецов, всю жизнь голосовавший за коммунистов. – Наши снова вошли в город! – а затем, как бы спускаясь на землю с горних вершин, всплеснул сухими ручками почти в отчаянии. – Голубчик! Ну что вы, право!? Это же надо было снимать на видео! Сколько бы сразу сторонников в народе вы бы приобрели!?

Ответом ему послужили улыбки и пожимания плечами со стороны обоих представителей хунты. Следуя приглашаемому жесту хозяина кабинета стали рассаживаться. Иванов присел к небольшому столику, приставленному своим боком к начальственному столу, как это всегда водится в подобных кабинетах. А Вострецов вольготно расположился на широком диване, рядом с Рудовым, видимо напряжение послед-

них дней, долгий перелет, а затем сиденье на казенном стуле в приемной весьма измотали его старческое тело.

– Мне сегодня утром доложили, что по итогам вчерашнего эксперимента получены впечатляющие результаты, – сразу приступил к делу Афанасьев. – А я, признаться честно, о ваших наработках Игорь Николаевич знаком только понаслышке. Что поделать?! Такова специфика сферы деятельности Начальника Генштаба. Мы, в основном, имеем дело с уже принятыми на вооружение образцами. Мы, так сказать, эксплуатанты.

– Товарищ Глава высшего Военного Совета, – начал Иванов, которого видимо проинструктировали насчет новой формы обращения, но осекся под взмахом руки Афанасьева, – Валерий Василич, мы собственно и не планировали визит к вам – нас по-прежнему курирует Криворуков, но в Главном Управлении, куда я докладывал о результатах проделанной работы, творится суший кавардак. Никто не знает, усидит ли он на своем посту или нет, поэтому нас и направили напрямиком к вам, – объяснил ситуацию он.

– Нет, – возразил Афанасьев, – вас никто никуда не направлял. Это я сам вызвал вас к себе, как только мне доложили, что получена шифровка о положительных результатах эксперимента. Но в ней было все так мутно и непонятно. Я, признаться, ничего не понял, кроме того, что все прошло благополучно. Вот я и проявил начальственное любопытство. Так что, вы уж меня, солдафона, да вон еще това-

рища Рудова, просветите в данном вопросе.

– Так, – послышалось с дивана, – наверное, это придется сделать мне?

– Сиди, Игорь Николаевич, – махнул рукой на него Иванов. – Знаю я тебя уже. Ты сейчас начнешь читать лекцию для выпускников аспирантуры...

– Вот-вот, – согласился с ним, кивая диктатор. – Нам бы уж как-нибудь попроще, на пальцах, для дома колхозников. Мы с Сергеем Ивановичем люди уже пожилые, слов новомодных не знаем, в высоких технологиях путаемся и вообще чувствуем себя достаточно неуютно. Так что, вы, Владимир Всеволодович, – с трудом, но, все же припоминая фамилию докладчика, подбодрил Афанасьев, – кратенько, но с подробностями расскажите о сути эксперимента и возможной сфере применения изделия. А если у нас по ходу рассказа возникнут вопросы, то мы с удовольствием обратимся к нашему консультанту. Вы не возражаете, Игорь Николаевич?

Тот, в принципе не возражал, полностью доверяя Иванову.

– Хорошо. Я постараюсь, – согласно кивнул головой Иванов и начал свой рассказ.

Рассказчиком Владимир Всеволодович был умелым, сказались и опыт и специфика работы, когда при необходимости нужно было перед начальством показать перспективность испытанного изделия, либо же напротив, полное отсутствие таковой. Он и сам не ожидал, что его повествование об испы-

таниях реактора на обратной волне будет таким живописным и захватывающим и даже местами фантастическим. Однако от фантастики его отличали документально оформленные свидетельства, акты, данные телеметрии, которые он представлял, доставая из портфеля и выкладывая перед Афанасьевым и перебравшимся с дивана поближе к столу Рудовым. Те внимательно рассматривали фотографии, графики, заключения экспертов, осматривавших объект после воздействия и прочие документы. Игорь Николаевич, даже немного успел вздремнуть, уютно расположившись на диване в полусидящем положении. Услышав едва заметное похрапывание старика, собеседники, в знак уважения, принизили голоса почти до шепота. Данные по новому оружию не просто впечатляли, они были просто ошеломительными. Ни о чем подобном, ни Рудов, ни Афанасьев даже не имели представления. От грядущих перспектив захватывало дух, и начинала кружиться голова. Почувствовав прилив бодрости от полученной информации, Афанасьев нажал на кнопку селектора, и чтобы не разбудить прикорнувшего на диване академика, чуть слышно проговорил:

– Борисыч, ты здесь?

– Так точно, товарищ Верховный! – рявкнул тот в ответ.

– Да тише ты, орясина! – зашипел на него Валерий Васильевич. – Человека разбудишь. Ты лучше, вот что, организуй-ка нам чайку на троих, да с лимончиком, – обвел взглядом кивающих в полном согласии собеседников.

– А мне, пожалуйста, коньячку-с! Найдется ли в сем казенном заведении? – послышалось с дивана.

– Поищем, а какого коньяку?! – оглянулись на него генералы.

– А какого не жалко, – с апломбом заявил ершистый старикан.

– Тогда уж четыре коньяка и четыре чая, пошукай тамотко в буфете у девок. Я знаю, наверняка есть, – сделал заказ Афанасьев.

– Это что же, – наконец резюмировал Рудов по окончании доклада и выводов комиссии по сферам применения, – выходит, нам в руки попало, не что иное, как Абсолютное Оружие?!

– Читал я как-то про подобное оружие у Шекли,⁵⁹ кажется, – задумчиво проговорил Верховный.

Оба собеседника с явным интересом воззрились на него, ожидая пояснений.

– Да нет, товарищи, вы меня не так поняли, – усмехнулся он, поняв, чего от него ждут. – Это внучок мой, Костя, увлекается фантастикой, вот и подсунул мне однажды рассказ этого писателя-фантаста, чтобы я на досуге почитал, для того, чтобы как он выразился «осознать в каком направлении движется военная мысль». Ну, я и прочитал как-то вечером, когда был посвободнее. Ничего так, занимательное чтиво. А тут, вон, поди, ж, ты, и впрямь абсолютное.

---

⁵⁹ Имеется в виду рассказ Р. Шекли «Абсолютное оружие».

– Ну не то, чтобы уж совсем абсолютное, – слегка возразил Иванов. – И у него имеются некоторые недостатки, хоть и не фатальные, но требующие некоторых доработок.

– Какие?! – мигом наострили уши «черные генералы».⁶⁰

– При загоризонтном обнаружении объекта с даже микроскопическим источником радиоактивности на борту на дальности порядка 600 километров, стационарный вариант установки способен только нейтрализовать его вкуче со всей электронной начинкой, выжигая попутно платы и микросхемы, при мощности своего пучка порядка 4–5 % от пиковой. – А в чем затык?! Дальность вроде бы весьма приличная и соответствует комплексу РЛС секторного и кругового обзора 91Н6Е, применяемого нами в С-400.

– Затык, как вы выразились, Сергей Иванович, в кривизне земной поверхности, – послышался каркающий голос дивана. – Кривизна Земли не мешает сканированию потенциального объекта воздействия при 2–3 единицах, а также выводу из строя источника нейтронов и попутно всех электронной начинки. Грубо говоря. Для луча протонов кривизна не имеет никакого значения. Ствол пушки, как назвал ее товарищ Иванов, можно направить под углом к земле – ниже линии горизонта. Но если луч, при данной мощности испускания протонов направить по горизонту, а с той стороны, если представить себе, прилетит просто железный лом, без вся-

---

⁶⁰ Аналогия с т. н. «черными полковниками» – хунтой, захватившей власть в Греции 21 апреля 1967 г.

кой начинки, то лому это никак не повредит.

– Значит, как я понимаю, лом, выпущенный из орудия, скажем сверхбольшой дальности поражения, как рекламируемый рельсотрон от «BAE Systems»,⁶¹ беспрепятственно поразит заданную цель? – поинтересовался въедливый «пруссак».

– Естественно, – безмятежно ответил Вострецов, а чуть спустя, добавил, – при той же самой мощности нашего пучка.

– Вы сказали, что при той же самой мощности, – ухватился за оговорку академика Рудов, – а при какой мощности установки возможно уничтожение, скажем, вольфрамового стержня или из обедненного урана?

– Стержнем из обедненного урана стрелять бесполезно. Мы несколько лет назад проводили стендовые испытания и в качестве мишени использовали нечто подобное. Он просто превратится в кусок вязкого и пористого теста, так как нарушатся межатомные связи внутри него. А насчет стержня из вольфрама, то для его уничтожения, как материального объекта будет достаточно мощности в 5–6 условных единиц. Но тут и проявляется основной минус нашей установки. Такие объекты при данной мощности можно уничтожать только в пределах прямой видимости, то есть не дальше линии горизонта, которая при разных обстоятельствах составляет от 20 до 60 километров. И что, естественно не может удовлетворить военных, так как будет лишено всяческого смысла.

---

⁶¹ Англо-американский оборонный консорциум.

– А если луч опустить ниже линии горизонта и увеличить мощность хотя бы на 7–8 %? – не унимался Рудов, видя, что и Афанасьеву до жжения в пятках хочется задать подобный вопрос.

– Тогда, – парировал старик с усмешкой, – получится как в том анекдоте, где из-под земли полезли не только черви, но и шахтеры.

– А если серьезно? – спросил Афанасьев.

– А если серьезно, – подхватил Вострецов, – это зависит от ландшафта местности. Если кривизну Земли будет составлять морская поверхность, то через некоторое время вы получите большую и наваристую уху шириной и длиной примерно по 20–30 километров. Вода очень быстро испарится и сконденсировавшись прольется потом Бог весть где в циклопических масштабах. Подробнее сказать не могу. Для этого нужны специальные расчеты на куда больших по мощности компьютерах, чем наши персоналки.

– А если это будет кривизна земной поверхности? – спросил Афанасьев, уже догадываясь о возможном ответе.

– Тогда появится искусственно созданный каньон, примерно таких же размеров, – махнул ручкой ученый сверчок.

– Какой выход для решения этой проблемы вы могли бы предложить? – опять спросил Афанасьев.

– Выход лежит на поверхности. А вернее, над поверхностью, – пожал острым плечиком академик и тут же пояснил свою мысль. – Я имею в виду изготовление и размещение

мобильных установок на летательных аппаратах типа Ил-76 или Ан-124 при условии их постоянного барражирования по периметру государственной границы. А еще лучше – расположения их на высокоорбитальных спутниках. Я полагаю, что шесть спутников будет вполне достаточно, чтобы держать под контролем всю поверхность Земли.

– А если продолжать направить излучение по горизонту, но радикально увеличить его мощность? – все больше загораясь, выпалил Рудов. – Что будет?!

– Вот говорила мне маменька, что нельзя давать детям играть со спичками, а я ее не слушал. Молодой был. Дурачок, – прокряхтел с дивана Вострецов, а затем шумно высморкался в большой клетчатый платок.

Иванов, уже порядком изучивший крутой нрав академика, который только чудом еще не завелся, поспешил с пояснениями:

– Как я понял из пояснений Алексея Боголюбова – непосредственного конструктора установки, радикально повышать мощность установки не имеет никакого практического смысла, потому что для этого на Земле не найдется достойных целей. Любой материальный объект будет аннигилирован при интенсивности потока 8–9 % от теоретически возможного.

Рудов сидел спиной к Вострецову и к тому же абсолютно не представлял себе взрывного, как петарда, характера старика и поэтому наивно продолжал допытываться у председа-

теля приемной комиссии, что будет, если все же продолжать увеличивать мощность установки? Как буреет от подступающего гнева лицо академика, видели только Иванов, сидящий к нему лицом и Афанасьев из своего кресла. Владимир Всеволодович, опять попытался было вовремя потушить огонь уже пылавший в глазах Вострецова, мямля что-то вроде того, что:

– Увеличение мощности может разогнать реактор до невообразимо больших величин мощности, что возможно станет причиной, чуть ли не галактической катастрофы, последствия которой трудно предсказать, так как для протонов не существует в межзвездном пространстве преград...

Но это невнятное и маловразумительное бляение, прервал, даже не говорящий, а вылаивающий слова Вострецов:

– Что будет?! Что будет?! П...ц всем нам будет! Дураки! Выставьте установку на половину мощности и включайте секундомер, недоумки! – не стеснялся в выражениях Вострецов, уже совершенно, невзирая на личности присутствующих. Иванов только вздрагивал после очередной порции оскорблений, боясь представить себе ответную реакцию руководства хунты.

– Зачем секундомер?! – недоуменно вскинул брови Афанасьев, явно пропуская мимо ушей обидные эпитеты. Он уже стал привыкать к тому, что академики с завидной регулярностью поливают его словесными нечистотами.

– А затем, б..., чтобы засечь время, когда прилетит ответ-

ка, мать вашу...! – взвился почти до небес строптивый старикан.

– От кого?! – почти хором вырвалось у всех.

– Ну, если не от самого Бога, чего я не исключаю, то уж во всяком случае, от представителей иных внеземных цивилизаций! – сказал, словно припечатал Игорь Николаевич.

Тут как раз без стука, потому что были заняты руки, вошел Михайлов, держа на жостовском (и где только раздобыл?) подносе бутылку марочного армянского «Праздничного» окруженного чайными стаканами, фужерами и уже нарезанными ломтиками лимона. Это и спасло генералов от дальнейшей эскалации конфликта. Поставив поднос между Рудовым и Ивановым, он молча, как вышколенный официант удалился, дабы не мозолить глаза начальству. Опытным взглядом, достойно оценив этикетку, генералы вмиг повеселели. Афанасьев, выйдя из-за своего стола присоединился к троице. Роль виночерпия взял на себя добровольно Сергей Иванович. Вострецов, не дожидаясь приглашения к столу, по-хозяйски уселся рядом с Ивановым. Бутылка уже была открыта чьими-то заботливыми руками, и когда Рудов начал разливать по фужерам подарок кавказских гор, по комнате разнесся незабываемый аромат из смеси винограда, дуба и южного солнца.

– Вы уж на нас, Игорь Николаевич, сильно не обижайтесь, – ласково, как майский шмель, гудел Афанасьев, пока Рудов разливал содержимое бутылки. – Мы ведь, кто?!

Мы – солдаты, сиречь пользователи всего того, что напридумывали вы в своих лабораториях. И как всякие пользователи должны знать досконально все его параметры и возможности, чтобы в дальнейшем определить «красные черты» за буйки которых заплыв запрещен.

– Да я понимаю, – начал оттаивать академик, понимая, что ссориться с главой государства это даже не глупость, а просто идиотизм.

– И не бойтесь вы так. Уж если мы не потеряли голову, имея ядерное оружие, то не потеряем ее и обладая протонным.

– Ну, Валерий Василич, скажи что-нибудь – обратился Рудов к Верховному подняв свой фужер.

– И скажу, – не стал артачиться диктатор, вставая. – Я родился в семье простого рабочего, коммуниста. И у нас в семье никогда не принято было задумываться о таких вещах как Бог, Судьба, Предначертание. А вот в последнее время стал анализировать, сопоставлять и делать выводы. Все вы тут люди с высшим образованием, даже степенями. И историю Родины, так или иначе, но хотя бы краем знаете.

Все молча, кивнули в знак согласия, а Афанасьев продолжил:

– Так вот, вы наверняка обратили внимание, что страна наша, как бы ни называлась, скажем – Русью, Российской империей, СССР, Российской Федерацией, на протяжении всей истории своего существования, всегда ходила по краю. По

краю своего существования. И всегда, когда она доходила до последней черты, появлялся кто-то, кто брал на себя функции спасителя. Возьмем навскидку: Рюрик (варяг, а по сути – пират), княгиня Ольга, Александр Невский, митрополит Алексей, Иван Грозный, Сухорукой (торговец мясом), которого мы по недоразумению зовем Минин, хотя это отчество, Кутузов, сын сапожника Джугашвили (что бы там о нем не говорили), Жуков (подмастерье скорняка), Курчатов, покойный ныне Бутин (никому неизвестный до некоторых пор подполковник спецслужб в отставке). И прошу заметить, что все они – представители разных слоев населения и вынырнувшие, как будто из небытия, но очень вовремя и с нужными качествами. Тут поневоле начнешь думать, что Минин был прав, когда говорил, что Россией управляет сам Господь. А теперь вот и вы, Игорь Николаевич, со своим другом Боголюбовым явились палочкой-выручалочкой, когда уже казалось, что от наседающих со всех сторон уже и не отбиться. Да-да, не прибедняйтесь. Я ведь понял, что ваша установка, это не просто оружие на новых физических принципах, а это, прежде всего, инструмент геополитики, гарантирующий нашу независимость, практически – навсегда! Так выпьем же за того, кто день и ночь неусыпно смотрит на нас – не всегда верящих в Него, прощая наши шалости и ошибки, и всегда посылая к нам на выручку осиянных Его дланью. Значит, мы нужны Ему, значит, Он любит нас, а значит, мы – Его дети, потому что так относиться можно только к любимым детям.

За Него!

– За Него! – подняли фужеры и чокнулись ими все четверо.

– Второй день только и делаю, что пью и почти ничего не ем. Скоро сопьюсь с вами окончательно, – со смехом заявил Вострецов военным, ставя фужер на стол и беря кружочек лимона.

– Так вы сегодня и не завтракали? – заботливо спросил его Рудов.

– В самолете бутерброды пожевал. Домой не успел заскочить, сразу под руки меня и сюда, к вам, пред светлые очи.

– А в буфет, почему не сходили? Я же вам говорил, чтобы сходили, – вставил Афанасьев.

– Очередь боялись пропустить, – вклинился Иванов, хищно поглядывая на початую бутылку.

– Вы уж простите меня, Игорь Николаевич, а я все же еще вас поспрашиваю, – опять начал прерванный деловой разговор практичный до мозга костей Сергей Иванович. – Вы ведь наверняка держите руку на пульсе времени. Не подскажите ли, насколько далеко в этой области мы ушли от янкесов?⁶² И вообще, есть у них что-то подобное?

– Они пробовали экспериментировать с этим еще в 90-х. Но после ряда провалившихся экспериментов и кучи потраченных денег впустую, чикагскую лабораторию профессора Ричардсона, а именно она этим занималась, разогнали,

---

⁶² Одно из уничижительных прозвищ североамериканцев.

финансирование закрыли, а самого беднягу обвинили в растрате казенных средств, и кажется даже, привлекли несчастного к уголовной ответственности за мошенничество. В итоге, когда понадобилось посылать к Марсу исследовательский зонд с марсоходом «Curiosity», то они обратились к нам – в Институт Прикладной Механики, чтобы наши специалисты сконструировали и создали лазерно-искровой эмиссионный спектрометр, являющийся дальним и уже устаревшим родственником нашего с Боголюбовым изделия, – дал исчерпывающий ответ Вострецов.

– Значит, можно надеяться, что ничего подобного у супостата на сегодняшний день нет? – поинтересовался Афанасьев, разливая по второму фужеру.

– Во всяком случае, нет натурального образца для испытаний в условиях полигона, – уверенно высказал мысль академик, – иначе бы наша «Сура-2»⁶³ с датчиками сканирующими ионосферу быстро бы засекали направленный поток протонов.

– Это хорошая новость! – заулыбались, как по команде генералы, и в их улыбках Вострецов четко и ясно услышал звук дружно и слаженно передергиваемых затворов.

– Но это не значит, что у них нет чего-нибудь другого, наподобие того же самого COVID-19 или не дай Бог чего похуже, попробовал он спустить их с небес на землю.

---

⁶³ Многофункциональный радиокомплекс Сура – нагревной стенд, предназначенный для изучения ионосферы.

– На этот счет вы не беспокойтесь, Игорь Николаевич, мы внимательно следим за каждым телодвижением заграничных охотников до «тихой войны»,⁶⁴ – успокоил академик Рудов. – Вы лучше скажите нам, каким временем мы располагаем до завершения полного цикла испытаний и что для этого вам необходимо?

– Нет, уж, – возразил несговорчивый старик, почесывая переносицу, – это вы мне сперва ответьте честно и откровенно, как долго, при имеющихся в вашем распоряжении средствах, вы сможете оттягивать неизбежное наступление Армагеддона? Ведь запах Третьей Мировой буквально стелется из всех щелей.

Генералы, поеживаясь и передергивая плечами, переглянулись, и Афанасьев, уперев глаза в столешницу, произнес, будто уже одной ногой стоял в могильной яме:

– В этом году, думаю, что все же избежим наихудшего варианта развития событий. А вот за следующий год поручиться и вовсе не могу. Нет у них другого выхода, кроме как начать войну. Двухколесный велосипед не падает только тогда когда движется. Каждый относительно мирный год это лишний гвоздь и их гроб, а не наш.

– Грабить больше некого. Остались только Россия, да они сами. Поэтому им либо начать отбирать друг у друга, уворованное ранее общими усилиями, либо всем скопом набро-

---

⁶⁴ Этим термином пользуются для обозначения биологического, бактериологического и химического оружия массового поражения.

ситься на нас, – пояснил слова шефа Рудов.

– А Китай?! – вскинул брови ученый сверчок.

– Не питайте вредных иллюзий, – отмахнулся от его слов Афанасьев. – Китай с удовольствием присоединится к победителям, наивно полагая, что его все же не схарчат, убоявшись количества населения. Схарчат как миленьких!

– Ясно-понятно. Значит полгода? Максимум – год, – задумчиво произнес академик, разом ссутулившись, превратившись из пожилого, но все еще бравого сверчка в божью коровку.

– Да. Где-то, примерно так. Опять, как в 41-м подождут, когда просохнут дороги, а потом навалятся. Со всех сторон, – уже спокойно подтвердил Верховный.

– Один рабочий экземпляр готов к эксплуатации в рабочем режиме, – начал рассуждать вслух академик тихим и уже отнюдь не напористым голосом. – К изготовлению второго экземпляра в инициативном порядке приступили только что. Он кстати, будет куда как меньше по габаритам, но на его функциональных возможностях это никак не должно сказаться.

– Мобильный вариант!?! – вскинулись, не сговариваясь, генералы.

– Да. Вариант внутрифюзеляжного размещения в самолете типа Ил-76. Дело, как говорится за малым – в вырезке технологических окон в самолете без ущерба для его летных качеств.

– Вы же говорили, что в режиме инспектирования и вывода из строя устройств с делящимся веществом, на окружающих предметах работа вашего укорителя никак не скажется? – заметил не менее въедливый, чем сам академик, Рудов.

– Говорил. Но и вы поймите, что самолет, как я понимаю, будет долго находиться в режиме сканирования, бороздя просторы над мировым океаном, выискивая подлодки и авианосцы, а значит, его обшивка будет находиться под постоянным бомбардированием частиц. Да она просто потечет уже через несколько часов такой работы.

– Хорошо-хорошо, – быстро сдался собеседник, – продолжайте, прошу вас.

– На чем я остановился? Ах, да. Все необходимые составляющие для постройки второго экземпляра имеются прямо на месте сборки. Если ее начать в авральном режиме, то можно предположить, что за месяц управимся. С вас – только сам носитель ускорителя. И желательно пригнать его прямо к месту сборки, чтобы мы с приданными нам специалистами из КБ Ильюшина отладили центровку, массогабаритные показатели и вырез технологических отверстий.

Рудов, достав блокнот из внутреннего кармана, что-то яростно в нем царапал.

– А что дальше планируете? – не отрываясь от блокнота, спросил Сергей Иванович.

– Дальше необходимо будет провести ряд испытаний. Во-первых, испытать установку в полете. На предмет ее реа-

гирования на изменение температуры окружающей среды, экстремальных погодных условий, давления, времени непрерывной работы и так далее.

– Неделя. Максимум – десять дней, – бубнил себе ответ под нос Рудов, не поднимая головы.

– Дальше, – поощрительно кивнул Афанасьев.

– Потом провести испытания на уже списанной, но еще с не заглушенным реактором подлодке, находящейся в надводном положении. Есть такая?

– Найдем, – уверенно кивнул Рудов.

– Затем, тоже самое, но с находящейся в подводном положении.

– Так она же утонет!

– Никак нет, – вмешался многоопытный Иванов. – На вспомогательных электродвигателях всплывет, если, конечно и они не отключатся от переизбытка мощности пучка. Флот уже не раз проводил подобные испытания.

– Хорошо. Далее, – кивнул Афанасьев.

– Ну и в заключении – какую-нибудь шаланду, которую совсем уж не жалко. Для всамделишного уничтожения, для наглядности, так скажем.

– Это где-то, приблизительно пара-тройка месяцев, – радостно потирая руки, сказал Рудов.

– Да. Вполне возможно, – согласился Вострецов, – но это только один экземпляр, а их, как я полагаю, нужно как минимум с дюжину.

– А если начать сборку сразу на нескольких площадках? – предложил Иванов.

– Право даже не знаю, – смутился академик, пораженный прыткостью новых властей. – Впрочем, я тут захватил с собой всю исчерпывающую документацию, вкуче с регламентами и ноу-хау, – кивнул он на диван, где стоял скромный, потертый местами портфельчик.

– Вы с ума сошли! – набросились на него с трех сторон. – Как можно такие вещи просто так везти!?! Куда смотрит первый отдел!?! Это безобразие! А если бы он попал в чужие руки?!

Они с таким неподдельным энтузиазмом накинулись на бедного академика, что он всерьез испугался опасности быть разорванным на «сотню маленьких востречат». Наконец, когда страсти немного улеглись, Афанасьев, строго нахмурив брови, сердито спросил у Востречева:

– Второй экземпляр документации имеется?

– У Боголюбова, – прошептал помертвевшими губами академик, до которого только сейчас дошло осознание совершенной им глупости.

– Как дети, ей Богу! – проворчал Афанасьев, уже отходя от первоначальной вспышки крайнего раздражения. – Вы хоть понимаете, что теперь я буду вынужден заставить вас даже спать в обнимку с охраной! Ваша голова одна стоит всех наших!

– Я – теоретик! – отмахнулся академик, тоже уже начиная

приходить в себя от шока. – Ничего кардинально нового я предложить уже не смогу, да и возраст уже того... Восемь десятков будет на будущий год. Не меня, вы лучше Боголюбова берегите, как зеницу ока! Вот где светлая голова! Не чета моей!

– И к нему тоже приставим охрану, – хмуро согласился с ним диктатор. – Так что, вы там еще говорили про установку?

– Я хотел сказать, что параллельная сборка установок – это всего лишь наиболее простой, а проще говоря, бюджетный вариант реагирования, основную ставку на который делать не следует. Он хорош на первых порах – пока не сможем установить такие аппараты на орбите. В количестве не менее шести штук. А это, как сами понимаете, уже другой вопрос и совсем другая цена. Одного года – явно не хватит.

– То, что носители нельзя заказывать «Роскосмосу» – козе понятно. Там во главе находится такой прожженный «врун, болтун и хохотун», гробящий все до чего только может дотянуться, что у меня уже сейчас чешутся руки расстрелять его, вместе с сынком, – процедил Рудов.

– Можно подтянуть спецов из НПО «Астрофизика», – осторожно вставил Вострецов. – Многое чего из комплектующих, мы получаем от них, да и «саровцы» тоже немалую долю могут внести в общее дело.

– А носители можно задействовать из РВСН. Те же самые «Воеводы». Все равно срок службы «Воевод» подходит

к концу, и их надо будет как-то утилизировать, – подхватил сам Афанасьев.

– Но все равно, программа испытаний в космосе это гораздо более сложное мероприятие, чем адаптации установки к воздушному носителю, – продолжал сомневаться Игорь Николаевич.

– Ладно. Игорь Николаевич вы только скажите, что вам надо для скорейшего продвижения работ по всем направлениям, включая воздушное и космическое? Деньги, материалы, специалисты? Все дадим!

– О, как! – удивился сверчок. – Первый раз в жизни слышу, чтобы мне предлагали что-то, а то все приходилось выпрашивать, да уламывать. Деньги, конечно, не плохо бы иметь. И лишними они никогда не будут. Мне, собственно, деньги не нужны, по большому счету. Мне сейчас необходимо иметь возможность беспрепятственно привлекать к работе любых специалистов и обеспечение необходимыми материалами без проволочек и нужного качества.

– Хорошо. Тогда сделаем так, – подвел черту Верховный. – Борисыч, зайди, – склонился он над селектором.

Михайлов, как джин из лампы, тут же материализовался перед Верховным. – Владимир Всеволодович, – обратился он теперь уже к Иванову, – как вам лавры генерала Гровса?⁶⁵

– Знаю такого. Умный был дядька, а главное – хваткий.

---

⁶⁵ Лесли Ричард Гровс – генерал-лейтенант США, военный руководитель «Манхеттенского проекта», т. е. создания ядерного оружия.

Но у нас и свои герои были, – многозначительно выговорил Иванов, покрываясь потом, так как слишком хорошо знал имя того руководителя⁶⁶ со стороны СССР.

– Вот и отлично! Так как вы уже находитесь в теме и знаете что там и к чему, то я как олицетворение высшего военного командования освобождаю вас от всех дел, связанных с работой по приемке тех или иных образцов вооружений. И приказываю с сегодняшнего дня заниматься исключительно данным проектом. И в этом приказе наделяю вас неограниченными возможностями по привлечению материальных, финансовых и людских ресурсов, с правом, как и у вашего предшественника, расстреливать на месте всех кто каким-либо образом будет препятствовать вам в настоящей деятельности. Даже у меня нет таких прав, – усмехнулся Афанасьев. – Но и спрос будет велик. Рвите жилы и харкайте кровью, но через год, первый спутник с аппаратом на борту должен быть запущен. Вы меня хорошо понимаете, Владимир Всеволодович?! Осилите?! Говорите сразу!

– Осилю, товарищ Верховный! – после короткого раздумья ответил Иванов.

– Борисыч, оформи, не мешкая, как полагается, – велел Афанасьев своему адъютанту. – Сейчас возьми все полагающиеся координаты у товарища Иванова, а как оформишь, то вручишь ему полагающийся мандат. И еще. Срочно свяжись с Лютиковым и передай, чтобы он выделил специаль-

---

⁶⁶ Л.П. Берия курировал все работы по созданию ядерного оружия в СССР.

ную охрану для академика Вострецова в приоритетном порядке. Ступай.

– Есть! – прищелкнул Михайлов каблуками, на манер прусских офицеров и вышел.

– Владимир Всеволодович, ты сам не мальчик, понимаешь, что мы сейчас поставили на кон. Это может быть наш последний и единственный козырь. Если случится, какая нужда, то вот мой прямой номер, – протянул он свои визитки Вострецову и Иванову, – звоните в любое время. Пугать – не в моих правилах. Но если что случится с двумя академиками, то ты Владимир Всеволодович лучше сам застрелись, а то замучают по застенкам.

– Я понимаю, – выдавил из себя Иванов.

– Может не надо? – просительно донеслось со стороны академика.

– А это уже, простите, не ваше дело! Вы теперь себе не принадлежите! Смиритесь, голубчик, – улыбался во весь рот диктатор, разводя руками как бы в бессилии чем-либо помочь. – Давайте лучше на посошок!

У всех уже было налито заранее. Три пары глаз уставились на Вострецова, ожидая от того ответного тоста. Тот не стал чиниться и выламываться.

– Мы, прожившие в Советском Союзе большую часть жизни – не подведем, как всегда. Но и вы не подведите нас, поверивших вам. Не сверните с выбранного пути и не прельститесь лживыми посулами коварных данайцев, которые сейчас

начнут улещать вас со всех сторон. Помните, что и вы тоже наш последний шанс на выживание. Если вы дрогнете, а паче того передеретесь, как это исторически заведено между революционерами, то финал этого будет трагичен для всех нас. И даже по...ть на наши могилы уже будет некому. Поэтому выпивая этот бокал, всегда держите мои слова, как представителя народа, в уме, а паче того – в сердце!

Глава 17

I

25 июня 2020 г., Украина, г. Киев, ул. Владимирская
33

Большое и массивное, пятиэтажное, занимающее собой целый квартал города, серое по цвету, здание СБУ, выполненное в имперском стиле и украшенное четверкой тосканских полуколонн по центру фасада внушало уважение и вселяло уверенность, и спокойствие в мятежные души постмайданных народных масс. После чисток 14-го и 15-гг. от «промоскальских» шпионов, пользовавшихся связями, тянувшиеся еще из далекого и уже легендарного СССР, и потому издавна окопавшихся среди этих величественных стен, новые и молодые кадры, набранные в СБУ по доброй подсказке из американского посольства, яростно и скоро начали обживать покинутые прежними хозяевами этажи. Правда, новым насельникам пришлось весьма потесниться, освобождая два верхних этажа для своих кураторов и друзей из ЦРУ и АНБ, но тут уж ничего не поделаешь, потому как «кто девушке платит, тот ее и танцует», а ни для кого не секрет, что финансирование СБУ на 50 % состоит из подачек дядюшки Сэма. Первое, что сделали новые соседи-кураторы, так это

ограничили доступ сотрудникам СБУ на четвертый и пятый этажи их собственного здания, путем установки в межэтажном пространстве дополнительных металлических дверей с кодированными замками. Счастливым обладателем одного из таких электронных пропусков был генерал-полковник Василий Васильевич Бурба – Начальник Головного Управления разведки Министерства обороны Украины. И хотя хозяйство Бурбы располагалось в здании на Нагорной, все же и здесь он бывал частым гостем по служебной надобности, навещая и отчитываясь перед своим истинным начальством, а не тем эстрадным клоуном, который таковым числился. Сегодня ему предстояло выполнить ответственную миссию, наложенную на него вчера украинским генералитетом. Он должен был получить принципиальное одобрение спецпредставителей главных разведсообществ, считай, самих США, в деле начала освобождения оккупированных территорий ОРДЛО от российских захватчиков. Генерал искренне гордился данным ему заданием, а потому немного волновался, когда, стоя на площадке между третьим и четвертым этажами вставлял в прорезь кодового замка свою магнитную карточку. Близился неминуемый час расплаты «клятых москалей» за шесть лет унижений, за Иловайск, за Дебальцево. Очистительным и всепоглощающим огнем пройдут по мятежным территориям, нет, не ВСУ, а нац и тербаты, на которых потом можно будет списать излишнюю, а она непременно будет, жестокость в расправах с этим дегенеративным быдлом.

А для этого всего-то и надо, что согласовать план предстоящей операции с союзниками, без которых нынче, увы, никак не обойтись. Благополучно миновав первый этап идентификации, генерал-шпион остановился уже возле поста внутренней охраны, где предъявил негру в чине уорент-офицера свои документы. Шевеля толстыми губами, как будто что-то понимая, тот разглядывал удостоверения с видом своей особой значимости, нарочно затягивая процесс опознания. Это, конечно, не могло не нервировать, пребывающего и так «на взводе» Бурбу, но и с этим пока тоже приходилось мириться. Наконец, покончив и с этой процедурой, он в сопровождении одного из нижних чинов направился к заветному кабинету Тимоти Сквина – главе резидентуры штатовской разведки на территории Украины и Белоруссии. Последним актом унижения главы украинской разведки стал ничем не прикрытый приказ обождать у двери в кабинет, пока о его визите доложат боссу. Впрочем, ждать пришлось недолго. Громадные двери – в два человеческих роста с золочеными ручками в виде львиных голов довольно быстро распахнулись, призывая его войти внутрь шикарно отделанного карельской березой кабинета. Хозяин всего этого великолепия, сидящий за громадным письменным столом – нестарый еще мужчина с лысой головой, похожей на перевернутое острым концом вниз яйцо и аккуратной рыжеватой бородкой, нарочито делал вид безумно занятого человека, который никак не может оторваться от кипы бумаг, не терпящих отлагатель-

ства в рассмотрении. Василию Васильевичу пришлось буквально вплотную подойти к столу, чтобы обратить на себя милостивый взор «смотрящего» над Украиной. После тихого покашливания, Сковин наконец-то изволил поднять голову на посетителя, пронзая того хищным взглядом семитских глаз.

– Приветствую вас, мистер Сковин! – не счел для себя зазорным первым поздороваться по-русски Бурба.

– А-а-а, пан Бурба! Рад вас видеть в добром здравии! – на том же языке и почти без акцента ответил резидент, не вставая навстречу гостю. – С чем пожаловали?

– С нашей всеобщей радостью! Дьявол уволок к себе в пекло своего главного слугу – президента Бутина!

– Что вы такое говорите, пан Бурба!? Весь цивилизованный мир, и мы, как его составная часть, скорбим о его безвременном уходе! – возразил ему Сковин, однако в его смеющихся глазах не укрылось плохо скрываемое веселье.

– Народ Украины скорбит лишь о том, что он так легко окончил свой бранный путь, без телесных мук и душевных страданий! – в свою очередь не согласился с ним генерал, и не дожидаясь когда ему предложат, сам уселся на стул стоящий у основания стола. Сковин слегка поморщился от такой наглости, но решил промолчать, списывая подобное поведение на волнения незваного гостя.

– Ладно, – согласился хозяин кабинета, – оставим этот спор в области разности потенциалов в эмоциональных

всплесках. Так с чем вы все-таки пожаловали пан Бурба? Я ни за что не поверю, что целью вашего визита стало вчерашнее удовольствие, которым вы спешите со мной поделиться.

– Зря вы мистер Сковин относитесь с таким недоверием к своим друзьям! – подпустив нотку обиды в голос, ответил ему Бурба. – Но причина моего незапланированного визита к вам, действительно лежит именно в этой плоскости.

– Я вас внимательно готов выслушать, Василий Васильевич, – проговорил Сковин, поудобнее устраиваясь в своем мягком, с высокой резной спинкой кресле. Если бы письменный стол был чуть ниже, то он с удовольствием забросил бы их на столешницу, прямо под нос этому Бог весть что возмнившему о себе аборигену.

– Мистер Сковин, я не знаю, как звучит по-английски поговорка «куй железо, пока горячо», но мы в Украине находимся сейчас именно в такой позиции, – начал Бурба, тщательно подбирая слова, так как прекрасно знал, что весь их предстоящий диалог записывается и вскоре будет проанализирован партнерами со всех ракурсов. – Всевышний предоставил нам, возможно единственное окно возможностей для решения проблемы Донбасса раз и навсегда. Я надеюсь, что вы понимаете меня?

Резидент, молча, склонил голову в знак согласия, видимо, опасаясь давать какой либо прямолинейный ответ на пленку. Тем не менее, ободренный даже этим невнятным согласием гость продолжил:

– Какое-то, возможно очень даже непродолжительное время, русским будет не до своих марионеток, окопавшихся на нашей территории. Расширенная совместная коллегия нашего Генштаба и Министерства обороны, которые делегировали меня к вам, считают, что временной люфт составляет всего лишь несколько дней. А именно, мы можем рассчитывать на несколько дней – пока длится траур и пока не все рычаги власти перешли под управление новой структуры.

– Да. Признаться, никто из нас не ожидал подобного разворота событий, – задумчиво проговорил Сквин, вертя в руках настоящую «паркеровскую» ручку. – Мы, конечно, просчитывали варианты, при которых местные олигархи, под гнетом санкций, предпримут нечто подобное, но никак не рассчитывали на то, что власть окажется в руках генералитета.

– Зато мы вполне допускали такой сценарий, – не преминул похвалиться Бурба, но все же поправился, чтобы не обидеть американца, – правда не рассчитывали на то, что вершину власти займет Афанасьев. В их генералитете хватает куда более опасных и решительных персон.

– Кого вы имеете в виду?

– Да вот хотя бы того же генерал-полковника Рудова, что является Начальником Главного оперативного управления. Рудов в роли диктатора – абсолютно недоговороспособная фигура со всех точек зрения. В отличие от не всегда уверенного в себе теоретика Афанасьева, тот истинный практик,

вся сущность и устремления которого направлены на воинственное противостояние и заточенная на убийство, этакий комбайн смерти, я бы сказал.

– По поводу нерешительности Афанасьева, я бы с вами не согласился. Его вчерашняя речь, обращенная к согражданам, рисует его, как весьма цельную натуру, – мягко возразил Сковин.

– Я не вполне уверен, что авторство произнесенных вчера слов принадлежит ему самому. Наши военные психоаналитики внимательно изучили обращение к народу и пришли к единодушному выводу, о том, что речевые обороты, употребленные в нем, не являются характерными для данной личности. К тому же, мистер Сковин, вы же прекрасно понимаете, какое порой длинное расстояние может быть между словами и поступками.

– Хорошо. Так что вы предлагаете конкретно? Каков план ваших действий на ближайшее время? – нетерпеливо проговорил потомок натурализовавшихся иудеев, не терпящий, когда ему возражают в открытой манере, как сейчас.

– План наших действий, разрабатываемый нами еще с прошлого года, готов и ждет только одобрения от наших друзей и союзников, – и с этими словами Бурба водрузил на стол свой кейс, из которого достал несколько листков бумаги, скрепленных степлером в уголке, с мелко набранным, почти без интервалов текстом и протянул их Сковину. Это была диспозиция по деокупации ОРДЛО, разработанная под

руководством Начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Корнийчука и врученная им лично Василию Васильевичу за несколько минут до его визита в здание СБУ. На несколько минут в кабинете повисла тишина, разбавленная мерным звуком покачивания маятника в напольных часах, стоящих в углу. Не отрываясь от взглядов от написанного, Сковин нашарил рукой под столешницей кнопку вызова секретаря. Тот явился незамедлительно, тихо открыв дверь и замерев в ожидании приказа.

– Basil, ask Mr. O'Burn to join me.⁶⁷

– Yes, sir!⁶⁸ – щелкнул тот каблучками, хоть одет был и в штатское, что сразу выдало в нем военного человека.

Через минуту в кабинет вошел без стука заместитель Сковина – долговязый с вытянутым и слегка сплюснутым с боков лицом человек лет тридцати пяти.

– Здравствуйте, мистер О'Берн! – привстал со своего места Бурба и радостно поприветствовал вошедшего, которого знал гораздо лучше чем Сковина, так как чаще взаимодействовал именно с ним, а не с его шефом.

– Рот фронт, товарищ Бурба! – шутливо и тоже почти без акцента ответил тот на приветствие, вскинув руку со сжатым кулаком.

– Какой же вы право, шутник, Томас! – захихикал подобоострастно Бурба.

---

⁶⁷ Бэзил, скажите мистеру О'Берну, чтобы он зашел ко мне.

⁶⁸ Есть, сэр!

– Вот, – не дав развиваться диалогу между старыми знакомыми, произнес суховатым тоном Сковин по-русски, – генерал принес нам план молниеносной операции по деокупа-ции отдельных районов Донбасса. Ознакомьтесь, – протянул он своему заместителю уже прочитанные листки.

Тот взял из рук босса листы и сел, так же, не спросив разрешения у начальства, напротив Бурбы, сходу углубляясь в чтение.

– Пока мой заместитель знакомится с вашими планами на будущее, поведайте мне, господин Бурба, как там продвигается наше с вами дело по поводу захвата русских наемников из ЧВК Вагнера?

– Этим вплотную занимается мой заместитель – полковник Буданов, – ответил Сковину генерал. – Но насколько я в курсе деталей там все идет пока достаточно гладко. Потенциальные клиенты нами уже отобраны. Наши люди уже связались с ними и достигли принципиальной договоренности об их найме в качестве охранников на строящуюся русскими турецкую АЭС в Аккую. Сейчас завершается оформление их виз. В целях страховки, якобы принимающая сторона готова подтвердить всю исходную информацию. Подписи и печати на акцепте не должны вызвать никаких подозрений. Все сделано на высшем уровне. Мы привлекли для этой операции своих лучших специалистов.

– С окончательным количеством клиентов определились?

– Да. Насколько мне помнится, то их должно быть не

меньше тридцати трех.

– Ваши белорусские коллеги посвящены в детали предстоящей операции?

– В общих чертах с ней ознакомлен сам глава КГБ Белоруссии и Председатель Совета безопасности.

– А это не опасно? – вдруг засомневался Сковин. – Все-таки влияние российских спецслужб в Белоруссии весьма велико. Как бы ни произошло с этой стороны утечки?!

– Я готов развеять ваши опасения, мистер Сковин. В положительном исходе этой операции заинтересован сам президент Лукашенко.

– Он что, тоже в курсе?! – уже не на шутку испугался президент, внутренне уже сожалея, что связался с такими болтливыми людьми.

– Нет. Ну, что вы?! Просто он и раньше всегда был не прочь показать фигу своему восточному брату, а теперь-то и подавно горит желанием отомстить за свое ранение, судя по интервью, данному им вчера по прилету в Минск, – с уверенностью в голосе опроверг опасения собеседника Бурба.

– Учтите, – на всякий случай пристрожил того Сковин, – что это дело находится под контролем самого заместителя директора ЦРУ! Не оплошайте сами и не подведите меня. От исхода этой операции зависит плодотворность нашего с вами дальнейшего сотрудничества. Вы меня достаточно хорошо понимаете? Мы не можем рисковать провалом в год перевыборов президента.

– Да-да. Я прекрасно все понимаю и осознаю меру своей собственной ответственности, – с готовностью подтвердил Бурба, для вящей убедительности приложивший руки к тому месту, где у людей обычно находится сердце.

Пока длился этот диалог, заместитель резидента просмотрел переданные ему для ознакомления бумаги и с интересом энтомолога, разглядывающего в микроскоп пойманную букашку, посмотрел на гостя. Наконец, беседовавшие обратили свое внимание на Томаса.

– Что вы можете сказать нам по поводу представленного плана, Томас? – поинтересовался мнением зама Сковин.

– План достаточно оригинален, однако не совсем понятно, на что в конечном итоге рассчитывают его составители?

– На решительность и внезапность! – воскликнул Бурба.

– На чью решительность? – осек его О'Берн.

– На нашу, конечно, – не совсем понял того генерал.

– В данном случае меня не столько интересует ваша, сколько решительность ваших противников, – жестко осадил он оптимиста от самостоятельной разведки.

– Разрабатывая данный план мероприятий мы, безусловно, учитывали реакцию Москвы, – начал подергивать носом от «наезда» одного из кураторов Бурба.

– Боюсь, что не в полной мере, – опять прервал его Томас. – Как я понял из содержания документа, вы, прежде всего, рассчитываете на то, что русские проспят начало операции, а потом, вследствие неразберихи в собственном доме,

не смогут вовремя и адекватно ответить на ваши эскапады.

– Не только на это, – обиженно возразил ему украинский оппонент. – Мы также брали в расчет сложную мировую обстановку и сложное положение в ней самой России. Тут и санкции мирового сообщества и зыбкое положение, связанное с достройкой «Северного потока-2». Русским незачем еще больше ссориться с мировым сообществом. Они и так уже не знают, как огрызаться на все, что сейчас на них валится со всех сторон.

– Я с вами мог согласиться, если бы все, что вы сказали, относилось к той власти, которая была в России до вчерашнего утра, – скептически скривив губы, произнес осторожный потомок буйных ирландцев. – Но сейчас там хунта, а это весьма трудно прогнозируемая ситуация.

– Ну, почему же?! – уже из чистого упрямства начал возражать украинский гость. – Наши аналитики достаточно хорошо изучили психологический портрет ее руководителя. Он не решится на резкие шаги.

– Свита делает короля, – опять подначил его Томас.

– При всем моем уважении к вам, – начал терять терпение Бурба, – вы недостаточно изучили менталитет России. Она всегда была и есть государством с ярко выраженными чертами самодержавия. Поэтому вопреки воле первого лица, кем бы оно ни было – диктатором, генсеком, царем или еще кем либо, там ничего не делается. К тому же, – добавил Бурба уже с куда меньшим пафосом, – шестилетнее противостоя-

ние с русскими, почти в одиночку, дают нам право рассчитывать хотя бы на минимальную помощь с вашей стороны.

– Какую именно помощь вы желаете от нас получить, помимо той, что мы и так вам оказываем? – удивленно встал Сковин, до этого молча наблюдавший за маленькой перепалкой.

– На первых порах, хотя бы помимо санкционирования самой операции, помощь в более оперативном получении разведанных и всеобъемлющей информационной поддержке в мировых СМИ. Это по минимуму.

– А по максимуму!?! – чуть не хором воскликнули янки.

– Командование украинской армии было бы вам чрезвычайно признательно, если бы вы в свою очередь либо сами, либо через союзников или подконтрольных вам сил, провели ряд отвлекающих внимание операций по всему сектору соприкосновения с русскими.

– Поясните, что вы имеете в виду? – насторожился Сковин.

– Ну, не знаю. Это могли бы быть операции против русских в Сирии, Венесуэле, а еще лучше – в Грузии и Приднестровье, чтобы русские не знали, за что им хвататься в первую очередь. Ну и, разумеется, парализовать Совет Безопасности ООН, чтобы они не смогли в течение некоторого времени даже поднять вопрос по обсуждению в международном формате, сложившейся ситуации. Нужно лишить русских даже права, на какое либо подобие легитимного от-

вета.

– И это все?! – хмыкнул яйцеголовый Тимоти.

– Почему же все?! Не мне вас учить. У вас и так богатая фантазия по этой части, – с сарказмом заметил Василий Васильевич, строго поджимая губы. – Срочно введите новые санкции, организуйте массовый арест российских активистов по всему миру, судов, самолетов. У ваших коллег из Британии в 18-м хорошо получилось повернуть дело со Скрипалями, так заткните их за пояс и отравите вашего посла в Москве, у него все равно обнаружен рак, а так у вас будет мощный повод натравить на Россию весь мир.

– Кстати, это хорошая идея, – понимающе переглянулись оба американца.

– Насчет отравления Хантсмана⁶⁹?

– Нет, – сделал предостерегающий жест Сковин. – Жизни американских послов слишком ценный актив, чтобы быть задействованными в подобных провокациях. А вот...

– Что?! – вскинулся Бурба.

– Сама идея применения химического оружия в масштабе массового поражения была бы хорошим подспорьем в деле оправдания любых ваших действий.

– Вы предлагаете нам...

– Мы вам ничего не предлагаем, – тут же решительно перебил его мысль Тимоти. – Мы всего лишь рассматриваем гипотетический вариант применения химического оружия

---

⁶⁹ Д. Хантсман – посол США в России.

вашиими противниками по мирным гражданам Украины. Вы хорошо понимаете мысль, которую я пытаюсь до вас донести?

– Вполне, – кивнул Бурба, тем не менее, покрываясь пятнами на лице от негодования, что граждан его страны, хотят подвергнуть столь жуткой участи.

– Функционеров от ОЗХО⁷⁰ мы проинструктируем в нужном ключе, борзописцев поближе подтянем к месту предполагаемой акции. Остальное – за вами, – уже вкрадчиво произнес Сковин.

«Эге, – подумал Бурба, – да у них, похоже, этот вариант с самого начала намечался, а делают вид, будто это я натолкнул их сейчас на эту мысль. Ну и сволочи, прости Господи!», а вслух поинтересовался:

– И что же от нас требуется?

– Как обычно – время, место, невинные жертвы и сам реагент, – охотно пояснил Томас меланхоличным голосом, словно бы он тут и не, причем вовсе.

– Господа! – деланно в свою очередь возмущился генерал. – Где же я вам возьму готовый к применению реагент?!

– Не лукавьте с нами, Василий Васильевич, – строго погрозил ему пальцем Сковин, – мы прекрасно осведомлены о хранящихся еще со времен СССР запасах химического оружия на складах «второго эшелона» обороны, расположенных на территории Полтавской области. Русским ведь так и не

---

⁷⁰ Организация по запрещению химического оружия.

удалось убедить первого вашего президента отдать им на переработку в Шиханы зарин, хранящийся на тайном складе в районе полтавского села Хомутец.

Видя, как забегали в растерянности глазки сведомого, они в один голос продолжили начавшийся напор:

– С нами такие игры не пройдут, генерал, – жестко констатировал резидент. – За подобные выходки мы можем вас больно наказать!

– Право слово, господа! Я не в курсе. Да и не моя это епархия – химическое оружие, – тщетно лепетал он, задним умом осознавая, что не на шутку вляпался в дерьмо с этими господами, способными привести его на виселицу международного суда.

– Бросьте, пан Бурба! Лучше идите и доставайте, что там у вас имеется. Кажется там снаряды калибра 152 мм.?

– Поверьте! Даже не знаю! – слабо трепыхалась рыба, насаженная на кукан.

– Зато мы знаем! – зло усмехнулись оба куратора. – Ступайте и сегодня же организуйте доставку партии этих снарядов на передовую, к объекту, предназначенному на закление. Да не забудьте заранее сообщить нам время и место акции.

– А как насчет согласования? – уныло произнесло существо, моментально превратившееся из бравого генерала в тряпку для мытья полов в халерном бараке.

– Какого еще согласования?! – опять хором удивились они. – Вы нам представили план. Мы с ним ознакомились.

Что вам еще от нас нужно?! Поставить визу?! За кого вы нас держите, Бурба?!

И с этими словами, они, не очень-то церемонясь, буквально вытолкали украинца вместе с его бумагами и кейсом из кабинета в приемную. Когда за посетителем закрылась дверь, двое разведчиков сели к столу – друг напротив друга и, склонив головы, так, что они едва не сталкивались лбами, продолжили диалог.

– Должен признаться, Тимоти, – прогудел ирландец, – что не ожидал от вас такой быстрой расправы с этим туземцем, возомнившим себя сахибом.

– Да. Честно говоря, я и сам не ожидал подобного развития ситуации, – ухмыльнулся в ответ Сковин. – Нам чертовски повезло. Ведь не приди к нам этот болван сегодня, уже завтра нам самим бы пришлось организовывать встречу с ним или кем-нибудь подобным ему.

– Как вы считаете, хватит ли у наших подопечных духу пойти на такую громкую акцию? – с неложной озабоченностью поинтересовался О'Берн у своего шефа.

– Думаю, что да, – почти не раздумывая ответил тот. – У них сейчас не то положение, чтобы, как это они говорят «коу-че-вражит-са», – проговорил он труднопроизносимое слово. – В связи с этим вирусом, дьявол его побери, а за ним и мировым кризисом, украинская повестка постепенно сходит на нет, в очереди мировых первоочередных интересов. Европе, озабоченной своим личным спасением не до нее, и

нам, у которых на пороге, пожалуй, самые сложные за всю историю существования, выборы, тоже вскоре будет не до них. Москва с выгодой для себя может воспользоваться данным обстоятельством.

– Ну, теперь-то ей и самой это будет сделать весьма непросто. Подковерную борьбу за власть между башнями Кремля еще никто не отменял, – предположил Томас.

– Боюсь, мой друг, что никакой серьезной борьбы не будет. Во всяком случае, мы этого не увидим.

– Вы так думаете? – недоуменно выгнул бровь О'Берн.

– Да, – кивнул Сковин, – и с большой долей вероятности. – Это нашим умникам из Лэнгли кажется, что Россия – большой мешок гнилой картошки, который только стоит посильней пнуть, и он развалится, распространяя вокруг себя злобоние уходящей в небытие империи. Но мы-то с вами, находясь почти на передовой, имеем более объективное зрение на происходящее. Предшественник этого Афанасьева, в свое время, очень умело зачистил оппозиционное поле, не оставив там никого, кто бы хоть в малейшей степени мог угрожать его власти. Генералы пришли на абсолютно чистое поле, где им никто не мешает резвиться в свое удовольствие. Внятной оппозиции нет. Олигархи, хоть и распухли от денег, которыми покойный президент щедро затыкал им рты, разжирили, но вместе с тем и атрофировали свою мускулатуру, а с ней и жажду власти.

– Но последние события как раз говорят об ином, – попро-

бывал возразить боссу Томас. – Совершенный вчера теракт, это ли не проявление крайней оппозиционности на самом вершине власти?! Да и стоило это, наверняка, немалых средств, что указывает на щедрость бездонных карманов бывших соратников Бутина.

– Наличие денег еще не влечет за собой автоматического контроля над оружием. И сам Бутин тому яркий пример. Когда он вынырнул вдруг из темных закоулков Лубянки, у него не было ни того, ни другого, – с ходу отменил возражения своего зама Сквин. – Только сосредоточение в одних руках этих двух компонентов истинной власти, может гарантировать устойчивость правления любой формации, будь то хунта или демократические силы вселенского добра. Да и не каждое оружие можно купить за деньги. Россия и здесь выбивается из ряда исторических примеров. Что же касается самого теракта, то я вообще не уверен, что это не дело рук кого-то из наших коллег, находящихся непосредственно в Москве. Но об этом – молчок. Я другого опасуюсь, – сказал Сквин и замолчал, как бы опасаясь, стоит ли продолжать откровенничать со своим помощником.

– Чего именно?! – не утерпел тот, подстегивая шефа к продолжению беседы.

– Во-первых, я очень боюсь связываться с этими криворукими туземцами, которые умудряются запороть все планы, как наши, так и их собственные. Дважды, на ровном месте попасть в котлы, а затем собственноручно загнать себя в ло-

вушку Минских соглашений, из которой нет достойного выхода! Это надо иметь великий талант неудачника. А эта их неистребимая тяга к торговле даже собственными секретами?! Я не удивлюсь, если план, который нам сейчас доставил этот петух, уже прочли, одобрили и поставили на нем свою визу в Кремле.

– А во-вторых?! – заерзал на стуле О'Берн.

– А во-вторых, – эхом отозвался Сковин, – исходя из того, что я вам сейчас сказал, меня сильно тревожит возможная реакция уже нашего начальства на проявленную вами инициативу.

– Нами, проявленную. Нами, – с нажимом повторил Томас, давая понять, что при любом раскладе не захочет быть единственным козлом отпущения, если что-то пойдет не так.

– Ладно. Нами, – поморщился Сковин, мысленно делая себе узелок на память, и продолжил. – Это вам не пресловутый обстрел Гуты⁷¹ химическими снарядами и даже не постановочный трюк со Скрипалями. Предстоящий инцидент, грозит затмить собой все предыдущие и вполне реально может послужить прологом к Третьей Мировой войне. И вы понимаете, мой друг, – с задушевым и тихим участием в голосе предположил он, – что в случае разворота неблагоприятных для нас событий, от нас постараются избавиться, прежде

---

⁷¹ Согласно данным расследования ООН, 21 августа 2013 года по г. Гута, неустановленными лицами были выпущены ракеты содержавшие отравляющие вещества нервнопаралитического типа.

всего, свои. Причем, избавиться – в прямом смысле этого слова.

К своему вящему удовлетворению, Сковин заприметил в коровьих глазах ирландца огоньки неподдельного ужаса, что слегка вернуло рассказчика в бодрое расположение духа.

– Может тогда не стоит связываться с этой чертовой химией, и вернуться к плану обычного обстрела? – робко предложил помощник очевидный выход из неудобного положения.

– К химии у меня претензий нет. Там все чисто. Любая комиссия подтвердит, и подлинность снарядов с заводскими номерами и с уникальной рецептурой смеси, образец которой имеется у озховцев. Тут русским даже и возразить будет нечем. Они окажутся в дерьме по самые уши.

– А что тогда вас смущает?

– Я уже сказал – криворукость и болтливость исполнителей.

– И все?

– К сожалению, нет.

– О, мой Бог! Тимоти, да не томите же! Выкладывайте все как есть! Что у вас за манера наматывать нервы на кулак?! – не скрывая своего испуганного раздражения, воскликнул О'Берн.

– А еще я боюсь, – продолжил шеф тоном заговорщика, – непредвиденной и не просчитанной реакции московского медведя. Припертый мировым сообществом к стене, он способен на любые необдуманные с точки зрения логики,

поступки, неожиданно выскочив из своей берлоги.

– Значит надо сделать так, чтобы он не смог оттуда выскочить, – тут же сообразил находчивый помощник. – Просто забить его рогатинами, сунув их прямо туда к нему, пока он соображает в какую сторону ему выскакивать. Иными словами, просто обрушиться на русских со всех сторон, каждый раз нанося, хоть и не смертельные, но глубокие раны, от обилия которых он просто истечет кровью.

– Возможно, вы и правы, Томас, но я чуть больше вашего прожил на этом свете, а следовательно немного опытнее вас в вопросах чисто житейских, – проворковал хитрый фарисей.⁷² Поэтому у меня уже вошло в привычку при каждом удобном случае не забывать прикрыть свою задницу.

– Так-так, – живо смекнул Томас. – Значит, у вас есть запасной план?!

– Не запасной план, а план отхода от занимаемых позиций, – поправил его Сковин.

– И какой?!

Сделав, подобающую случаю театральную паузу, резидент неожиданно спросил:

– Томас, я надеюсь, что о нашем с вами плане по химической атаке, никто не в курсе?

– Ни одна живая душа! – с пафосом воскликнул тот и добавил. – Если, конечно, в вашем кабинете не стоят непод-

---

⁷² Секта в Древней Иудеи. В данном контексте термин понимается, как синоним слову «лицемер».

контрольные вам подслушивающие устройства.

– В этом можете не сомневаться, – фыркнул Тимоти.

– Тогда, стало быть, только мы двое. А что?

– Я предлагаю вам, вместе со мной, незамедлительно составить рапорт наверх, – тут он закатил глаза кверху, намекая на самые высокие инстанции, какие только могут быть, – о том, что инициатива о применении боевого отравляющего вещества исходила от местных. Мы, естественно, как могли, сопротивлялись этому, но переубедить их не смогли. А потому запрашиваем инструкции о том, как нам поступить в данной ситуации.

– Ловко! – прищелкнул языком О'Берн, выражая тем самым неподдельный восторг осторожностью босса, но тут же спохватился. – А если аборигены, напуганные, кстати, нами же, возьмут и обратятся через нашу голову, к нашему руководству за прямым санкционированием акции?

– Они, конечно, изрядные дураки, но все же не сумасшедшие, чтобы упоминать такие слова из опасений утечек, – усмехнулся Сковин. – Да и ссориться с нами им вовсе сейчас не с руки. Так что, этого можете не опасаться.

– Пожалуй, я с вами соглашусь, Тимоти, – после короткой паузы сказал О'Берн задумчивым голосом. – Мы с вами, чего уж греха таить, раньше во многом не соглашались, спорили и даже, я прекрасно знаю об этом, писали наверх докладные друг на друга. Но сейчас, в минуты крайней опасности для нас обоих, мы должны, хотя бы чисто из прагматических

чувств объединиться во имя собственного спасения. А потому, вы можете в этом деле полностью рассчитывать на меня. И в подтверждение этому, вот вам моя рука.

С этими словами он протянул свою длинную и жилистую руку через стол для пожатия, чем противоположная сторона не преминула тут же воспользоваться для закрепления вынужденного союза.

II

25 июня 2020 г., Украина, г. Киев, Воздухофлотский пр-т., д. 6, Генеральный штаб ВСУ.

«Э, нет уж, дудки, господа пиндосовцы, я на такое дело не подписывался, а потому болтаться в петле по приговору Гаагского трибунала не намерен, – рассуждал про себя Василий Васильевич, выставленный из кабинета штатовского представителя. – Это вам хорошо – вы не можете не игнорировать Гаагу, а у нас с Европой соглашение есть». Стоя на крыльце здания, из которого его только что турнули, с напутствиями, не предвещавшими ничего хорошего, он вытащил из нагрудного кармана телефон и быстро набрал номер Корнийчука.

– Сергей Петрович! – обратился он к Начальнику Генштаба, сразу, как только тот взял трубку. – Это Бурба вас беспокоит.

– Где вы?! Вы были у наших друзей!? Что они вам сказали?! – не давая раскрыть рот, закидал его вопросами Корнийчук.

– Да, Сергей Петрович, я тут стою возле здания СБУ. С друзьями нашими разговор уже состоялся, – ответил на поставленные вопросы Бурба.

– Результат? – отрывисто спросил Начштаба.

– Разрешите о результатах доложить лично? В свою оче-

редь попросил он у начальства.

– Вот как?! – слегка удивился Корнийчук. – Видимо ваша беседа прошла не совсем гладко, если об ее результатах вы предпочитаете не докладывать по телефону. Ну, что же, хорошо. Тогда я вас жду у себя.

– Спасибо, – отрывисто и просто поблагодарил Бурба. – Через 15 минут я буду у вас в кабинете.

– Добро.

И действительно, через пятнадцать минут он уже стоял на пороге кабинета Начальника Генерального штаба. В глаза сразу бросилась нервная и суетливая атмосфера. Генералы входили и выходили торопливыми шагами, несли какие-то срочные бумаги на подпись, доставляли отчеты по отдельным частям, запрашивали распоряжения и указания. Вся обстановка говорила за то, что здесь всюю идет подготовка к какому-то очень важному мероприятию глобального масштаба. Было видно, что паровой коток надвигающейся войны неумолимо набирает пары и вот-вот начнет свое движение в восточном направлении. Дождавшись момента, когда людской поток слегка ослабит свое течение, Корнийчук, видя замешательство начальника Головного управления разведки, вызвал по селектору своего секретаря и велел пока никого к себе не пускать ни под каким видом до особого распоряжения. Когда распоряжение было принято к исполнению, он невесело улыбнувшись Бурбе, от чего его и без того косой монгольский разрез глаз стал еще резче, указал

на стул возле своего стола.

– Вот видите, – радостно завил он вошедшему, – как сразу вспучилось наше сонное болото?! Застоялись хлопцы! Все как один рвутся в бой.

– Вижу, – уныло протянул старший по званию, но младший по должности Бурба.

– По вашему тону, я понимаю, что встреча не имела ожидаемого успеха? – настороженно поинтересовался Сергей Петрович.

– Вы угадали, Сергей Петрович. Результаты более чем неоднозначные, – уже совсем пригорюнился Василий Васильевич.

– Вам не удалось убедить наших заокеанских друзей в нашей решительности и наших возможностях? – начал округлять свои глаза Корнийчук, сейчас чем-то смахивающий на актера Бронислава Брондукова на пике его популярности.

– Почему же не удалось? – слегка обиделся на неверие в свои возможности убеждения Бурба.

– Значит, они все-таки дали санкцию на проведение операции? – спросил сбитый с толку двусмысленными ответами разведчика Корнийчук.

– Вербальную, – нехотя признался Василий Васильевич, – но и эту малость они обставили немислимыми, с моей точки зрения, условиями.

– Условиями, говорите?! Ну-ка, ну-ка. Это уже любопытно. Давайте-ка с этого места поподробнее.

Тяжело вздохнув, будто взваливая на плечи тяжкий груз, Начальник Головного управления разведки близко к тексту (профессиональная память) пересказал Начальнику Генштаба беседу, состоявшуюся накануне в здании СБУ. В процессе пересказа, лицо Корнийчука становилось все мрачнее и мрачнее. История с предстоящей операцией грозила повернуть совсем не в ту сторону, о которой бы хотелось говорить. Всем своим нутром он понимал, что только коллегиальность принятия окончательного решения по данной операции может хоть как-то в дальнейшем смягчить обстоятельства его принятия, если вдруг что-то пойдет не так. Он почти физически ощущал. Как у него отнимают шанс последний раз попытаться разрубить гордиев узел Донбасса. Выслушав последние слова Бурбы о том, как его почти насильно выпихнули на улицу, зажавшиеся на украинских харчах наглые янки, Сергей Петрович нервно барабанил пальцами по столу на несколько тягучих минут погрузился в тяжкую задумчивость. Бурба боялся даже шевельнуться, чтобы не тревожить разом осунувшегося главы Генштаба. Наконец, то встрепенулся, как стоялый конь и решительно придвинул к себе настольный телефон внутренней связи. Набрал короткий – в три цифры номер и дождавшись, когда на другом конце возьмут трубку, проговорил в свою, стараясь скрыть волнение:

– Андрей Василич, ты там сильно занят?! Нет?! Есть очень важный разговор, не терпящий отлагательств. Да. Хорошо. Мы тогда сейчас к тебе зайдем. С кем? Да, с Василь

Василичем. Добре.

Положив трубку и вставая, одергивая мундир, обратился к Бурбе:

– Идемте к министру. Я такие вопросы единолично решать не могу и не имею права, сами понимаете.

Тот кивнул, соглашаясь. Вышли. Идти пришлось недалеко и недолго. Министерство обороны находилось в этом же здание, только в противоположном его крыле, поэтому уже через пять минут они предстали перед Тараном. Тот, в отличие от Корнийчука не был слишком занят. Он вообще не любил ничем заниматься кроме своего любимого дела – осенней охоты на уток в одесских плавнях, поросших тростником и осокой. И кличка «деятельный бездельник», родившаяся в коридорах Министерства накрепко приклеилась к этому седоватому, с ноздрями враспопырку, человеку.

– Вот, Андрей Василич, – с ходу, как только вошли начал Сергей Петрович, – как мы вчера и уговаривались, наш разведчик, – кивнул он на Бурбу, – посетил миссию наших друзей с целью информирования о наших планах и получения их одобрения.

– Присаживайтесь, господа, – пригласил их министр. – Да. Я прекрасно помню тот завершающий момент нашего собрания. Ну, давайте, поделитесь итогами ваших утренних походов, – обратился он к разведчику. Кратенько, но с подробностями, хе-хе...

Обреченно вздохнув, Бурба опять принялся почти слово

в слово пересказывать беседу с американцами и их неожиданное и напористое предложение. Его слушали, внимательно и не перебивая. Уложившись с рассказом, чуть менее чем за пять минут, Бурба, как и в прошлый раз замолчал, решив про себя, что тут вылезать с какой либо инициативой себе дороже. В кабинете нависла почти погребальная тишина. Все трое были калачами тертыми и многоопытными в делах перепихивания ответственности с себя на других – более простодушных и менее щепетильных. В любом случае дурная слава «химического Али»⁷³ никак не прельщала всех троих. Первым пришел в себя все же Министр обороны, который откашлявшись, спросил у генштабиста:

– Ваше мнение, Сергей Петрович, по данному вопросу?

Тот, видимо, заранее предполагая, что ответ первому придется держать именно ему, тоже откашлявшись, будто уже вдохнул порцию фуксина⁷⁴ на карандашной фабрике, осторожно начал:

– В свое время, ваш предшественник на этом посту – Валерий Викторович Гелетей, будучи весьма озабочен противостоянием с сепаратистами на территории донецкого аэропорта, поручал мне заняться изучением возможности при-

---

⁷³ Али Хасан Абд аль-Маджид ат-Тикрити – министр обороны Ирака в годы правления Саддама Хусейна, его двоюродный брат, приговорён к смертной казни за причастность к уничтожению курдского населения химическим оружием.

⁷⁴ Одно из ядовитых веществ, применяемое при изготовлении карандашей, красителей и паст для шариковых ручек.

менения БОВ⁷⁵ против них. Я тогда вплотную занимался этим вопросом и даже побывал с негласной миссией на «объекте № 118», что возле Полтавы, где и хранится некоторый запас спецбоеприпасов, доставшихся нам в наследство от былой мощи СССР.

Так вот. Там, действительно находится некоторое количество снарядов к 203-мм. самоходному орудью 2С7 «Пион», мины для самоходного миномета 2С4 «Тюльпан» калибром 240-мм., а также небольшое количество 152-мм. снарядов для буксируемой гаубицы «Мста-Б». Так как у нас к моменту распада СССР не имелось в наличии ни «Тюльпанов», ни «Пионов», по причине их снятия с вооружения еще в начале 80-х и их консервации и частичной утилизации на территории тогда еще РСФСР, то речь может идти только о снарядах к гаубице «Мста-Б». Но еще раз подчеркну, что их количество крайне незначительно. Если мне не изменяет память, то их всего что-то вроде около сотни штук.

– Понятно. Спасибо за исчерпывающую предоставленную информацию, Сергей Петрович, – поблагодарил Начальника Генштаба Андрей Васильевич. – А что вы, Василий Василич скажете по итогам представленной информации? – обратился министр уже к разведчику.

– Собственно говоря, – пожал тот плечами, – мне сообщать что-то еще и ничего, кроме того, что я уже сказал.

– Но сами-то вы, как считаете? Стоит ли нам ступать на

---

⁷⁵ Боевые отравляющие вещества.

столь скользкую дорожку во имя достижения высших целей? – задал вопрос Таран и впился глазами в лицо Бурбы, пытаясь просканировать его головной мозг.

– Что касается технической стороны деталей, то тут, конечно, на лицо все выгоды от применения этих средств. Если уж русские не смогли отвертеться от весьма спорного отравления ими семейки Скрипалей и от ответственности за применение сирийцами отравляющих веществ в районе Алеппо и Гуты, то тут уж и подавно им ничего не светит. Любая экспертиза подтвердит советское происхождение начинки снарядов. Тем более что все необходимые маркеры были переданы администрацией Горбачева в ОЗХО еще в конце 80-х. И также любая комиссия подтвердит, что снаряды изготовлены не кустарным способом и лишним доказательством тому будет их маркировка заводским способом, – ответил он на часть вопроса министра. – Что же касается моральной стороны дела...

– Да погодите вы со своей моралью! – перебил его министр, морщась, как от хины. – До этого мы еще дойдем. Меня больше всего сейчас беспокоит именно маркировка снарядов. Ведь наверняка на предприятии-изготовителе имеется журнал «движения боеприпасов» из которого можно выяснить последнюю «прописку» того или иного изделия с датой изготовления, местом отгрузки и хранения. И все это с подписями, как сдатчика, так и приемщика. Что скажете на это?

– Здесь я готов развеять ваши опасения, господин министр, – взял слово Корнийчук. – Во-первых, не факт, что такие журналы сохранились после того, как все химическое оружие Россия по ее словам уничтожила, а наличие оставшегося у нас она не смогла доказать даже в 92-м, когда поднимался вопрос о передислокации всех средств массового поражения на ее территорию после объявления нами о своей независимости. Если уж даже тогда они не смогли этого доказать, то теперь-то уж и подавно не докажут. Поэтому в наличие таких сохранившихся журналов я верю с трудом, – он сделал паузу, чтобы дождаться утвердительного кивка разведчика и набрать побольше воздуха в грудь для продолжения своей аргументации, а когда дождался, то продолжил. – Во-вторых, в деле о сбитем над Донбассом Боинге, как помните, тоже фигурировали записи из подобного журнала, предоставленные российской стороной в качестве своего оправдания. И что? Сильно им это помогло? На эти записи даже никто не обратил внимания. Не обратят и сейчас. К тому же после Солсбери к русским словам нет вообще никакого доверия и это в еще спорных делах, а тут все факты будут на лицо.

– Я вас понял, Сергей Петрович, – улыбнулся как-то по-доброму министр, который обычно являлся его оппонентом в любых спорах, а после опять обратил свой начальственный взор в сторону Бурбы. – Так, что вы там говорили по поводу моральной составляющей?

– Я пока еще ничего не говорил по поводу моральных преград, – вдруг ни с того ни с сего заерепенился Василий Васильевич, – но могу высказаться на сей счет, если желаете.

– Ну-ну, – подначил его порыв министр.

– Сомнений в успешности предполагаемой операции у меня только два. Первое, как я уже успел упомянуть – морально-этическое основание для ее проведения. Я еще как-то могу понять применение подобного рода средств, для нейтрализации наших противников. На войне, как говорится, все средства хороши. У меня не дрогнет ни один мускул на лице, если все они там полягут. Это враги и поступать с ними надо как с врагами. Тут спора нет. Но применять подобные методы в целях провокации против собственного, вполне лояльного населения ради того, чтобы поднять бурю всенародного гнева, это уж извините – мовитон. Все тайное рано или поздно становится явным, а тем более в нашей стране. Долго скрывать истину у нас все равно не получится. И она обязательно всплывет на поверхность всей своей нелицеприятной стороной. И тогда не избежать народного гнева – никому кто будет причастен к этому делу. Какими бы ни были конечные цели, но жертвовать своими гражданами во имя их реализации... Нас просто не поймут ни современники, ни потомки.

– Понятно, – кивнул министр, – а ваше второе возражение?

– Скажу откровенно. Я не доверяю профессионализму наших строевых частей. В стране уже сорок лет ни на одном

из уровней не проводились учения с имитацией проведения боевых операций с применением боевых отравляющих веществ. Даже на уровне гражданской обороны. «Портяночники» вряд ли сумеют правильно использовать полагающиеся по штату противогазы. Всех перетравят вокруг, да и сами перетравятся в первую очередь. А это, в свою очередь послужит раскрытию перед общественностью всех истинных целей данной операции.

– У вас все?

– В принципе, да.

– Хорошо. Я вам отвечу на ваши возражения, как могу и в силу моего разума, – ответил Таран. Что касается вашего первого возражения. Не нами сказано, что «цель оправдывает средства». И мне, как министру, отвечающему за свободу и независимость нашего государства от посягательств внешних сил, довольно странно слышать от вас такие дилетантские рассуждения. Да-да. И не смотрите на меня так. Именно дилетантские. Не мне вам говорить, что в тотальной войне, а она сейчас превращается именно в тотальную войну цивилизованного Запада против варварского Востока, допустимы все средства. Ибо альтернатива этому – полное уничтожение нашего народа и нашей культуры. А так как мы, без всякого преувеличения являемся форпостом Свободного Мира, то и уничтожением его тоже. Один на один со своими рыцарскими понятиями о воинской чести и доблести, он не справится с надвигающимся валом диких орд кочевников. Исто-

рия знает массу примеров того, как жертвуя малым, можно обрести победу. Да. Первой должна будет пролиться именно наша кровь. Но наша ли в том вина?! Но даже эта кровь ляжет весомой гирей на весы нашей победы. И я искренне верю, что души павших, на том свете, оправдают наши деяния. Если мы проиграем эту последнюю битву, то мы все погибнем. И уже неважно от чего – то ли от пули врага, то ли от приговора МУС.⁷⁶ А если победим, то победителей, как известно, может судить только история, да и то не всегда.

Бурба в это время смотрел не на говорившего министра, а на Начальника Генштаба, на лице которого играли восторг и обожание. Весьма удивительные, учитывая их непростые взаимоотношения. Начштабы был раздавлен и ошарашен словами Тарана, так как никогда не числил того в записных ораторах, а тут, поди ж ты, как все обернулось. А министр, меж тем, продолжал витийствовать:

– Что же касается вашего второго возражения, то тут я должен с вами согласиться. Такое ответственное задание по изъятию боеприпасов со склада, транспортировке, доставке на передовую, с учетом соблюдения строжайшей тайны и умелому их использованию, доверять ВСУ никак нельзя, как ни тяжело мне это признавать, будучи Министром обороны. Но, – и он хитренько прищурил свои кабаньи глазки, – тут вам и карты в руки, дорогой Василий Василич. Кому еще можно доверить такую сложную в логистическом плане опе-

---

⁷⁶ Международный уголовный суд.

рацию, как не вашим подчиненным из армейской разведки?! Вы же всегда с такой гордостью отзывались об их профессионализме!

– Но, – попробовал он возразить, – мы не охранные войска. Наша задача – высмотреть, нанести на карту, при необходимости совершить точечное воздействие и без потерь и следов скрыться.

– Вот это нам от вас и надо. Скрытно проникните, скрытно изымите, без следов отойдите и скрытно доставьте, – живо подхватил знамя министр, плотоядно улыбаясь при этом.

Бурба еще сделал несколько безуспешных попыток порыпаться, но под строгим увещанием сразу с двух сторон – сдался, выговорив все же для себя полное невмешательство в действие своих подчиненных со стороны вышестоящего начальства.

– Однако, господа, – опять посерьезнел Таран, – общий план мероприятий мы все же должны завизировать у всенародно избранного, – криво усмехнулся он. – А то нехорошо может получиться, если в разгар операции, «артист» науськиваемый Богданом⁷⁷ начнет прилюдно обижаться, что его не посвятили в генеральный план. А то еще, не дай Бог, начнет подозревать нас в желании сместить его под шумок, и поднимет, свой еврейский хай, на всю Вселенную. Да и о подстраховке на всякий пожарный случай подумать не грех. Лишняя бумажка не помешает. Поэтому нам срочно необ-

---

⁷⁷ А.И. Бóгдан – руководитель Офиса президента Украины.

ходимо уговорить или заставить его согласовать общий план предстоящей операции, впрочем, не слишком вдаваясь в ее детали.

Корнийчук согласно закивал, полностью становясь на сторону «деятельного лентяя», но тут же от себя добавил:

– Но перед тем как ехать за утверждением плана, его нужно слегка доработать, имея в виду сложившиеся реалии. Это займет буквально пять минут.

«Ишь, ты, какой стервец!? Какую хитрую базу подвел под желание спасти свою задницу!» – с ненавистью подумал Бурба, слушая сентенции министра и поправки к ней со стороны Начштаба.

– Ну, уж это без меня, господа! – решительно возразил, вставая с места Бурба. – С меня хватит и того, что все колодушки, в случае неудачи, достанутся на мою голову.

III

25 июня 2020 г., Украина, г. Киев, ул. Ф. Орлика, д. 1 (дом Ковалевского), одна из официальных резиденций президента Украины.

Это был, пожалуй, самый красивый дом, расположенный на улице, названной в честь подельника гетмана-иуды Мазепы. Построенный в несвойственной большинству архитектурных строений города позднероманской стилистике, он привлекал к себе особое внимание гостей и туристов столицы Украины своим необычным фасадом. Г-образное строение в плане с угловым башенным объёмом, необычными оконными проемами, вкупе с небольшим садом и фонтаном во внутреннем небольшом, но уютном дворике, выгодно отличалось от подавляющего большинства построек даже старой части города, не говоря уж об аляповатых новостройках, заполонивших в последнее время все районы столицы. Естественно, что такой архитектурный шедевр не мог пройти мимо глаз президентской администрации молодой и независимой республики. Удобное местоположение самого здания, комфортные и изолированные друг от друга просторные внутренние комнаты, а также цокольным этажом с большим количеством подсобных помещений делали его незаменимым для размещения официальной жилой резиденции президентов Украины на время их каденции.

Шестой по счету президент Незалежной накануне изрядно «перебрал», неумеренно и в больших количествах смешивая кокаин с коньяком по случаю гибели своего самого главного врага, в кампании бывших сослуживцев по артистическому цеху из «95-го квартала», поэтому сегодня чувствовал себя крайне дискомфортно. А потому, сказавшись больным, что, по сути, было правдой, он велел своим многочисленным секретарям и помощникам отменить все дела, запланированные на сегодня с его участием, и никого к нему не допускать. Сам же, втайне надеялся продолжить банкет сразу после того, как придет в чувства, позволяющие это сделать. Однако, эта нехитрая уловка, к которой он в последнее время прибегал все чаще и чаще, именно сегодня и дала осечку. «Приведению себя в порядок» помешало появление двух особ, проигнорировать визит которых не представлялось возможным ни с какой стороны. Этими особами являлись – Министр обороны генерал-лейтенант Андрей Таран и Начальник Генштаба генерал-лейтенант Сергей Корнийчук. Чертыхаясь, про себя и кляня, на чем белый свет стоит вся и всех, президент Украины – Владимир Зеленский отдал распоряжение впустить визитеров к нему в кабинет, куда он и сам вскорости прибудет. Наскоро сунув голову под струю холодной воды из умывальника и вытирая ее махровым полотенцем на ходу, он предстал перед незапланированными визитерами. Те, при его появлении не то, чтобы вытянулись по струнке, но все же подобрали в себя рыхлые животики и рас-

правили накладные плечи.

– Какого черта, господа, вы не даете своему президенту даже поболеть?! – вместо приветствия рыкнул он хриплым басом, несвойственным его тщедушному тельцу.

Однако он явно ошибся, выбрав неверный тон в общении со своими генералами, о чем они ему и не замедлили напомнить.

– Господин президент, в приличном обществе, к коему мы себя относим, сначала принято здороваться, а уж потом задавать риторические вопросы, – тут же осадил Зеленского Министр обороны, явно давая понять тому, что даже в этом кабинете он не является полноправным хозяином. Президент пробуравил мутным взором своего министра, поиграл желваками на скулах, но промолчал, понимая, что ссориться с Тараном время еще не пришло, да и вообще вступать в конфликт с теми, кто является его единственной защитой от нациков – дело крайне непродуктивное. Впрочем, бодание взглядами он быстро проиграл, уступая мрачной насупленности Министра обороны.

– Прошу. Присаживайтесь, – отрывисто бросил президент гостям, указывая места у стола. Сам, как и подобает президенту «великой державы» уместил свое седалище в хозяйское кресло.

– Я смотрю, пан президент лихо отпраздновал гибель своего главного врага? – не без ехидства заметил Андрей Васильевич, демонстративно шевеля своими широкими ноздря-

ми.

– А вы, почему не радуетесь этому обстоятельству, пан министр? – попробовал вернуть мяч на противоположную сторону Зеленский.

– Потому что смерть полководца это еще не смерть всей армии, а потому расслабляться нам пока еще рановато, – нравоучительно парировал министр.

– А вы пришли ко мне, чтобы предложить план по уничтожению всей его армии? – почти угадал, уже начавший приходить в себя президент.

– Ну, не всей, конечно. Для этого у нас слишком мало еще сил. Но снять окончательно с международной повестки дня вопрос Донбасса, воспользовавшись суматохой в стане врага, мы уже в силах прямо сейчас.

– Вот как?! У вас уже есть разработанный в деталях план по деокупации Донбасса и Крыма?!

– Нет, пан президент. Пока только Донбасса, но ведь надо же с чего-то начать? Дойдут, со временем, руки и до Крыма.

– Вы правы, пожалуй, Андрей Василич, слона принято есть по кусочкам. Ладно. План при вас? – хриплым, но уже куда более уверенным голосом спросил президент и дождав-шись ответного кивка, протянул руку через стол. – Давайте.

Приняв из рук министра секретный план, о чем говорила броская надпись на его титульном листе, Владимир Александрович Зеленский нашарил в кармане очки и водрузил их себе на нос. Оба гостя, невольно переглянулись. Они еще

никогда не видели своего президента в очках. Тот, как и всякий профессионал своего жанра, умел скрывать свои мелкие недостатки перед публикой. План по объему был невелик – всего-то три странички, включая перечисление и дислокацию воинских частей, предполагавшихся задействовать в предстоящей операции, поэтому его чтение не заняло у президента слишком много времени. Все то время, пока президент, даже надев очки, подслеповато сощурившись, шарит по убористым строкам плана, шевеля губами, как ученик младших классов, посетители, хранили стоическое молчание, чинно сложив руки на коленях. Наконец Зеленский закончил пытку гостей, положив план на стол и снимая очки.

– Паны генералы, я конечно далек от всей этой военной тягомотины, связанной с дислокацией и передвижением войск, а также перечислением количества орудий на квадратный километр, а потому вынужден доверять вашему авторитетному мнению в данной области. Однако, у меня, как у верховного главнокомандующего, возникли некоторые вопросы по его содержанию, и вы должны мне сейчас их прояснить.

– Мы готовы пан президент, – ответил Начштаба за них обоих.

– Вот во втором абзаце вы пишете, что «...в ответ на массированный артиллерийский обстрел со стороны сепаратистов в районе Волновахи, повлекший за собой гибель большого количества гражданских лиц...». Так вот, почему

вы решили, что операция по началу деокупации начнется именно оттуда?

– Нам так удобнее, – усмехнулся Корнийчук, – ибо это единственное место по всей линии соприкосновения, где артиллерийские расчеты сепаратистов находятся непосредственно вблизи крупного населенного пункта.

– Понятно, – усмехнулся в ответ президент. – И совершенно случайно в этом месте как раз окажутся корреспонденты ведущих зарубежных СМИ? Я правильно понимаю?

– Совершенно верно, пан президент, – льстиво улыбнулся во весь рот Министр обороны.

Зеленский уже потянулся за авторучкой, чтобы наверху плана размашистым почерком черкануть красными чернилами слово «утверждаю», как это делал до него один усатый вождь, но на полдороге почему-то притормозил, спрашивая, как бы между прочим:

– Кстати, там у вас что-то написано про ОЗХО и про какое-то заключение, данное им после анализов с места обстрела. Я, честно говоря, ничего не понял, но, насколько мне известно – ОЗХО это что-то, связанное с химическим оружием, не так ли?

– Вы правы, пан президент, – чуть замешкался с ответом Сергей Петрович. – Все дело в том, что в этот раз, обозленные на весь мир из-за утери своего кремлевского кукловода, сепаратисты, наплевав на все правила и нормы ведения войны, применили по мирным людям боеприпасы, снаряженные

нервнопаралитическим газом, типа зарин, что, в основном и привело к массовой гибели мирного населения.

– Вы с ума сошли, панове! – вскрикнул Зеленский, отбрасывая ручку подальше от себя. – В какую авантюру вы собираетесь втравить меня?! Оставьте меня в покое с вашими авантюрами и потрудитесь закрыть за собой дверь!

– Мы-то можем и уйти, закрыв за собой не только дверь, но и убрав охрану с вашего особняка, – зловеще прошипел Таран, – но тогда сюда придут Ярош и Билецкий со своими молодчиками. И что вы будете делать, оставшись с ними наедине?! Сколько минут вы проживете с вашей местечковой физиономией?

Лицо шестого президента сразу осунулось и посерело от страха. Видимо его богатое актерское воображение слишком ярко живописало анонсируемую встречу с нациками.

– Да не волнуйтесь вы так, уважаемый Владимир Александрович! Никто никого никуда не собирается втравливать! А уж тем более травить людей! – кинулся успокаивать обе рассорившиеся стороны Корнийчук.

– В таком случае, потрудитесь объяснить, что это все значит? – уже немного другим тоном спросил президент.

– Господи! – театрально закатив глаза, воскликнул Начштаба. – Мне ли, солдафону от макушки и до пят, объяснять, что-либо человеку, выигравшему президентский пост исключительно силой умело проведенной пиар компании?!

– Я ничего не понимаю! Скажите же толком, что и как вы

собираетесь делать?! – не то требовательно, не то просящее обратился он к генералам.

– Вам ли не понять, проведенному на сцене столько лет, что такое постановочный трюк?! – продолжал импровизировать Корнийчук.

– То есть, вы хотите сказать, что никакого реального применения химического оружия не будет, а все это будет специально разыграно перед мировой общественностью?! – уже начиная вникать в суть происходящего, проговорил Зеленский, сверкая глазами от будоражащей идеи и представляя себе картину будущего фарса.

– Ну, вообще-то абсолютно никакого применения химического оружия мы позволить себе не можем, – опуская того с небес на землю проворчал Начштаба. – Предъявлять представителям ОЗХО нам ведь надо что-то будет. Но обещаю вам, что это будет максимум один или два снаряда. Не больше. И настоящих жертв, соответственно будет человека два-три. Остальные будет подставными лицами, как это было в Сирии.

– А вообще без этого никак нельзя будет обойтись? – неуверенно спросил президент.

– Увы, никак! – представителям ОЗХО нужно будет предъявить реальный материал для дачи заключения. А уж они там распишут и раздуют все так, как будто тут начался настоящий Апокалипсис.

Хитрым еврейским нутром Зеленский чувствовал подвох

в словах своих генералов, но ему так хотелось побыстрее разделаться с непокорными шахтерами и при этом не замарать свое белые манжеты на рубашке. Он понимал, что подписав этот документ, рискует вместе с ним подписать себе и смертный приговор, по крайней мере, смертный для карьеры политика.

– А если я все же откажусь его подписывать? – осторожно косясь на формально подчиненных ему генералов.

– А вот этого никак нельзя, – злорадно вставил Министр обороны. – Мы должны выйти отсюда с подписанным планом, иначе я не смогу объяснить людям, почему президент не дал нам стопроцентный шанс для завершения войны. Да и трудно нам будет защитить вас от нападков националистов, которые уже завтра придут к вам требовать решительных действий. А они непременно придут, вот увидите.

Зеленский тянул время, лихорадочно перебирая в голове аргументы не дающие сделать ему роковой шаг.

– Вы представляете, что будет, если операция пойдет не так как задумано и жертв окажется больше? – испуганно округлив глаза, вопрошал он у обоих генералов. – Я ведь даже до Борисполя добежать не успею! Да и убежища мне никто не рискнет предоставить.

– Если что-то пойдет не так, то мы все не успеем добежать до Борисполя, – мрачно пообещал Таран.

– Зато, если все выгорит, – вмешался Корнийчук, – представьте себе, как поднимется волна народного гнева на про-

клятых сепаров и москалей?! Военкоматы будут ломиться от добровольцев, а не то, что сейчас. Мы сразу решим проблему кадрового голода, – уже мечтательно продолжил он.

Уже цепляясь, как за спасительную соломинку Зеленский вспомнил:

– А вы согласовали все детали операции с нашими заокеанскими друзьями?

– Разумеется, – как по команде закивали генералы.

– И что они вам на это сказали?

– В общем и целом одобрили, – опять дружно загудели в одну дуду соратники-генералы.

– А где тогда резолюция их представителя? – ляпнул, не подумав, президент.

– Не говорите глупости, Владимир Александрович, – поморщился Андрей Василевич. – Кто же будет ставить резолюции на документы внутреннего пользования иностранного государства?

– Не тяните, пан президент! – почти взвыл Корнийчук. – Вспомните, скольких ваших предшественников сгубила нерешительность на протяжении всей истории?! Судьба Украины в ваших руках! Войдите в историю на белом коне!

– В историю я уже вошел, – тихо и обреченно пробормотал президент, беря авторучку и подписывая бумаги, – мне теперь не помешало бы подумать, как из нее выбраться...

Глава 18

I

25 июня 2020 года, Россия, г. Москва, Фрунзенская набережная 22, здание МО РФ.

Проводив, в приподнятом настроении, гостей с Крайнего Севера, Афанасьев, хлопнул себя по лбу, будто вспомнил, что-то важное.

– Иваныч! Что ж мы, головы садовые, о главном-то позабыли?!

– Это о чем же?! – недоуменно и испуганно вскинулся Рудов.

– О Большой Государственной Печати! Ведь без нее все наши приказы нелегитимны!

– А-а-а! Вон ты о чем, – облегченно вздохнул Начальник Главного Оперативного управления. – А то я уж и вправду испугался. Думал, что важное позабыли. Оно, конечно, негоже долго оставлять атрибут власти без присмотра. Ну, так и мы сами, вроде как не совсем легитимны. Пока держимся даже не на народном авторитете, а на его растерянности. Да еще на Армии.

– Борисыч, – прогудел в селектор диктатор, – зайди-кось сюды. Дело до тебя.

– Ыы! – послышался бодрый голос адъютанта.

Не успел Афанасьев отжать кнопку громкой связи, как верный паладин, предстал пред ясные очи магистра крестноносцев, штурмующих стены Иерусалима. Паладин, что-то яростно дожевывал на ходу, делая судорожные глотательные движения. Король Ричард Львиное Сердце не стал его торопить, боясь, что в неумной прыти, тот просто подавится, поэтому, прежде чем отдавать приказ подождал, пока тот проглотит все, что успел напихать в рот. Ждать пришлось недолго.

– Борисыч, тебе опять задание. Бери там, кого из молодцов и дуй на Старую площадь к Голубеву Александру Михайловичу. Это начальник канцелярии президента. Возьмешь Большую Государственную Печать. Мандат себе на получение печати напишешь в приемной, быстренько. Я подпишу. Да не мешкай там, – напутствовал он Михайлова, пулей вылетевшего из кабинета.

– Пойдем, Сергей Иванович, посмотрим, что там накропал наш ГРЕХоводник, – скаламбурил Афанасьев и добавил, – время-то уж прошло, что ему отводили.

Они вышли из кабинета, и зашли в соседнее помещение. Грех под присмотром двух дюжих спецназовцев уже заканчивал свою писанину. Афанасьев подошел к столу и осторожно, двумя пальцами, словно использованный пипифакс, взял один из листов, испещренных мелким и убористым, совсем не мужским, почерком. Бегло пробежал глазами по

строчкам. Удовлетворенно поцокав языком хищно улыбнулся, при этом заметив:

– Ну, что ж, дружок, вполне неплохо. Если и дальше так пойдет, то глядишь и выцарапаешь себе всего червончик.

– Червончик это десять миллионов?! – с надеждой поднял на него глаза бывший госмагнат.

– Н-е-е-т, – ослабился Верховный, – это три тысячи шестьсот пятьдесят два дня курортного обслуживания в окрестностях Магадана, – и тут же поправился, – но это только в том случае, если твоя информация будет более интересной для нас, чем та, которую поведает господин Хосис.

Вспыхнувший было свет надежды, быстро померк в глазах банкира.

– А сейчас куда меня? – тусклым голосом спросил он.

– Куда-куда, – почесал лоб Афанасьев, – пока в Матросскую Тишину, а там видно будет: в суд или в расход.

– С уголовниками, значит, меня посадят?

– Да нет, пожалуй. Скорее всего, в одиночку. Вы у нас кадр дюже ценный, – смягчился диктатор.

– Да!?! – неизвестно чему обрадовался Грех. – А можно тогда ко мне и моего Тимошу? Я ведь видел, что его тоже арестовали.

– Какого еще Тимошу!?! – переглянулись генералы. – Не было там никакого Тимоши.

– Это моя секретарь-референт, – понизив взор, пролепетал Герман Оскарович.

– Эта наглая бабища – Тимоша?! – выпучил глаза Рудов. – Но как это так?!

– Он – транс, – тихим и просящим голосом пояснил арестованный.

– Это я сейчас буду в транс! – ударил себя кулаком в лоб Рудов, устремляясь вон из помещения.

– Стой, Иваныч! Ты куда?! – заорал ему вслед Афанасьев.

– В комнату спецсвязи. В Кубинку звонить. Может они еще не сели в самолет, – остановился он уже в коридоре.

– Так и что с того?! – недоуменно спросил Верховный.

– Ты что, не понимаешь?!

– Неа, – простодушно признался Валерий Васильевич.

– Ну как же?! – удивился очередной тупости своего начальника Рудов. – Сядут они в самолет. Лететь до Анадыря – двенадцать часов. В полете будет им скучно. Станут они к ней. Тьфу. К нему приставать. И окажется...

– Ну и что? – продолжал разыгрывать из себя непонимающего Афанасьев, пожимая плечами. Грех в недоумении переводил взгляд с одного генерала на другого.

– Да, как что?! Они же просто вышвырнут его через рампу с высоты девять километров!

– Нет! – тонко и с надрывом закричал Грех, в отчаянии закрывая руками лицо. Но на его вопль никто не обратил ни малейшего внимания.

– Побрезгуют прикоснуться, – скривился Афанасьев.

– Да?! Ты думаешь? – неуверенно произнес Рудов. Дик-

татор кивнул. – Ну, все равно, как-то нехорошо получится с мэром Анадыря. Я-то пообещал помочь бедолаге, а тут этакая промашка вышла. Нехорошо. Подумает, что я над ним насмехаюсь. Обидится.

– Не заморачивайся, Иваныч, – отмахнулся он от Рудова. – Ничего он не обидится. Может наоборот ему понравится? Все ж, какое-никакое разнообразие.

– Ты так думаешь?

– Уверен. Лучше пойдем, перекусим. А то уже время к вечеру, а я только утром пожрал, в застенках у Костюченкова. А ты, так и вовсе со вчерашнего вечера не евши.

– Да, надо бы, – согласился Сергей Иванович, – а то коньяк да на голодный желудок, при моей печени, не очень-то хорошо ложится.

– Вот-вот, – подхватил его мысль Афанасьев, увлекая за собой, – достигли мы с тобой высшей власти, а вот уже второй день, как бегаем голодные.

В дверях остановился и, обернувшись к охранникам, велел:

– Вы, ребята, заканчивайте тут с эпистолярным жанром, да сопроводите клиента под белые руки в Матроску, а там сдайте под расписку. Расписку потом отдадите в секретариат МО.

С этим они и вышли в коридор, где их тут же перехватил Михайлов с оформленным мандатом. Подписав бумагу, на которой стояла печать Генштаба, приложив ее к стене, важ-

но и не торопясь прошествовал в родную столовую своего министерства. До встречи с Юрьевым было еще около часа, можно было не торопясь заморить червячка. «Тень» с вкусной фамилией неотступно следовала за ними.

Несмотря на то, что дело уже шло к вечеру, народу в столовой было много. Масок никто не носил, хоть на двери столовой и висело грозное предупреждение, что те, кто не надел маску обслуживаться не будут. В этой столовой Афанасьев был не частым гостем. Он предпочитал свою, родную генштабовскую столовую, поэтому не сразу отыскал глазами специальный, на случай таких нечастых посещений столик. Среди офицеров чувствовалась суета и легкая нервозность, то и дело прорывавшаяся в краткую перебранку с девушками из числа вольнонаемного персонала, стоящими на раздаче. Впрочем, блюдя негласную субординацию, зарезервированный столик генерала армии, стоящий в самом дальнем от входа углу, никто занимать, не посмел. Туда они и прошли с Рудовым, словно авианосец с линкором, раздвигая по пути форштевнями свору китайских джонок в Малаккском проливе. К раздаче не пошли, а пользуясь начальственными привилегиями, сели и стали ожидать кого-нибудь из официанток. Все ж, диктатор с замом, а не хухры-мухры. Коржик не решился нарушать обеденного уединения генералов, поэтому скромно прошел вперед и занял очередь у раздаточной. Сверх всякой меры накрашенная, так что было не понять ее истинного возраста, девица не замедлила пред-

стать пред очи главы одной седьмой части суши и его правой руки. Недовольно покрутив носом на официантку, некстати вспомнилась, чертова Тимоша, Рудов вздохнул, спрашивая у Верховного, словно возвращаясь к прерванному разговору:

– Так говорите, Валерий Васильевич, сегодня у нас понедельник?

– Да, Сергей Иванович, – притворно вздохнул тот, соглашаясь, – стало быть, солянка, макароны по-флотски и салат летний, – констатировал он, причмокивая при этом. (Вопреки досужим домыслам, меню Министерства обороны не страдало разнообразием по распоряжению покойного министра. Хорошо, как в ресторане, кормили только служащих Национального центра управления обороной, но у них была своя столовая).

– Вообще-то у нас четыре вида салата, – решила вдруг обидеться девица, проявляя корпоративную солидарность, – «Мужской каприз», «Мимоза» и «Цезарь».

– Нет-нет, – поспешил прервать ее Афанасьев, с нас сегодня уже достаточно мужских капризов. Давайте уж традиционное.

– Еще каша гречневая с молоком.

– Я уже ел сегодня молочный суп, все урчит внутри, стыдно даже перед людьми, – буркнул Верховный.

– И я тогда не буду. Компот нам еще. Два, – сказал Рудов, глядя на кивающего Афанасьева.

– Из сухофруктов, – предупредила та.

– В курсе, – поддержал ее Сергей Иванович, но без энтузиазма.

– Не знаешь, Иваныч, здесь на вынос дают, или как? – тихо поинтересовался Афанасьев у своего зама. – А то я никогда этим раньше не пользовался, все как-то домашним обходилось.

– Да ты что, Валерий Василич? А что же супруга-то? – раскрыл в удивлении рот Сергей Иванович, аккуратно расстилая на коленях салфетку. Афанасьев только рукой махнул, не желая вдаваться в подробности семейной драмы. Сказал только:

– Она со старшей дочерью еще утром ушли на ее квартиру. А мы вот с младшей, – при упоминании младшей дочери, нотки его голоса заметно потеплели, – тоже решили вернуться в мою ведомственную. Она сейчас договорилась о перевозке кое-чего из мебели, поэтому не знаю, успеет что-нибудь приготовить на ужин или нет. Мы уж там почти год не появлялись, значит, холодильник, как минимум пустой стоит, – пояснил он Рудову, глядя как тот, молча, недоумеваает по поводу распри в семье Верховного.

– Ладно. Сейчас официантка подойдет, у ней и спросим, – подсказал выход из ситуации Рудов.

Однако первой подошла не официантка. Соседний стул неожиданно скрипнул под величавой фигурой Тучкова.

– Вот вы где?! А я вас уже обыскался. Кого ни спрошу, никто не знает. Ну, думаю, не иначе как в столовой спрята-

лись от дел государственных, – бесцеремонно вломился он в чужую беседу.

– Опять пришел аппетит портить? – недовольно буркнул диктатор. – У вас, Николай Палыч, это прямо уже в привычку входит.

– Кто ж виноват, что вас можно найти только здесь?! – парировал тот, нисколько не смущаясь. – Вы уже сделали заказ?

Ответ на его вопрос предвосхитила официантка, подкатившая к столику тележку с тарелками. Мужчины тут же не стовариваясь, стали ей помогать в разгрузке. Взглядом опытного едока, Тучков оглядел содержимое и, крикнув, не то одобрительно, не то пренебрежительно, произнес, обращаясь к ней:

– Девушка, мне того же, что и этим двум суровым генералам, только, если можно, две порции компота?!

Одет он был, как всегда, в штатское, поэтому официантка, привыкшая к мундирам военных, с подозрением взглянула на того, кто так нагло уселся за столик Начштаба, да еще и требует его обслужить. Но перечить не стала, а перевела вопрошающий взор на Афанасьева, как бы прося удостовериться полномочия этого красавца. Тот кивнул, не глядя на нее, а сосредотачиваясь на первом.

– Хорошо. Минутку, – без эмоций ответила та, увозя за собой тележку.

– Вы, Николай Палыч, наверняка к нам с какими-нибудь

нехорошими известиями? – поинтересовался Рудов аккуратно, по аристократически, отламывая кусочек хлеба и зачерпывая ложкой солянку.

– Почему сразу с нехорошими? – попробовал обидеться Тучков.

– Потому что хорошие вести, с недавних пор, к нам приходят только с полей во время сбора урожая, – ехидно заметил Иваныч. – А вы у нас, помнится, совсем по другой части.

– Ладно. Чего уж там, говорите, – буркнул Афанасьев, опуская ложку в пахучее варево и невольно жмурясь от удовольствия.

– Пока я тут, пользуясь гостеприимством Минобороны, проводил экспресс-допрос милейшего господина Хосиса, нити предательства в государственном масштабе от которого ведут на самый верх, мне принесли видеозапись с камер внутреннего наблюдения «зеленой» зоны Шереметьево-2, – сказал Тучков и замолчал, ожидая реакцию. Афанасьев никак не отреагировал, наслаждаясь солянкой, а Рудов вопросительно уставился на говорившего, так как был не в курсе последних событий.

– Товарищи, – взмолился он, – я, кажется, что-то упустил. Не просветите ли?

– Вдовенко нашли еще вчера. В Шереметьево-2. Загрированного и с ирландским паспортом, – коротко пояснил Афанасьев, все также не поднимая головы от тарелки.

– Замечательно!

– Убитого, – прервал восторг Рудова Тучков.

– Ухайдакали, христопродавца! – воскликнул он так, что на них стали пристально обращать внимание сидящие за соседними столиками.

– Подельники, а вернее хозяева, заматают следы, – поморщился Тучков, не любивший, по профессиональной привычке излишнего внимания к своей персоне.

– Да-да, – спохватился Рудов и уже пониженным голосом продолжил, – говорите-говорите, мы вас внимательно слушаем.

В это время опять покатила свою тележку та же самая официантка, и рассказ пришлось прервать на некоторое время. Когда она вновь удалилась, виляя бедрами, так что по столовой пронесся ветерок под восхищенные взгляды военных, Афанасьев заметил, как бы, между прочим, отодвигая уже пустую тарелку и придвигая к себе макароны:

– А мы, с тобой, Иваныч, на этой бирже уже не котируемся. Перед нами она так своими телесами не крутила.

– Увы, – вздохнул Рудов, одновременно налегая на свою порцию и просяще заглядывая в глаза эфэсбэшнику, никак не отреагировавшему на ее столь явные знаки внимания.

– Так, вот, – продолжил тот, впившись зубами в хлебную горбушку, явно не заботясь о том, как будет говорить с набитым ртом, – камеры зафиксировали все, что происходило в зале ожидания и в частности, что происходило вокруг этого гада.

Быстренько опрокинув в себя пару ложек, он покачал головой, затем схватив со стола перечницу, начал трясти ее над тарелкой, не прерывая при этом своего повествования:

– В общем, ничего особенного, на первый взгляд, кроме одного момента. Сначала перед ним, а потом за его спиной, пока он сидел, в нервном ожидании чартера, туда – сюда прошла фигура неизвестного. Причем, за его спиной она задержалась на пару секунд, вроде бы что-то рассматривая в своем смартфоне. Наши спецы сделали увеличение и синхронизацию, взяв одновременно фигуру неизвестного и Вдовенко. Синхронизация кадров показала, что во время остановки неизвестного за спиной у фэсэошника, черты лица того, вдруг обмякли и застыли, что говорит о произведенном выстреле ампулой с инъекцией.

Все это он проговорил, виртуозно орудуя ложкой. Рудов, не привыкший к подобной манере изложения событий, зачарованно смотрел прямо в рот Тучкову, чисто на автомате поднося ложку к своему рту. Николай Павлович, за время произнесения этой тирады умудрился опорожнить тарелку с первым и уже наматывал на вилку приличную порцию макарон. Афанасьев тоже не любил долго рассиживаться за столом, поэтому, покончив со вторым, приступил к салату. А Тучков, меж тем, продолжал информировать вполголоса:

– Мы скоренько выяснили, кому принадлежит фигура неизвестного киллера...

– Так уж сразу и выявили? – усомнился Афанасьев.

– Представьте себе, Валерий Васильевич, IT-технологии не стоят на месте. И я рад вам сообщить, что в этом деле явный приоритет за нашими программистами. Наша программа распознавания лиц в толпе FindFace, признана лучшей в мире и уже получила широкое распространение среди профессиональных пользователей.

– Ладно-ладно, сдаюсь, – проворчал благодушно диктатор. – Так, что она там установила, эта ваша программа?

– А она установила, – произнес Тучков, запихивая в рот макароны, – что фигура сия принадлежит гражданину Российской Федерации – сорока двух летнему Рахлину Роману Яковлевичу, хотя тот и сделал все, чтобы его не узнали: нацепил очки, приклеил фальшивую бородку и усы. И даже постарался надвинуть шляпу до самых бровей, в этакую-то жару.

Генералы переглянулись и дружно пожали плечами. Это имя им ни о чем не говорило.

– Кто это? – спросил Верховный, отрываясь от салата.

– Роман Яковлевич является директором и владельцем небольшой фирмы по разливу и розничной доставке минеральной воды для бытовых нужд населения и небольших организаций.

Генералы опять, как по команде пожали плечами.

– Не интригуйте, Николай Палыч, – погрозил ему Афанасьев указательным пальцем, – выкладывайте все, что у вас там в заглавнике.

– Хорошо, – притворно вздохнул наследник Скуратова-Бельского. – Мы выяснили, что среди клиентов его фирмы значится ни больше, ни меньше, как само посольство Соединенных Штатов Америки.

– О, как! – вскинул брови Афанасьев. – Это ж-ж, неспроста!⁷⁸ Пиндосы не те люди, которые отдают подряды, кому попало. Да еще и связанные с такой для них чувствительной сферой, как поставки в посольство пищевых продуктов.

– Вот именно, – согласно кивнул Тучков.

– Это хорошая ниточка, которая может вывести нас на истинных заказчиков теракта. Я надеюсь, что его уже задержали? – с живостью поинтересовался Верховный.

– Увы, нет, – стушевался Николай Павлович. – На работу он сегодня не вышел. Дома не ночевал, как нам поведала его супруга, нисколько не переживая из-за его отсутствия.

– Почему? – спросили в один голос генералы.

– Она сказала, что он довольно часто отлучается из дома по делам фирмы на день или два.

– Ясно, – скривился Афанасьев, – как я и предполагал утром, он либо сам залег, либо его уже залегли. Жаль, конечно. Этот тип был бы нам как никогда нужен сейчас.

– Мы установили плотное негласное наблюдение за его домом и офисом, – сказал Тучков, сглатывая последние остатки макарон.

---

⁷⁸ «Это ж-ж, неспроста!» – фраза позаимствованная из мультфильма «Винни-Пух и все, все, все».

– Рассчитывать на это не стоит, – махнул рукой Афанасьев. – Считайте, что эта ниточка уже оборвана.

– У нас есть еще одна, – загадочно ухмыльнулся Тучков.

– Да, знаю-знаю, – опять отмахнулся Верховный. – Святая троица – Ведмедев, Володихин и Матвейчева?

Дождавшись утвердительного кивка, продолжил, уже отхлебывая компот:

– Вы там с ними поосторожнее, – предостерег он. – Не переусердствуйте, а то знаю я вашу контору. Они мне для показательного судебного процесса нужны свеженькими, как огурчики. Они уже дают показания?

– Вы уже предупреждали, я помню. Не волнуйтесь, Валерий Васильевич, все будет как в лучших домах Старого и Нового Света. А насчет показаний, то да, дают. Соловьями заливаются. Но это отдельная тема для разговора. Я доложу об этом позднее. Так же доложу и о допросе своего непосредственного начальника.

– Глаз да глаз. Учтите. О том, что эта шестерка является последней ниточкой, знаем не только мы, но и их кураторы из-за лужи.

– Само собой. Ни на одну секунду не оставляем их без присмотра. И даже пищу проверяем, перед тем как им дать, – деловито согласился «лазоревый».⁷⁹

Пока длился этот диалог, Рудов спешно уплетал уже по-

---

⁷⁹ В народе так называли представителей корпуса жандармов, по цвету их мундиров.

рядком остывшие макароны. Видя, как тот торопится и давится из последних сил, Афанасьев участливо заметил ему:

– Да не спеши ты так, Иваныч, время еще есть. Успеешь.

И чтобы дать время другу спокойно закончить трапезу, резко перевел разговор на другую тему:

– Николай Палыч, ты там не в курсе, как прошла проверка Костюченкова и Барышева?

– В общих чертах, – ответил Тучков, подозрительно ковыряясь вилкой в салате. – Ничего нового по сравнению с прошлым годом. Все в пределах приличий – кумовство, превышение должностных полномочий, «крышевание» и прочие мелочи. Это у Костюченкова.

– А у Барышева какие-то иные прегрешения? – выгнул бровь Афанасьев.

– У него всегда были иные показатели. Но об этом не здесь.

– Интересно-интересно, – засопел Верховный. – Нам через полчаса надо уже будет собирать первый Президиум, а я еще не все знаю о своих будущих соратниках или паче того – подельниках. Тем более, на Барышева у меня имеются особые виды.

– Он сам вам все расскажет, Валерий Васильевич, не волнуйтесь. Там, в принципе, ничего такого уж страшного нет, – сказал Тучков, добавляя интриги.

– Ладно, – не стал спорить Верховный, – подождем, что нам скажет сам Дмитрий Аркадьевич. А Булдаков? Что с

ним? – вспомнил он вдруг о Начтыла.

– Тоже вроде бы ничего. Все, что он вчера поведал нам, проверка подтвердила. Других эпизодов с контактами из-за бугра не отмечено. В принципе, к допуску в Высший Совет годен. Хотя, конечно, побеседовать с ним еще нужно будет, как следует, на предмет контригры, но это уже частности.

– А ты, Николай Палыч, что ж салатик-то не стал, есть, а только все по тарелке раскидал? – спросил, обрадованный благополучным исходом дела с Булдаковым Афанасьев.

– Да ну его к черту, этот ваш салатик, – отмахнулся жан-дарм, – вялый он какой-то, заветривавшийся. И вообще, кормежка тут у вас, скажу я честно, так себе. Я-то думал, что после прошлогодних указов о повышении финансирования на содержание будет хоть на столах что-нибудь попрличнее, а тут...

– Указы касались строевых частей, – подал голос Рудов.

– И Росгвардии, – недовольно хрюкнул Афанасьев. – А общее финансирование Армии сократили, так что пришлось отказаться от многих образцов техники, запланированных к принятию на вооружение.

– Кстати, о Росгвардии, – ухватился за интересную для него тему Тучков, – вам не кажется обидным, что слово «гвардия», насколько я помню, означает дословно с итальянского «отборный отряд по охране знамени», несколько не подходит для «вертухаев». ⁸⁰

---

⁸⁰ На уголовном жаргоне означает – охранник на вышке в местах заключения.

От неожиданности Афанасьев, пивший компот прыснул, нечаянно оросив мелкими каплями пиджак эфэсбэшника.

– Ну и сравненьица у вас, Николай Палыч! – улыбаясь, покачал он головой, при этом полностью соглашаясь с мнением сотрапезника.

– В России, – продолжил тем временем Тучков тихим, но недовольным голосом, – и вы это прекрасно знаете сами, звание гвардейца получали либо аристократы – по рождению, либо воинские части – за особо выдающиеся действия в боевой обстановке. А присвоение охранным подразделениям, заточенным на разгон несанкционированных митингов и тюремных бунтов, звания в котором присутствует это священное для русского офицера слово, только оскорбляет память о пролитой крови на полях сражений.

– Да уж, – неопределенно хмыкнул Валерий Васильевич.

– Да чего там говорить?! – ковал железо пока горячо Тучков. – Вы вон вчера сами смогли убедиться, что собой представляет командование этой организации. А уж в скольких скандалах успели поучаствовать эти новые «опричники» с тех пор как им были дарованы почти неограниченные полномочия, и не перечислить.

– У вас имеются какие-то конкретные предложения по данному поводу? – спросил Рудов, успевший к этому времени покончить и с салатом и с компотом.

– Да, – кивнул Тучков. – Во-первых, вернуть прежнее

название «Держинцам»⁸¹ – «внутренние войска», чем они и являются в действительности. Во-вторых, лишить их самостоятельности, а то больно много воли взяли себе: шире грязь – навоз плывет. Ну и в-третьих, вернуть их в подчинение Министерства внутренних дел..., – сделал он короткую паузу, а затем решительно тряхнув головой решил идти до конца. – А лучше всего – отдайте их мне.

При этих словах он потупил взор и зарделся от накатившего смущения пунцовым цветом, что выдавало в нем соvestливого романтика.

– Экий, вы, скромняга, как я погляжу! Вы у меня еще попросите памятник Держинскому вернуть на Лубянку! – делая вид, что крайне удивился данному предложению Афанасьев, хотя в душе ждал чего-то именно в этом духе. – Да на кой ляд вам эта махновская орда?!

– Насчет памятника – идея хорошая. Я только – за! А, что касается орды, то ни на кой она мне не сдалась! – согласился он с Афанасьевым. – Процентом этак девяносто просто разгону или сплавлю туда, куда им самое место – во ФСИН,⁸² а остальных оставлю и поднаберу к ним новых.

– Хмм, – поджал губы Верховный, – что-то я вас батенька не пойму. Вы что же, одних преторианцев⁸³ решили сменить

---

⁸¹ Костяк московской Росгвардии составила дивизия внутренних войск им Ф.Э.Держинского.

⁸² Федеральная служба исполнения наказаний.

⁸³ Преторианцы – гвардия римских цезарей служившая в республиканский пе-

на других?

– Ну, я бы не стал это быдло называть преторианцами, – возразил Тучков, как более подкованный в исторической терминологии. – Под это понятие лучше подходят «лютиковцы». А вот, что касается всего остального, то скажу прямо. Времена и так-то были у нас непростые, а сейчас и подавно – грядут суровые. Сами, небось, догадываетесь, что нас сейчас начнут расшатывать как снаружи, так и изнутри. А при слове «кавказ» у меня вообще начинается нервный тик. Превжний-то наш, царствие ему, то ли небесное, то ли еще какое, макушки посшибал в сортире, как и обещал, а вот корешки-то не тронул. Побоялся видно. Вот они и дали обильную поросль, которая нам не сегодня, так завтра еще аукнется. Так что, сами понимаете, мне одними оперативниками – никак не управиться. Нужно радикальное усиление именно силового блока.

– Нда, – побарабанил по столу пальцами Верховный, – и хотел бы с вами поспорить, да не могу. Вы правы, Николай Палыч, к сожалению. Вы уже делились с кем-нибудь своими соображениями?

– Да. С Дмитрием Аркадьевичем и Игорем Олеговичем в частных беседах еще задолго до нынешних событий.

– И каково их мнение?

– Они вполне разделяют мои опасения и одобряют идею об усилении ударной составляющей ФСБ.

– Понятно – кивнул головой Верховный.

– Ну, так что!?! – в нетерпении привстал со стола застенчивый проситель.

– Вопрос слишком важный, чтобы мы его могли принять в кругу Президиума. Да и не хочется с первого же дня начинать правление с чисто волюнтаристических решений. Вот послезавтра наши генералы малость очухаются от головомойки, и мы в четверг вынесем этот вопрос на всеобщее обсуждение Высшего Военного Совета. И я обещаю вам, что решительным образом поддержу высказанную вами инициативу.

– Значит, мне остается только напомнить вам об этом к четвергу? – с надеждой спросил Тучков.

– Нет, – помотал головой Афанасьев. – Напоминать не надо. Это не тот вопрос, о котором можно забыть, тем более за пару дней. Но и вы не сидите, сложа руки в ожидании. За это время подготовьте к заседанию кратенькую справочку о моральном разложении в рядах Росгвардии с цифрами и наиболее вопиющими фактами, а так же ваше видение сложившейся ситуации внутри государства. А я уж на волне всего этого и предложу вам, как поднявшему эту животрепещущую тему принять на себя нелегкую обязанность по укреплению силовых структур службы безопасности.

– Не очень-то нас любят в генералитете, – начал было сомневаться жандарм. – Скажут, мол, типа опять «ежовщи-

на»,⁸⁴ да «бериевщина» поднимает голову.

– Не скажут. Ваш личный авторитет в офицерском корпусе не вызывает никаких сомнений в порядочности и профессионализме. Да и незапятнанная репутация предков чего-то, да стоит. Даже в наше подлое время.

Верховный поискал глазами циферблат настенных часов и встал из-за стола:

– Идемте, нам уже пора, скоро придет Юрьев.

– Ты же хотел спросить у официантки, можно ли взять с собой на вынос, – вспомнил Рудов, вставая вместе с главнокомандующим.

– Да, ладно, недосуг, Настька у меня девка смышленная – сварганит что-нибудь из подручного, – махнул тот неопределенно рукой и первым направился к выходу. Из-за соседнего столика тут же поднялся Коржик. Неизвестно, успел он поесть или нет, но он, ничуть не мешкая, молчаливой тенью проследовал за тремя генералами.

---

⁸⁴ Термин современной историографии, характеризующий период наиболее массовых политических репрессий в СССР 1937–1938 годов.

II

После не слишком изысканного, но довольно сытного обеда карабкаться по ступеням на этаж, где находился так называемый «малый» кабинет Министра обороны, не хотелось никому, поэтому, не сговариваясь, все дружно направились к лифту. Выйдя из лифта и пройдя немного по коридору, четверка оказалась возле массивной двустворчатой двери из мореного дуба и скромной медной табличкой с надписью «Приёмная». Открыв тяжеленую дверь, потянув за бронзовую ручку, они оказались в небольшой комнате, служащей приемной. Слева и справа от входа располагались двери, ведущие в большой и малый кабинеты. Напротив окна стоял большой стол секретаря, как и положено уставленный кучей телефонных аппаратов и иной спецтехникой, включающей ЖК-монитор мощного сервака, работу кулера которого было слышно от порога. За столом в позе императрицы, ожидающей подобострастных придворных, восседала жгучая брюнетка возраста около тридцати лет с полковничьими погонами на плечах (любил, черт возьми, покойный министр раздавать высокие воинские звания своим пассиям). Кроме нее в приемной уже были двое – Костюченков, в парадном адмиральском мундире и Барышев, как всегда в штатском. При появлении Верховного с сопровождающими, они как по команде вскочили со стульев, где до этого скромно сидели в

ожидании начальства и вытянулись в позе приветствия, хотя уже и виделись сегодня. Секретарша осталась сидеть на месте, не шевельнув даже бровью. Эта ее выходка порядком разозлила, в общем-то, не сердитого Начальника Генштаба.

– Вас, девушка, разве не учили, что положено вставать при появлении старшего не только по годам, но и по званию?! – сделал он ей строгое замечание, поджимая губы в нитку от накотившего недовольства. – Или Устав не для вас писан?!

Та, немного растерявшись от «наезда», потому как в силу своего хоть и неофициального, но все же устойчивого положения при прежнем начальстве не привыкла к такому обращению с собой, чуть помедлив, встала, приняв гордый и независимый вид. «Глупая курица, – подумал про себя Афанасьев. – Она так до сих пор и не поняла, что ее всесильного хозяина больше нет».

– Давно ждете? – спросил он и встречающих и, не дожидаясь ответов продолжил. – А мы тут пока в столовой решили отобедать. Проходите, товарищи.

С этими словами он любезно открыл, обитую белой кожей дверь, ведущую в «малый» кабинет, пропуская вперед своих соратников на правах временного хозяина, и лишь потом зашел сам, закрывая за собой дверь. Коржик остался в приемной, мирно дожидаться конца совещания.

«Малый» кабинет в отличие от своего собрата, предназначенного не только для работы министра, но и для совещаний в расширенном кругу, был уютен и служил местом, где про-

водились и принимались решения в узком составе. Его менее официальная обстановка, дополненная кроме уже имеющегося стола самого министра, небольшим круглым столом на шесть персон со столешницей щедро инкрустированной уральскими поделочными камнями, более мягкими креслами, холодильником и баром с коллекцией элитных напитков, настраивала посетителей на общение в более свободном, чем обычно стиле. На стенах, задрапированных шелковыми обоями зеленого цвета, стараниями еще маршала Сергеева, висели портреты русских военачальников, так сказать из «второго» ряда, чьи лица может узнать далеко не каждый обыватель, но значение в истории России которых было в свое время недооценено и забыто неблагодарными потомками. Афанасьев любовно окинул взглядом когорту полководцев. Те же, в свою очередь взирали на него. Тут были и генерал-фельдмаршал Петр Семенович Салтыков – обессмертивший свое имя в «семилетней»⁸⁵ войне, но несправедливо подзабытый потомками, генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин – оболганный досужими сплетниками автор военной реформы русской армии, генерал от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров – по мнению специалистов, спасший нашу армию во время сражения под Бородино и от того, преданный забвению, инженер-генерал Эдуард Иванович Тотлебен – по сути руководивший обороной

---

⁸⁵ Семилетняя война (1756–1763) – один из самых масштабных конфликтов XVIII века в Европе.

Севастополя во время Крымской войны и генерал-лейтенант Роман Исидорович Кондратенко – герой обороны Порт-Артура. Афанасьеву на миг даже показалось, что лица с портретов смотрят на него в каком-то немом ожидании и даже сомнении, как бы оценивая его способности к руководству державой, оставленной ему славными предками.

– Располагайтесь, товарищи, – указал он жестом на кресла, вокруг стола. Дождавшись, когда все рассядутся сел и сам, сложив руки на подлокотники и приятно ощущая задним местом мягкость и удобство мебели. – Это наше первое заседание Президиума, пока еще не в полном составе, но надеюсь, что по итогам нашего совещания и проверки, вакантное место Министра обороны будет занято достойным представителем имя которого – Борис Иванович Юрьев. Предварительную беседу, как и обещано, было мной накануне, я и провел с ним сегодня утром, предложив ему этот пост.

– Он сразу согласился? – быстро спросил Игорь Олегович.

– Да, – улыбнулся Афанасьев. – Произошла утечка, как всегда, и он уже знал, что я ему вот-вот позвоню.

– Утечка произошла с моей стороны, – признался Костюченков. – Мы с ним соседи по лестничной клетке. И вчера, возвращаясь с заседания Высшего Совета, встретившись с ним в полуэтаже, счел для себя возможным намекнуть ему о сегодняшнем кастинге на этот пост.

– Ну и хорошо, значит, у него была впереди целая ночь, чтобы как следует все обдумать, – не стал сердиться Верхов-

ный на военного разведчика. – Но у нас до его прихода есть еще десять минут, а поэтому я хотел бы воспользоваться вынужденной паузой и поинтересоваться у вас, Дмитрий Аркадьевич, что за особенности вашей биографии выявила сегодняшняя проверка? А то я, как вы наверно уже заметили, не присутствовал на ваших откровениях.

– Как и у всех, все ordinarily, – расцвел застенчивой улыбкой, опять плохо выбритый Барышев. – Кумовство, протекционизм, семейственность, крышевание и так далее.

– А из неординарного? – не успокаивался упрямый, как носорог Афанасьев.

– Ничего особенного, – несколько не смутился Барышев. – Просто внесудебные расправы.

– Э-э-э, как это? – не сразу понял его Верховный. – Рукоприкладство с подчиненными, что ли?

– Кабы так! – хохотнул Тучков. – Словосочетание «рыцарь плаща и кинжала» наиболее точно характеризует нашего дорогого Дмитрия Аркадьевича.

– Ага! – наконец смекнул Верховный. – Тайные акции за рубежом, о деталях которых нам лучше не знать для сохранения сна и аппетита.

Барышев лишь утвердительно кивнул, не желая, по-видимому, далее распространяться на эту скользкую тему.

– Ну, что ж, – покряхтел Валерий Васильевич в своем кресле, – хоть мы с Сергеем Ивановичем, так скажем, люди старой формации, воспитанные на идеалах коммунистиче-

ского гуманизма, однако вынуждены, ничего не поделаешь, шагать в ногу со всем мировым сообществом. А значит, и методы, применяемые нашими эвентуальными противниками должны принимать и перенимать, ибо, как гласит латинская поговорка «homo homini – lupus est».⁸⁶

– Что означает «человек человеку – товарищ, брат и пища», – гыгыкнул Рудов, который сам всегда был готов к подобным методам воздействия на противника, если не было иного выхода.

– Да, – согласился с вольным переводом Афанасьев, – и я даже почему-то уверен, что в скором времени нам придется действовать и в таком ключе. Ну да, ладно. К этому мы впоследствии еще вернемся и не единожды. Меня сейчас интересует вопрос о наличии ваших Дмитрий Аркадьевич, финансово-имущественных прегрешений. Мы-то грешны, ничего не попишешь, признаюсь, ну да вы и сами все знаете. А вот как с этим делом обстоит у вас? И я это спрашиваю отнюдь не из мещанского любопытства.

– Этот вопрос тоже лучше задать Николаю Павловичу, – перевел «стрелки» Барышев на Тучкова.

– С точки зрения любителя покопаться в чужом грязном белье – абсолютный, я бы даже сказал, феноменальный ноль. Ни одной казенной копейки не прилипло к рукам Дмитрия Аркадьевича, что само по себе можно смело записать в разряд уникальных явлений нашего времени.

---

⁸⁶ Человек человеку – волк.

– Абсолютно здоровых людей нет. Есть недообследованные, – тихо проронил Костюченков, небеспочвенно считавший Службу Внешней Разведки своей соперницей и потому всегда ревниво относившийся к любым ее тихим успехам. Но к его чести, никогда не применявший подлых приемов по отношению к соперничающей с ГРУ службой.

– И, тем не менее, это факт, заслуживающий внесения в книгу рекордов Гиннеса, – не поддержал Игоря Олеговича врио директора ФСБ.

В эти секунды Афанасьеву как никогда было приятно лицезреть неподдельный румянец смущения на лице разведчика, руки которого, как мимоходом было отмечено, были по локоть в крови. Но в крови отъявленных врагов России, «а это уже пусть учитывают в небесной канцелярии, но не мы» – с умилением подумал Афанасьев.

– Вы, Николай Палыч, и представить себе не можете какую приятную информацию для меня, для вас и для всей страны сейчас обнародовали в узком кругу, – произнес Верховный не отрывая взгляда, от смутившегося вконец Барышева. – Принести известие о том, что человек, по сути, контролирующий и управляющий совокупными материальными и интеллектуальными активами сопоставимыми с не одним годовым бюджетом нашей страны не страдает kleptomанией, это я вам скажу, дорогого стоит.

(Тут Афанасьев был прав на все сто процентов. Издавна так повелось, что всеми активами и финансовыми потоками

занимался всегда кто-то из первых заместителей начальника Службы Внешней Разведки, выращенный и выпестованный самой службой, а не ее руководитель, зачастую непрофессионал и назначаемый со стороны).

Впрочем, эта информация никого из присутствующих не удивила, потому что, так или иначе все они знали, хоть и понаслышке, что еще со времен «лучшего друга физкультурников» советская власть в лице своих спецслужб, действующих за границей, занималась скупкой наиболее перспективных с ее точки зрения активов. И эта ее тихая и кропотливая деятельность не прекращалась ни на минуту. Через подставных физических и юридических лиц, а зачастую и самих резидентов приобреталась недвижимость, кампании и даже концерны, акции, патенты и все что могло бы пригодиться стране, только что пережившей бойню Второй мировой войны. Это только в учебниках для советских граждан с чистой и ничем не замутненной совестью писалось об ужасах и антинародности капиталистического строя. На самом же деле те, кто напрямую или негласно управлял зарубежными активами Советского Союза были прожженными империалистами до мозга костей, акулами капитализма, почище доморощенных и в чем-то даже наивных представителей западного истеблишмента. И все это работало, росло, развивалось и приносило доход. Многие хотели попасть на этом поле, как наши бестолковые правители, так и заграничные структуры, втайне управляющие миром через свои полуофици-

альные органы, как «трехсторонняя комиссия», «совет трехсот», либо же «братство иллюминатов». Но наследники настоящих советских чекистов свято берегли тайну доверенных им несметных богатств. Гораздо тщательнее, чем катары берегли тайну чаши Грааля или те же самые ортодоксальные иудеи свой Ковчег Завета. К слову сказать, пресловутое «золото партии», вокруг которого в начале девяностых было сломано множество копий, оцениваемое приблизительно в сто восемьдесят миллиардов «жабьих шкурок», по сравнению с тем, чем владела СВР, представляло из себя настолько незначительную сумму, что чекисты даже не стали цепляться за эти крохи, спустив дело на самотек, никак не препятствуя его огласке. Тем более, что это было не их золото, а золото, полученное Советским Союзом вполне легально – за счет продажи в Европу нефти и газа с месторождений Уренгоя. Один из видных экономистов, в свое время приближенный к эсвээровским кругам и допущенный до небольшой порции сведений в кругу своих близких как-то проговорился, что совокупные состояния кланов Финка и Баруха, у которых, кстати, Ротшильды и Рокфеллеры служат мальчишками на побегушках, выглядят весьма блекло на фоне активов контролируемых советскими (российскими) разведчиками. После этого видный экономист просто пропал. Исчез, как будто и не бывал на свете. И имя его как-то быстро все забыли. Один раз, правда, над этими сокровищами нависла, было, нешуточная опасность рассекречивания.

Это когда в разгар дефолта, вечно пьяный президент очнулся на миг от пребывания в алкогольном бреду и потребовал отдать ему в распоряжение все накопленное непосильным трудом, включая «два магнитофона, две куртки замшевых и двух золотых портсигаров», то все помнят, чем это для него закончилось. А кончилось сакраментальным – «я устал, я ухожу». Его оставили в живых – вопреки традиции. Но ненадолго. Такие выходки прощать не положено. В конце концов, через непродолжительное время он подох, захлебнувшись в туалете собственной рвотной массой. А его сменил на этом посту, который все-таки поддерживал со своей головой дружеские отношения, уже не посмел даже заикаться о чем-то подобном. Однако, несмотря на всю «крутость» и таинственность «промышленно-финансового комитета» при СВР, была в России и еще одна организация, куда более тайная и могущественная, и указания которой не могли игнорировать строптивные разведчики. Единственные достоверные сведения о ней относились только к ее названию – «Братство Перуна». Вся остальная информация об этой организации относилась только к предположениям и откровенным домыслам. Тем более это было удивительно, что в ее рядах состояло немалое количество членов из состава офицерского корпуса. Структура тайного общества вообще была непонятной. По всему выходило так, что порой невзрачный майоришка тянущий служебную лямку в каком-нибудь Мухомосранске в иерархии организации значил гораздо больше,

чем увешанный регалиями генерал. Что же касалось высшего руководящего органа «братства», то о нем вообще отсутствовали, какие либо сведения, не говоря уже о персоналиях. И все же, несмотря на такую жесткую конспирацию это была самая массовая организация на всем российском пространстве. Количество ее членов лишь немногим уступало количеству членов компартии времен СССР. А ее разветвленность позволяла иметь свои глаза и уши во всех без исключения государственных органах.

– Э-э-э, – видно было, как улыбающийся доселе Барышев вдруг подобрался в кресле и нехорошо прищурился в сторону Афанасьева, – Валерий Васильевич, да вы никак нацелились на то, чтобы основательно нас пограбить?

– Пока нет, Дмитрий Аркадьевич, – серьезно проговорил Верховный и еще раз добавил, – пока нет. Тем более я помню, чем закончил Алкаш после подобных эскапад. Но и вы, тоже должны проникнуться всей серьезностью, сложившейся на данный момент ситуации. Мы в полушаге от пропасти.

Все присутствующие понимали, что Верховный не решился бы трогать за вымя «золотого тельца» не будь у него мандата от самого Посланника.

– Ценности, которые доверили нам охранять и приумножать наши предки должны послужить Отечеству в период, когда не будет никаких иных выходов по преодолению кризиса как внутри страны, так и за ее пределами. Только в самый критический и угрожающий момент, – даже не прого-

ворил, а проскрежетал не своим голосом этот человек, еще минуту назад демонстрировавший всем свою природную застенчивость.

– Да как смогут помочь ваши сокровища стране, которой вот-вот может и не быть вовсе?! – угрюмо процедил Афанасьев.

– Мы внимательно отслеживаем обстановку внутри страны и вне ее пределов. И наше мнение таково, что критический момент еще не настал. Собственные резервы государства позволят ему не скатиться в пропасть, – ответил он Верховному уже вполне нормальным голосом, без скрежещущих интонаций.

– Ну-ну, смотрите, не провороньте, как в прошлый раз с Советским Союзом, – скривил в усмешке рот Афанасьев. Эта подначка все-таки задела за живое Барышева и он, заерзав на кресле, выдал примирительно, видимо поняв, что бодаться с самим Советом Волхвов, утвердившем Афанасьева на этом посту, ему все же не по чину:

– Да ладно вам, Валерий Васильевич. Признаю. Лоханулись мы в прошлый раз. Не спорю. И мы, поверьте, сделали из этого надлежащие выводы на будущее. И вы, ей-ей, зря попрекаете нас куском хлеба. Что ж, мы, не люди что ли, а чурки бесчувственные?! Поможем чем можем. Вы только штаны-то с нас последние не снимайте. Оставьте на развод.

– Не приbedняйтесь, Дмитрий Аркадьевич, – хитренько погрозил он пальцем разведчику, тоже осознавая, что слег-

ка пережал в разговоре, – знаем мы вашу натуру. У вас под штанами еще кальсоны с начесом имеются.

Все заулыбались, видя как грозовая обстановка начала разряжаться. В это время как раз двери и распахнулись. На пороге стоял Борис Иванович Юрьев. Вопреки ожиданиям он был в штатском.

– Я пробовал было стучать, но дверь обита дерматином. Спасибо кавторангу с «ядренным» чемоданчиком, что сидел в приемной. Он посоветовал просто войти, и все, – просто и без всякого подобострастия произнес он, останавливаясь на пороге.

Все опять приветливо заулыбались и начали вставать с кресел, приветствуя за руку своего возможного соратника.

– Прошу вас, Борис Иванович, присаживайтесь, – указал ему на свободное кресло Афанасьев. – Думаю, что в представлении нет никакой нужды, ибо вы и так все знакомы, поэтому давайте без расшаркиваний и политесов, сразу приступим к делу. Как, Борис Иваныч, вы готовы?

– Да, конечно. Я готов, – ответил Юрьев, придвигая кресло к столу. По сторонам не озирался, поэтому Афанасьев здраво решил, что в этом кабинете тот уже бывал.

– Вот и хорошо, – подхватил Верховный. – Вы все уже в курсе, что по рекомендации Высшего Военного Совета я сегодня утром по телефону сделал вам предложение возглавить Министерство обороны, и вы с моим предложением согласились.

– Да. Совершенно верно, – ответил Юрьев.

– Хотя мы с вами уже не первый год знакомы и уже имели возможность убедиться в ваших профессиональных и человеческих качествах, все же назначение на пост такого уровня, согласитесь со мной, требует от нас неформального ознакомления с вашими взглядами на действительность.

– Я понимаю и готов ответить на все интересующие вас вопросы. Но должен еще раз повторить, уже высказанную мной накануне мысль о том, что я все-таки сугубо гражданский человек, хоть и связанный профессионально с военной техникой. А потому не могу судить о воинской выучке личного состава Вооруженных Сил с достаточной долей компетенции.

– На все интересующие вы ответите завтра, если мы сегодня с вами придем к общему знаменателю, – со смехом от которого у всех невольно скривились лица, вставил Тучков. – Нас сейчас интересуют лишь некоторые из них.

– Да, – поморщился Афанасьев, не любивший, когда его кто-то перебивал. – Мы в беседе с вами, разумеется, учтем тот факт, что у вас не имеется опыта руководства боевыми соединениями. И эту тему затрагивать не будем. Начинаем?

– Задавайте, – не смутился и не испугался Юрьев, – я постараюсь ответить на все.

– О том, что мы вам собираемся предложить этот пост вы узнали еще вчера, – покосился с ухмылкой Афанасьев в сторону ГРУшника, – следовательно, у вас была вся ночь и по-

что весь день для того, чтобы хорошо обдумать наше предложение. Вот нам и хотелось бы узнать, о чем вы думали и каковы, по-вашему, должны быть первые шаги в этой должности.

– Тут все зависит от того в каких рамках придется мне действовать и какими полномочиями вы меня наделите. Ну и, разумеется, какие задачи будут поставлены как передо мной лично, так и перед министерством мною возглавляемым.

– Хмм, поясните вашу мысль, пожалуйста, – попросил Афанасьев, несколько растерявшийся от слов Юрьева, явно намекавшего на расширение полномочий своего будущего ведомства.

– Охотно. Если моя работа будет заключаться в том, чтобы всего лишь поддерживать на нынешнем уровне боеспособность Вооруженных Сил, в рамках уже утвержденного трехгодичного, прости Господи, бюджета, то я и буду действовать в этих рамках, изворачиваясь, хитря и штопая «тришкин» кафтан, не суясь не в свое дело и не ссорясь олигархическими структурами.

– Позвольте, я вас перебыю, – прервал говорившего Барышев. – Вы так уничижительно отозвались о трехлетнем бюджете, значит, ли это, что вас не устраивает срок его исполнения?

– Конечно, не устраивает, – всем корпусом повернулся к нему Юрьев. – Ни одного здравомыслящего человека он

устанавливать не может. Ведь посудите сами, какой толк принимать бюджет на три года, если в конце каждого в него все равно приходится вносить поправки, причем существенные?! Я считаю, что все это сделано единственно в угоду лентяям из Минфина. Трехлетний бюджет в условиях быстроменяющейся макрофинансовой ситуации является малопродуктивным и откровенно архаичным.

При упоминании «лентяев из Минфина», все дружно и с усмешками переглянулись, так как знали о стойкой нелюбви Юрьева к Полуянову, стараниями которого Бориса Ивановича и убрали с занимаемого им поста на малозначительную должность советника при Кабмине.

– С точки зрения скорости реакции на непредвиденные события, такие как вот сейчас, связанные с пандемией, вы, пожалуй, правы, он действительно выглядит малоповоротливым, – согласился Барышев. – Но, прошу вас, продолжайте-продолжайте.

– Да. Так вот. С этой работой я справлюсь, да честно говоря, и любой мало-мальски погруженный в тему, справится. Но эта работа скучна, неинтересна и малоэффективна. Да и не за этим вы меня сюда позвали. Для этого достаточно какого-нибудь Криворукова, – скривился он, произнося фамилию одного из заместителей Министра – явного лоббиста банковских структур.

Афанасьев даже как-то подрастерялся от неожиданной напористости этого Действительного государственного со-

ветника 1-го класса, и не знал, как продолжать начатый разговор, но на выручку, как всегда пришел Рудов, со своей прямолинейностью в общении:

– А вы, Борис Иванович, каких полномочий хотели бы получить, дополнительно к имеющимся, в этой должности?

– Если уж мечтать, то мечтать о несбыточном, – откинулся Юрьев на спинку кресла.

– А что же тогда, по-вашему, означает – мечтать о реальном? – поинтересовался Тучков.

– А мечтать о реальном, значит строить планы, а это уже совсем другое положение, которое обязывает к большей ответственности, – не замедлил с ответом тот.

– А вот это уже зависит исключительно от вас. Если ваши мечты не покажутся нам слишком уж призрачными, то мы будем не против того, чтобы они легли в основу их реального воплощения, – заметил Афанасьев. – И так...

– Прежде всего, нужно разобраться с финансированием. Я согласен, что в нынешних непростых обстоятельствах, страна не может выделить достаточных средств, чтобы покрыть аппетиты военного ведомства, которые, к слову тоже нужно держать в узде. Но я совершенно не согласен с порочной практикой секвестрования уже утвержденных расходов. Мало того, что это нарушает ритм и планы по обеспечению армии современными образцами вооружений, так еще и вносит элемент неуверенности, как у производителей, так и у эксплуатантов. А это в свою очередь напрочь отшибает жела-

ние у разработчиков заниматься проектированием перспективных видов, потому что они реально боятся впустую потратить свой труд, не зная, на каком этапе финансирование НИОКР может просто прекратиться. В таком разе уж лучше вообще не заниматься этим какое-то время, чем резать поживому. Да вы, Валерий Васильевич, и без меня знаете, какие трагедии разыгрываются на совместных заседаниях Коллегии по вооружениям и Минфином.

– Ну-ну, – поморщился Афанасьев от неприятных воспоминаний, резанувших по сердцу, – это вы, батенька, хватили чересчур с «вообще не заниматься», хотя в остальном, разумеется, вы правы. Нельзя заниматься с военным бюджетом подобными игрищами. Но, продолжайте, мы вас внимательно слушаем.

– Вторая мечта. Если бы у меня была такая возможность, то я волевым решением запретил бы предприятиям, занятым в оборонной промышленности осуществлять кредитование в частных коммерческих банках и уж тем более в таких, как «Альфа-Банк» этого проходимца Авена,⁸⁷ поднявшегося, в свое время, на залоговых аукционах. Помните, что случилось с ПАО «Курганмашзавод»? Вот, то-то. Всем нам наука на будущее. Мало того, что пользуясь правительственными гарантиями, они задирают безбожно процентную ставку, так еще и влияют на обороноспособность страны, угрожая в лю-

---

⁸⁷ Авен П.О. – председатель совета директоров банковской группы Альфа-Банк.

бой момент прекратить финансирование в угоду своим забугорным хозяевам. Кредитование таких предприятий должно осуществляться исключительно банками с превалирующим государственным капиталом и под фиксированный и небольшой процент. Да. Где-то слегка потеряем на первом этапе. Но исходя из того что именно эти предприятия, как правило имеют инновационную направленность, которая со временем перетечет в гражданские отрасли, то затраты окупятся сторицей. Тому наглядный пример – технологии посекционной сборки военных кораблей, которыми теперь пользуются гражданские корабелы, – едва не на одном дыхании произнес этот монолог Борис Иванович.

– Согласен с вами, целиком и полностью, Борис Иванович, – поддержал высказывания Афанасьев.

– Но это, как вы понимаете, лежит вне компетенции Министра обороны. Для этого нужны более мощные подпорки в законодательной базе и в исполнительном руководстве на самом высшем уровне, – развел Юрьев руками, признавая свое бессилие даже на предлагаемом посту.

– Да. Да, – раздались голоса поддержки со всех сторон.

– Что-нибудь еще? – с интересом продолжил Верховный.

– Да. Хунта, так хунта. Давить, так давить до последнего, – продолжил будущий, в этом уже никто не сомневался, Министр обороны. – Еще надо будет в срочном порядке разобраться с акционерами. На законодательном уровне. Преемное правительство не обращало внимания на мои сигналы о

том, что нельзя пускать иностранцев в такие чувствительные и важные для обороны страны структуры на подобие «Ростеха», руководство которого превратило его в собственную кормушку. Ведь в том же «Ростехе» кто является одним из крупнейших акционеров?

– Эстония, – уныло подтвердил Тучков. – Я и сам не раз обращал внимание руководство на этот вопиющий факт.

– Мало того, что представители этой натовской шмакодавки, получают дивиденды с и так не ахти каких превеликих доходов кампании и посиживают на заседаниях акционеров, так они еще через это имеют право доступа к информации сугубо секретного содержания! – уже не сдерживал эмоций доктор технических наук. – Вы только вспомните, как продали китайцам Барнаульский завод резиновых технических изделий? А уже через полгода стали локти себе кусать от бессилия. Ведь он был монополистом по изготовлению специальных покрытий для наших подводных лодок. А косоглазые, не будь дураками, выкатили нам за нашу же резину цену едва ли не втрое большую прежней. Вот вам, ох и ах! Срочно пришлось налаживать аналогичное производство в Чебоксарах. Меж тем технологии уже утекли в Поднебесную.

Афанасьев скривился, как от зубной боли, а Рудов так сжал подлокотники кресла, что побелели костяшки пальцев.

– Что вы предлагаете конкретно сделать на данном направлении? – спросил диктатор глухим, будто из подпола го-

ЛОСОМ.

– Я предлагаю, во-первых, провести ревизию всех предприятий, занятых в оборонном секторе, на предмет присутствия иностранного капитала, во-вторых, при каждом случае акционирования или перераспределения акций таких предприятий, кроме согласия ФАС⁸⁸ спрашивать мнения у Министерства обороны. И чтобы мнение это было определяющим.

– Резонно, – кивнул головой Афанасьев и его мнение поддержали остальные, так же закивав головами. – Еще, – бросил он отрывисто.

– Разобраться с нашими, так сказать, доморощенными акционерами. А то взяли моду «этот заказ мы будем выполнять, а этот нам неинтересен, потому как мало прибыли от него». Нет, уж, господа! Вы когда акционировались, каким местом думали?! Отказываются от Гособоронзаказа – измена Родине! Со всеми вытекающими. В конце концов, у власти хунта, а не либеральная отрывка! Да еще и разобраться надо, что там за акционеры такие выискиваются, что могут запросто купить целый концерн, будучи не самым крупным чиновников.

– Вы намекаете на «Калашников»? – живо обернулся к нему Тучков.

– Да. Вчера вон в газете прочитал. Изматерился весь, пока до конца прочел. Купил концерн бывший заместитель мини-

---

⁸⁸ Федеральная антимонопольная служба.

стерства транспорта некий Алан Лушников. А до этого им владел, кстати, тот же самый Криворуков. И что-то я ни того ни другого не видел до этого в списках «Форбс». Спрашивается, «откуда деньги, Зин»? А у вас, Николай Палыч, где были глаза? А народ все это видит, читает вон, как я, да злобу копит! – уже не на шутку разошелся Юрьев.

– А что вы, Борис Иванович, на меня-то киваете?! – разозлился Тучков. – Я всего второй день хожу в этой должности, и то – врию. В свою бытность я своему шефу – Пасечнику плешь на голове проел по делам куда более серьезным, чем вы сейчас нам тут озвучили. И все как об стенку горохом. Да я и сейчас не знаю четкого круга своих полномочий. Старые законы отменены самим фактом существования хунты, да-да, чего уж там скрывать, конечно, хунты, а новых, простите, еще нет.

– Ну, хорошо-хорошо, прошу в таком случае принять мои извинения за несдержанность. Просто, сами понимаете, накопело, – примирительным тоном сказал Юрьев и дотрагиваясь до плеча жандарма.

– Мы не дети в песочнице, чтобы обижаться на горькие слова правды, и я принимаю ваши извинения.

– А мне все же хочется узнать ваше мнение по поводу видения будущих военных конфликтов, – решил поинтересоваться Рудов. – Да-да, я помню, что вы более гражданский, нежели военный, но все же, с точки зрения человека связанного с новейшими видами вооружений, какова оптималь-

ная структура Вооруженных Сил отвечала бы вызовам сегодняшнего и завтрашнего дня? Я не могу поверить, что вы никогда не ставили перед собой подобного вопроса.

– Верно. Ставил. И не единожды. Я, наверное, сейчас начну говорить абсолютно крамольные с вашей точки слова, поэтому прошу меня заранее простить, выслушать, не перебивая, а уж только потом тащить к расстрельной стенке, – криво усмехнулся Борис Иванович.

– Ну, что вы право, Борис Иваныч, делаете из нас каких-то кровавых маньяков, – подал голос Барышев. За два дня нахождения у власти мы не убили еще ни одного оппозиционера. А вас мы числим в числе своих первейших союзниках.

– Первая кровь, к сожалению, уже протекла, – мрачно вставил Афанасьев, – вы, Дмитрий Аркадьевич, видимо еще не в курсе, что несколько человек погибло при штурме центрального офиса «Сбербанка» и аресте, по моему приказу, членов его правления.

– Неужели и самого Греха арестовали?! – вскинул в неподдельном удивлении брови Юрьев. – Он же из касты «неприкасаемых».

– Спеленали как миленького, – хмыкнул Рудов. – Он уже в Матроске сидит со своими поделщиками.

– О, как! – воскликнул Борис Иванович. – Значит, есть Бог на свете! – и он демонстративно осенил себя крестным знаменем.

– Думаете? – усомнился Афанасьев.

– Пренебреженно! Вам теперь на том свете сто грехов списут за один этот грех, – скаламбурил Юрьев. – Смею надеяться, что мыло и веревка от него никуда не денутся.

Верховный пожал плечами. Ему сейчас очень не хотелось развивать эту тему. Поэтому он тут же постарался вернуть беседу в прежнее русло:

– Так какие вы там крамольные слова приготовили для наших заскорюзлых ушей?

– Ах, да. Простите, отвлекся, – вернулся тот к прерванной теме. – Так, вот. Вооруженные Силы, как и вся наша страна, находятся в сложном положении. Тому есть много причин. Не буду даже останавливаться на них. Они и так всем хорошо известны. Главный вопрос, как всегда, упирается в деньги. Если я не ошибаюсь, пользуясь открытыми источниками информации, то расходная часть бюджета Министерства обороны на 2020 год составляет порядка одного триллиона девятисот миллиардов рублей. Даже с учетом коэффициента на денежное содержание личного состава и затрат на эксплуатацию техники, который приблизительно равен десяти единиц, то все равно получается где-то на уровне Великобритании. А это для страны позиционирующей себя на международной арене как второй по мощности, выглядит не слишком солидно. Вы, Валерий Васильевич, я знаю по баталиям на совместных коллегиях с Минфином, всегда были сторонником раздачи всем сестрам по серьгам. Так скажем, за социальную справедливость внутри ведомства.

– Да, – не утерпел обещавший не перебивать Афанасьев. – Я и сейчас стою на этих позициях. Если мы не можем в полном объеме профинансировать основные статьи расходов, можем сделать их по минимуму, хотя бы для того, чтобы удержаться наплаву и сохранить оружейную школу.

– Да, знаю-знаю, – кивнул Юрьев. – Но это получается просто «тришкин кафтан» в масштабах государства. Только Христос мог пятью хлебами накормить тысячу алчущих. Мы же этого сделать не сможем. В результате размазывания бюджета все останутся на голодном пайке, и ни о каком развитии речи быть не может. Это не бюджет прогресса, это бюджет, в лучшем случае, застоя.

– Зато никто не умрет, – попробовал возразить Рудов.

– А смысл иметь полудохлые по всем направлениям вооруженные силы, неспособные идти в ногу со временем?!

– Что вы предлагаете? – уже с холодком спросил Афанасьев.

– Есть такая поговорка, что «генералы готовятся к уже прошедшим войнам», – издали начал Борис Иванович. – Я думаю, что она, не в обиду будет вам сказано, говорит истину. Сейчас войны, кое-кем стыдливо именуемые «конфликтами», проходят совсем не так, как еще тридцать лет назад. Раньше они велись преимущественно за территории, природные и людские ресурсы, торговые пути и рынки сбыта. Для этого приходилось иметь на содержании миллионы штыков.

– Крепости, города и населенные пункты врага считали занятыми только тогда, когда туда вступала нога пехоты,⁸⁹ – вновь вмешался Рудов, процитировав Сталина.

– Да. Но сейчас времена совсем иные. Вы сравните Афганистан восьмидесятых и нынешнюю Сирию. Для минимального контроля над обстановкой в Афганистане требовалось привлечь все силы целой 40-й армии, да еще в усиленном составе. И сегодняшний день, где в Сирии мы держим что-то около трех с половиной тысяч бойцов. И сравните результат.

– Изменилось качество оружия, логистика, профессионализм военнослужащих, – начал было перечислять Рудов.

– Да-да, Сергей Иванович, – в свою очередь перебил его Юрьев. – Все это так. Но я еще дополню. Современные войны ведутся не столько за то, что я перечислил выше, но прежде всего – за влияние. А это согласитесь уже другой вектор приложения усилий, не требующий прежнего надрыва жил.

– Я понимаю, что вы желаете сократить финансирование некоторых военных направлений, но конкретизируйте свои предложения, – уже испытывая явное раздражение произнес Афанасьев.

– Хорошо. Поясню на примере. Я вот лично убежден, что, к примеру, срочное принятие на вооружение нового автомата Калашникова могло бы и подождать с пяток лет. Ничего

---

⁸⁹ Из речи И.В.Сталина, произнесенной им на банкете выпускников военных академий 5 мая 1945 года.

страшного бы не произошло. Тем более, что средства индивидуального ведения огня непосредственно на поле боя уже не играет такой роли как это было в прошлом. То же самое касается и принятие на вооружение подавляющего количества систем завязанных на применение в сухопутных войсках. А это, извините меня, чуть ли не главная статья по расходам на содержание.

– А наши противники, тем временем перевооружают свои сухопутные войска в спешном порядке, – пробурчал неугомонный Рудов.

– Да и фиг с ними! Пусть делают, что хотят! – живо возразил Юрьев, в мыслях уже распрощавшийся с предложенной ему должностью. – Имея противниками, чуть ли не половину развитых стран, нельзя преуспеть одновременно во всех направлениях военно-технической мысли. Пупок развяжется. Да и что вы будете делать с вашими новейшими автоматами и минометами, когда на вас с неба повалятся стаи смертоносных дронов?!

Начальник Главного оперативного управления покраснел и набычился, но не нашел нужных слов для возражения. Слова нашел сам Афанасьев.

– Что-то я вас не пойму, Борис Иванович, то вы в начале беседы ратовали за запрет секвестрования бюджета, а сейчас. Вроде как бы и наоборот...

– Тут нет никакого противоречия. Я остаюсь на прежних позициях. Сейчас июнь на дворе. Прошло полгода. Сокра-

щать расходы в середине финансового года – делать подарок Антоше Полуянову. Этот год надо завершить, как и запланировано. А вот расходы на будущий год можно и пересмотреть. Вот почему я против трехлетнего бюджета.

– Но вы, как умный человек должны понимать, что если мы, не сейчас, так через полгода отцепим вагон с предприятиями, завязанными на производство систем вооружений сухопутных сил, то тем самым обречем их возврат в нищие и голодные 90-е. Неужели вы и вправду этого хотите?!

– Нет, конечно. Этот метод недопустим ни в коем случае. Но ведь эту проблему можно было бы решить куда более элегантно, чем просто бросить кормить.

– И как? – устались все на хитренько улыбающегося Юрьева.

– Я вам как технический специалист, знающий обстановку как внутри предприятий, так и КБ могу ответственно заявить, что ничего революционного в данной отрасли в ближайшие пять-десять лет не предвидится. Не появятся электрохимические пушки для САУ, не родятся лазерные автоматы, не возникнут летающие с непробиваемой броней танки. Эти футурологические выкрутасы еще долгое время не покинут стен лабораторий и испытательных стендов. Все будет идти только по линии улучшения уже имеющихся свойств, модернизации и интегрирования. А те новинки, что так любезны глазу наблюдающих майские парады, со все новыми и новыми «обвесами» по сути неспособны

изменить кардинальным образом ситуацию на поле будущего боя. Улучшить положение войск – да, коренным образом изменить обстановку – нет. Мы просто сейчас рискуем оказаться в ситуации 41-года, когда Красная Армия с каждым предвоенным годом все усиливала калибр снарядов, их убойную силу, увеличивала дальность полевой артиллерии, и соответственно ее вес. А немцы, тем временем тихой сапой, приняли на вооружение пикирующие бомбардировщики Ю-87, о которых мы, и знать ничего не знали и которые в июне-июле 41-го просто раздолбали сверху все наши неповоротливые артиллерийские расчеты.

Афанасьев засопел и опустил глаза в столешницу, тем самым косвенно подтверждая правоту ученого.

– Так вы предлагаете застопорить модернизацию? – опять не понял основную мысль оратора Рудов.

– Ни в коем разе! Арабские шейхи и юго-восточные толстосумы дюже падки на подобные «навороты».

– А-а-а, – начал что-то соображать Сергей Иваныч, – так, стало быть, вы предлагаете переложить бремя содержания части нашего ВПК, занятого производством традиционного набора вооружений на богатеньких «буратин» с юга?!

– В самую точку, Сергей Иванович! Не нужно устраивать игрищ с излишней бюрократизацией на выдачу экспортных разрешений по поставкам якобы новейших систем. Нужно ослабить удавку «Рособоронэкспорта». Разрешить предприятиям самим продавать свою продукцию, а не через его

непонятные структуры, где оседает немалая часть денег, которые предприятиям отнюдь бы не помешали. У нас сейчас имеются очень хорошие шансы по продаже бронетехники, артиллерийских систем, включая РСЗО, стрелкового оружия на сотни миллиардов рублей.

– И как, при этом, вы предлагаете использовать сэкономленные средства?

– Исключительно по назначению. В будущей войне за влияние нужны системы вооружений, основанные на совершенно иных физических принципах. Нам срочно необходимо развивать воздушно-космическую составляющую наших Вооруженных Сил, а также все, что связано с их электронно-цифровым сопровождением. Тот, кто контролирует космос и потоки информации, тот контролирует все. У нас сейчас имеется неплохой задел в этой области, особенно это касается систем РЭБ, которые неплохо себя зарекомендовали в Крыму, на Донбассе и в Сирии. Но останавливаться ни в коем случае нельзя. Иначе, сначала догонят, а потом сомнут. Наглядный пример тому – долгая возня с принятием на вооружение Су-57. Уму непостижимо! Десять лет испытывают. Уже и китайцы вот-вот на хвост сядут со своим J-20.

– Не спорю. В этом вы безусловно правы, но вы не боитесь, что может получиться такая ситуация, когда мы продадим вооружения, еще не поставленные для собственной армии, а сами останемся при этом с голым задом в случае даже локального конфликта? – продолжал настырничать Рудов.

– Не боюсь. А вам кажется более приемлемой ситуация, когда мы из года в год гоняем на Параде Победы одну и ту же роту «Армат»? – съехидничал Юрьев и тут же продолжил. – А почему? Да потому, что дороговаты они в производстве, и дороговизна их происходит из-за мелкосерийности, ведь на более приличное количество у Минобороны элементарно нет денег. А когда поступит крупный заказ, от той же самой Индии, то мы сразу уьем нескольких зайцев. Во-первых, отработаем, как следует технологию производства. Во-вторых, снизим издержки, а значит и конечную цену для потребителя. В-третьих, предприятие получит дополнительную прибыль, а бюджет Министерства снизит свою нагрузку. В-четвертых, позволит наладить производство и для себя, но с учетом уже имеющегося опыта эксплуатации, его модернизированного варианта. Я уж молчу о дополнительных доходах государства в виде налоговых отчислений. Вам мало?

– Нет, но все же... – опять хотел что-то возразить «пруссак», но доктор технических наук, может быть не совсем вежливо, его перебил.

– А на ваше «но все же» я отвечу, что не надо нам поддаваться на глупые рассуждения ура-патриотов о том, что-де мы не будем поставлять за рубеж такую технику, пока не получим ее в достаточных количествах для наших ВС. Мы-то с вами прекрасно знаем, что в следующей Мировой войне будет применяться совсем другая номенклатура боевых систем – не из той, что катается по брусчатке Красной площа-

ди, а из той, чей вид является государственной тайной. То, что видит почтеннейшая публика – всего лишь детские хлопоты даже не вчерашнего, а уже позавчерашнего дня.

Афанасьев, не вмешивался в легкую перепалку между соратниками. Он молчал, уперев взгляд в столешницу, и вспоминал встречу с Вострецовым. Его удивило сходство нетривиального мышления Юрьева и Вострецова. «Юрьев прав, как ни крути, – невесело думал он. Мы с Рудовым – люди прошлого века и мыслим устаревшими категориями. Наш век прошел. Будущее принадлежит таким как он, сумевшим, несмотря на возраст, преодолеть косность мышления и привитые с детства стереотипы. Но он явно перерос, предлагаемый ему пост. Не мне, а ему следовало бы руководить государством в это непростое время. Хотя...» И тут его осенило.

– Все-все, товарищи, – хлопнул он ладонями по столу, – мы сейчас в спорах зайдем так далеко, что и не выбраться. А потому я на правах диктатора и самодура прекращаю эту дискуссию и присуждаю Борису Ивановичу полную победу по очкам. Приходится признать, что бюджет Минобороны может быть использован более эффективным способом. И да, мы, я должен это констатировать с горечью, в своем мышлении сильно поотстали от реалий сегодняшнего и уж тем более завтрашнего дня, что совершенно недопустимо. Да-Да, Сергей Иваныч, мы с тобой замшелые ретрограды. И единственным нашим плюсом может быть только содействие внедрению идей Бориса Иваныча, коли уж у нас самих на это

мозгов не хватает. Не смотри на меня так Сергей Иванович, я не сошел с ума, лучше вспомни нашу сегодняшнюю встречу с академиком Вострецовым.

– Это с Игорем Николаевичем?! – не удержался Юрьев.

– Да.

– Светлая голова! Я помню, еще до того как меня ушли с поста заместителя министра по вооружениям они занимались на Новой Земле опытами по созданию протонного оружия. Неужели у них все-таки все получилось?!

– Получилось, Борис Иванович! Более чем. Результаты оказались просто ошеломительными. И сейчас, среди своих, я могу раскрыть карты. По данным последнего эксперимента, проведенного вчера утром, мы имеем на руках действующий прототип...

– Абсолютного Оружия, – безмятежным и спокойным голосом проворковал Тучков, оканчивая фразу Верховного.

– Никак вы в курсе, Николай Палыч?! – весело удивился Афанасьев пронырливости жандарма.

– А как же может быть иначе? – ответил тот вопросом на вопрос. – Ведь именно наше ведомство с самого начала вело этот проект. Мы спрятали обоих разработчиков на Крайнем Севере – подальше от назойливых и вездесущих глаз иностранных разведок. И сейчас мы продолжаем их плотно опекать.

– Значит, вы знали о результатах вчерашних испытаний? И ничего не сказали? – слегка нахмурился Валерий Василье-

вич.

– А зачем? – хмыкнул Тучков. – У вас для этого есть Иванов. И я здраво рассудил, что получить исчерпывающую информацию по этому делу вам будет гораздо приятнее от него, чем от контрразведки.

– Ну, вы даете! – покачал головой Афанасьев, не зная еще сердиться ему или радоваться прыти своих спецслужб.

– На том и стоим! – не без гордости ответил потомок своих славных предков.

– Да. Вот поэтому я и согласен со всем тем, что сказал нам сейчас Борис Иванович. Если мы, вылезая из кожи вон, успеем в кратчайшие сроки запустить в производство воздушную и космическую компоненты этого нового, революционного вида оружия, то все имеющееся в мире на данный момент оружие, станет просто никому не нужным хламом. НАВСЕГДА, – выделил последнее слово Афанасьев. – С его помощью мы сможем решать военные конфликты любой сложности буквально в течение нескольких секунд и с любым противником. И наконец, самое главное. Когда оба компонента будут развернуты в местах дислокации и в нужных точках геостационарной орбиты, то все прежние разговоры о Третьей Мировой войне из области вероятных прогнозов перейдут в фантастические домыслы.

Эта новость была из тех, что поднимают настроение и вдохновляют на покорение все новых и новых вершин, поэтому все присутствующие с энтузиазмом восприняли ее,

одобрительно улыбаясь даже где-то расслабляясь внутренне, чуть-чуть.

– После получения предварительных результатов испытаний, я дал задание всемерно ускорить работы по изготовлению уже не прототипа, а серийного производства и адаптации установок воздушного и космического базирования. Кровь из носу, но мы должны через год уже вывести первую установку в космос. У нас считанные месяцы до начала войны и мы должны быть к ней готовы. Наши противники тоже торопятся, потому что видят, как почва глобального доминирования уходит у них из-под ног. И примером тому служит вчерашний теракт. Они надеются, что у нас возникнет суматоха и растерянность и это даст им время более качественно подойти к подготовке войны. Да, что там говорить? Вы и сами все прекрасно видите. Дмитрий Аркадьевич – через свою зарубежную агентуру черпает сведения из первоисточника о лихорадочной подготовке западных элит. Игорь Олегович уже чуть ли не руками ощупывает бронетехнику, придвинутую к нашим границам уже вплотную и готовую ринуться на нас по первому свистку. Николай Павлович уже горстями отлавливает агентов и диверсантов, заброшенных к нам в тыл, как накануне 41-го.

Тут Афанасьев сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух от длинной своей речи и пронаблюдать, как вновь подобрались в своих креслах соратники и как опять посерьезнели их лица. Убедившись, что все присутствующие вновь

вернулись из состояния радостного благодушия к серьезной сосредоточенности, продолжил:

– К чему я все это говорю? А к тому, что в такое переломное и трагическое время пост Министра обороны это не просто одно из кресел силовых министерств, но еще к тому же авангард обороны и локомотив экономики. И я рад, что не разочаровался, пригласив на эту должность именно Бориса Ивановича с его широтой взглядов и инновационным мышлением. Я не скрою, что всегда был противником гражданских лиц на подобных постах, тем более, что у нас уже имелся печальный прецедент не так давно. Но опыт совместной работы и мысли, озвученные им сейчас, говорят, что лучшей кандидатуры нам не сыскать. Поэтому, не откладывая в долгий ящик, я предлагаю членам Президиума высказать свое мнение по этому поводу.

– Да, что там высказывать? – подал голос Костюченков. – Мы все, так или иначе, но уже имели дело с Борисом Ивановичем и в достаточной мере убедились как в его профессионализме, так и порядочности.

– Безусловно, – поддержал его мнение Барышев.

– Согласен, – так же коротко заявил Тучков и вопросительно уставился на Рудова.

– Что это вы, Николай Палыч, так на меня смотрите? – заерзал Рудов в своем кресле. – То, что я в споре с Борисом Ивановичем высказал мысли отличные от его видения ситуации, еще не значит, что я не согласен с назначением его на

эту должность.

– Хорошо, – резюмировал Афанасьев. – Значит, кандидатура Бориса Ивановича принимается в качестве Министра обороны. Но мы с вами не обговорили при этом круг его будующих полномочий. А ведь мысли которые он тут нам изложил выходят далеко за рамки компетенций положенных его статусу, – произнес Верховный хитренько оглядывая сидящих.

– Оно, конечно, так, – остороженько подал голос Барышев, – но я думал, что мы сможем обеспечить запросы товарища Юрьева, тем более решением Высшего Военного Совета, как вы помните, было предложено кооптировать его в Президиум.

– Да, – опять скривил лицо Афанасьев, – но согласитесь, Дмитрий Аркадьевич, за каждым чихом в Президиум не набегаешься, хоть он и является постоянно действующим органом исполнительной власти. К тому же, не забывайте, не знаю как вы, но мы вот, например, с Сергеем Ивановичем являемся абсолютными профанами в вопросах макроэкономики и финансов. И я думаю, что Николай Палыч с Игорем Олеговичем тоже недалеко от нас ушли. Да еще и отвлекаться от своих непосредственных обязанностей, от которых нас никто не освободил, каждый раз – дело малопродуктивное.

– Что вы предлагаете, Валерий Васильевич? – вскинул брови Барышев. – Ведь наш Президиум и был создан именно для решения оперативных задач.

– Для принятия оперативных решений, – поправил его Афанасьев. – А сами решения вырабатываются по линии министерств и ведомств, либо по запросу – сверху, – он обвел рукой сидящих за столом, – либо по настоятельной необходимости – снизу. Наше с вами дело принять или отклонить такое решение исходя аргументации того, кто эти решения нам подготовит.

– Кажется, утренняя головомойка на меня слишком сильно подействовала, и я изрядно поглупел, – неожиданно для окружающих признался Сергей Иванович, почесывая нос. – Никак не возьму в толк, о чем идет речь.

– Я говорю о том, что Борис Иванович перерос предлагаемый ему пост Министра обороны. Он вполне созрел, чтобы стать Премьер-министром, – спокойно, как о чем-то обыденном сказал Афанасьев. – Тут все говорит в его пользу. Знание тонкостей промышленного производства изнутри, аналитические способности в деле экономического и финансового планирования, в конце концов, опыт по взаимодействию между государственными и частными структурами, промышленными и финансовыми. Это то, чем мы с вами никогда не обладали, и не будем уже обладать, в силу узости специализации.

– Оно, так, – нехотя протянул Тучков, но у нас Высшим Военным Советом полномочия выданы только на то, чтобы предложить ему только эту должность. Хотя, лично я совсем не против его кандидатуры в качестве Предсовмина. Да и что

он сам думает по этому поводу, мы не знаем.

– А вот сейчас и спросим, – сказал Афанасьев и выжидающе глянул на белого как мел Юрьева, вцепившегося пальцами в подлокотники.

– Ну, вот, – пробормотал он растерявшимся голосом. – Звали на вечеринку, а попал на юбилей. Право слово, так неожиданно. Я сразу дал согласие возглавить министерство, потому как оборонный комплекс мне хорошо известен, а тут...

– Да у нас вся страна сейчас в обороне, – с апломбом заявил Афанасьев. – Не знаем уж и с какой стороны отлаиваться. То оттуда прут, то отсюда, будто медом им намазано. Здесь нет ничего сложного. Вы просто масштабируйте свою деятельность в рамках целого государства. А почти военное положение у нас и так принято со вчерашнего дня.

– Честно говоря, даже и не знаю, что сказать, – развел руками Юрьев. – Кто же тогда возглавит министерство?

– А вы берите с нас пример, Борис Иванович, – усмехнулся Верховный. – Идите на совмещение должностей.

– Неужели кроме меня нет подходящей кандидатуры в премьеры? – усомнился он.

– Представьте себе – нет. Во всяком случае, такой кандидатуры, которая была бы так близка нам по духу. Вы сейчас представляете для нас идеальный вариант. Гражданский человек, подкованный в экономических вопросах и в то же время неразрывно связанный с ВПК.

– Так с каким вопросом мы в четверг выйдем на заседание Высшего Совета? – спросил Рудов, крутя головой.

– С вопросом о назначении Юрьева Министром обороны, – терпеливо, как первокласснику начал объяснять Афанасьев. – А уже на Совете предложим, консолидировано от всего Президиума, его кандидатуру в качестве Предсовмина с полномочиями, вытекающими из его должности. Если их ему будет не хватать, по какой-то причине, то добавим.

– Догоним и еще добавим, – нервно хохотнул Борис Иванович.

– Верно, – даже не улыбнулся Афанасьев.

III

В это время неслышно отворилась дверь и в образовавшуюся щель просунулась голова Коржика.

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, извините за доклад не по форме, тут к вам Мария Владимировна Хазарова, вы ей назначили на 17.00.

– О, Господи! – треснул себя по лбу Афанасьев. – Совсем из башки вылетело. Проси. Пусть заходит.

Голова подполковника тут же исчезла и через несколько секунд дверь открылась, во всю ширь, впуская следующего посетителя. Вернее посетительницу. В черном вицмундире с петлицами и позументом на обшлагах, с забранными в шиньон волосами, с минимальным количеством косметики на лице, она являла собой смесь строгости и элегантности. От природы некрасавица, эта сорокапятилетняя женщина могла преподать себя самым наилучшим образом, соответствующим данной обстановке. Находясь в должности директора департамента информации и печати Министерства иностранных дел, а по сути, являясь его рупором, она в зависимости от поставленной задачи, могла предстать перед широкой публикой то в образе соблазнительной Клеопатры, то в образе разъяренной Мегеры. Вот и сейчас она произвела своим появлением такое сильное впечатление на всех присутствующих, что все невольно встали со своих кресел,

как школьники при виде строгого и бескомпромиссного завуча. Афанасьев, вставший едва ли не быстрее всех остальных, в знак особого предрасположения даже сделал несколько встречных шагов, еще издавлек протягивая обе руки для пожатия.

– Здравствуйте-здравствуйте, Мария Владимировна! – воскликнул он, пожимая в ответ протянутые ее руки. В последний момент, он видимо хотел приложиться к ручке заместителя Министра иностранных дел, но неловко потоптавшись и покосившись на собравшихся за спиной, решил отказать от этой затеи, дабы сохранить атмосферу официоза встречи. – Вы уж простите меня старика, мы ту заговорились с Борисом Ивановичем, и у меня совершенно вылетело из головы, что наша с вами встреча назначена на это время. Прошу вас, проходите и присаживайтесь, – сделал он ей, приглашающий жест в сторону оставшегося свободным кресла.

– Может мне можно уйти? – спросил Юрьев.

– Нет-нет, Борис Иванович! Вы теперь с нами в одной команде. В Президиуме. Так что, должны быть в курсе того, что происходит на кухне у хунты, дорвавшейся до власти.

– Но я еще не прошел проверку, – попробовал возразить он, но Афанасьев только махнул неопределенно рукой.

– Пройдете. Я почему-то не сомневаюсь в этом.

Все опять шумно расселись по своим местам. Хазарова села между Юрьевым и Тучковым, аккуратно положив принесенную с собой тисненую золотым двуглавым орлом папку

черного цвета.

– Представлять вас присутствующим, я полагаю, не имеет смысла. Вас все хорошо знают. Поэтому, давайте сразу перейдем к делу, если не возражаете.

– Не возражаю, – коротко ответила та и вопросительно посмотрела на Афанасьева, ожидая от него, то ли вопросов, то ли какого предложения.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул он головой. – Тогда давайте мы с вами поступим вот как: сначала вы нам кратко обрисуете международную обстановку в связи с нашими вчерашними событиями, а затем мы побеседуем с вами о наших делах. Согласны?

– Да, – все так же лапидарно ответила она и раскрыла папку. Затем сделав глубокий вздох, словно перед нырком в воду начала спокойным и твердым голосом. – Ну, что я могу, в общем, сказать о международной реакции на наши печальные события?! Судя по отсутствию официальной реакции высших представителей власти большинства из так называемых развитых стран, можно судить с достаточной долей уверенности, что вчерашние события явились для них полной неожиданностью. Все это говорит о том, что те, кто стояли за спиной террористов, я не верю, что такое было под силу совершит одиночке, в очередной раз не уведомили своих партнеров о намечающейся акции. В противном случае реакция не заставила бы себя долго ждать. Хотя тут нельзя исключать и простого заговора молчания. Что же касается третьесорт-

ных стран, яркими представителями которых являются страны Прибалтики и Восточной Европы, то они все как по команде извопились в диапазоне, начиная от гнева Господнего, положившего конец правлению ненавистного бутинского режима, до начала восстания, исстрадавшегося подгнетом олигархов народа. Послы из более значимых стран, еще не получившие инструкций от своего руководства, озабочены судьбой своих сограждан, которые могли пострадать при теракте и настоятельно требуют от нас информации о жертвах. Естественно, мы отвечаем им в духе понимания их озабоченностей и обещаем немедленно известить, как только кто-нибудь из граждан попадет в поле нашего зрения. Впрочем, тут нам неоценимую поддержку оказывает МЧС, ежечасно обновляя списки пострадавших. На него мы и опираемся в ответах послам. К счастью, таковых совсем немного. И все они живы. Просто в давке получили легкие травмы, не требующие госпитализации. Еще раз напомним, что представители стран, руководство которых погибло на трибуне, настоятельно просили меня организовать сегодня встречу с ними.

– Да-да, Мария Владимировна, я помню об этом. И мы с вами обязательно это сделаем сегодня, как только завершится наша с вами беседа, – подтвердил Афанасьев. – Как вы полагаете, что они хотят нам сообщить или потребовать?

– Ну, насчет требований, я бы не стала говорить так категорично. Просто они опасаются, что в связи с последними событиями, наша внешняя политика претерпит значитель-

ные изменения, которые могут повлиять на их интересы. В принципе, хотят прояснить обстановку. А кое-кто, пользуясь удобным моментом и играя на нашем чувстве вины за произошедшее, выторговать себе побольше преференций экономического и политического плана.

– Я даже могу назвать представителей, каких государств вы имеете в виду, – фыркнул Барышев.

– Да. Прежде всего, Киргизии, Узбекистана, Казахстана...

– И Сербии, – добавил Афанасьев.

– С Сербией, – улыбнулась Хазарова первый раз с начала встречи, – будет вопрос посложнее. Как доносят наши источники из Белграда, у наших сербских «братушек» смешанное чувство. Они больше сочувствуют нам, чем оплакивают своего всеми ненавидимого президента Вучича. По этому поводу у них сегодня даже прошла массовая акция с требованием к правительству отказаться от погребения его тела на сербской земле. Акция прошла под лозунгом «Нет земли для Иуды».

– Все же как-то не по-христиански, – поежился Тучков, старающийся соблюсти благородство в любой ситуации.

– Все правильно, – возразил ему Барышев. – Эта очкастая гнида, уже как змея на сковородке извертелся между желанием полизать ЕСовские ботинки и не получить пулю в лоб от сторонников Шешеля.⁹⁰ Гнида, в общем-то. От нас полу-

---

⁹⁰ Воислав Шешель – сербский политический деятель, лидер Сербской радикальной партии с 1991 года.

чает бесплатно вооружения, а сам в это время подписывает со Столтенбергом⁹¹ меморандум «О взаимопонимании», в соответствии с которым в «угрожаемый период», читай – войны, натовцы имеют право использовать воздушное пространство и аэродромы Сербии по своему усмотрению и на условиях экстерриториальности.

– И все-таки, Мария Владимировна, уже на исходе вторые сутки, а от глав основных государств нет никакой реакции. Неужели они до сих пор пребывают в радостном шоке от устранения с шахматной политической доски самой ненавистной фигуры? – задумчиво произнес Афанасьев.

– Не думаю, что их шок связан именно с этим, – с уверенной осторожностью возразила Хазарова. – Скорее всего, это связано с тем, что результат от случившегося получился вовсе не таким каким его ожидали там. Они никак не рассчитывали, что власть в стране перейдет к вам. Ведь в уме они держали совсем другие фигуры, с которыми у них уже были налажены крепкие связи и достигнуты некие договоренности. А тут такой облом получился. В связи с тем, что аналитическая школа в ведущих странах Запада благополучно почилла в Бозе еще двадцать лет назад, а без достаточно объективного анализа они не могут сформулировать ни одно решение, то сейчас наверняка их компьютерщики в спешном порядке загружают на сервера, как можно больше данных для получения мало-мальски вразумительного заключе-

---

⁹¹ Й. Столтенберг – генеральный секретарь НАТО с 1 октября 2014 года.

ния по сложившейся обстановке. Я представляю, как сейчас гудят от натуги в своих дата-центрах их суперкомпьютеры в надежде отыскать рациональный ответ на нерациональное с их точки зрения поведение России. Кстати, а не подскажите, где могут быть наши руководители законодательной власти, а то в зарубежных СМИ пишут, будто бы у входа в телецентр на них налетела группа одетых в камуфляж и, покидав в грузовики куда-то скрылась?

– Да. Это им не посчастливилось встретиться со мной у входа в телецентр, – скромно потупив глазки, ответил Верховный. – Мне пришлось их арестовать по подозрению в причастности к совершению теракта. Сейчас они дают показания.

– Очень интересные показания, – вставил Тучков.

– Я так и подумала, – строго поджав губки, констатировала Мария Владимировна. – И не только они дают показания, судя по тому, что в этом кабинете нет ни Пасечника, ни Ватрушева, ни Покрышина.

– Вы не только умная, но еще и наблюдательная женщина, дорогая Мария Владимировна. Как сейчас принято у молодежи говорить: мой вам Респект. Это я от внука научился, – пояснил Афанасьев. Тайные силовики ничего не сказали, лишь Барышев подняв большой палец сжатой в кулак руки, выразил свою полную солидарность с мнением диктатора.

– А вы сами, что думаете по поводу теракта? – поин-

тересовался Николай Павлович, буквально просвечивая насквозь рентгеном своих глаз женщину.

– Я об этом думаю, как о величайшей подлости! – вспыхнула она как магниевая лампа. – Англосаксы привыкли все проблемы решать именно таким способом, если не получалось по-другому. Так было при Иване IV,⁹² при Павле I,⁹³ при Ленине.⁹⁴ Поэтому и сейчас наверняка не обошлось без их мохнатой лапы.

– Вы так ненавидите представителей англосаксонского мира? Нет ли здесь личного мотива? Насколько известно, вы довольно продолжительное время пребывали в Штатах, и у вас там не было никаких трений с местными властями, – продолжал буравить ее своим взглядом жандарм.

– В Штатах я пребывала по служебной надобности. С 2005-го по 2008-й года и занимала пост руководителя пресс-службы Постоянного представительства России при ООН. А так как я родилась в приличной семье, то родители с детства приучили меня, находясь в гостях не хамить хозяевам, даже если ты с ними и не согласен в чем-то, – высказалась Хазарова с нотками отповеди в голосе. – Что же касается возможной личной неприязни, то я всегда отделяю отношения

---

⁹² В научных кругах царит стойкое убеждение, что Иван Грозный был отравлен ртутным порошком, который ему постоянно подсыпал английский лекарь Боmelidir.

⁹³ Павел I был убит заговорщиками нанятыми английским послом Уитвортом.

⁹⁴ Посол Великобритании Б. Локкарт участвовал в разработке плана покушения на В.И. Ленина в 1918 г.

между людьми и отношения между правящими элитами.

– Вы верите в существование правящих элит? – живо встрепенулся на своем кресле Барышев.

– Да, – согласно кивнула она головой. – Она есть везде, хоть мне и не нравится эта терминология, от которой попахивает выращиванием отборных баранов с особой шерстистостью и отвислым курдюком. Разница только в ее формировании. На Западе, а я сюда включаю и США, как неотъемлемую его часть, элита формировалась по наследственно-аристократическому признаку, с ее закрытыми тайными клубами и обществами, наподобие таких, как «череп и кости».⁹⁵ Естественно, что вход в такие закрытые сообщества «по интересам» ограничивался для представителей плебса, даже при наличии у них финансовых средств. Никакого, скажем например рэпера, разбогатевшего на маловразумительных речитатативах подобные заведения не пустят даже на порог. У нас элита формировалась двумя способами. Первый способ – по отбору деловых качеств, а второй, начиная с Хрущева – по знакомству, что в конце концов и привело к конфликту между этими двумя потоками, а далее и к развалу государства.

– Вы себя к какому формированию относите? – вставил слово Юрьев.

---

⁹⁵ Тайное общество студентов Йельского университета, членами которого становятся только представители высшей элиты, выходцы из самых богатых и влиятельных семей США занимающие важнейшие посты: в политике; в СМИ; в финансовой, научной и образовательной сферах.

– К третьему, – улыбнулась Хазарова. – К потомкам тех, кто пробился наверх благодаря своим деловым качествам и устроившим своих чад на теплые места, но уже по знакомству. И вот я теперь изо всех сил стараюсь, чтобы мои деловые качества были по достоинству оценены теми, кто успел выбиться наверх и закрепиться там раньше меня.

– Хмм, – почесал переносицу Афанасьев, – откровенно и достаточно нетривиально. Ну, хорошо. А что вы думаете о нас и о нашем правлении?

– Как обывателю, то мне все равно кто ринулся тушить мой горящий дом, лишь бы скорее потушили и спасли от огня мои нехитрые пожитки. Даже с некоторым восторгом отношусь, так как чувствую надвигающиеся перемены, так долго ожидаемые обществом. Тут и возникновение социального лифта, в результате чистки зажавшейся части элиты, и надежда на справедливость, которая уже не знает выхода и готова взорваться вот-вот. А как директор департамента информации и печати в ранге заместителя Министра иностранных дел, то без пиетета, потому как, если останусь в прежней должности, то не знаю с каким лицом встану, завтра перед журналистами и какими словами буду оправдывать отмену Конституции, за избиеение спикера Совета Федерации, женщины, между прочим.

– С каким-каким?! С каменным конечно, – пробубнил негромко молчавший до сих пор военный разведчик. – Не каждый же день отправляют на тот свет все правительство.

Это просто оперативное реагирование.

– Я понимаю, если бы это была временная мера по ограничению некоторых свобод в условиях чрезвычайного положения. Но как я буду объяснять брызжущим ядом борзописцам подмену избранных органов власти на непонятный Высший Военный Совет?

– Историческими аналогиями, которые вы так любите, дорогая Мария Владимировна, – нашелся вдруг с ответом Сергей Иванович. – Совместным решением Президиума Верховного Совета, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР от 30 июня 1941 года был образован Государственный Комитет Оборона – чрезвычайный высший государственный орган Советского Союза, в руках которого сосредотачивалась вся полнота власти в государстве, – начал он как пописанному цитировать. – Этим же решением приостанавливалась деятельность всех избранных на тот момент органов законодательной власти всех уровней.

– Да, но, – раскрыла Хазарова рот, порываясь что-то возразить, но «пруссак», числящийся знатоком подобных документов, прервал ее на полуслове.

– Да-да, милейшая Мария Владимировна, в том числе и приостановлением действия Конституции, которой он, ГКО, и не был даже предусмотрен, как и наш Высший Военный Совет.

Хазарова, молча, взидала на Рудова, округлив глаза от крайней растерянности. Казалось, что ее впадение в состо-

ание ступора не было бы таким явственным, если бы с ней вдруг заговорил шкаф с посудой. Ее, слегка великоватый рот при этом собрался в одну яркую точку, демонстрируя одновременно крайнюю степень удивления и внимания. А вокруг нее уже начинало проскальзывать тихое веселье, которому подвел черту сам Афанасьев:

– Ну что, тетя Маша, – улыбаясь и сияя как тамбурмажор⁹⁶ перед строем на параде, произнес Верховный, – уели-таки в кои веке военные цивильных? А вы, небось, думали, что мы только «сено-солома» знаем?! Вон, какие орлы порой вываливаются из наших гнезд!

– Д-да, – все еще не отойдя от шока, пролепетала Хазарова, и тут же призналась, – мне, честно говоря, такая аналогия и не приходила в голову. Но откуда такое знание фактического материала?!

– Простите меня, Мария Владимировна, – первый раз за долгое время покраснел Рудов от неложного смущения, – но у меня все-таки за плечами ученая степень доктора военных наук, а это что-нибудь, да значит.

– Нет-нет, что вы! Это вы меня простите за заносчивость. Со мной это иногда случается. Я, конечно, отношусь к феминисткам, но и мне бывает иногда полезно словить леща.

– Хорошо. Повеселились, и будет, все-таки у нас траур в

---

⁹⁶ Главный полковой барабанщик в некоторых армиях, включая и русскую. Возглавлял полковую команду барабанщиков и горнистов; специальный тамбурмажорский жезл использовался для отдания команд.

стране, не забывайте товарищи, – уже чуть более строго проговорил Афанасьев, чтобы остудить публику. – С позицией стран мы выяснили ситуацию. Она либо неоднозначна, либо вовсе пока не озвучена. А как у нас обстоят дела с отношением к России в мире? Что думают о нас, что говорят, что делают?

– Если убрать из информационных лент все, что связано со вчерашними событиями, то фон отношения к России в мире не претерпел каких-либо кардинальных изменений. Друзья и сочувствующие остались на прежних позициях, а те, кто нас ненавидел, продолжают свое дело, – начала она, тоном заправского экскурсовода, кидая исподтишка взгляды на Рудова, но тот хранил невозмутимое молчание, как статуя Командора и даже руки скрестил, чтобы быть на него похожим. – Сейчас волна негатива, накатывавшая на нас последние шесть лет, слегка уступила пальму первенства паническим завываниям по поводу распространения пандемии. Правда и здесь наблюдаются «стойкие оловянные солдатики» в лице американского Конгресса, без устали штампующего все новые и новые санкции против нас, хотя и у самих припекает после 25 мая.⁹⁷

– И нейдет же им, – едва слышно вздохнул Юрьев.

– В общем, идет довольно вялый, скорее по инерции накат за «Северный поток-2», за Донбасс, за Сирию, за уре-

---

⁹⁷ Имеется в виду неосторожное убийство полицейским в Иллинойсе рецидивиста Д. Флойда.

зание нами поставок зерновых на мировой рынок и прочее. Европа, в целом, хоть и согласна с претензиями, но на рожон лишний раз тоже не хочет лезть. Своих проблем по горло – маски друг у друга подворовывают. Все в рамках. Правда, тут недавно произошел инцидент в Праге с памятником маршалу Коневу. Отличились местные власти. В нарушении соглашения о сохранности памятников и мемориальных мест, связанных с событиями Второй Мировой войны, власти одного из районов Праги не только снесли статую. Но еще и вместо нее, как бы в насмешку установили унитаз. А чтобы еще больше уязвить нас, то недалеко установили с виду неброский, но о многом говорящий памятник «власовцам», якобы участвовавшим в освобождении города.

– Ну, до чего же поганая, прости Господи, страна! – первым не выдержал «пруссак». – На карте не сразу найдешь, а вони от нее – не продышаться!

– Безобразие! – поддержал его Тучков, сурово сдвинув брови.

– Страна поганая и народец гниловатый. Всю жизнь были предателями! – согласился Костюченков.

– А когда это произошло? И какие меры МИД собирается предпринять в ответ? – осторожно поинтересовался Барышев, не склонный никогда «рубить с плеча».

– Буквально накануне. Вечером, в пятницу. Сергей Викторович дал задание заместителю по делам Европы проработать текст заявления, осуждающий акт вандализма, пожалала

она плечами. – Руководство считало, что в то время. Когда идет битва за «Северный поток-2» не стоит раздражать Европу демаршами, усиливающими конфронтацию сторон.

– Я вижу, что вам самой не по душе такая беззубая позиция, – заметил Афанасьев, – ну а как бы поступили вы, будь на месте своего шефа?

– Аналогично властям Праги. Только значительно хитрее, – не сказала, а промурлыкала начальник департамента печати и зажмурила глазки, ну точь-в-точь, как Багира из мультика про Маугли. Было видно, что она уже обдумывала про себя этот вопрос.

– И как же?! – дружно подались вперед все присутствующие.

– Всем известно, что стараниями Министерства обороны Чехии в двадцати двух городах России стоят памятники и мемориальные доски, посвященные «подвигам» этих башибузуков. Среди таких городов числятся крупные, такие как Владивосток, Иркутск, Красноярск, Екатеринбург, Челябинск, Ульяновск. Мэры почти всех городов, расположенных вдоль Байкало-Сибирской магистрали, поддались на уговоры и взятки хитрых богемцев. Один маленький Новокуйбышевск нашел в себе силы сопротивляться грубому нажиму. Жители города сказали, что ни за что не потерпят на своей земле памятники этому отребью. И властям пришлось прислушаться к мнению народа. Ну, так вот, – улыбнулась она хищно и жестко. – Полномочий у МИДа, решить этот во-

прос самостоятельно, нет. Но... На месте министра я бы вышла с инициативой к Главе Высшего Военного Совета, чтобы тот отдал негласное распоряжение для местных исполнительных органов о том, чтобы в кратчайшие сроки, все памятные таблички, связанные с «белочехами» на территории России были убраны со своих мест под предлогом их реставрации. А там, где памятники находятся на местах массового захоронения оккупантов снабдить их, за счет местной казны (раз уж они так облажались, разрешив их установление), пояснительными надписями, расположенными рядом, с изложением того, за какие такие их «подвиги» этот памятник здесь находится. Тем самым, мы и соглашение не нарушим, и проведем просветительскую работу среди местного населения, подзабывшего, что такое настоящая оккупация.

– Хм-м, – хмыкнул Барышев и первым улыбнулся предложенной идее.

– А, что, товарищи, кажется, неплохо придумано, – заявил Тучков. – Приличия соблюдены. Буква закона не нарушена. Никто же не виноват, что эти памятники стали в нашем климате так быстро разрушаться?! А уж, что мы там напишем в пояснении, так это наше, сугубо внутреннее дело. Что хотим, то и пишем.

– Так-то оно так, – заворочался в кресле, как матерый кабан на лежке Юрьев, – да знаю я наши местные власти. Они, может, и возьмут под козырек, да все равно саботируют приказ. Прикормлены.

– А кто сказал, что это дело мы поручим местным властям?! – встрепенулся Рудов. – Мы это дело поручим местным военкомам с их комендантскими ротами. А проследят за этим начальники близлежащих частей. И тогда уж, будьте спокойны – все будет выполнено молниеносно. Я вам отвечаю.

– Вот, Сергей Иванович, ловлю тебя на слове, – хитренько улыбнулся Верховный. – Завтра, после того как разберешься с делами Инженерной Академии, возьми и за это дело. Оно как раз и будет нам в тему. Ссориться с большими государствами мы пока погодим – время не настало, а таких лимитрофов, как Чехия – по носу щелкнем. Визгу, правда, поднимется, у-у-у! До небес. Ну, да и это нам только на пользу. Зато наши сограждане поймут, что слова о возврате нашей чести и достоинстве – не пустое сотрясение воздуха.

И уже обращаясь к Хазаровой, веско заметил:

– Мне нравится ход ваших мыслей, Мария Владимировна. – Метод несимметричных действий с симметричными для противника последствиями может в какой-то мере стать для нас панацеей от прямого и жесткого противостояния. Еще один плюс в вашу копилку.

– А будет ли мне позволено узнать, что это за копилка такая? – спросила она, скромно опустив глазки к столешнице.

– Безусловно. Этой копилкой является пост Министра иностранных дел, – ровным и бесцветным голосом сообщил ей Афанасьев. У женщины на секунду вспыхнули глаза, но

ни словом, ни жестом она не выдала своих эмоций, видимо, что-то в этом роде она уже предполагала, когда узнала о вызове на заседание Президиума. Не выдали своих эмоций и представители спецслужб, хотя их никто заранее тоже не предупреждал о решении принятом двумя генералами, сидя в машине. Тем не менее, возражений с их стороны не последовало.

– С-с чег-го вдруг такая честь? – выдавила она с запинкой вопрос из вдруг пересохшего рта. Быстро сообразив, из-за чего ей с таким трудом далась эта фраза, Рудов, который неоднократно бывал в этом кабинете, живо метнулся к скрытому в стене холодильнику. Набулькал в стакан, стоящий рядом на подносе, изумрудно-зеленый «Тархун» – обожаемый напиток прежнего Министра обороны и подал женщине. Та с немой благодарностью приняла подношение и жадно – в несколько крупных глотков опорожнила содержимое.

– Хотите сказать, что вам не по силам ноша сия? – насмешливо спросил Афанасьев.

– Да нет. Просто в МИДе целая куча замов, которые с успехом будут проводить в жизнь прежнюю внешнюю политику, которая у руководства страны не вызывала никаких возражений, – пояснила она свое сомнение.

– А нам не надо проведение политики в прежнем русле, – сказал Рудов, усаживаясь на место.

– Да. Скажу больше, – поддержал товарища Афанасьев, – если бы Калантаров и остался бы в живых, то все равно воз-

ник бы вопрос о его замене.

– Но почему?! – искренне удивилась Мария Владимировна. – Сергей Викторович, пусть земля ему будет пухом, пользовался любовью граждан и уважением коллег по дипломатическому цеху.

– Позвольте, я отвечу? – вмешался Игорь Олегович. Все согласно кивнули.

– Мария Владимировна, вы ведь наверняка когда-то смотрели киносагу о мафии Френсиса Копполы под названием «Крестный отец»? – прищурился военный разведчик, будто беря ее на прицел бесшумной винтовки.

– Да. Правда, уже давно. И деталей не упомяну.

– Не важно. Я напомним. Там в конце первой серии в семье Корлеоне идет разговор о перераспределении ролей после того как старый Вито уступил свое место «крестного» младшему сыну.

– Да. Припоминаю такое.

– Так вот, – продолжил Костюченков, – младший сын, принимая на себя батюшкино наследство тут же, не сходя с места, освободил своего сводного брата от поста «консильери», это нечто вроде нашего советника, а на искреннее недоумение высказанное последним, заявил без обиняков «Ты хороший консильери, Том, но ты не годишься более для этой должности. Ты – консильери мирного времени, а у нас сейчас идет война. Нам сейчас нужен боевой консильери». Вот примерно по этим же мотивом нам и пришлось бы отказаться-

ся от услуг самого хорошего за последние сорок пять лет министра.

– А я, позвольте, к этому добавлю еще пару слов не в качестве хулы покойному, а в качестве прояснения нашего подхода к современным реалиям, – продолжил мысль Костюченкова Верховный. – После откровенного предателя Козырева и ватного до аморфности Иванова, любой более или менее здравый человек годился бы на этот пост. Но все же согласитесь, Мария Владимировна, что умение делать многозначительное лицо, материться в разговоре с коллегой, не сдерживаться на пресс-конференции и курение в здании ООН – слишком легковесный актив в багаже дипломата представляющего такую страну, как Россия на международной арене. Иных дипломатических побед за ним, насколько я в курсе, не замечено. Обеспечение интересов России путем «мягкой силы» – откровенно провалено. Выпестованная его стараниями организация «Россотрудничество» – не представляет собой ничего кроме очередной синекуры по пристраиванию сынков старых дипломатических работников на теплые, сытные и ни к чему не обязывающие места. Союзников за это время мы не обрели. Даже напротив – потеряли. Та же самая Армения благополучно отчалила от нашего берега и уже оттуда раздаются голоса о ликвидации нашей базы в Гюмри. Работа на белорусском направлении тоже провалена. Невнятная политика в отношении стран Латинской Америки, грозит нам тем же самым уже в ближай-

шее время. Наш Министр обороны, настроился было на более конструктивные шаги в этом плане, но со Смоленской площади⁹⁸ тут же раздались оппортунистические окрики о том, что в Западном полушарии у нас нет жизненно важных интересов, за которые бы можно было биться со Штатами. Что это может означать? Я не хочу обвинять покойного в каком-то тайном сговоре с врагами, но согласитесь, отступить-то дальше некуда. Как говорится «позади Москва», – развел руками Афанасьев.

– Да. Тут мне, конечно, нечего вам возразить в плане эффективности дипломатической службы, задумчиво протянула она. – Единственное, что мне хотелось бы сделать поправку на естественную несамостоятельность МИДа во многих вопросах. А во-вторых, не нужно отбрасывать и тот факт, что мы сейчас находимся под жесточайшим прессингом со стороны, так называемого «международного сообщества цивилизованных стран», что тоже накладывает свой отпечаток на действия нашего внешнеполитического ведомства.

– Мне нравится, что вы защищаете своего шефа, пусть уже и покойного, – ответил ей Афанасьев вполне доброжелательно, – но это достаточно спорный, на мой взгляд, тезис. Зависимость Наркомата иностранных дел от окриков одного уса- того гражданина, а позже и Политбюро ЦК КПСС была куда более значительной, нежели мягкие увещевания из Но-

---

⁹⁸ Здание МИД РФ находится на Смоленской площади.

во-Огарево.⁹⁹ Что же касается давления извне, оно и в те времена было запредельным. Вспомните хотя бы тот же самый пресловутый КоКом.¹⁰⁰ Однако, все это не помешало тогдашнему Министру иностранных дел Андрею Андреевичу Громыко, не прибегая к эпатажным выходкам гордо нести знамя Советского Союза в международных делах и пользоваться действительным авторитетом у своих зарубежных коллег, да так, что даже откровенные враги СССР в своих мемуарах отмечали этот факт.

– И все-таки, почему именно я? – не удержалась Хазарова, чтобы не задать этот вопрос, вполне естественный с точки зрения женщины, так как явно напрашивался на комплимент. – Если вам так необходим, как вы сказали, «боевой консильери», то почему бы не предложить эту должность Василию Алексеевичу Небензе? Он как никто другой годится к роли былинного богатыря, машущего мечом в окружении врагов.

– Василий Алексеевич, дай Бог ему здоровья и благополучия, находится на своем месте, – вклинился в разговор Дмитрий Аркадьевич. – Ему как никому другому известна обстановка царящая в этом лисятнике. Но он при прочих своих достоинствах, как бы это помягче сказать, слишком

---

⁹⁹ Одна из официальных резиденций Президента России.

¹⁰⁰ КоКом (англ. Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom) – международная организация, созданная в 1949 году для многостороннего контроля над экспортом в СССР.

прямолинеен. Он хорош в качестве таранного оружия, призванного разбивать коварные замыслы врага. Он – бесхитростный и честно разящий клинок, выкованный из булатной стали. А на посту министра иностранных дел нужен шахматист, у которого на кончике языка, как на кончике кинжала будет незаметно поблескивать капелька яда незаметная для противника, но неотвратимая как мизерикордия.¹⁰¹ Тут нужен хитрый человек, тем не менее, умеющий говорить с позиции силы негромким, но доходчивым по интонации голосом.

– Ба! – не удержалась Хазарова от просторечного восклицания. – Что я вижу?! Представители ордена «плаща и кинжала» признали меня своей!

– Красивая женщина никогда не испортит любую мужскую компанию, – льстиво проворковал Тучков и тем самым обратил на себя всеобщее внимание, потому как дамским угодником никогда и нигде не числился.

– Спасибо за комплимент, Николай Павлович, – кокетливо улыбнулась «Горгона» (именно так прозвали ее иностранные представители массмедиа). – Но по поводу вашего последнего высказывания Дмитрий Аркадьевич, позвольте уточнить кое-что?

Все, включая и самого Барышева, дружно закивали, пред-

---

¹⁰¹ Так называемый «кинжал милосердия» служащий для проникновения между сочленениями рыцарских доспехов и использовался для добивания поверженного противника.

вкушая очередную краткосрочную дуэль интеллектуалов.

– Вот вы сказали сейчас об умении говорить с позиции силы, но согласитесь, что для этого нужно иметь эту силу – экономическую, военную, технологическую, ну или хотя бы вполне ощутимый потенциал. Про экономику все знают, где и на каком мы месте, поэтому опустим этот вопрос. А вот, что насчет военно-технологической составляющей? Да-да, я слежу за новостями ВПК и горжусь нашими «Сарматами», «Цирконами» и прочими изделиями, но достаточно ли этого, чтобы от глухой обороны перейти в наступление, хотя бы в информационном поле?

– Да, Мария Владимировна, вопрос который вы задали весьма интересный, – начал неторопливо Афанасьев, по ходу взвешивая каждое произнесенное слово. – Действительно, для того, чтобы уверенно чувствовать себя в непростых диалогах с зарубежными коллегами, надо чувствовать за спиной у себя жаркое дыхание больших калибров. Задай вы мне этот вопрос еще пару дней назад, и я не смог бы вам хоть как-то внятно ответить на него. А теперь скажу уверенно – да. Я не стану раскрывать вам военную тайну высшего, так скажем, порядка, вам это ни к чему, но буквально несколько часов назад мы получили результаты неких последних экспериментов, которые позволяют нам с оптимизмом смотреть в будущее страны. Во всяком случае, в военном плане. Скажу даже больше. Если в ближайшие пару месяцев нас не сомнут, даже не столько внешние, сколько внутренние враги,

то по прошествии этого срока, желание разговаривать с нами «с позиции силы», как тут предлагала одна бывшая акушерка перейдет из области гипотетических умозаключений в фантастику без права когда-нибудь претвориться в реальность. Наши военные технологии шагнули настолько далеко, что даже у Штатов с их непомерным военным бюджетом не хватит сил догнать нас. Они отстали от нас, причем навсегда. А уж мы позаботимся о том, чтобы отбить у них всякое желание играть с нами в догонялки. Это все, что я вам пока на это сказать. Впрочем, как вы и сами знаете, и до нынешнего момента воевать с нами напрямую ни у кого желания не возникало, даже у отморозенных на всю голову укранацистов.

– А нет ли противоречия в ваших словах? – позволила себе усомниться Хазарова.

– Какого именно? – удивился Афанасьев, никогда до этого не страдавший алогизмом суждений.

– Моя подчас жесткая и вызывающая тошноту позиция по некоторым международным вопросам может не утихомирить, а напротив, спровоцировать противников на решительные военные шаги в нашем направлении. И тогда у нас может просто не хватить времени завершить внедрение новых систем вооружений.

– Да куда уж больше провоцировать?! – дернул щекой Верховный. – Вы уже видели чем закончилось желание быть миротворцем у вашего бывшего шефа. Наоборот, мы считаем, что только жесткая бескомпромиссность способна слег-

ка остудить горячие головы из-за океана. Там ведь тоже не дураки сидят в этих, как их «Рэнд Корпорейшн»¹⁰² и всяких подобных им. Видя нашу напористость, они наверняка начнут просчитывать вариант того, что у русских уже что-то имеется, раз они так нагло себя ведут. Если им время от времени не показывать зубы, как это делал наш покойный президент с демонстрацией некоторых образцов, то они нам на голову сядут и ножки свесят.

– Позвольте уж и мне вставить свои пять копеек? – обратился к присутствующим Юрьев.

– Да, кстати, Мария Владимировна, совсем запамятовал, садовая моя голова, – принялся вдруг сокрушаться Афанасьев. – Я забыл вам представить Бориса Ивановича. Да-да, я знаю, что вы знакомы, но я хотел бы его представить вам в новом статусе. Высший Военный Совет рекомендовал его на пост Министра обороны, но мы тут пошушукались и решили дать ему в нагрузку еще и обязанности премьер-министра. Он вроде не сильно отказывается. Так что, если вы согласитесь возглавить МИД, то за финансированием будете обращаться к нему, – со смехом закончил он, и его поддержали одобрительными возгласами.

– Я думаю, что мне очень приятно будет сотрудничать с вами, Борис Иванович, – поддержала мажорный настрой Ха-

---

¹⁰² Американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооружённых сил и связанных с ними организаций.

зарова, – и хоть наше с вами знакомство носило спорадический характер, но покойный мой шеф всегда очень тепло отзывался о вас, как о специалисте-универсале.

– Так вы хотели что-то сказать, Борис Иванович? А я вас перебил, простите, – извинился Верховный.

– Да, ничего-ничего, мне и самому приятно было послушать похвалу из уст нашей «железной леди».

– О, нет! Этот титул уже занят одной исторической персоной, – со смехом возразила Хазарова.

– Хорошо, – не стал спорить Юрьев, – но думаю, что благодарные потомки все равно наградят вас чем-нибудь в этом роде. Ну, да, ладно, не о том сейчас речь. Я просто хотел, Мария Владимировна, вселить в вас еще немного уверенности, что явно не помешает вам в будущих диалогах со своими визави. Просто одна маленькая ремарка об истинном экономическом положении России на мировой карте. По данным целого ряда независимых экономических экспертов, не доверять которым нет ровным счетом никаких оснований, истинный ВВП России, с учетом покупательной способности и если отбросить из подсчета непомерно раздутый сегмент услуг, часть из которых вообще из разряда «виртуальных», на данный момент находится на четвертом месте. Если не считать консолидированный ВВП стран ЕС, то впереди нас только Китай, США и Индия. Такие «флагманы» экономики как Германия, Великобритания и Франция, находятся позади нас. А если учитывать нынешние размеры паде-

ния всех без исключения экономик в результате пандемии, то этот разрыв становится еще большим, так наше «проседание» на их фоне вообще можно рассматривать на уровне статистической погрешности. «Мировую фабрику» и США с их валютным диктатом, нам, конечно, не догнать, пока, но тягаться с Японией, Индией и ведущими европейскими игроками нам вполне по силам уже сейчас. Так что, все разговоры о том, что Россия по уровню ВВП плетется где-то рядом с Португалией, а штат Техас имеет больший ВВП, чем вся Россия, ничего не имеет общего с истинными показателями. Это они вещают для самоуспокоения. Иное дело уровень жизни населения. Тут нам действительно крыть пока нечем, и о показателях Португалии – приходится только мечтать, сокрушенно вздохнул Борис Иванович, заканчивая свой монолог.

– Вот этим, вы, Борис Иванович и займетесь, возглавляя новое правительство, – торжественно подытожил Афанасьев, не желая заканчивать разговор на минорной ноте. – Мы вас будем подпирать изнутри, а Мария Владимировна – снаружи.

– Значит, если я вас правильно понял, мне будет позволено самостоятельно формировать Кабинет министров, – осведомился Юрьев, осторожно поглядывая на окружающих.

– Да, Борис Иваныч. В основном так. Правда, нам хотелось бы поучаствовать в выборе кандидатуры министра финансов, но если кандидатура, представленная вами, не будет слишком уж противоречить нашим основным задачам, то я

думаю, никаких проблем возникнуть с ней не должно.

– А что делать с Центральным Банком? – начал въедливо уточнять Борис Иванович. – Ведь нельзя же на посту эмиссионера держать откровенно враждебное нашему государству лицо, да еще и неподотчетное?!

– Это очень серьезный вопрос и его надо решать как можно скорее. Мы сегодня уже получили с Сергеем Ивановичем некоторые пояснения от сведущих в этом деле лиц, – тут он вспомнил Живоглота и невольно улыбнулся, но быстро согнал улыбку с лица, продолжив, – и поняли, что Центробанк необходимо взять в руки в прямом и переносном смысле слова, иначе капиталы, накопленные неимоверными усилиями, могут утечь в одночасье. Но давайте сначала разберемся с процедурными вопросами, собравшими нас всех в этом кабинете.

Все закивали в знак безусловного согласия, а Афанасьев после некоторой паузы продолжил:

– Я вижу, что среди нас нет возражающих против того, чтобы рекомендовать Высшему Военному Совету Марию Владимировну в качестве Министра иностранных дел.

Опять все дружно закивали кроме Юрьева, растерянно оглядывающегося по сторонам.

– У вас имеется особое мнение на данный счет? – спросил Верховный.

– Никак нет, – почти по-военному ответил тот, – просто я не знаю, имею ли право голоса в вашем Президиуме.

– В нашем Президиуме, – поправил он его. – Вы теперь, как Министр обороны имеете право голоса при решении любых вопросов.

– Надо только пройти последний этап перед окончательным утверждением, – вставил Тучков.

– Пройдет, – беззаботно ответил Афанасьев. – Пройдете? – обратился он уже с улыбкой к Юрьеву.

– Постараюсь, – развел руками тот.

– Вот и отлично. Сейчас договоритесь с Николаем Палычем о том, к какому времени вам нужно будет подойти на процедуру, а как придете домой, то потрудитесь составить как можно более подробный список вашего имущества и финансовых средств на счетах, с указанием источника получения. Мария Владимировна, – обернулся он к Хазаровой, – все, что я сейчас говорил в отношении товарища Юрьева, касается и вас. Вам тоже необходимо будет завтра пройти проверку. Вы уж простите, но иначе никак нельзя.

Чувствуя, что беседа с кандидатами подошла к логическому завершению, все начали потихоньку вставать, разминая слегка затекшие ноги.

– А что, это такая уж страшная процедура? – вопросительно подняла брови Хазарова, тоже вставая со своего места. – Я думала, что это будет нечто детектора лжи, проверку на котором мы проходим почти ежегодно, но судя по вашим интонациям...

Он ей не дал договорить:

– Не столько страшная, Мария Владимировна, сколько неприятная, и я бы даже добавил, в некоторой степени унижительная.

– Вот даже как?! И в чем же заключается это унижение?! Меня – в голом виде будут хлестать плетьюми, выбивая показания?! – уже округлила она глаза. Юрьев тоже слегка подобрался в своем кресле, слушая этот диалог.

– Да нет, ну что вы?! – замахал на нее руками Афанасьев. – Я и сам и все мои коллеги, присутствующие здесь прошли сегодня утром эту процедуру, и как видите, ни шрамов, ни кровоподтеков. Просто вам сначала предложат выпить рюмочку снадобья...

– А этим снадобьем окажется «сыворотка правды», – задумчиво добавил вполголоса Юрьев.

– Верно, – согласился Верховный. – А дальше вам начнут задавать в манере далекой от доброжелательности всяческие неудобные вопросы.

– Ага, – не совсем по-светски вырвалось у претендентки на министерский портфель, – «дети в подвале играли в гестапо...», – процитировала она известный садистский стишок из далекого детства.

– Совершенно верно! – закивал Тучков, и на его лице разлилась добрая улыбка ласкового дядюшки.

– Ну, решайтесь товарищи! Это дело добровольное. Если не согласны, то мы будем искать других кандидатов, но преследовать вас за несогласие не станем, – спросил Афанасьев

безразличным голосом, будто у него в запасе находилась целая команда кандидатов.

– Хорошо, – поджала губы «горгона», – в конце концов «Париж стоит мессы». ¹⁰³

– Мне тоже, в общем-то, скрывать нечего. Родину не продавал, капиталов не нажил, дворцов себе не понастроил, – пожал плечами в раздумье Борис Иваныч. – А в остальном, так кто же не без греха?! Пусть первым и кинет камень.

Только он успел произнести эти слова, как послышались снаружи двери глухие стуки, скрадываемые кожей обивки.

– Войдите! – громко скомандовал Валерий Васильевич.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Михайлов и окинув быстрым глазом собрание, начал рапортовать:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, разрешите...

– Да не ори ты так, Борисыч, – перебил его Верховный. – Говори, что там у тебя? Печать привез?

– Во! – начал доставать, застрявшую в брючном кармане довольно массивную колотушку, Михайлов. – Ну и сволочь же этот Голубев из канцелярии! Никак не хотел отдавать.

– И как же удалось ее взять? – спросил Верховный, принимая в руки тяжелую бронзовую кеглю Большой государственной печати. Отвинтил крышку, освобождая рабочую поверхность, и мельком глянул на двуглавого орла, уцепившегося лапами в царские регалии.

---

¹⁰³ Афоризм, приписываемый французскому королю Генриху IV.

– Уж я ему и так, и эдак, а он, все, ни в какую. Не положено, мол, говорит по закону. Не имею, я значит, таких прав. Я ему мандат, а он мне Законом «О Правительстве» в нос тычет. Хотел, уж было ствол ему в зубы сунуть для убедительности, да спасибо подошел их старший юрист.

– И что? – как бы, между прочим, полюбопытствовал Афанасьев, завинчивая крышку печати.

– Ну, он так послушал-послушал нас, да и говорит тихим своим голосочков: «Вы, – говорит, – товарищ Голубев напрасно упорствуете перед новой властью. Это себе дороже. А во-вторых, это там у них за границей расписано, кто за кем власть наследует в случае чрезвычайного периода, а у нас такой механизм еще не выработан. И Закон «О Правительстве в Российской Федерации», которым вы так размашисто водите перед носом у товарища, регламентирует в соответствии с письменно оформленным распределением обязанностей передачу власти от одного заместителя Председателя Правительства к другому, в случае отсутствия Президента и премьер-министра. А вот письменного оформления этой процедуры и пой сей день, нет. Так что, как ни крути, а законодательная коллизия».

– Ты смотри! – удивился Рудов. – И как это ты запомнил такие слова-то?

– Пришлось вот, – развел руками и шмыгая носом Михайлов.

– Ладно. Молодец. Хвалю за службу, – отрывисто произ-

нес Верховный. – Ты там, когда проходил не видел у входа мою машину?

– Видел, товарищ Верховный! У центрального входа стоит. Я заглядывал, Кондратьич за рулем дрыхнет, – не преми-нул он наябедничать на соратника, но Верховный пропустил этот выпад против своего водителя мимо ушей.

– Хорошо. Товарищи, – обратился он всем находящимся в кабинете. Время уже почти 18.00. Давайте все-таки посетим траурное мероприятие и окажем последние почести жертвам теракта. Да и представители заинтересованных государств, чьи граждане погибли, будут ждать нас к 19.00. Придется еще и им уделить время для прояснения обстановки.

Все дружно и одобрительно загудели в том смысле, что действительно пора бы уже и посетить Колонный зал, а то как-то нехорошо получается – второй день при власти и уважения к жертвам не проявили до сих пор.

– На, – сунул он обратно печать адъютанту, – береги, как зеницу ока, потом вернемся и я положу ее в сейф.

Затем обернулся к Хазаровой:

– Мария Владимировна, вы как, с нами поедете или у вас свой транспорт имеется?

– Я брала дежурную машину из мидовского гаража, чтобы приехать сюда, но могу отпустить ее, если потом кто-нибудь подбросит меня до дома.

– Я подброшу, – тут же вылез Тучков, – тем более мы с Марией Владимировной живем в соседних подъездах.

– Мы недавно переехали на Серафимовича, – как бы оправдываясь, сообщила она.

– А мы уже во втором поколении живем в «Доме на набережной»,¹⁰⁴ – подхватил Николай Павлович.

– Вот и хорошо, – обрадовался Афанасьев. – Тогда вы Николай Палыч езжайте с Марией Владимировной, а заодно, по дороге договоритесь и проинструктируете ее насчет завтрашней проверки. А у вас, Борис Иванович, как с транспортом?

– Да я вообще на такси к вам приехал, – засмутился будущий премьер-министр. – Машину свою позавчера только в сервис отправил. Тормозные колодки подхрустывать начали.

– Ладушки. Значит, поедете вместе со мной. Мне еще надо будет с вами по дороге потолковать по поводу формирования вашей команды. Ну, все, можно уже и идти. Идемте, товарищи, – обратился он ко всем, – пропуская их впереди себя к выходу.

В приемной вместо Коржика уже посиживал другой «моряк». Этот в отличие от своего предшественника был моряком потомственным и носил известную в мореманских кругах фамилию Вальронд. Триста лет его предки бороздили океанские просторы под славным флагом с косым голубым крестом. Бороздил и он. Обладая геркулесовским телосло-

---

¹⁰⁴ Официально называется «Дом правительства» и расположен по адресу: ул. Серафимовича, д.2.

жением, он почти двадцать лет отдал службе в ГУГИ,¹⁰⁵ но уже дважды побывал в состоянии декомпрессии, а потому по настоянию медиков, в звании капитана второго ранга, отправился дослуживать на сушу. И пройдя курсы по переподготовке, был прикомандирован в прошлом году к Начальнику Генштаба. Спокойный и молчаливый в силу своей специфики (водолазы не любят много говорить из-за привычки экономить воздух), он безропотно нес бремя своей новой службы, никогда первым не вступая ни в какие разговоры, а если и отвечал когда, то его речь носила характер коротких телеграфных сообщений – строго и только по существу. Все уже привыкли к его манере разговаривать, поэтому старались лишний раз не теребить задушевыми разговорами, на которые он не был склонен, как в силу своего характера, так и в силу того, что пребывал уже четвертый год в разводе. Афанасьев на уставное приветствие Вальронда протянул тому руку и пожал, чего до сих пор никогда не делал, отделяясь приветственным кивком, либо козырянием. Но со вчерашнего дня он резко изменил свое отношение к людям на чьих плечах лежит ответственность за судьбы мира. Незаметные, тихие и исполнительные они несли свою службу, порой разменивая свои жизни на жизнь целого государства. Это требовало особого отношения к ним, и единственное о чем жалел сейчас Афанасьев, так это то, что всегда мало уделял своего внимания «ангелам в погонах», как мысленно

---

¹⁰⁵ Главное управление глубоководных исследований.

стал их называть после вчерашней бойни на Красной площади. Принимая рукопожатие Верховного, Вальронд чуть удивился такой его сердечности, но как обычно, вида не подал, а с чувством пожал протянутую ему руку. Пожал и несмотря на свой рост ухитрился затеряться среди сопровождавших Верховного лиц.

Дождавшись, когда Хазарова и большинство членов Президиума выйдут в коридор, а в приемной останутся только Рудов с Юрьевым, да Михайлов с Вальрондом, Афанасьев подошел к столу секретарши, мигом вскочившей при его появлении (уже наученная!) и, указывая глазами на Юрьева, тихо, но с долей ядовитости заметил ей, почти шепотом:

– Я-то хорошо помню вас. И помню, как вы за месяц службы из старшего прапорщика стали полковником. С завтрашнего дня, вот он станет вашим непосредственным начальником, поэтому мой вам совет, если не хотите променять три большие звезды на три маленьких, займитесь изучением Устава и впредь не путайте Минобороны с лагерем маркизанток, тем более, что он очень любит свою супругу.

Та, округлив глаза до невозможности, в состоянии тихой паники от, наконец пришедшего к ней понимания своей малозначительности в этом мире, быстро-быстро закивала головой, судорожно пытаясь при этом одернуть слишком уж короткую юбку. В полной мере насладившись этим зрелищем, он резко повернулся и уже громким и веселым голосом обратился к стоящим за его спиной людям:

– Ну, что ж вы товарищи толпитесь и не проходите в коридор?! Я просто на секундочку задержался, чтобы провести дополнительный инструктаж с военнослужащей. Идемте-идемте, а то нехорошо будет, если мы опоздаем.

И они впятером дружной толпой выкатились в коридор.

Глава 19

I

25 июня 2020 года, г. Москва, улицы столицы.

Как и говорил Михайлов, служебный ЗиЛ Афанасьева стоял неподалеку от центрального входа. И действительно, Кондратьич кемарил удобно пристроив свою седую голову на руль. Верховный, подойдя со стороны водителя, слегка побарабанил пальцами по боковому стеклу. Кондратьич вскинулся, как будто и не дремал. Нажатием кнопки быстро разблокировал закрытые двери, пропуская пассажиров. Пока адъютант бегал к начальнику колонны сопровождения договариваться о маршруте передвижения, остальные рассаживались, согласно уже принятому обычаю. Вальронд умащивал свое крупное тело рядом с водителем, Афанасьев с Рудовым уселись на задние сиденья, Юрьев сел к ним лицом.

– Куды прикажете везть, ваше сясество?! – излишне ерничая и коверкая язык, поинтересовался Кондратьич.

– Надо говорить не сясество, а ваше анпираторство! Забыл что ли?! – в той же манере поправил его Рудов.

– На Большую Дмитровку, в Колонный Зал, на панихиду, – не принимая шутливого тона, серьезно ответил Афанасьев. Ему почему-то было неловко перед Юрьевым за пове-

дение своего ближайшего окружения. Но к счастью, Борис Иванович, погруженный в свои мысли, кажется, даже не заметил этого словоблудия. А тут уже и запыхавшийся Михайлов со смешно оттопыренным карманом с Большой Государственной печатью ввалился в салон и деловито уселся рядом Юрьевым, отдавая приказ на ходу:

– Трогай по малу, Кондратьич!

– Я, ты, щас самого трону за хохотальные места, – беззлобно огрызнулся на распорядительного адъютанта водитель.

Тем не менее, все же тронулись вслед за БТРом выбрасывающим на ходу черную копоть из выхлопной трубы. Расправив плечи и поудобнее откинувшись на спинку сиденья, Афанасьев, как бы продолжая прерванный в кабинете разговор начал:

– Я, Борис Иваныч, рискну нарушить уединение ваших мыслей, а поэтому возьму на себя смелость продолжить наше обсуждение касательно будущего Кабинета министров.

– Да-да, Валерий Васильевич, – в тон ему ответил Юрьев. – Я готов к обсуждению.

– В любом правительстве, пост министра финансов занимает ключевое положение, вы это прекрасно понимаете. Зная ваши непростые взаимоотношения с прежним министром, вы ведь наверняка держите в голове какую-нибудь кандидатуру, которая могла бы не только пользоваться авторитетом в деловых и финансовых кругах, но и не входила бы в явное противоречие с вашими устремлениями?

– Да, Валерий Васильевич, на такой пост, безусловно, нужна такая кандидатура, которая бы при достаточном профессионализме пользовалась бы авторитетом у коллег и при этом была бы незапятнанная ни в каких сомнительных махинациях прежнего руководства. А еще он должен быть не просто хорошим бухгалтером, как тот же самый Антоша, но еще и иметь навыки общения с международными финансовыми структурами, – как бы рассуждая вслух, перечислял достоинства будущего распорядителя денежными средствами Юрьев.

– То есть, я так понимаю, что эта фигура должна быть откуда-то со стороны, а не из недр самого министерства?

– Совершенно верно, – закивал Юрьев.

– И у вас уже имеется кто-нибудь на примете?

– Если брать навскидку, то всеми этими качествами обладает только один человек, который приходит мне в голову.

– Ну-ну, продолжайте-продолжайте, я весь – внимание, – подбодрил его Верховный.

– Я полагаю, что Сергей Юрьевич Глазырев очень подходит к этой должности. Авторитетом у коллег он пользуется, да и опыт работы на прежних постах, говорит в его пользу.

– Глазычев, хмм... – задумался на некоторое время Афанасьев. – Я имел с ним шапочное знакомство, в его бытность советника Президента по экономической составляющей евразийской интеграции, в роли которого он, насколько я помню, продержался недолго.

– Да. Человек он, прямо скажем, не очень уживчивый, – согласился Юрьев. – Но эта черта его характера может быть как минусом, так и плюсом.

– Хотите сказать, что он режет правду-матку в глаза, не цепляясь за должности?

– И это тоже.

– А что еще?

– Не задерживаясь подолгу на постах, он вряд ли успел обрести связями и сомнительными схемами для личного обогащения.

– Да, – мрачно согласился Афанасьев, – для того, чтобы начать хапать, нужно сначала, как следует оглядеться, приноровиться и укорениться. Вы, Борис Иванович, с ним контактировали не в пример больше моего. Расскажите-ка подробнее о нем. Все, что знаете. Плохое и хорошее. За то время пока мы доберемся до места, я думаю, что вы успеете дать нам его жизнеописательный портрет.

– Хорошо. Попробую вкратце и о чем помню, – кивнул, соглашаясь, Юрьев. – Ну, про то, что он профессор, академик и бывший советник Президента, вы и так знаете, поэтому эту часть подробностей жизни – опустим.

– Да. Только самую суть.

– Он хоть и родился на Украине, однако, всю сознательную жизнь прожил в России и кстати, очень переживал, что в 14-м мы не дошли до Киева.

– Мы теперь все об этом переживаем, – будто старый во-

рон, каркнул, молчавший до сих пор Рудов. – Ладно, молчу-молчу, продолжайте, пожалуйста.

– С начала 90-х входил в группу младореформаторов – Гайдара, Курдина, Чайбуса и Игнатова, – при упоминании этих одиозных фамилий Афанасьев скривил лицо, будто объелся клюквенного варенья, но промолчал, давая собеседнику продолжить рассказ. – Потом по приглашению Петра Авена, который был тогда председателем комитета по внешнеэкономическим связям при Министерстве иностранных дел РСФСР, стал его заместителем.

– Авен, это та гнида, что рулит «Альфа-банком» из Риги? – поднял бровь Афанасьев.

– Он, самый. Но долго в заместителях не засиделся и уже в 93-м перебрался в кресло министра внешних экономических связей РФ. Был депутатом Госдумы нескольких созывов, причем избирался всегда не по партийным спискам, а по одномандатным округам, что безусловно характеризует его как бойца, – продолжил Юрьев повествование. – К началу нулевых он окончательно разорвал связь с реформаторами западного толка и перебрался на патриотическую платформу, примкнув к депутатской группе «Родина», которую фактически и создал, но совершил при том фатальную ошибку, столкнувшись с Рогожиным, который его потом и выжил из думской фракции.

Тут Афанасьев сделал останавливающий жест рукой и обратился к Михайлову:

– Борисыч, черкни где-нибудь себе в блокноте, чтобы потом напомнить мне о срочном вызове руководства «Роскосмоса» для отчета по расходованию средств, отпущенных на строительство космодрома «Восточный», а то они что-то там затихарились, как я погляжу.

Михайлов тут же, прямо на коленке, принялся черкать авторучкой в блокноте распоряжение Верховного. «Пруссак» одобрительно кхекнул и заулыбался зловеще и загадочно.

– Извините, Борис Иванович, что прервал. Я уже в таком возрасте, что если сразу не обратишь внимание на что-то, то потом можешь запросто об этом и подзабыть. А вы, продолжайте.

– В Думе был членом комитета по бюджету и налогам, – опять продолжил Борис Иванович. – С 2008-го занимал пост заместителя секретаря Евразийского экономического сообщества, а годом позже стал Ответственным секретарем Таможенного союза, в должности которого и пребывал до тех пор, пока не стал советником Президента.

– Что ж, вполне обычная история карьерного чинуши. Не вижу, за какие такие заслуги его можно было бы назначать в Минфин, – проговорил Валерий Васильевич, разводя руками в непонимании.

– Дело не в его карьерных прыжках, а в том, что он изнутри знает проблему финансирования отраслей и направлений, умеет сверстывать бюджет и находить консенсус между противоположными сторонами. Кстати, это он отговорил

в 2013-м Януковича от подписания Ассоциации с ЕС, раздобыв оригинал соглашения и сделав его перевод на хохломову.

– Ну, положим, не лично он добывал текст соглашения, а куда более ловкие ребята из СВР, – сморщился Афанасьев.

– Возможно, – не стал спорить Борис Иванович, – но вы наверное не в курсе, что это именно благодаря его стараниям в 2008-м на просторах СНГ не разгорелась таможенная война, а ведь все шло именно к тому.

– Ладно, не спорю, но что еще примечательного вы в нем находите, кроме ловкости и пронырливости?

– Пронырливость, как вы метко выразились, для Министра финансов – не самое плохое качество. Но кроме этого он еще и крупный ученый, имеющий в своем активе труды по выявлению неизвестных ранее закономерностей в смене технологических укладов. Где каждый уклад представляет воспроизводящуюся целостность технологически сопряжённых однородных по техническому уровню производств, в процессе развития мировой и национальных экономик, заключающаяся в том, что технологический уклад в своём жизненном цикле проходит фазы эмбрионального развития в условиях доминирования предшествующего технологического уклада, рождения при исчерпании последним возможностей расширения, роста, зрелости и упадка, проявляющиеся в форме длинноволновых колебаний экономической активности с чередованием периодов устойчивого подъёма и

неустойчивого депрессивного состояния. Я хорошо знаком с этими его трудами, и полностью разделяю его взгляды в этом направлении.

Пока Юрьев произносил эту длинную и малопонятную тираду, лица его собеседников приобретали вид осунувшихся и потерявшихся во времени и пространстве людей, как будто они прослушали лекцию о «теории квантовой запутанности» на китайском языке. У бедняги Михайлова выпала авторучка из рук, а флегматичный до состояния нирваны Вальронд в изумлении открыл рот, повернувшись к оратору всем телом с переднего сиденья. Что уж говорить за Кондратьича, который чуть не врезался на полном ходу в едущий впереди БТР, по причине того, что усиленно старался понять абракадабру произнесенную Юрьевым. В состоянии ступора пребывали все за исключением Рудова, который шевельнув щеточкой своих седоватых усов, проворчал:

– Вы бы, Борис Иванович, того... как бы это сказать, попросте, что ли, а то, понимаешь, создаете тут на ровном месте аварийную ситуацию. Чуть ли не половину хунты запросто могли уничтожить, птичка вы наша – Сирин.

– Прошу меня простить, если я слишком уж вычурно изъяснялся, – начал оправдываться Юрьев, но тут же осекся, встретившись взглядом с остекленевшими глазами Афанасьева. – Валерий Васильевич, что с вами?!

– А? Что? – встрепелся тот, начиная приходить в себя. – Где я?! Кто вы?!

– Вы – Афанасьев Валерий Васильевич, – пролепетал не на шутку перепугавшийся адъютант, – а мы едем в вашей машине.

– Да?! – удивился тот. Затем немного помолчал, вздохнул и проговорил ни к селу, ни к городу. – Злые вы. Я домой хочу. К маме.

Машина взорвалась от дикого хохота, да так, что рулевое колесо в руках у Кондратьича опять начало рыскать из стороны в сторону, будто машиной управлял сильно нетрезвый человек. Смеялся и сам Афанасьев. Смеялся переломившись пополам Вальронд, наверное первый раз за много лет. Смеялся Юрьев, не ожидавший такой реакции со стороны руководства на свой ученый спич. Грохотал Рудов, у которого от смеха даже брызнули слезы из глаз. Дробным, козлиным смешком заливался Михайлов. Наконец, быстро отсмеявшись, Афанасьев вернулся к деловому тону:

– Ладно. Верю. Великий ученый этот ваш Глазырев, но ведь признайтесь, не за эти же его качества вы так ратуете за данную кандидатуру? Что-то, значит, есть в нем еще, или я ошибаюсь?

– Он внесен в санкционный список всех европейских государств и Соединенных Штатов.

– Ага, – вырвалось междометие из уст Верховного.

– И еще его люто ненавидит Кристин Лагард – директор-распорядитель МВФ.¹⁰⁶

---

¹⁰⁶ Международный Валютный Фонд

– За что?

– За его стойкое желание вырвать наш Центробанк из лап того же МВФ из-за его подчиненности внешним регуляторам и за навязанную нам, еще в бытность Касьянова, политику, так называемого «бюджетного правила».

– Вот с этого и надо было начинать, Борис Иванович! – наставительно высказался диктатор. – Кстати, просветите-ка нас по поводу этого правила. Только, пожалуйста, без зауми, своими словами.

– По-простому, бюджетное правило – это указивка МВФ, которую они дают нам ежегодно о том, сколько нам печатать дензнаков и как расходовать профицит бюджета, буде он появится. Как сейчас помню, в 19-м, пока меня не выперли, я присутствовал на совместном ежегодном заседании с их посланниками. Простите, не удержусь, процитирую на память: «Официальным органам рекомендуется также воздерживаться от квазибюджетных операций со средствами Фонда национального благосостояния, а следует продолжать инвестировать их в качественные иностранные активы (даже после достижения ликвидной части фонда 7 % ВВП), чтобы сберечь ресурсы для будущих поколений и избежать процикличности».¹⁰⁷

– Собаки, – скрипнул зубами Рудов. – Они нам еще приказывать будут, куда деньги вкладывать?!

– Да это и так из текста ясно куда – в иностранные активы,

---

¹⁰⁷ Из подлинного доклада сотрудников МВФ за 2019 год.

а не в собственную промышленность, – дополнил его Валерий Васильевич.

– За одно это его стоило бы назначить министром, – осторожно прозондировал почву будущий премьер.

– Да. Вы правы, Борис Иваныч, нашего эмиссионера ни в коем случае нельзя оставлять в их грязных ручонках, – утвердительно кивнув головой, процедил сквозь зубы Афанасьев.

– Кстати, о Центробанке, – встрял Сергей Иванович, – что вы Борис Иваныч думаете по поводу руководства нашим банком?

– Вы имеете в виду Эльвиру Сахипзадовну?

– Да. У нас все через это место проходит, – не совсем понял или не расслышал, как следует, ее отчество Рудов.

– Я думаю, что эта верная ученица Жака Аттали¹⁰⁸ слишком уж послушно ведет себя со своими кураторами из Бильдербергского клуба,¹⁰⁹ к тому же она, на мой взгляд, перестаралась в борьбе с инфляцией, а уж ее последние действия я вообще отказываюсь понимать.

– Ну-ка, ну-ка, пожалуйста, расскажите, – подался всем телом вперед Афанасьев, – а то мы, знаете, как-то не очень следили до сих пор за делами подобного рода.

---

¹⁰⁸ Французский экономист, банкир, писатель и политический деятель.

¹⁰⁹ Неофициальная ежегодная конференция участники которой являются влиятельными людьми в области политики, бизнеса и банковского дела, а также главами ведущих западных СМИ.

– Нашего покойного президента можно критиковать за многие совершенные на посту деяния, но у него нельзя было отнять понимания истинной роли золота в качестве подушки безопасности для экономики в угрожаемый период. Он над каждым добытым килограммом трясся подобно мифологическому Кощею. И это благодаря именно его неустанным стараниям наши золотовалютные средства вышли на уровень сталинских времен – в две с половиной тысячи тонн.

– Да. Я слышал, что об этом говорили в СМИ. И даже, вроде бы, иностранцы удивлялись и завидовали его прозорливости, – к месту вспомнил Верховный. – И что?

– А то! – не скрывая вдруг нахлынувшего раздражения, воскликнул Юрьев. – Если в прошлом году Центробанк на международной бирже в Лондоне реализовал 90 тонн, то за это полугодие туда уплыло уже в три раза больше. Это почти триста тонн, что составляет около 130 % от годовой выработки всех наших месторождений. То есть, мы не только не нарастили в этом году резервы, но и в значительной мере их профукали! Ну, я бы это еще как-то понял, если бы это происходило на восходящем тренде, но в этом году цены на него упали, в связи пандемией. И ладно еще, если бы на вырученные деньги, при отсутствии валюты, были приобретены какие-то активы, технологии, производства. Так нет же! Просто тупо депонировали на счета Центробанка. И это при том, что недостатка валюты у нашего, или уже не нашего – не знаю, регулятора не было. Было, черт возьми, было! Более

пятистот миллиардов «зелени»!

– У вас имеется какая-нибудь конспирологическая теория по данной теме? – подобрался как гепард перед прыжком Афанасьев.

– Да какая уж там теория, прости Господи?! И так все видно, без микроскопов. Все золото переправлено в подвалы Банка Англии. А буквально накануне, ряд стран, до той поры хранящих свои золотые резервы на территории Туманного Альбиона, убоявшись последствий брексита, в срочном порядке потребовали вернуть свое золотишко. А так как в Британии своего золота давно уже нет, также как и у их хозяев – США, то она просто за наш счет расплатилась со своими доверителями. А Эльке, что?! На старость она себе уже прикопила. Дети и внуки живут-поживают в Норвегии. И гражданство у них норвежское. Сейчас ажиотаж с пандемией немного поуляжется, она и сама туда удочки смотает, на прощанье, смахивая слезы ностальгии по покинутой Родине.

– Не смотает! – зарычал Афанасьев, ерзая в нетерпении. – Борисыч, ну-ка скоренько свяжись с Тучковым.

Пока Михайлов судорожно пролистывал список абонентов на коммуникаторе, в поисках нужной фамилии, глаза Верховного метали молнии во все стороны, а пальцы судорожно скребли кожу подлокотников. К счастью искомый номер быстро нашелся, и адъютант поспешно передал трубку шефу. Прошло еще несколько томительных секунд ожидания, пока на том конце не отозвался жандарм.

– Николай Палыч! – заорал в трубку Афанасьев, чего раньше никогда не делал. – Ты, вот что, отряди-ка надежных ребят и пусть они глаз не спускают с Наibuлиной из Центробанка.

– Обижаете, Валерий Васильевич, – спокойным голосом ответил Тучков. – Я об этом распорядился еще вчера. Ее плотно ведут. Никуда не денется.

Юрьев помотал головой из стороны в сторону.

– Что, Борис Иванович?! – спросил озабоченно диктатор, и тут же в трубку, – подожди секунду Николай Палыч!

– Братъ ее надо, причем немедленно, – шепотом проговорил Борис Иванович.

– Да никуда она не денется, – так же шепотом ответил ему Афанасьев. – Карантин. Все дороги, будь то железные или шоссейные перекрыты. Авиация тоже на приколе.

– Не вся, – возразил, ему Юрьев, криво усмехаясь. – Вы забыли про чартерные рейсы. К тому же не исключено, что у нее имеется не только заграничный паспорт с открытой шенгенской визой, но и иностранный дипломатический с другой фамилией. Но и это еще не все, – зловеще сверкнул глазами Борис Иванович.

– Господи! Еще-то что?!

– Сегодня понедельник – рабочий день...

– Ну и? Не тяни кота за причинные места.

– По Закону о Центробанке, она имеет право единоличной подписи на переводы средств с корреспондентских сче-

тов. Там, правда, лимит установлен, но и без него сумма может более чем существенной. Кто его знает, чего она там наподписывала уже за день?

– О, черт! – опять чертыхнулся «комод». И уже в трубку. – Николай Палыч, тут, в общем, такое дело...

– Брать под белые руки? – сразу догадался Тучков.

– Да. И как можно скорее. Кажется, мы сегодня сильно опростоволосились с этой дамочкой, упустив ее из виду.

– Не переживайте, Валерий Васильевич, я сейчас отдам все необходимые указания. Куда ее доставить?

– Куда-нибудь за город, на конспиративную дачу. Места-то еще остались свободные?

– У нас домов, что у зайца теремов, – усмехнулась трубка в руке Афанасьева.

– Вот и славно, только вы там без лишних грубостей пока, – спохватился Верховный. – Лишний головняк тоже не нужен пока. И без этого завтра рубль просядет на этой новости.

– Что будем ей инкриминировать? – деловито поинтересовался Николай Павлович и тут же пояснил, – в любом случае придется проводить первичный допрос, даже без применения спецсредств.

– Пока шейте ей разбазаривание валютных резервов и нецелевое использование вырученной при продаже государственных активов валюты.

– С присвоением или как?

– Вот это вы и выясняйте.

– Хорошо, Валерий Васильевич. Будет исполнено. Как только ее возьмем, я тут же доложу.

– Спасибо, – уже без бывшего внутреннего напряжения ответил Верховный и отключился.

Оглядевшись по сторонам и поймав на себе одобрительные взгляды со стороны пассажиров, кривенько улыбнулся, демонстративно утирая якобы вспотевший лоб:

– Уфф! Ну и заставили же вы меня поволноваться, Борис Иваныч! – шутливо погрозил он пальцем Юрьеву.

– Быстрота реакции – это то, что вам, Валерий Василич, так не доставало до сих пор, – льстиво подкатил к нему ослабившийся Рудов, одобрительно трогая того за коленку.

– Не в моем возрасте проявлять такую прыть. Ну да, ладно. Что уж с вами поделаешь, архаровцы, вы этикие?! – усмехнулся он в свою очередь.

Тем временем в штанах у него завибрировало, от чего он невольно вздрогнул. Это подавал голос мобильник, который он предусмотрительно перевел со звонка на вибровывоз.

– Да, Настя! – громко ответил он, увидев, кто звонит.

– Пап! – послышался тоже громкий голос дочери из трубки (с возрастом у бывшего танкиста стали проявляться проблемы со слухом и он попросил внука настроить ему динамик на максимальную громкость). – С мебелью мы справились. Все перевезли. А с коробками я не успела. Их оказалось очень много. Тяжеленные. Книги там и прочее. Пока со-

бирала, они уже все вытащили, но ждать меня не стали. Спасибо Аверьяну Кондратьевичу. Я ему позвонила, и он приехал со старшим сыном. Вчетвером мы быстро управились. Так что и с коробками управились. Я ему стала давать деньги, а он отказался. Ты уж тогда сам с ним рассчитайся, а то как-то неудобно вышло.

– Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты не обращалась ни к кому через мою голову? – недовольно засопел он в трубку. – И раньше нельзя было это делать, а теперь и подавно, как ты не поймешь?

– Да понимаю я, – ответила, вздыхая, папина любимица, – просто хотелось как можно скорее развязаться с этими делами.

– Ладно, – не стал он затевать прилюдный спор, – утрясем. Там на ужин-то у нас есть что, или мне в магазин заехать по пути?

– А ты когда вернешься?

– Не знаю. У нас тут еще кое-какие дела. Ну, может часам к восьми. Не думаю, что раньше управимся.

– Тогда не волнуйся, у нас же тут рядом большой продуктовый. Я сейчас сбегаяю, пока они с Костей коробки распаковывают.

– А кто там у вас еще?

– Да Костя со своей девушкой. Я тебе как-то рассказывала о ней, помнишь?

– Да-да, помню, – совпал он на автомате.

– К восьми что-нибудь сварганим. Ладно, пап, я не буду тебя отвлекать. Как поедешь домой, позвони, я чайник поставлю.

– Ладно-ладно, отбой, – прогудел он в трубку, улыбаясь застенчивой старческой улыбкой. Затем, вдруг, что-то вспомнив, насупился:

– Так вот как ты, Кондратьич, отдыхаешь?! Ты почему мне ничего не сказал, где был все это время?!

– А чего говорить-то?! – заерепенился водитель. – Мое личное время. Начальство отпустило. А уж как я его трачу, никому никакого дела до этого нет.

– А деньги, почему не взял?

– Дык! – не растерялся Кондратьич. – Надо же к новой власти как-то подлизаться?! А то уж больно грозен новый-то, говорят. Чуть что не по нем, так сразу в кутузку тащит! Эвон, саму Эльку приказал заарестовать! Сур-р-овый мужичок попался!

В салоне автомобиля опять раздалось дружное веселье.

II

Колонный Зал Дома Союзов (Дом благородного собрания), Большая Дмитровка, д.1

К зданию подъехали со стороны Охотного Ряда, потому что только тут еще оставались специально забронированные места для парковки автомобилей. Здесь их уже ждали остальные члены Президиума, стоя возле своих машин.

– А где Мария Владимировна? – спросил Афанасьев, сразу углядев убыль в рядах встречающих.

– Она побежала на второй этаж, там должны будут сейчас собраться представители заинтересованных сторон, – объяснил ее отсутствие Тучков.

Немного замешкавшись перед входом, чтобы придать своему виду подобающие скорбному случаю черты, кучка военных с одним гражданским, прошла внутрь помещения. Афанасьев уже был здесь несколько раз. Один раз присутствовал на концерте, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной, да еще пару раз, в связи с траурными мероприятиями по случаю похорон бывших высокопоставленных военных – маршала Сергеева и маршала Ефимова. Когда умер этой зимой последний маршал Советского Союза – Дмитрий Язов, его родственникам отказали в почести на прощание в этом зале, вдруг с неприязнью вспомнил Афанасьев. И от этого воспоминания его и без того не очень ласковое лицо

стало еще мрачнее.

То, что он увидел в первую секунду, войдя в траурный зал, на миг его просто ошеломило. Он ведь совсем позабыл, что кроме глав делегаций и членов правительства здесь могут находиться и много десятков других погибших. Гробами было уставлено все свободное пространство огромного помещения. Он никогда в жизни не видел их в таком невообразимом количестве. Как-то раз ему довелось участвовать в мероприятии по перезахоронению останков советских воинов, найденных в местах боев под Ржевом. Но даже та, казалось бы, нескончаемая вереница последних прибежищ для упокоения солдатских душ уступала по количеству собранных в этом месте. Ему вдруг стало нестерпимо стыдно, за то, что он все прошедшее время с момента теракта спокойно ел, спал, даже шутил, забыв об этом месте сосредоточения скорби и отчаяния. И если бы не долг руководителя государства, то вспомнил бы он о тех, чьи останки сейчас покоятся в тесных деревянных ящиках? Пришел бы он на это место по своей воле, а не долгу службы? И сам себе признавался, что вряд ли. И от этого тайного признания самому себе, становилось еще горше. Он даже невольно поежился и оглянулся в страхе от того, что кто-то может прочесть его нечестивые думы. А еще бросалось в глаза количество народа, пришедшего на траурную церемонию. И почти каждый нес цветы, которые и возлагал у кого-нибудь гроба. Волна людей была нескончаемой. И, несмотря на то, что траурные распоряди-

тели не давали пришедшим попрощаться хоть на секунду задержаться и отдать последний поклон, как это и полагается, народу не становилось меньше. Возле некоторых гробов были установлены раскладные стульчики для родственников, но таких было немного. Валерий Васильевич и шедший рядом с ним Рудов, опять слегка растерялись от не знания всех тонкостей траурной процедуры, но распорядители, мгновенно понявшие их замешательство, тут же указали освободившиеся места в траурном почетном карауле. Постояв навзятяжку несколько минут, они уступили свое место следующей паре – Барышеву и Костюченкову.

– Пойди, попрощайся со своими, – шепнул он Вальронду, неотступно следовавшему за ним.

– Я уже был здесь. Утром. Спасибо, – так же шепотом телеграфировал в ответ кавторанг.

Косолапо потоптавшись на месте, Афанасьев решился подойти к гробу президента, возле которого сидела, одетая в длинное черное платье, вдова, а рядом с ней суетились несколько человек неопределенного вида и возраста, но, так же как и она одетых в траурные цвета.

– Позвольте, выразить вам мои искренние соболезнования в этот скорбный для всех нас момент истории, – начал он с трудом подбирать подходящие случаю слова искреннего сочувствия.

На него из-под вуали глянули и обожгли глаза еще молодой (во всяком случае на его взгляд) – тридцатисемилетней

женщины спортивного телосложения.

– Mon général, donnez-moi cinq minutes d'attention,¹¹⁰ – раздался ее мелодичный как колокольчик голос.

– Madame, je suis à votre service,¹¹¹ – припоминая когда-то знакомый ему язык, ответил он ей, туго соображая, почему она обратилась к нему не по-русски, что было бы более естественно в данной обстановке.

– Mettons-nous à côté. J'ai besoin de vous parler,¹¹² – произнесла она, резко вставая со стула и подхватывая его под руку, вовсе не дожидаясь ответа, повлекла в какую-то нишу, образовавшуюся между полуколоннами, выстроенными вдоль стен. Здесь она подняла вуаль, и он еще раз обжегся от этого неистового и завораживающего одновременно взгляда когда-то очень красивой спортсменки, а ныне владелицы процветающего холдинга. «Черт возьми, – не к месту помянул он мысленно нечестивого, – в такую можно по уши влюбиться. Я теперь понимаю покойного, который в свое время так же поддался ее чарам».

– Валерий Васильевич, голубчик, – громким шепотом начала она театрально и безвкусно заламывая руки, – я попала в совершенно безвыходную ситуацию. И только вы, и никто другой можете мне помочь! Виктор, ведь всегда так вас ценил и так всегда хорошо отзывался!

---

¹¹⁰ Мой генерал, уделите мне пять минут времени (фр.)

¹¹¹ Мадам, я к вашим услугам (фр.)

¹¹² Давайте отойдем в сторону. Мне нужно с вами поговорить (фр.)

Несмотря на всю свою кажущуюся театральность и вычурность, она была неплохим психологом, ибо после таких явно выраженных комплиментов, только бесчувственный чурбан не кинется в огонь, чтобы исполнить любое желание слабой и беззащитной женщины. Но Афанасьев смолоду проявлял признаки чурбанства и чурбанизма в самых дубовых своих проявлениях, а потому сразу поднапрягся, ожидая услышать что-нибудь из ряда вон выходящее.

Предчувствие его не обмануло сразу после произнесения им дежурной фразы:

– Я вас внимательно слушаю, Элина Мардановна, – произнес он, с трудом припоминая ее отчество.

– Сегодня утром я полезла в сейф, чтобы достать необходимые документы для подачи заявления о вступлении в наследство. И представьте себе мой ужас, их там нет! Никаких документов!

– Что значит никаких документов? – не понял Афанасьев.

– А вот так! Но я ведь знаю, что они должны были быть там!

– Вы хотите сказать, что сейф президента был пуст?

– Ну не совсем, – слегка смутилась она, – там были кое-какие бумаги, но это так. В подавляющем большинстве – мелочи, не стоящие внимания.

Траурное настроение, в котором пребывал Афанасьев последние четверть часа, куда-то постепенно стало улетучиваться, освобождая место злости пополам с досадой от то-

го, что он вместо того, чтобы проникнуться скорбными чувствами вынужден выслушивать бред молодой хапужки.

– А какие документы вы ожидали там увидеть? – вдруг заинтересовался он, поставив в тайне перед собой задачу выявить глубину морального падения вдовы. А может даже и не вдовы вовсе?

– Ну, как какие?! – невольно сглотнула слюну жалобщица. – На недвижимость, акции, вклады, паи. Я ведь не глупая, все понимаю. Виктор был довольно состоятельным человеком.

– Так какие все же бумаги вы нашли в сейфе мужа? – спросил он, отмечая, что к чувству досады уже начинало примешиваться банальное обывательское любопытство.

– Да глупости всякие. Свидетельства собственности на квартиру в Петербурге. Я так понимаю, квартиру доставшуюся от матери, да еще на квартиру в Москве в ЖК «Солнечный». Еще гараж какой-то. Я даже читать не стала.

– А еще свидетельства собственника двух автомобилей «ГАЗ-21», одной «Нивы» и автоприцепа «Скиф», – закончил он за нее.

– Откуда вы знаете?! округлила глаза, словно совенок, выпавший из гнезда, жертва обстоятельств.

– Да вся страна наизусть знает эту декларацию, – отмахнулся Верховный.

Она непонимающе уставилась на него, туго соображая, кто из них двоих выглядит большим идиотом в этой ситу-

ации – она или он, делающий вид, что истинное состояние правителя России соответствует заявленной им декларации.

– А как же Константиновский дворец в Стрельне, дворец в Геленджике, вилла в Ново-Огарево, в конце концов? Ведь Виктор много раз говорил мне, что все это принадлежит ему!

– Ой! – опять отмахнулся Афанасьев, сморщившись. – Да чего только мужья не наплетут своим женам, чтобы казаться более значимыми в их глазах? Или вы ему не жена?!

– Как это не жена?! – вспыхнула, как спичка молодая особа. – У нас и дети есть. Просто мы не до конца оформили свой брак, – тут она потупила свои глазки, и наигранно вытирая сухие глаза платочком добавила, – Виктор Вениаминович всегда был противником формализма.

– А-а-а, так, стало быть, вы просто сожительница?! – не отказал себе в удовольствии съехидничать диктатор. Странно, но настроение, вдруг, от чего-то начинало подниматься.

– Нет-нет! – неистово замотала она головой. – Мы жили полноценной семьей!

– Ну, это вы будете доказывать в суде в споре с иными соискателями наследства, – со знанием дела произнес он, даже где-то немного начиная жалеть богатую и наивную дурочку.

Впрочем, она сочла его слова ничего не значащими и поэтому никак не отреагировала на них, полностью поглощенная своими мыслями.

– Так как же насчет недвижимости и прочего? – вновь завела она свою шарманку.

– Насчет дворца в Геленджике ничего сказать вам не могу, ибо не в курсе. С этим вопросом обращайтесь в «Росреестр». А что касается иных объектов, упомянутых вами, то могу со всей ответственностью сообщить: Константиновский дворец в Стрельне является государственным музеем, а значит отчуждению в частную собственность не подлежит никоим образом, вилла в Ново-Огарево, являясь одной из официальных резиденций Президента России, также является государственной собственностью и предметом приватизации служить не может.

– А как же Бочаров Ручей? Ведь вдове президента Ельцина эту виллу оставили.

– Вот именно, что оставили. Специальным распоряжением Президента РФ, вилла Бочаров Ручей была оставлена вдове предшествовавшего президента в пользование до момента ее кончины. Ни о какой собственности там речь никогда не шла, – назидательно подняв кверху указательный палец, произнес Афанасьев. – Такие распоряжения может отдать только сам президент по отношению к своему предшественнику. Я таких распоряжений, насколько помню, не давал.

– В «Росреестр» я по совету личного адвоката уже сегодня обратилась, но там со мной разговаривать даже не стали, – шмыгнула носом дочь Мардана и тут же пояснила, – говорят «мы таких справок, касающихся первых лиц государства, кому попало, не даем, предъявите свидетельство о браке».

Затем немного помолчав, уже с плохо скрываемой яростью в голосе добавила:

– А ведь еще пару дней назад они расстилались передо мной в ковровую дорожку, когда я оформляла на себя несколько земельных участков в Подмосковье.

– Что поделать, госпожа Бакаева? – притворно вздохнул Валерий Васильевич. – Каждый из лидеров подобен монументальной колонне устремленной в небо. Пока колонна стоит – никому и в голову не приходит измерять ее высоту, а стоит той упасть, и каждый норовит вкривь и вкось заниматься ее измерением.

Тут он поймал себя на мысли, что эта крылатая фраза ему не принадлежит, но вот кто ее сказал, он так и не смог вспомнить.

– Валерий Васильевич, голубчик, ну помогите же мне! Подскажите, что делать?! Куда обратиться?! Ведь я точно знаю, что у него много всего было. И акции и деньги и ювелирные ценности! – в голосе женщины послышались истеричные нотки. Было видно, что она еле сдерживает себя, чтобы не забиться в истерическом припадке на виду у всего честного народа.

– Чем же я вам могу помочь? – в растерянности развел он руками. – Я ведь не юрист и не адвокат. Он ведь вам не оставлял никакого завещания?

– Н-е-е-е-т! – некрасиво скривила та свой рот. – Он ведь не собирался умирать так рано!

– И разговоров о завещании тоже никаких не вел?

Бакаева отрицательно помотала головой. Уже не притворные, а настоящие слезы катились по ее отлично отштукатуренным косметологами щечкам. Однако это были не слезы жалости к покойному и не слезы отчаяния одинокой женщины. Это были злые и корыстные слезы об упущенной власти и об упущенном богатстве.

– Может быть, мне стоит обратиться в какое-нибудь детективное агентство по поводу розыска имущества Виктора Вениаминовича? Я слышала, что есть такие агентства, специализирующиеся на делах подобного рода.

– Обращайтесь, – пожал плечами Афанасьев, – но не думаю, что из этого выйдет какой либо прок. В свое время этим делом занимались лучшие спецслужбы Запада и потерпели фиаско на данном поприще. Ваш муж, а вернее сожитель, был большим докой по части упрятывания концов в воде.

Злые и острые, как шилья, глазки из-под полуопущенной вуалетки казалось, насквозь прошьют неловко топтавшегося перед ней мужчину. Но тот равнодушно встретил полный скрытой ненависти взгляд и не стал, в свой черед, отводить своего. А потом, видимо для того, чтобы окончательно добить несостоявшуюся долларовую миллиардершу заметил:

– Но даже если что-то и найдут, в чем я лично очень сомневаюсь, вам это не принесет никакой радости.

– Почему?

– Потому что в соответствии с законом «О противодей-

ствии коррупции», подписанном, кстати, вашим эээ... супругом, дай Бог памяти, еще в 2008-м году, незадекларированное имущество и денежные средства чиновников высшего уровня, к коим он и сам относился, в случае их обнаружения, обращаются в доход государства в безусловном порядке. Так что на вашем месте, я не тратил бы понапрасну энергию на поиски мифических сокровищ, а сосредоточил бы усилия на сохранении за вами и вашими детьми, хотя бы того, что имеется в наличии от притязаний его дочерей от первого брака.

– Вы думаете, что я буду цепляться за две паршивые квартирнки и два ведра с болтами? – прошипела она, раздавленной гадюкой.

– Ваше право, – опять пожал он плечами. – Действительно, зачем они вам при вашем-то более чем успешном бизнесе и миллионах? Хотя я никак не могу взять в толк, почему вы не хотите ровно сидеть на своей пятой точке, тихо охраняя нажитое непосильным трудом? Зачем вам еще больше денег, при ваших-то миллионах? Вам и того, что есть, хватит не на одну жизнь всем вашим потомкам до седьмого колена.

– А вы разве не знаете, для чего нужны деньги? – в ее голосе впервые за все время послышалась откровенная насмешка.

– Деньги нужны, в первую очередь, для удовлетворения физиологических и духовных потребностей человека, – высокопарно выразился он, наивно думая, что своим аргумен-

том сразит и поставит на место красивую, но беспринципную интриганку. Однако ее реакция на его слова, говорили совсем об ином. В ответ на свою сентенцию он услышал лишь едкий смешок:

– И этот человек, который не разбирается в сути денег, взялся управлять такой страной, как Россия?! Да будет вам известно, идеалист вы наш, что деньги нужны, прежде всего, в качестве рычагов для проецирования власти. А власть, это то единственное за что стоит жить и бороться. Мне искренне жаль, генерал, что прожив почти всю жизнь, вы так и не смогли это усвоить. Не претендуя на славу Кассандры, я все же берусь предсказать, что с такими взглядами время вашего правления не будет продолжительным. Прощайте.

С этими словами она подобрала трен своего длинного платья и подобно колумбовской каравелле под всеми парусами величественно уплыла прочь, не оглядываясь. Будто оплеванный с ног до головы он так и остался бы торчать в этой нише между колонн, если бы его не отыскал Рудов:

– Василич! – набросился он на Верховного. – Куда ты запропастился?! Мы тебя везде обыскались уже! Там, на втором этаже уже собрались все заинтересованные представители. Все ждут тебя одного. Машка в панике бегает, тебя ищет. Не подводи ее. Это же для нее первый выход в свет в новом качестве, – громким шепотом тараторил «пруссак» ухватившись за локоть Афанасьева и увлекая его за собой.

Долго поднимались на второй этаж через длинные лест-

нические пролеты. Оба запыхались, особенно Афанасьев, с его брюшком. Немного отдышавшись (перед иностранцами надо продемонстрировать царскую неторопливость и вальяжность), прошли в просторное и светлое от множества люстр и канделябров помещение горевших на пределе накала, хоть на улице и было еще по-летнему светло. В центре помещения стоял большой круглый стол, вокруг которого уже восседали представители пострадавших в результате теракта сторон и члены Президиума. Стоявшая в нетерпении у дверей на страже Хазарова, быстро провела их на последние свободные места. Сама же скромно села на стульчик позади Верховного, готовая прийти на помощь, если таковая потребуется. Хоть Афанасьев специально и не готовился к произнесению, каких бы то ни было речей, взять первое слово все равно, как принимающей стороне, пришлось ему. В обращении к представителям он почти дословно повторил все то, что говорил вчера по телевидению. В своей речи он опять подтвердил высказанные ранее слова скорби и еще раз принес извинения за случившуюся трагедию. А так же выразил еще раз готовность взять на себя бремя всех необходимых расходов на погребение усопших и возмещение их семьям всех связанных с этим потерь. Представители кивали, соглашались. Ни у кого из них по этому поводу не было никаких вопросов, все они прекрасно понимали, что Россия в безусловном порядке сделает все, чтобы если полностью и не загладить свою вину за произошедшее, то хотя максимально компенсировать

материальные и моральные потери родных и близких погибших. Поэтому отдав необходимое время новому правителю государства на посыпание своей головы пеплом скорби и сожаления, начали осторожно задавать вопросы, из-за которых они, в общем-то, тут и собрались. Каждого из представителей, помимо одного общего вопроса о том, чего ждать от новых властей и в каком направлении двинется Россия, интересовали и вопросы сугубо двухсторонних отношений. Так, например, представителей Среднеазиатских республик больше всего интересовали вопросы по судьбе дальнейшего кредитования своих экономик со стороны России. Опасливо поглядывая в сторону представителя могучего Китая, они робко выражали надежду на продолжение намеченных и согласованных ранее совместных экономических проектов, призванных обезопасить их от насильственного поглощения более крупными и сильными соседними державами. А представителей того же самого Китая и Индии более всего волновали вопросы связанные с позицией России по индокитайскому конфликту, разгорающемуся в районе Тибета в данный отрезок времени. Помимо этого вопроса, китайского представителя очень интересовало мнение России о начавшейся неприкрытой торговой войне США с его страной, и на чьей стороне России было бы быть предпочтительней. Представитель же Сербии, вообще ничтоже сумняшеся бухнул вопрос в лоб, о том кого из претендентов на неожиданно образовавшийся вакантный пост президента, Россия хотела бы видеть.

Вот так: ни два, ни полтора. Хоть стой, хоть падай. Первым делом он представил собравшимся членов Президиума Высшего Военного Совета, как органа высшей исполнительной власти. Затем остановился на персоне Марии Хазаровой, как исполняющей обязанности Министра иностранных дел, до ее утверждения в этой должности Высшим Военным Советом. Затем кратко описал структуру и полномочия новых органов власти. Но прежде чем перейти к конкретным ответам на поставленные вопросы, он заверил всех собравшихся в неизменности принятого ранее генерального курса в вопросах внешней политики. А все новации планируются в основном в пересмотре некоторых подходов к делам, касающимся внутренней политики государства по отношению к ее структурам и населению. И только после этого перешел, собственно, к ответам на поставленные вопросы. Члены Президиума не вмешивались в беседу, сохраняя монументальность выражения своих лиц, что, несомненно, добавляло авторитета новому главе государства. Всегдашняя вдумчивость и неторопливость Афанасьева, граничащая с «тормозностью» за которую соратники ему всегда пеняли, на этот раз сослужила ему хорошую службу. Вдумчиво и неторопливо, почти до зевоты на лицах окружающих, он стал отвечать на поставленные вопросы, тщательно подбирая слова, чтобы потом не нагружать лишней работой по оправданию за его необдуманные слова, молодого Министра иностранных дел. Так, отвечая на вопросы коллег из Средней Азии, он выразил уве-

ренность в том, что все начатые прежней властью совместные проекты будут реализованы согласно ранее принятым договоренностям. Это же касается и кредитования стран на льготных условиях, в случае проявления в дальнейшем их лояльности к новой власти в России, а также отсутствия шатания и неопределенности, как это уже было неоднократно.

– Время выжидания sjалось до критического состояния, и оно безжалостно диктует свои условия в быстро меняющемся мире. Вам, господа представители, необходимо как можно скорее сделать свой выбор. Если вы остаетесь с нами, то мы, как и прежде готовы гарантировать вам целостность, суверенитет и продолжение экономического сотрудничества без вмешательства с нашей стороны в ваши внутренние дела. Если у вас на этот счет имеются, какие либо свои планы, идущие вразрез с нашими интересами, то вы должны четко и ясно заявить об этом прямо, чтобы у нас не складывалось никаких обманчивых иллюзий. Но и в этом случае мы не собираемся автоматически становиться вашими недругами, просто вы должны для себя уяснить, то бремя ответственности за все, что с вами будет происходить в дальнейшем, ляжет уже не на наши плечи. Мы и дальше будем продолжать сотрудничать с вами в интересующих нас отраслях экономики, но уже не на привилегированных, как прежде, условиях – без обиняков ответил он поеживавшимся от его слов делегатам из Средней Азии.

Затронув индокитайский вопрос, Афанасьев выразил на-

жду на то, то у стран с такой богатой культурой и историей хватит разума для прекращения никому ненужного конфликта, в разгорании которого заинтересована определенная группа государств, надеющаяся поиметь выгоду от обеих сторон.

– Вы умные люди, и мне нет нужды лишний раз объяснять вам очевидные истины, видимые невооруженным глазом. Грядет война. Война не просто между государствами, а между цивилизациями. И в данном конкретном случае – война между приходящим в упадок Западом и сохранившим остатки человечности Востоком. И Китаю и Индии не следует питать иллюзий, будто бы можно заключить прочный союз с Западом во имя совместной победы над соседом. Но при этом он никогда не будет считать вас равней себе, даже если будет одобрительно похлопывать по плечу. Этот союз будет ситуативным и сиюминутным. Как только с помощью кого-то из вас он разделается с вашим, как вы считаете эвентуальным противником, он немного погодя набросится и на вас. Это только вы считаете себя их сотрапезниками на будущем обеде. Запад же считает вас своим меню. благородного льва можно со временем сделать своим другом, но хитрую и злобную росوماху своим другом не сделаешь никогда, сколько бы времени и усилий не было бы потрачено. Запад никогда не был благородным львом. История это знает лучше нас с вами. Поэтому есть смысл выстроить вертикаль сопротивления захватническим потугам Запада. И вертикаль

этой линии должна проходить с Севера на Юг. У нас с вами разные цели и разные устремления, которые к счастью не пересекаются, а значит, по большому счету нам с вами делить нечего. Зато объединяет нас желание сохранить свою веру, свою память предков, свою землю, политую потом и кровью многих поколений, свой образ человека, устремленного в будущее. И вы, и мы не хотим превращать в скот – безропотный и послушный, лишенный морали и нравственности. Мы уже встали на эту тропу войны, хоть и не по своей воле. Вчерашнее событие наглядный тому пример. Первая кровь грядущей войны, как всегда, наша, – указал он пальцем в пол. – В этой последней битве мы не зовем вас в свои ряды, мы зовем вас вместе эти ряды строить. Подумайте об этом еще раз.

Будто леденящий мороз пробежал по стенам помещения от сказанных им слов. Все застыли, как громом пораженные. До некоторых только сейчас стало доходить, что война, о которой так долго говорили со всех трибун уже не где-то там, где ее проявления почти незаметны. Она уже здесь. И первые ее жертвы находятся там – внизу, на первом этаже этого здания. Но самое страшное это то, что остаться в стороне от этой войны не удастся никому. Рано или поздно, но нужно будет принимать страшный и кровавый в своей бесчеловечности Последний Бой.

Желая несколько разрядить сложившуюся обстановку, он, почесав переносицу с хитринкой в глазах предложил:

– Если уж вам все-таки так нейдет, и вы испытываете непреодолимое желание продолжить конфронтацию между своими странами, я конечно ни разу не дипломат, но, черт возьми, перенесите свое соперничество в иные плоскости: экономическую, социальную, интеллектуальную, спортивную, наконец. А что?! Учредите новый формат соревнований между двумя государствами, взяв за основу Олимпийские игры или какую-нибудь универсиаду. И пусть спортсмены выясняют отношения на стадионах, а не поле боя. Для начала это можно было бы организовать где-нибудь на нейтральной территории, например – России. Более нейтральной площадки я себе пока представить не могу. В дальнейшем, этот формат можно будет расширить и сделать подлинной альтернативой Олимпийским играм, насквозь пропитанным коррупцией и грязным политиканством. В общем, думайте, только не стреляйте друг в друга. Не доставляйте радости своим настоящим врагам.

Останавливаясь на разгорающемся торговом конфликте между США и Китаем, Афанасьев сухо отметил, что любые экономические, в том числе и торговые войны, прежде всего, выдают слабость стороны, развязавшей подобный конфликт. Исчерпав возможности честной конкуренции, США всегда прибегают к своей излюбленной тактике – начинают на ходу изменять утвержденные ими же раньше правила игры. Это еще раз показывает, с какой легкостью американцы, а глядя на них и европейцы, отказываются от прежних догово-

ренностей и обязательств. Поэтому главная задача Китая на настоящий момент заключается в проявлении выдержки и спокойствия. И при этом ни в коем случае нельзя поддаваться ультимативному нажиму со стороны Соединенных Штатов. Перенеся почти все свое производство в Юго-Восточную Азию, Соединенные Штаты и сами не смогут долго поддерживать режим бойкота дешевых и уже ставших привычными товаров, поставляемых к ним. Эвакуацию на родину, а также дублирование производственных мощностей у себя дома, они просто сами не вытянут по финансовым соображениям.

На провокационный вопрос сербского представителя, высказанного в совершенно не завуалированной форме, он хотел было брякнуть: «Да кого угодно, только не эту воинственную лесбиянку Брнабич!»,¹¹³ но вовремя прикусил язык. Общепринятые правила дипломатического этикета не позволяли Афанасьеву прямо и честно заявить о своей позиции, ибо это можно было бы расценить как вмешательство во внутренние дела суверенного государства. К тому же откровенности мешало присутствие посторонних лиц, которые тоже могли это расценить по-своему. Поэтому, вместо тех слов, что вертелись у него на языке, он завел разговор в общепринятом ключе, заявив, что Россия очень ценит дружбу со своим балканским братом и значит в соответствии с этим готова работать с любым сербским лидером, поддержи-

---

¹¹³ Ана Брнабич – Премьер-министр Сербии с 29 июня 2017 года.

ваемым народом. Правда и здесь не преминул вставить маленькую шпилечку, слегка посетовав на не всегда понятную Москве политику прежнего президента, тем не менее выразил надежду, что новая власть в дружественной стране будет более четко формулировать свои устремления. А в заключении добавил, что Россия была, есть и будет союзником Сербии, и пойдет в своих союзнических обязательствах настолько далеко, насколько это позволит сама балканская республика, но только после изложения ею четкой и недвусмысленной позицией по отношению к странам НАТО и ЕС в целом.

Беседа с представителями продолжилась еще около получаса и, судя по тому, как к концу встречи делегаты уже не скрывали, несмотря на причину, собравшую их в этом месте, своих улыбок, результаты встречи удовлетворили все стороны. А представитель Казахстана даже прозрачно намекнул, что подобные встречи представителей евроазиатского сообщества, могли хотя бы и на уровне послов аккредитованных в Москве закрепить традицию регулярных собраний для сверки позиций и выработке общего мнения по тем или иным животрепещущим вопросам. Его предложение было одобрено всеми собравшимися, поэтому, не мешкая, следующую конференцию назначили через три месяца.

Уже когда все послы разошлись, полностью удовлетворенные итогами заседания, Мария Хазарова подошла к Афанасьеву, чтобы поздравить того с дебютом:

– Не понимаю, – сказала она, кокетливо улыбаясь, – и за-

чем вам министр иностранных дел, если вы и так хорошо справляетесь с международными переговорами?

Было видно, что она опять напрашивается на комплимент.

– Ну уж нет, дорогая Мария Владимировна, я ни за что не откажу себе в удовольствии видеть вас на еженедельных докладах перед Президиумом Высшего Военного Совета по текущей обстановке в мире.

– А вы оказывается Валерий Васильевич, еще тот гусар?! – подмигнула она ему.

– Танкист, голубушка! Танкист!

Тучков подошел к Афанасьеву и тихо сказал:

– Ребята только что доложили, что объект, о котором мы с вами говорили – задержан и препровожден на одну из конспиративных дач для предварительного допроса и иных необходимых следственных мероприятий.

– Спасибо, Николай Палыч! Вы опять нивелируете мою нерасторопность, ответил он ему, пожимая крепко руку.

Выйдя в коридор, члены Президиума договорились встретиться завтра вечером, по итогам проверки членов Высшего Военного Совета. Первыми откланялись Барышев и Костюченков. Тучков, отведя в сторонку Хазарову и Юрьева, уточнял на завтра детали их будущей проверки. Время на часах показывало уже почти 20.00 без каких-то минут. Афанасьев, Рудов Михайлов и Вальронд стоя в сторонке, ожидали конец инструктажа, чтобы прихватить с собой Юрьева. Туч-

ков долго не заморачивался с объяснениями, поэтому вскоре Юрьев присоединился к теплой компании, а жандарм, подхватив под руку почти министра, поспешил к ожидавшей их машине.

– Иваныч, – обратился Афанасьев к Рудову, – тебя куда подбросить? До дому?

– Да. На Смоленский бульвар, к семиэтажке, что напротив МИДа.

– А вам, Борис Иваныч куда?

– Мне тоже в Хамовники, только чуть подальше – Комсомольский проезд 38.

– Да это же совсем недалеко от Минобороны! – тут же сообразил Рудов. – Ну, повезло! И на работу далеко ходить не надо.

– Так я потому на такси и приехал, а мог бы и вообще пешком, – согласился Юрьев.

– Борисыч, – обратился Верховный уже к адъютанту, – пока мы свои грузные от тяжелой работы тела перемещаем вниз, не торопясь и отдуваясь, ты по-молодецки сбегай к конвою и обговори маршрут: Смоленский Бульвар – Комсомольский проезд 38 – Ефремова 17.

– Есть обговорить! – щелкнул каблуками Михайлов.

– Значит мы все с вами из одного района?! – по-детски обрадовался Юрьев неожиданному землячеству.

– Ненадолго. Скоро вы разлетитесь опять по официальным резиденциям, – ехидно улыбнулся Рудов.

– Это почему же это? – удивился Афанасьев, аккуратно перебирая ногами по крутым ступенькам дворца.

– А потому что хватит мучить несчастных «лютиковцев». У вас нет никаких условий для нормального функционирования охраны. Вы-то сейчас уляжетесь в теплые постельки, а им бедным до утра на броне кемарить, – доходчиво объяснил бестолковым соратникам «пруссак».

III

Уже на выходе из Дома Союзов нос к носу столкнулись с Его Святейшеством Патриархом Нафанаилом. Тот как раз в окружении синклитиков намеревался посетить траурное мероприятие, или может просто хотел встретиться с новым властителем одной седьмой части суши, а доброхоты донесли, что есть удобный повод для этого. Первым пришел в себя от неожиданной встречи, по крайней мере, для одной из сторон, Патриарх. Выставив надухмяненную пахучими притираниями холеную руку с унижавшими ее перстнями, он елейным голосом укоризненно заблеял:

– Напрасно сыне мой, ты пренебрег нашим пастырским благословением, прежде чем водрузить на чело свое венец вышней власти! Гордыня сие и паки того реку – гордыня непомерная и обуянная суетами сует!

Афанасьев не стал пожимать протянутую руку и уж тем более истово прикладываться к ней губами (кто его знает, куда он лазил этой ручищей, перед тем как совать ее в лицо?). По складу своего характера Валерий Васильевич не был ни ярым атеистом, ни таким же ярым апологетом христианства. По своей душевной простоте, которую умудрился до сих пор не растерять, он искренне полагал, что если человек называет себя верующим, то соответственно должен неукоснительно исполнять все предписываемые церковью правила и об-

ряды. А если бегать в храм от случая к случаю, изображая из себя ходячий подсвечник, то и прикидываться верующим – только Бога оскорблять. К человеку же, стоявшему перед ним в патриарших ризах он испытывал неприязнь, хорошо зная подлинную его биографию. Поэтому он просто кивнул головой в знак приветствия, как равный равному. Афанасьев всегда считал себя серьезным и уравновешенным человеком, но тут, словно бес какой толкнул под локоть и в его усталых от напряжения глазах вдруг заплясали чертики:

– Салют, падре!

Нафанаил буквально онемел от такого наглого приветствия. Выпучив глаза и разевая рот, в немом бешенстве, он стал наливаясь бурой краской да с такой интенсивностью, что у всех окружающих их возникло подозрение о кондрашке, которая, вот-вот, хватит первосвященника. Наконец продышавшись, он не то просипел, не то прошипел, как спущенное колесо:

– Да разумеешь ли ты сущеглупый на кого изbleвал твой рот нечестивый словеса сии непотребные?!

В подтверждение своих упреков Патриарх воздел над головой посох, призывая, в свидетели всех очевидцев этого безобразия. Толпа священников глухо заворчала за спиной своего вожака, выражая с ним солидарность и возмущение. За спиной же Афанасьева ощетинились военные, которые тоже еще не забыли высказываний Патриарха о звероподобных русичах до прихода христианства. И хотя впоследствии

Нафанаил пытался реабилитироваться за свои слова, говоря, что его де не так поняли, и что это была всего лишь литературная метафора, члены «братства Перуна» этого высказывания ему не простили.

– Конечно, разумею. Не мальчик, – криво усмехнулся Верховный. – А сам-то ты знаешь, кто ты есть такой?

– Аз есмь кормчий и пастырь волею Божьей поставленный пасти и окормлять Святую Русь! – уже чуть не сорвался в голосе бородач с шестикрылым серафимом на черном, по случаю траура, клобуке.

– Насчет кормежки это ты прав, рясоносный! – ткнул легонько Афанасьев указательным пальцем в обширное чрево предстоятеля. – Вон, какое брюхо наел на приходских харчах. Сразу видно, как спасаешь душу, умерщвляя постом и молитвами плоть. А вот насчет воли Божьей это ты хватил через край. Не путай купленные голоса Поместного Собора с волей Всевышнего.

– Ах, ты негодник, отпавший от хвоста кобылы! Да отсохнет твой язык богопротивный! Как смеешь ты нечестивец произносить срамные словеса?! На колени, тать окаянный, выкравший власть подобно Лжедмитрию!

– Перед кем на колени? – сделал удивленное лицо Верховный.

– Перед матерью нашей – церковью, которую я олицетворяю! – уже всю гремел Нафанаил, неистово потрясая патриаршим посохом и тем самым еще больше привлекая к себе

внимание людей обступивших их со всех сторон.

– Никого ты не олицетворяешь экуменист и христопродавец. Или ты думаешь, что никто не знает о том, что тебе в 2016-м году в гаванском аэропорту папа тайно даровал кардинальскую биретту¹¹⁴ и назначил тебя своим легатом.¹¹⁵

Толпящихся любопытствующих, будто ведром холодной воды окатило. С усмешечками и перемигиваниями наблюдавшие за этой безобразной сценой люди как-то разом при молкли и посуровели. Обвинение Афанасьева было слишком тяжким, чтобы не прислушаться к нему. Все-таки в отличие от Патриарха он еще ни разу не попадал в скандальные для своей репутации ситуации, а потому оснований не доверять ему, у людей было мало. Это понял и сам Патриарх, потому как отступили от него до сих пор напиравшие москвичи и он буквально спиной почувствовал за собой пустое пространство. Ему срочно требовалось как-то ответить на предъявленные обвинения, причем отвечать надо было аргументированно, а вот с этим как раз и ощущался дефицит. И он не нашел ничего лучшего чем завизжать с утробным надрывом:

– Ты лжешь, еретик проклятый! Узурпатор! Великим отлучением отлучу тебя – семя сатанинское от церкви Божьей!

---

¹¹⁴ Биретта – появилась приблизительно в XV–XVI веках, имеет форму квадратного берета. В настоящее время используется и является главным символом кардинальского облачения.

¹¹⁵ Папский легат – личный представитель папы Римского на подмандатной территории.

Афанасьев, стоя под градом оскорблений тоже, как говорится «закусил удила» и отступить был не намерен, потому что чувствовал, что сейчас на кону лежит не только его личный авторитет, но и судьба хунты, поэтому он решил рискнуть и пойти ва-банк:

– Тебе показать видео, на котором запечатлен этот момент? – спросил спокойным голосом Верховный. С его стороны это был сущий блеф. Никакого видео об этом эпизоде не существовало и в помине. Просто ходили в высших эшелонах власти слухи, ничем и никем не подтвержденные, и все. Согласись Патриарх на это предложение, и Афанасьеву было бы не отмыться от позора ни в каком веке, но Нафанаил и сам дал слабину, наткнувшись на уверенный взгляд оппонента. И дрогнул.

– Э-э-э, это был просто сувенир! В знак расположения. Так принято обмениваться с иерархами при встрече, – начал он канючить, бегая по сторонам сальными глазками.

Вот и добегался. Это был приговор, который он сам себе и вынес. Теперь, чтобы он и как не говорил и как бы не оправдывался, сотни людей слышали вырвавшееся из его уст признание. А с учетом того, что у многих в руках были смартфоны с включенными видеокамерами, можно было с уверенностью сказать, что уже через час Ютуб будет забит роликами о тайных связях Патриарха с Ватиканом. Афанасьева так и подмывало произнести набивший всем оскомину интернетный мем: «Это фиаско, брат», но он каким-то чудом сдер-

жался, решив, однако добить противника, не давая ему золотой мост»¹¹⁶ и закрепляя свой неожиданный успех:

– А еще я разговариваю, – продолжил он, не повышая голоса, – с контрабандистом и жуликом, который торгует подакцизным товаром, не платя налогов. Да-да, я про сигареты. Что ж вы, долгогривые, вслух осуждаете курильщиков, епитимьи на них накладываете, а из-под полы, втихаря, продаете, значит? Нехорошо. Бог накажет вас за это двурушничество. А напоследок я тебе еще добавлю. Если ты, жиртрест, и дальше будешь торговать в храмах антивирусными масками для прихожан по 30 рублей за штуку, скупая их у производителей за 5 рублей, то я поступлю с тобой аки Христос поступил с торгующими во храме. Помнишь, что он сделал? И тогда уже не ты меня отлучишь от церкви, а я тебя посажу за организованную тобой спекуляционную деятельность во время чрезвычайного положения. Завтра проверю, как быстро до тебя доходит то, что я сказал. А теперь посторонись и дай пройти.

Оттеснив плечом Патриарха, Афанасьев пошел к стоянке авто и бронетехники. Плотной кучкой, его соратники устремились за ним. В спину ему неслись непотребные проклятия жалкого и кривляющегося человечка в рясе, но Афанасьев не обращал на это никакого внимания. Он уже знал, что этот

---

¹¹⁶ «Золотой мост» (поясн.) – Ликурзь въ законахъ своихъ указываетъ Спартанцамъ не преслѣдовать врага больше чѣмъ надо для побѣды, – чтобъ не довести его до отчаянія и геройскаго сопротивленія.

бой он чудом, но выиграл, а то, что у него творилось за спиной, это уже были последние залпы отступающего по всем фронтам неприятеля. Знал об этом и сам Патриарх, от того и бесился в неизбывной злобе. Знал, что дни его пребывания на посту высшего церковного иерарха сочтены. Клирики, твердо стоящие на позициях православия ни за что не простят ему закулисных махинаций с католиками, а значит, новый Поместный Собор неизбежен, как неизбежно и его низложение.

Молча сели в машину. Лишь Рудов отирал платком враз вспотевший лоб.

– Ну, ты даешь, Валерий Васильевич!?! – не то одобрительно, не то осуждающе проговорил он, когда они уже стали отъезжать от дворца.

– А я согласен с Валерием Васильевичем, – подал голос Юрьев. – Я уже давно наблюдаю за шашнями нашего Патриарха то экуменистами, подавляющее число которых состоит из иезуитов, то с олигархами, среди которых он сам занимает не последнее место.

– А я что? Против, что ли? – прокряхтел Сергей Иванович. – Просто затевать такой прилюдный спор, да еще не имея на руках козырей – чистый авантюризм. Мы все были на волосок от провала. Хорошо, что тот оказался намного глупее, чем мы думали, а то бы нам несдобровать.

– Ну, ладно. Что было, то было, – прервал Афанасьев, начавшийся было спор, и обратился к Юрьеву. – Так на чем мы

там с вами остановились, Борис Иванович?

– На Центробанке, – тут же вспомнил Юрьев.

– Мне сейчас Тучков доложил, что госпожа Набиулина уже дает показания, где надо и кому надо.

– Хмм, оперативненько, – удивился Борис Иванович, – ну да это и к лучшему, что не успела лиса улизнуть в соседний лес.

– Хвост пушистый застрял! – зло хохотнул «пруссак», все еще утираясь платком.

– Так какие у вас на этот счет имеются соображения, Борис Иванович? – продолжил прерванную мысль Афанасьев.

– Да какие тут могут быть соображения? – пожал плечами Юрьев. – Соображение одно. Нужно завязывать с этими игрищами в независимость Центробанка. Это до добра не доведет. Скоро уже и дышать будем по указке МВФ.

– Да это понятно, – перебил его нетерпеливый диктатор, – вы мне с кандидатурой помогите определиться. Есть ли у вас кто на примете? Ведь по глазам же вижу, что есть.

– Экий, вы право настойчивый, Валерий Васильевич, – усмехнулся будущий премьер. – Вот вы меня перебили, а я вам как раз и собирался давать наводку.

– Ладно-ладно, молчу, – прикрыл ладошкой рот диктатор для вящей убедительности.

– А я вас и подвожу к мысли, говоря о том, что в нынешнем виде Центробанк может стать игроком, играющим против нас, если и дальше будет сохранять свою якобы незави-

симось.

– Ну-ну, – в нетерпении ерзал Афанасьев.

– Вот и говорю, что к истокам надо возвращаться. И там черпать силу правды.

– Э-э-э, что-то как-то иносказательно вы высказываетесь, а нельзя ли попроще? – подергал носом Валерий Васильевич.

– Да ведь был же у нас подобный прецедент. Еще с 60-х и до конца 80-х он был органично вписан в структуру и вертикаль исполнительных органов Советского Союза. Проще говоря, был структурным подразделением Минфина. И мы сами тогда печатали денег столько, сколько было необходимо, чтобы покрыть дефицит бюджета, а не стояли на коленях перед Дядюшкой Сэмом с протянутой рукой и просьбой о дополнительной эмиссии.

– Э-э-э, – опять начал туго соображать Афанасьев, – вы что же, голубчик, предлагаете своему протезе Глазыреву еще и Центробанк отдать в ведение? Не жирно ли будет?

– В самый раз, – успокоил его Юрьев. – На этот пост мы подберем чисто технического исполнителя, лишенного какой-либо либеральной фантастики. Глазырев будет неусыпно следить за ним, я – за Глазыревым, а вы – за мной.

– На международной арене поднимется вой до небес, – пожевал губами в задумчивости Афанасьев.

– Он поднимется в любом случае, – парировал его предположение Юрьев. – Нам не привыкать.

– На нас набросятся все: начиная от Парижского клуба

до Всемирного Банка. Будет жесточайший прессинг на всех уровнях, и слабым звеном в нашей обороне, как раз и будет наш Центробанк, так как завязан на многие международные институты.

– А что они нам сделают по большому счету? – спросил Юрьев и тут же сам ответил на свой вопрос. – Да ничего они нам не сделают. Отключат от SWIFT? И что? У нас на этот счет есть ответ СПФС, который уже наращивает, как количество клиентов, так и объем обрабатываемых платежей. Перестанут принимать от нас уплату наших же долгов им самим? Никогда. Да нам это только и на руку. Перестанут покупать наши энергоресурсы? Возможно. Месяц-полтора. Потом толкаясь и пихаясь локтями, ближе к зиме, сами и прибегут. Вон, синоптики обещают нынче суровую зиму. Наложат арест на наше госимущество, находящееся на их территории? Это палка о двух концах. Их имущества у нас несколько не меньше. К тому же свет клином на Европе и Штатах не сошелся. Впрочем, они и сами понимают, что если начнут по серьезному задирать, то это только развяжет нам руки. Под этим предлогом мы можем выйти из многих, не совсем комфортных для нас международных соглашений. И они это тоже прекрасно осознают.

– Да-да, – автоматически покивал головой Верховный, невольно осознавая, как точно перекликаются слова Юрьева со словами одного пронырливого банкира, с которым довелось пообщаться накануне.

– Вот, видите? И вы со мной вынуждены согласиться.

– Ой, не знаю, Борис Иванович! Как-то это все боязно...

– А арестовывать представителя МВФ в России не боязно?

– Боязно, – согласился Афанасьев. – А с другой стороны, куда деваться? – пригорюнился диктатор.

– Сказавши «А» надо иметь мужество остановиться не только на «Б», но и закончить весь алфавит, – неожиданно наставительно произнес Юрьев. – Иначе, не стоило и затевать все это. А народ не поймет и не простит, если опять вернуться эти Ведмедевы, Грехи, Матвейчевы и иже с ними.

– Ну ладно. За вас, положим, можно поручиться. У вас и опыт есть и знания. А вы сами-то готовы поручиться за этого неусидчивого Глазырева? Ведь вы сосредотачиваете в его руках огромные рычаги власти.

– Никакие рычаги не кажутся огромными, пока за вашей спиной маячит фигура Тучкова, – усмехнулся Юрьев. – А за Глазыревым, я уже сказал, что прослежу. К тому же ему сейчас будет не до Центробанка. Вернее Центробанк сейчас на какое-то время выпадет из активной работы, потому что надо будет срочно проводить его ревизию. Я не могу управлять Кабмином, не зная доподлинно, что лежит в его закромах. А за это время присмотрюсь к своему ставленнику. А вы ко мне.

– А что делать с обменным курсом? Ведь вы понимаете, что сейчас все бросятся скупать валюту.

– Да и пускай, – опять беспечно отмахнулся Юрьев от опасений Афанасьева. – Ставку рефинансирования мы пока заморозим. А уж, по какой ставке менять рубли на валюту банки и сами могут устанавливать. Да и сколько этой валюты у населения попрятано по заглазникам? Основное количество денежной массы, припрятанное под подушкой, вытряс 2014-й год и декабрьские скачки на бирже. Здесь большую опасность приобретает желание юриц обменять вывести валюту в офшоры. Но для регулирования этого процесса и существуют административные рычаги, – невольно подмигнул он руководителю хунты. – Мы, тем самым, еще одного зайца укокошим.

– Каким образом?

– Банки, пользуясь завышенным курсом «зеленого» быстро растрясут свои валютные запасы, а потом за валютой придут к нам – в Центробанк. Тут-то мы их к ногтю и прижмем.

– Да, вы, милейший Борис Иванович, как я погляжу, еще тот гусь лапчатый?! Прямо биржевой воротила какой-то! – удивленно произнес Афанасьев, еще раз радуясь, что заполучил такого премьера.

– С волками жить, – неопределенно хмыкнул тот.

– Хорошо. Тогда так. Сегодня вы занимаетесь своей декларацией, а завтра, как придете в себя после головомойки, готовьте программу и свои обоснования для Высшего Совета. А там уж как получится. В любом случае пост Министра обороны останется за вами.

Так за разговором и не заметили, как подоברались к первоначальной точке остановки. Остановились на противоположной стороне от здания МИДа. Рудов, вылезая из машины перед тем как закрыть за собой дверь сообщил:

– Ну, Валерий Василич, спасибо, что не бросил, хорошо сегодня покатались. Завтра-то навряд встретимся. Буду работать по твоим поручениям в первой половине дня, а потом, как время останется, то в банк заеду. Тоже раскошеливаться надо.

– Я буду на связи, если что, – ответил Афанасьев на прощанье, пожимая руку Сергею Ивановичу.

Пока ехали до Комсомольского проезда, где проживал Юрьев, разговаривали о малозначащих вещах – поругали современную молодежь, похвалили себя в молодости, пожаловались на старческие недомогания, в общем, поговорили о том, о чем обычно говорят уже пожилые мужчины. Высадив Юрьева почти у подъезда, двинулись к конечному маршруту – на Ефремова 17.

Уже подъезжая к дому, Афанасьев глубокомысленно почесав в затылке взял Трубку мобильного:

– Настюх, мы минут через пять подъедем, так что ставь чайник, да собери чего-нить на стол. И, да, будешь собирать, имей в виду, что нас будет четверо. С кем буду? Увидишь. Ну, давай, пока.

Немного подумал и обратился к Кондратьичу:

– Аверьян Кондратьич, ты только не принимай близко к

сердцу, а я тебе так скажу...

– Ну-ну, – сразу насторожился водитель, чуя недоброе.

– Это до вчерашнего дня у меня работа была в основном кабинетная, а сейчас видишь, дело уже к ночи, а я только-только освободился. И так теперь будет, видимо, еще долго. И даже в выходные.

– Увольняешь, стало быть? – понял недосказанное Афанасьевым водитель и надулся.

– Да куда я от тебя денусь, Кондратьич?! Мы же с тобой старики. Это я к тому говорю, что надобно тебе сменщика искать где-то, не то тебя так надолго не хватит, а я еще хочу с тобой поездить. Да и «Аурус» сам говоришь осваивать надобно.

– Оно, конечно, прав ты, Василич, – задумчиво проговорил он. – Вот разве что с Андрюхой – старшим моим поговорить? Это тот с кем мы сегодня мебелишку твою таскали. Человек свой, надежный, проверенный. Работает тоже в нашем ведомстве, то бишь в кремлевском гараже. Только он там автомехаником служит. Как раз «Аурусом» и занимался в 18-м годе.

– Ну, если уж ты сам рекомендуешь, то значит и вправду надежный человек. Ты плохого не посоветуешь.

В ответ на такую лесть старик заулыбался, как будто его наградили почетной грамотой.

– Тогда давай сделаем так, – предложил Афанасьев, – мы в воскресенье как раз будем новоселье отмечать, вот ты и

приходи вместе с сыном на погляд. Посидим. Потолкуем за жизнь.

– Спасибо, Василич! Раз зовешь, то прибудем непременно, – продолжал улыбаться Кондратыч.

Подъехали к дому.

– Борисыч, – обратился Афанасьев уже к Михайлову, – ты вот что. Давай-ка печать сюда. Нечего тебе с ней по ночной Москве шастать. Не игрушка. А завтра с утра и отвезем ее ко мне в сейф. Сегодня хочу поспать – вымотался с утра. Завтра к 8.00 подъезжайте за мной. Всего доброго, – сказал он и захлопнул за собой дверь.

– Пойдем, Петр Михайлович, – обратился он, к стоящему рядом Вальронду.

Войдя в парадную и пройдя мимо поста охраны, где встал на вытяжку молодой лейтенант, они поднялись на второй этаж. Вальронд уже хотел было, как обычно, расположиться на лестничной клетке, где в нише стены был оборудован пост для носителей «ядерного чемоданчика», но Афанасьев, взяв его под локоть, увлек за собой. Позвонил в дверь. Анастасия, тут же открыла, будто стояла у дверей в ожидании.

– Ну, наконец-то! – воскликнула дочь, пропуская мужчин в прихожую. – Здравствуйте, Петр Михайлович!

– Здравствуйте, Анастасия Валерьевна! – засмутившись от того, что его толкают в спину и что помнят его имя и отчество поздоровался он в ответ милостивой женщине. – Неужели вы помните мое имя?

– Я помню имена всех, кто работает близко с отцом, – заделась в свою очередь она.

– Проходи-проходи, Михалыч, – в очередной раз подтолкнул Афанасьев так ничего и не понимающего кавторанга.

На недоумевающий взгляд «тени», Верховный отведя глаза в сторону, проронил негромко:

– Снимай свои наручники, да иди руки мой. Нечего тебе по лестницам шарахаться, когда у нас тут пять комнат. В гостиной стоит большой диван, хоть выспишься по-человечески.

И уже дочери, суетившейся на кухне:

– Настена, на стол мечи, все, что есть в печи! Костя то где?

– Девушку знакомую пошел провожать, – отозвалась она с кухни. – Я уж не стала мешать. Взрослый. Обидится. Обещал скоро прийти.

Вот так и закончился для генерала Афанасьева второй день на царствии. А сколько их еще впереди?

Продолжение следует

г. Новокуйбышевск

22.02.2021 г.